ИЗ НАСЛЕДИЯ МИРОВОЙ СОЦИОЛОГИИ

Г. Тард

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЕМЬИ И СОБСТВЕННОСТИ

С ПРИБАВЛЕНИЕМ ОЧЕРКА

Л. Е. ОБОЛЕНСКОГО:

О происхождении семьи и собственности по теории эволюционистов и экономических материалистов

Перевод с французского

Издание второе

URSS

МОСКВА

ББК 60.5 87.3 87.6

Тард Габриэль

Происхождение семьи и собственности: С прибавлением очерка Л. Е. Оболенского. / Пер. с фр. Изд. 2-е. — М.: Издательство ЛКИ, 2007. — 152 с. (Из наследия мировой социологии.)

Настоящая книга представляет собой часть большого труда известного французского философа и юриста Габриэля Тарда (1843–1904) «Преобразование права». Автор разбирает и критикует следующее положение в теории эволюции общества — будто бы все процессы, все пути развития «рас, племен и индивидуумов» обязательны для всех. Естественно, определенное сходство, общее для всех антропологическое ядро, присутствует. Но, по мнению Г. Тарда, «человеческая история или прогресс совершается не по одному какому-либо пути или линии, а по тысячам путей, по тысячам попыток приспособить среду к себе или приспособиться к ней».

Книга будет полезна для социологов, философов, историков, а также для всех, кто интересуется вопросами общественного развития.

Издательство выражает глубокую признательность Илье Никифорову, который предоставил для переиздания раритетные книги из своей личной библиотеки. Эти издания, сохранившие свою актуальность, стали библиографической редкостью.

Настоящая книга была предложена к изданию Ильей Никифоровым.

Издательство ЛКИ. 117312, г. Москва, пр-т 60-летия Октября, 9.
Формат 60×90/16. Печ. л. 9,5. Зак. № 869.
Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД». 117312, г. Москва, пр-т 60-летия Октября, д. 11А, стр. 11.

ISBN 978–5–382–00048–0

© Издательство ЛКИ, 2007

Происхожденіе семьи и собственности по теоріи эволюціонистовъ и экономическихъ матеріалистовъ.

КРИТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ
Л. Е. Оболенскаго.

Въ послѣднее время, среди русской интеллигенціи и молодежи, пользуется довольно широкими симпатіями теорія, такъ называемаго, «экономическаго матеріализма», которая унаслѣдовала мѣсто, занятое еще недавно эволюціонной теоріей Спенсера и его школы. И въ той, и въ другой теоріи есть кое-что общее, есть элементы и враждебные другъ другу. Общее у обѣихъ то, что онѣ придаютъ наибольшее значеніе въ развитіи общества и человѣчества не силамъ самаго человѣка, а независимому отъ личности процессу развитія или эволюціи. Правда, основатели и той, и другой теоріи, т. е. съ одной стороны Марксъ (и самый видный изъ его послѣдователей—Энгельсъ), а съ другой—Спенсеръ никогда не доводили до крайности своихъ основныхъ поло-

женій, допускали въ нихъ исключенія, допускали значеніе и другихъ факторовъ прогресса, кромѣ механическаго, непреложнаго закона природы (у эволюціонистовъ) и столь-же безсознательнаго процесса экономическаго (у экономическихъ матеріалистовъ). Но зато ихъ послѣдователи и, въ особенности, второстепенные,—подъ вліяніемъ догматизма и увлеченія, свойственнаго всякому сектантству, обратили научныя гипотезы своихъ учителей во что-то, напоминающее религіозное «credo ad absurdum». Такая узкая постановка задачи философіи исторіи и соціологіи оттолкнула отъ нихъ самыхъ серьезныхъ и научно-просвѣщенныхъ въ широкомъ смыслѣ слова—эволюціонистовъ и марксистовъ. Дѣло въ томъ, что какъ въ эволюціонной теоріи Спенсера, такъ и въ теоріи Маркса—о зависимости историческихъ явленій отъ экономическихъ—очень много вѣрнаго, подтверждаемаго исторіей: дѣйствительно, человѣчество не всегда совершаетъ свой прогрессъ путемъ сознательно разумнымъ; огромную роль въ немъ играетъ чувство и аффекты, страсти, настроенія и рефлексы, тѣсно связанныя съ условіями окружающей природы, соціальной и экономической среды. Но въ основѣ даже и такихъ явленій исторіи лежало, хотя и безсознательное, и не разумное, и смутное, но все-же антропологическое стремленіе къ благу человѣка. По этому, въ процессѣ эволюціи замѣчается не только приспособленіе человѣка къ внѣшней средѣ, но и приспособленіе этой среды или ея законовъ къ человѣческимъ потребностямъ. Это-то стремленіе, измѣняющееся съ различіемъ условій внѣшнихъ и внутреннихъ, т. е. характера племенъ

расъ, индивидуумовъ, дѣлаетъ то, что человѣческая исторія или прогрессъ совершается не по одному какому либо пути или линіи (ошибочно называемому «закономъ исторіи»), а по тысячамъ путей, по тысячамъ попытокъ приспособить среду къ себѣ или приспособиться къ ней.

Естественно, что, кромѣ разнообразія у расъ, племенъ и индивидуумовъ, есть и сходства между ними, т. е. есть общее у всѣхъ антропологическое ядро. Отсюда понятно, почему, не смотря на разнообразіе путей развитія, въ нихъ должно быть и кое что общее. Но считать всѣ процессы, всѣ пути, обязательными для всѣхъ, или даже одинъ какой-нибудь путь—неизбѣжнымъ для всѣхъ, конечно, грубая ошибка и противъ исторіи, и противъ науки вообще. Эту-то грубую ошибку и разбираетъ извѣстный французскій философъ и ученый юристъ Тардъ, въ своемъ соч. „Les transformations du droit“ («Преобразованія права»). Хотя его разборъ имѣетъ въ виду главнымъ образомъ «спенсеровыхъ дѣтей» (говоря словами одного нашего извѣстнаго критика), тѣмъ не менѣе онъ относится косвенно и къ крайностямъ экономическаго матеріализма, почему и переводъ двухъ наиболѣе общедоступныхъ и интересныхъ главъ этого сочиненія, о происхожденіи семьи и собственности, теперь—кстати.

Но Тардъ касается, какъ я сказалъ, только эволюціонистовъ, поэтому я дополняю его главы нижеслѣдующимъ очеркомъ и другихъ взглядовъ того-же общаго направленія.—Начать мнѣ придется съ Бахофена, который въ 1861 г. издалъ соч. „Материнское право“, надъ которымъ работалъ сорокъ лѣтъ. Онъ

опирается, главнымъ образомъ, на изученіе древнеклассическихъ литературъ и религіозныхъ миѳовъ. Бахофенъ выставляетъ слѣдующія положенія: 1) въ первобытномъ состояніи люди жили, не имѣя понятія о бракѣ въ современномъ смыслѣ. Половое общеніе между ними не было ничѣмъ ограничено. Такое состояніе Бахофенъ назвалъ словомъ «гетеризмъ», отъ греческаго слова „гетера", которое вошло въ употребленіе и у насъ. Какъ совершено справедливо замѣчаетъ Энгельсъ въ своей книгѣ «О происхожденіи семьи и частной собственности», названіе это весьма неудачно и не соотвѣтствуетъ тому понятію о первобытномъ бракѣ, которое развивается самимъ-же Бахофеномъ. Гетерами назывались въ древней Греціи женщины, неимѣвшія мужей и сдѣлавшія своей *профессіей* пріемъ мужчинъ (безразлично—холостыхъ или женатыхъ). Въ первобытномъ обществѣ, по словамъ самаго Бахофена, дѣло было вовсе не въ томъ, что существовала такая профессія и такія профессіональныя женщины на ряду съ бракомъ. Дѣло было въ томъ, что не существовало ни браковъ, ни женъ, ни мужей, а были будто-бы совершенно свободныя отношенія,—какъ у нѣкоторыхъ животныхъ. 2-е положеніе Бахофена состояло въ томъ, что вышеописанное отношеніе половъ устраняло всякую возможность опредѣлить, отъ какого именно отца происходили дѣти, появившіяся у женщины. Поэтому родъ или принадлежность дѣтей могли считаться *только по матери*. По той же причинѣ на дѣтей и на всѣ отношенія къ нимъ у отцовъ не могло быть никакого права, а были только права матери или «материнскія права» (Mutterrecht).

Я уже сказалъ, что Бахофенъ утверждалъ существованіе такихъ отношеній и правъ у всѣхъ первобытныхъ народовъ, т. е. въ началѣ всего человѣчества.

Изъ этихъ первыхъ положеній вытекало дальнѣйшее, 3-е, состоявшее въ томъ, что въ первобытномъ состояніи, женщины должны были занимать высшее положеніе: вѣдь, молодое поколѣніе не знало своихъ отцовъ; понятно, что, зная только матерей, оно должно было оказывать имъ величайшее уваженіе и почетъ; но за молодымъ поколѣніемъ должно было явиться то же отношеніе и у всего общества, такъ что женщинамъ принадлежало въ то время владычество надъ мужчинами (гинекократія). Однимъ словомъ, первобытное человѣчество оказывалось «царствомъ женщинъ» нѣкоторымъ подобіемъ опереточнаго «Зеленаго острова» или миѳа объ амазонкахъ. Понятно, почему теорія не имѣла успѣха: съ перваго взгляда бросалась въ глаза неестественность такаго представленія, когда припоминали, что первобытныя эпохи были эпохами постоянныхъ внѣшнихъ опасностей и войнъ, требовавшихъ физической силы для огражденія себя и общества отъ гибели. Конечно роль общественныхъ защитниковъ не могла исполняться женщинами уже потому, что самая физіологическая необходимость быть матерью, ходить долгое время съ ребенкомъ подъ сердцемъ, дѣлали ее плохимъ воиномъ или лишали временно всякой возможности быть имъ. Отсюда казалось очевиднымъ, что сила, а слѣдовательно и власть должны были находиться въ рукахъ мужчинъ всего больше именно въ первобытныя времена, когда нельзя предположить другихъ, болѣе благородныхъ мотивовъ

могущихъ выдвинуть женщину на высоту, о какой думаетъ Бахофенъ.

Наконецъ, 4-е положеніе этого автора состояло въ томъ, что, когда такое состояніе стало переходить въ единобрачіе, т. е. въ принадлежность женщины одному мужу, то это должно было считаться тогдашнимъ обществомъ преступленіемъ или грѣхомъ противъ религіознаго закона, наприм., подобно тому, какъ завладѣніе какимъ либо однимъ лицомъ общинной землей или частью ея.

Этимъ Бахофенъ объяснялъ существованіе у нѣкоторыхъ народовъ, уже имѣвшихъ единобрачіе, обычая, по которому женщина должна была временно отдаваться другимъ согражданамъ своего мужа. Бахофенъ видѣлъ въ этомъ, такъ сказать, искупительную жертву за грѣхъ единобрачія и за право на цѣломудріе. Внутреннюю подкладку перемѣнъ и переходовъ отъ первобытнаго брака къ единобрачію Бахофенъ видитъ въ измѣненіи *религіозныхъ взглядовъ*. Такъ, напримѣръ, для доказательства своей теоріи, онъ приводитъ повѣствованіе, находимое (въ драматической формѣ) у Эсхила о Клитемнестрѣ, которая ради любовника убила своего мужа, за что ей мститъ сынъ ея и убитаго отца, Орестъ, убивающій Клитемнестру; послѣ этого боги судятъ Ореста за убійство матери, и въ концѣ концовъ, передавъ вопросъ на обсужденіе народа, оправдываютъ Ореста.

Въ этомъ приговорѣ Бахоферъ видитъ возникающую побѣду отцовскаго права надъ древнимъ материнствомъ.

Можно ли совершенно отрицать всякое значеніе за трудомъ Бахофена? Конечно, нѣтъ. Ошибка

Бахофена, какъ и многихъ другихъ изслѣдователей, продолжавшихъ идти по тому же пути, состоитъ въ томъ, что они *частное* явленіе напримѣръ, бывшее у грековъ, или найденное у какихъ либо дикихъ племенъ, обобщаютъ на все человѣчество, видятъ въ этомъ всеобщій, необходимый законъ эволюціи,—семьи и брака. Это-то обобщеніе,—какъ убѣдятся читатели, ознакомившись съ работой Тарда,—не только ни на чемъ не основано, но имѣетъ противъ себя множество фактовъ, показывающихъ, наоборотъ, что бракъ и его формы могли развиваться совершенно иначе, начинаться вовсе не такъ.

Второй, еще болѣе важной ошибкой изслѣдователей первобытныхъ народовъ является совершенно произвольное убѣжденіе ихъ въ томъ, что открытый ими фактъ или факты суть явленія *первобытныя*, первичныя, отъ которыхъ и пошло все, какъ отъ начала и источника. Напримѣръ, если и согласиться съ тѣмъ что положенія Бахофена вѣрны относительно греческой древности, то это вовсе не доказываетъ, что эта древность была первобытна. Наоборотъ, смѣшеніе половъ, безбрачныя отношенія мужчинъ и женщинъ могли быть продуктомъ долгаго процесса древней культуры. Мы видимъ, напримѣръ, въ современномъ Парижѣ или Америкѣ весьма свободное отношеніе половъ, хотя и не всегда гласное. Но мы знаемъ, что ему, наоборотъ, предшествовалъ самое строгое единобрачіе. Вообразите себѣ на минуту, что тысячу лѣтъ спустя, были бы открыты подъ развалинами Парижа только тѣ памятники современной литературы, которыя рисуютъ нравы даннаго момента. Имѣлъ ли бы право будущій историкъ сдѣлать за-

ключеніе: 1) что таково было состояніе всего человѣчества нашей эпохи, и 2) что эта эпоха была примитивная, такъ какъ нѣтъ слѣдовъ иного, болѣе ранняго состоянія вещей? Конечно, нѣтъ. Мой гипотетическій случай можетъ показаться малоосновательнымъ потому, что трудно себѣ представить открытіе черезъ тысячу лѣтъ какихъ либо однихъ памятниковъ литературы и уничтоженіе другихъ. Но относительно глубокой древности, когда еще не было никакихъ литературныхъ памятниковъ, и когда мы можемъ судить о нравахъ далекаго прошлаго только по намекамъ и остаткамъ въ языкѣ, нравахъ и правѣ болѣе новаго прошлаго, весьма естественно, если болѣе древнія эпохи совсѣмъ затерились.

Заслуга Бахофена, какъ справедливо говоритъ Энгельсъ, состояла въ доказательствѣ того: 1) что классическая литература сохранила намъ во множествѣ слѣды дѣйствительнаго существованія у грековъ и азіатовъ (до единобрачія) такого состоянія, когда не только одинъ мужъ, не переступая обычая, имѣлъ половое общеніе со многими женщинами, но и жена со многими мужьями; 2) что этотъ обычай не исчезъ, а оставилъ слѣды въ опредѣленной платѣ, при помощи которой женщины должны были покупать право на единобрачіе, и. т. д., то есть, все то, что мы видѣли выше.

Но повторяю, все это было показано только относительно небольшаго уголка человѣчества и, конечно, безъ доказательства того, что и въ этомъ уголкѣ подобный фактъ былъ примитивнымъ. Однако, послѣдующія изъисканія другихъ лицъ показали, что въ открытіяхъ Бахофена лежатъ зародыши

болѣе общихъ истинъ, чѣмъ казалось на первый взглядъ.

Слѣдующимъ крупнымъ и выдающимся изслѣдователемъ вопроса о примитивной семьѣ былъ Макъ Ленанъ, выступившій въ 1865 г. Его изслѣдованія распространяются на обычаи и нравы многихъ народовъ дикихъ, варварскихъ и цивилизованыхъ, стараго и новаго свѣта. У многихъ изъ нихъ, онъ нашелъ обычай,—хорошо извѣстный и намъ русскимъ,—въ силу котораго женихъ долженъ былъ *дѣлать видъ*, что похищаетъ свою невѣсту у родителей.

Макъ Ленанъ приходитъ на основаніи этого обычая къ выводу, что было время, когда мужья одного племени действительно похищали себѣ женъ изъ другихъ племенъ.

Возникла же эта необходимость вѣроятно отъ недостатка женъ въ собственномъ племени. Далѣе Макъ Ленанъ сдѣлалъ еще болѣе рѣшительный выводъ: замѣтивъ, что есть группы, гдѣ запрещено жениться на дѣвушкахъ собственнаго племени, а дѣвушкамъ дозволяется выходить за мужъ только за жениховъ—чужаковъ, онъ сдѣлалъ выводъ, что есть два рода „племенъ“ одни *экзогамныя*, (берущія женъ извнѣ) и другія *эндогамныя*, женящіяся только на своихъ.

Но такъ какъ въ древнія времена существовалъ обычай убивать родившихся дѣвочекъ, то, по мнѣнію Макъ Ленана, этотъ обычай и слѣдуетъ считать причиной, во 1-хъ, экзогаміи, а, во 2-хъ, многомужества въ тѣхъ племенахъ, гдѣ была эндогамія,

то есть, за недостаткомъ женщинъ приходилось одному мужчинѣ жить съ нѣсколькими женщинами.

Въ результатѣ же и получалось то, что мы видѣли у Бахофена, т. е. необходимость вести родство по матери etc.

Надо замѣтить, что самъ Макъ Ленанъ видѣлъ, что его теоріи противорѣчатъ многіе факты: напр., искусственное «умыканіе» невѣстъ яснѣе всего существуетъ у тѣхъ народовъ, гдѣ господствуетъ *мужское* родство, а систематическаго убиванія дѣвочекъ не замѣчается тамъ, гдѣ существуетъ и экзогамія, и происхожденіе по женской линіи. Къ этому добавимъ, что Макъ Ленанъ принималъ только три формы брака: многоженство, многомужество и единобрачіе, но новые и новые факты значительно расширили эту старую классификацію. Напримѣръ скоро оказалось, что былъ бракъ *группами*, т. е. извѣстное, опредѣленное число мужчинъ владѣло извѣстнымъ, опредѣленнымъ числомъ женщинъ.

Эта форма брака прослѣжена извѣстнымъ изслѣдователемъ культуры Джономъ Леббокомъ *). Но наи-

*) Остатокъ такого обычая можно наблюдать въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сѣверной Россіи, гдѣ всѣ дѣвушки одной деревни считаются принадлежащими всѣмъ парнямъ той же деревни. Житель сосѣдней деревни подвергается большей опасности, если попробуетъ не только завязать сношенія съ одной изъ этихъ дѣвушекъ, но и принять участіе въ общихъ играхъ. Для этого онъ долженъ просить разрѣшенія у парней и угостить ихъ. Не знаю существуетъ ли этотъ обычай во всѣхъ русскихъ губерніяхъ Но тамъ, гдѣ я его наблюдалъ, онъ очевидный остатокъ «групповаго» или деревенскаго брака, сохранившійся только для неженатыхъ и незамужнихъ, тогда какъ замужнія и женатые къ

болѣе крупнымъ изслѣдователемъ послѣ Бахофена и Макъ Ленана считается *Морганъ*, американецъ, житель Рочестера, имѣвшій возможность собрать значительный матеріалъ среди американскихъ туземцевъ, чему помогало само правительство Соединенныхъ Штатовъ *). Морганъ выдвинулъ впередъ именно групповый бракъ, о которомъ мы упомянули выше. Онъ нашелъ, что эта форма существовала не только у всѣхъ американскихъ туземцевъ, но можетъ быть найдена въ Азіи, Африкѣ, Австраліи и т. д., то-есть, составляетъ какъ бы явленіе всеобщее, сопровождаемое и особой формой родства. Первый трудъ Моргана явился черезъ годъ послѣ труда Леббока, а именно въ 1871 году, а уже черезъ 6 лѣтъ, онъ издалъ новую работу («Ancient Society»), въ которой старается окончательно разбить теорію Макъ Ленана объ экзагомическихъ «племенахъ», (т. е. берущихъ себѣ женъ непремѣнно изъ чужаго племени), дока-

нему совершенно непричастны и держатся строгаго единобрачія Что эта форма отношеній не является результатомъ вліянія города и вносимаго имъ развращенія, видно изъ того, что вліяніе городскаго разврата сказывается совершенно иначе и представляется отчасти подчиненнымъ этому обычаю, отчасти же обычаемъ, противящимся ему. Говоря точно, здѣсь является одна изъ формъ групповаго брака,—эндогамная, а нѣтъ экзогамной существующей напр. у австралійскихъ негровъ Гамбира, гдѣ племя дѣлится на двѣ части и всѣ женщины одной части принадлежатъ мужчинамъ другой и наоборотъ; внутри же этихъ частей бракъ воспрещенъ. Этотъ вопросъ я далѣе разсмотрю въ текстѣ болѣе подробно.

*) Морганъ самъ жилъ среди нѣкоторыхъ американскихъ племенъ и даже былъ усыновленъ однимъ изъ нихъ.

зывая, что такихъ племенъ нигдѣ не оказалось. Вмѣсто этой теоріи, противополагавшей эндогамныя племена экзогамнымъ, Морганъ развивалъ слѣдующій взглядъ: во время существованія «групповаго» брака, выходило само собою, что одно и тоже племя разбивалось само на группы кровныхъ родственниковъ, считавшихся таковыми по *матери*. Внутри этихъ-то группъ могло существовать запрещеніе брака (какъ кровосмѣшеніе) съ лицами той же группы; такимъ образомъ экзогамными могли быть только эти группы, а не цѣлое племя.

Идя дальше по этому пути, Морганъ объяснялъ изъ того-же групповаго брака происхожденіе «рода» въ томъ видѣ, какъ мы находимъ его у античныхъ народовъ, съ его остатками организаціи по материнскому праву.

Энгельсъ въ своей книгѣ, упомянутой выше, держится взглядовъ Моргана, дополняя ихъ своими собственными соображеніями. Такъ, по его мнѣнію, представленіе о томъ, что женщина въ началѣ общества была рабой мужчины, есть одно изъ безсмысленнѣйшихъ представленій XVIII вѣка. Этотъ взглядъ онъ основываетъ на нѣкоторыхъ фактахъ исключительнаго положенія женщинъ у дикарей и варваровъ, считая такое явленіе *всеобщимъ*. Такъ какъ этотъ пунктъ прекрасно разобранъ и опровергнутъ Тардомъ далѣе,—по поводу такихъ-же взглядовъ другихъ теоретиковъ-эволюціонистовъ,—то я здѣсь и оставлю его безъ возраженія. Упомяну только о ссылкѣ Энгельса на слова миссіонера Артура Райта, который говоритъ о племени сенека-ирокезовъ: «что касается ихъ семей, въ то время, когда они

еще жили въ прежнихъ длинныхъ домахъ (коммунистическія хозяйства нѣсколькихъ семей), то у нихъ всегда существовалъ кланъ (т. е. родъ), такъ что жены брали своихъ мужей изъ чужихъ клановъ. Обыкновенно въ домѣ господствовали женщины; припасы были общіе; но бѣда тому несчастному мужу или любовнику, который слишкомъ лѣнивъ или неловокъ, чтобы доставлять свою долю припасовъ. Сколько бы у него не было дѣтей и имущества въ домѣ, онъ ежеминутно могъ ожидать приказанія забрать всѣ свои пожитки и удалиться въ собственный кланъ, или вступить въ бракъ въ другомъ кланѣ. Женщины были силой внутри клановъ да и вездѣ; при случаѣ, онѣ не задумывались смѣщать начальника и переводить его въ разрядъ простыхъ воиновъ.»

Все это, конечно, можетъ быть у сенека-ирокезовъ, но дѣлать отсюда выводъ о всеобщности такого явленія, конечно, болѣе чѣмъ странно. Вѣдь существуютъ и факты совершенно противоположеные, когда, напримѣръ дикарь-мужъ, отправляясь на охоту, беретъ съ собой жену, какъ вьючный скотъ для несенія своихъ вещей, а дорогой, проголодавшись, вырѣзываетъ у нея изъ тѣла куски мяса и тутъ же жаритъ для своего обѣда на кострѣ, который она заранѣе приготовила (Гербертъ Спенсеръ). Однако у Энгельса есть основанія считать отношенія между полами у американцевъ индѣйцевъ очень древними, хотя и несовершенно первобытными. Для этого мы должны ближе познакомиться съ теоріей его и Моргана. По Моргану и Энгельсу, *первой ступенью семьи была семья, основанная на кровномъ родствѣ*. Здѣсь группы супруговъ раздѣ-

лены по поколѣніямъ. *Всѣ* дѣды и бабки въ предѣлахъ семьи считаются между собою мужьями и женами, также ихъ дѣти, т. е. отцы и матери; дѣти же послѣднихъ входятъ въ третій кругъ общихъ супруговъ, а ихъ дѣти (или правнуки первыхъ) въ четвертый: тутъ всѣ братья и сестры были мужьями и женами.

Самъ Морганъ говоритъ, что теперь эта форма *нигдѣ не сохранилась*, но признать то, что она существовала, заставляетъ господствующая еще теперь во всей Полинезіи гавайская *система родства*, выражающая родственныя отношенія, которыя могутъ произойти лишь при этой формѣ семьи. Эта система родства состоитъ въ томъ, что на Гаваи, всѣ дѣти 'братьевъ и сестеръ безъ исключенія считаются между собою братьями и сестрами, т. е. общими дѣтьми не только своей матери и ея сестеръ, или своего отца и его братьевъ, но всѣхъ безразлично братьевъ и сестеръ своихъ родителей. Замѣтимъ для ясности, что въ Гаваи уже нѣтъ de facto такой формы брачныхъ отношеній, а осталось только соотвѣтствующее ей *родство*. Наоборотъ, дѣйствительно существующая форма брака тамъ напоминаетъ теперь такую, какую мы находимъ въ Америкѣ у ирокезовъ, но опять таки находимъ не de facto, а также въ *системѣ родства*. De facto, у нихъ существовало въ то время, когда Морганъ изслѣдовалъ ихъ отношенія,—бракъ «парный», т. е. одиночный, но отличающійся отъ настоящаго единобрачія легкостью, съ какой онъ можетъ быть расторгаемъ. Нѣчто подобное мы имѣемъ въ русскомъ «самокрутствѣ» у крестьянъ старообрядцевъ Варнавинскаго уѣзда, Костромской губерніи, а быть можетъ и въ другихъ мѣстахъ. Но, повторяю, это былъ лишь фактическій бракъ ирокезовъ (въ 60 и 70 годахъ нашего столѣтія). Между тѣмъ, формы родства не соотвѣтствуютъ у нихъ этой фактической формѣ брака и потому заставляютъ предполагать, что раньше у нихъ былъ бракъ иной, соотвѣтствующій этимъ формамъ родства, а въ то же время и фактическому браку таитянъ.

Въ чемъ же состояли эти формы родства? Ирокезъ хотя и отлично *знаетъ* (вслѣдствіи «парной семьи») отца и мать тѣхъ или другихъ дѣтей, какъ и дѣти отлично знаютъ, кто именно ихъ отецъ и мать, но *называютъ* они своими дѣтьми не только своихъ *настоящихъ* дѣтей, но мужчины—всѣхъ дѣтей своихъ братьевъ, а эти послѣдніе всѣ называютъ отцами всѣхъ братьевъ своего отца; дѣтей же своихъ *сестеръ* ирокезы мужчины называютъ своими племянниками, а тѣ зовутъ ихъ дядями; наоборотъ, ирокезка называютъ своими сыновьями и дочерями дѣтей своихъ сестеръ (а не братьевъ), и эти дѣти зовутъ матерьми всѣхъ сестеръ своихъ матерей. Дѣтей же братьевъ ирокезка называетъ племянниками, а тѣ зовутъ теткой какъ ее, такъ и всѣхъ ея сестеръ. Понятно, что дѣти двухъ братьевъ, по этой системѣ, зовутъ другъ друга братьями; точно также и дѣти двухъ сестеръ. Но дѣти сестры и дѣти брата называются двоюродными братьями.

Эта *система родства* существуетъ не у однихъ американскихъ индѣйцевъ, но и у нѣкоторыхъ жителей Индіи. Какъ же объяснить появленіе такой странной формы родства? Мы уже видѣли, какъ объяс-

няетъ это явленіе Морганъ, а за нимъ и Энгельсъ: въ Гаваи существуетъ именно такой бракъ de facto: нѣсколько сестеръ болѣе или менѣе близкихъ по родству (т. е. родныя, двоюродныя, троюродныя) были *общими* женами нѣсколькихъ мужей, но только не братьевъ своихъ. Братья, наоборотъ, исключались изъ такого брака. И эти мужья уже не называли другъ друга братьями, а «паналуа» т. е. товарищами. Съ другой стороны, группа единоутробныхъ или болѣе или менѣе близкихъ по родству «братьевъ» вступала въ такой же общій бракъ съ группой другихъ женщинъ, но только не сестеръ своихъ.

И эти женщины также не называли себя сестрами, а *паналуа*. Теперь вамъ понятно, какимъ образомъ въ Америкѣ могла образоваться та система родства, о которой мы говорили выше: можно предположить, что тамъ раньше былъ такой же Таитянскій бракъ, при которомъ, хотя и женились группами, состоящими изъ сестеръ и братьевъ, но не такъ, чтобы группа сестеръ выходила за группу братьевъ, а непремѣнно такъ, что группа сестеръ имѣла группу не родственныхъ мужей, и группа братьевъ — не родственныхъ женъ. Но если это вѣрно, то выходитъ слѣдующій порядокъ въ развитіи формъ семьи; начнемъ, такъ сказать, съ конца. чтобы придти къ началу:

1) Теперь: у американскихъ ирокезовъ: дѣйствительный бракъ *парный*:

Система же родства: бракъ паналуа (т. е., группы братьевъ и сестеръ, сходящихся съ чужими, но не другъ съ другомъ).

2) Теперь у Таитянъ дѣйствительный бракъ: паналуа.

Система же родства: общій *кровный* бракъ, то есть, группы братьевъ женятся на группѣ сестеръ.

Отсюда-то и очевидно, что древнейшей формой брака должна считаться форма *кровнаго брака* (конечно групповаго), которая нигдѣ не сохранилась de facto, но уцѣлѣла въ системѣ родства, очевидно оставшейся отъ предъидущей формы брака. Она должна была перейдти въ бракъ «паналуа», т. е. устранявшій кровосмѣшеніе. Это очевидно изъ того, какъ мы видѣли, что у таитянъ дѣйствительный бракъ есть *паналуа*, тогда какъ формы родства остались отъ *кровнаго* брака. Далѣе за «паналуа» долженъ слѣдовать «парный бракъ»: это доказывается тѣмъ, что у американскихъ индѣйцевъ форма родства еще по браку «паналуа», тогда какъ фактически уже развитъ бракъ парный.

Съ перваго взгляда доказательства Моргана кажутся поразительными и неоспоримыми: чувствуешь, что иначе не могло быть, какъ именно такъ. Но, затѣмъ, становится ясной та истина, о которой я уже сказалъ выше: да, такъ должно было быть *тамъ, гдѣ найдены вышеупомянутыя формы* браковъ и родства; но это не доказываетъ, что тотъ же порядокъ и формы были *у всего человѣчества*. Это—только эмпирическое обобщеніе, эмпирическая индукція отъ частнаго къ общему, но не законъ. Что-бы эта гипотеза стала закономъ, необходимо доказать, что иначе быть не могло т. е. такія формы требовались общей сущностью природы человѣка и внѣшнихъ условій, гдѣ бы таковыя не были. А этого доказано не было. Точно

также нѣтъ доказательствъ того, что кровный бракъ есть самая первая и древняя форма брака, съ которой онъ начался. Можно сказать что мы не открыли еще болѣе древней формы, мы не знаемъ ея. Но чтобы это состояніе сдѣлать закономъ, необходимо опять таки доказать, что среди первобытныхъ людей не могла явиться никакая иная форма брака при какихъ либо иныхъ внѣшнихъ условіяхъ, чѣмъ была у таитянъ и американскихъ прокезовъ

Итакъ, открытіе Моргана замѣчательно, и наука, конечно, чрезвычайно ему обязана; однако, не слѣдуетъ преувеличивать, нельзя считать *всеобщимъ закономъ* того, что еще должно пока считаться *частнымъ случаемъ*. Наука строго должна различать между *закономъ. гипотезой и эмпирическимъ* обобщеніемъ.

Только тогда она способна прогрессировать и идти дальше въ открытіи полной истины. Но разъ мы будемъ считатать эмпирическое обобщеніе или гипотезу *закономъ*, мы не пойдемъ дальше, или во всякомъ случаѣ, замедлимъ на пути, воображая, что уже владѣемъ полной истиной и отъ этого закрывая глаза на многіе факты, которые могутъ ее расширить и показать, что она была только частной истиной, т. е. истиной для даннаго ряда случаевъ и условій.

Правда Морганъ старается дать какъ бы и законъ такого развитія. Онъ говоритъ, что семья паналуальная должна была развиться изъ кровной вслѣдствіе *естественнаго подбора*, т. е. тѣ племена, которыя раньше другихъ воспретили у себя *кровный*, (т. е. кровосмѣсительный) бракъ, должны были

быстро развиться въ смыслѣ силы, потому что кровосмѣшеніе по законамъ біологіи, должно ослаблять потомковъ, и только смѣшеніе разныхъ качествъ даетъ поколѣніе сильнее.

Однимъ словомъ, племена, введшія паналуальный бракъ побѣдили тѣ племена, у которыхъ сохранился бракъ кровный. Послѣдніе или выродились, или были завоеваны и подчинились обычаю завоевателя.

Если исключить возраженіе, что такой «подборъ» требовалъ многихъ поколѣній, то все это весьма вѣроятно и, пожалуй, можетъ считаться закономъ для кровныхъ браковъ вообще. Но это не ведетъ насъ дальше тѣхъ случаевъ, гдѣ бракъ начался именно кровосмѣшеніемъ; а, между тѣмъ, нѣтъ никакого основанія допускать, что именно такъ началось дѣло вездѣ. Чѣмъ это доказано?..

Другое доказательство болѣе вѣско; оно состоитъ въ томъ, что паналуальная семья почти неизбѣжно должна была переходить въ *родъ* подъ главенствомъ женщины, въ томъ видѣ, какъ его нашелъ Бахофенъ у античныхъ народовъ, а потому де мы можемъ думать, что вездѣ гдѣ встрѣчаются слѣды такого «рода», была прежде паналуальная семья, а значитъ и все, что ей предшествовало.

Почему же паналуальная семья легко могла перейти въ «родъ» съ женскимъ главенствомъ? Это доказывается очень остроумно: мы видѣли, что въ паналуальной семьѣ группа женщинъ, считающихся сестрами, выходитъ замужъ за группу мужчинъ, не считающихся братьями, а только «паналуа». Отсюда слѣдуетъ, во 1-хъ, что въ такой обширной групповой семьѣ мы будемъ имѣть тѣсно сплоченную род-

ственную женскую половину и, менѣе сплоченную, *чужую* мужскую половину. Во 2-хъ, въ такой группѣ только женщины могутъ знать и помнить, какой ребенокъ принадлежитъ той или другой изъ нихъ, хотя онѣ и называютъ всѣхъ дѣтей *своими*. Стало быть, родство можетъ считаться только по женской линіи.

Изъ этихъ двухъ элементовъ можетъ сложиться: во 1-хъ, материнское право или родословная по матери и, во 2-хъ, господство женщинъ вообще, а между ними одной болѣе старой, т. е., родъ съ женскимъ главенствомъ (матріархальный родъ).

Въ послѣдствіи была открыта въ Австраліи низшая форма групповаго брака, состоящая въ томъ, что племена дѣлились на классы (иныя на два, другія на четыре) и въ бракъ можно было вступать только съ опредѣленнымъ *другимъ* классомъ, но не въ средѣ своего класса. Тутъ опять видно стремленіе избѣжать кровосмѣшенія, но гораздо менѣе удачное, чѣмъ въ паналуальной семьѣ.

О *парномъ* бракѣ мы уже говорили: форма эта появляется разнообразно; главной-же причиной, вызвавшей ее, можно считать все большее и большее стремленіе воспрещать кровосмѣсительныя отношенія; это повело почти къ невозможности групповыхъ браковъ, такъ какъ при прежней системѣ, родство было въ сотняхъ степеней.

Въ парномъ бракѣ, мужчинѣ остается право многоженства и право измѣнять своей женѣ, но отъ женщины требуется безусловная вѣрность, хотя расторженіе брака свободно и легко.

«Итакъ, развитіе семьи въ первобытной исторіи,

говоритъ Энгельсъ, состоитъ въ постоянномъ съуженіи круга, внутри котораго господствуетъ неограниченное сношеніе между полами—круга, первоначально охватывающаго цѣлое племя».

Вслѣдствіе постепеннаго исключенія сначала болѣе близкихъ, потомъ все болѣе отдаленныхъ родственниковъ, а наконецъ и лицъ, находящихся *только* въ *свойствѣ*, практически становится невозможнымъ всякій видъ *браковъ группами*, и въ заключеніе остается отдѣльная, пока еще слабо связанная пара, какъ «молекула»...

Итакъ, въ сущности, по этой теоріи, весь процессъ эволюціи брака сводится на одну основную причину, на *стремленіе устранить кровосмѣшеніе* или родство; это доходитъ даже до устраненія отдаленнаго *свойства*.

Если въ первой половинѣ этого процесса еще можно было допустить вліяніе «естественнаго подбора», то во второй это вліяніе совершенно непонятно: вѣдь, только бракъ между единокровными можетъ быть вреденъ для потомковъ, но какое-же отношеніе къ «естественному подбору» можетъ имѣть бракъ между свойственниками?

Такое явленіе было-бы понятно, если-бы Энгельсъ допускалъ, что эти ограниченія были «идейными», т. е. *сознательными*. Тогда было-бы еще возможно предположеніе, что мысль человѣка, такъ сказать, по инерціи хватила черезъ край, напуганная послѣдствіями кровосмѣшеній. Но въ томъ то и дѣло, что Энгельсъ не допускаетъ тутъ сознательнаго процесса. У него, насколько можно понять, дѣло идетъ чисто механически. Впрочемъ, въ одномъ мѣстѣ онъ

высказываетъ и нѣсколько иную мысль. «Бахофенъ безусловно правъ,—говоритъ онъ,—когда рѣшительно утверждаетъ, *что переходъ отъ того, что онъ называетъ «гетеризмомъ», къ единобрачію совершился существенно черезъ женщинъ:* чѣмъ болѣе съ развитіемъ экономическихъ условій жизни, слѣдовательно съ гибелью стараго коммунизма и съ возрастающею плотностью населенія, исконныя отношенія половъ теряли свой дикій первобытно-наивный характеръ, тѣмъ болѣе угнетающими и гнетущими они должны были *казаться* для женщинъ; тѣмъ настойчивѣе онѣ должны были добиваться, какъ освобожденія,—права на цѣломудріе и на временной или продолжительный бракъ съ однимъ мужчиной». Энгельсъ недопускаетъ, чтобы къ парному браку могъ стремиться мужчина, такъ какъ ему представлялъ больше шансовъ на наслажденіе бракъ групповой и т. д.

Все это весьма шатко. Здѣсь есть стремленіе провести излюбленную идею Карла Маркса, что всѣ формы человѣческихъ отношеній строятся на экономической почвѣ; исчезъ первобытный коммунизмъ, а съ нимъ и наивный характеръ отношеній, и явилось стремленіе къ браку парой со стороны женщины. Но во 1-хъ, мы видимъ, что въ весьма развитыхъ, сравнительно, цивилизаціяхъ, напр., древне-арабской и теперешней мусульманской,—остается многоженство, т. е. бракъ не парный; во 2-хъ, у дикарей, среди которыхъ еще нѣтъ никакой экономической «тѣсноты», а также у древнихъ Грековъ, мы находимъ и парный бракъ или единобрачіе. Въ 3-хъ, какимъ-же образомъ, женщина могла стремиться уйти изъ состоянія паналуальнаго брака, за

которымъ и послѣдовалъ «парный», если именно въ паналуальномъ бракѣ и развилось ея высшее главенство, «матріархальный родъ»? Какимъ образомъ до этого момента оказывались, что положеніе мужчинъ было подчиненное и рабское, а теперь наоборотъ, оказывается, что женщина бѣжала изъ предшествовавшей стадіи (т. е. изъ высшей и лучшей для себя) въ стадію, которая ее погубила?

Все это требуетъ, по меньшей мѣрѣ, большаго обоснованія, логической связи и единства. Между тѣмъ, надъ всѣмъ этимъ чувствуется насильственное притягиваніе и подтягиваніе фактовъ, чтобы подвести ихъ, какъ я уже сказалъ, къ гипотезѣ «экономическаго матеріализма», и не только къ этой гипотезѣ, но и къ гегелевской тріадѣ, которая требуетъ, чтобы каждое явленіе прошло черезъ три стадіи: 1) тезисъ (положеніе), 2) антитезисъ (противоположеніе) и 3) синтезисъ (соединеніе тезиса и антитезиса, при которомъ возвращается форма тезиса, но съ болѣе богатымъ содержаніемъ, выработаннымъ въ стадіи антитезиса). Поясникъ эту тріаду наглядно на предполагаемыхъ физисахъ положенія женщины: 1) первоначальное состояніе, по этой тріадѣ, будетъ первобытное главенство женщины, 2) противоположеніемъ ему явилась вторая стадія—порабощеннаго состоянія женщины и 3) синтезомъ является современное стремленіе женщины цивилизованныхъ странъ къ равноправію съ мужчиной.

Но, дѣйствительно-ли мы видимъ во всѣхъ странахъ осуществленіе этой тріады? Конечно, нѣтъ. Во 1-хъ, какъ я уже сказалъ, ничѣмъ недоказано, что-бы первобытное состояніе женщины было повсюду

состояніемъ главенства ея надъ мужчиной. Во 2-хъ, и тамъ, гдѣ это главенство можно предполагать, не доказано, чтобы оно было состояніемъ первобытнымъ, а не продуктомъ длинной цѣпи предшествующихъ процессовъ. Въ 3-хъ, во множествѣ странъ, гдѣ остается многоженство и рабское положеніе женщинъ, оно держится, не переходя въ синтезисъ, на основаніи религіозныхъ вѣрованій, напр. у магометанъ, а не причинъ экономическихъ и т. п.

Но это не все; предвзятый взглядъ почтеннаго нѣмецкаго ученаго заставилъ его упустить изъ вида слѣдующее: не экономическая причина распаденія общинной собственности повела къ разложенію коммунальной семьи въ парную, а, наоборотъ, именно это измѣненіе въ устройствѣ семьи повело къ замѣнѣ коммунальной собственности—личной, конечно, черезъ рядъ промежуточныхъ процессовъ. Этотъ прямой выводъ слѣдуетъ изъ его-же теоріи брака, и можно только удивляться, какимъ образомъ такой сильный умъ, какъ умъ Энгельса, тѣмъ не менѣе пришелъ къ противоположному выводу. Единственное объясненіе такого qui-pro-quo лежитъ въ подчиненіи этого ума предвзятой теоріи своего друга и учителя, Маркса. Въ самомъ дѣлѣ, припомнимъ въ кратцѣ исторію семьи, изложенную выше.—Она состоитъ изъ слѣдующихъ стадій:

1) Общій кровный бракъ,
2) Кровный групповой бракъ,
3) Бракъ паналуальный,
4) Бракъ парный.

Когда человѣческое общество (какое нибудь) находилось на 2-й стадіи—кровнаго групповаго

брака, т. е. всѣ сестры были женами всѣхъ своихъ братьевъ, то хозяйство ихъ, какъ одной огромной семьи, конечно, было общимъ. Въ 3-й стадіи, вслѣдствіе ужаса отъ вредныхъ послѣдствій кровосмѣшенія, создается строжайшій обычай, чтобы группа сестеръ брала себѣ группу мужей изъ чужаковъ, и группа братьевъ также. Дошло до того, что строго воспрещалось въ группу принятыхъ мужей или женъ брать не только лицъ родственныхъ, но и свойственныхъ. Какой результатъ долженъ былъ получиться: въ группѣ сестеръ, имѣющихъ мужчинъ-чужаковъ, не связанныхъ ни родствомъ, ни свойствомъ съ женами, ни даже часто другъ съ другомъ, женщины являлись сплоченной группой передъ разрозненной группой мужей чужаковъ. Положеніе мужчинъ было униженное, какъ мы видѣли, и въ результатѣ—стремленіе мужчинъ къ парному браку, но встрѣчающее сопротивленіе и въ средѣ товарищей (паналуа) и въ средѣ сплоченной группы женъ. И, наоборотъ, гдѣ группа братьевъ набрала себѣ группу женъ изъ чужихъ женщинъ, положеніе женъ было невозможно-тяжелымъ. Здѣсь *онѣ* должны были всякими правдами и неправдами стремиться къ парному браку, т. е. овладѣвать безраздѣльно наиболѣе сильными и вліятельными мужчинами. Когда это удавалось, распадалась коммунальная семья, а съ нею и собственность. Это мы видимъ и сейчасъ въ большихъ крестьянскихъ семьяхъ, гдѣ раздѣлъ вызывается не экономической причиной, а разладомъ женщинъ въ семьѣ. Семейная и психологическая причина идетъ впереди экономической.

Вообще система однообразной законности соціаль-

пыхъ явленій нашла себѣ сильныхъ противниковъ во французскомъ юристѣ Тардѣ и нѣмецкомъ ученомъ Штаркэ. Напр., однимъ изъ доводовъ существованія первобытной коммунальной семьи, было предположеніе, что у троглодитовъ не было собственности семейной, не было іерархіи и т. п. *). Но изслѣдованія Ларте и Рато въ археологіи троглодитовъ доказали противное. Въ ихъ пещерахъ найдены, напр., жезлы, форма которыхъ показываетъ существованіе у троглодитовъ различныхъ степеней власти, т. е. іерархіи. Раздѣленіе труда доказывается разнородностью предметовъ ихъ каменной утвари, и кромѣ того, можно считать доказаннымъ существованіе среди нихъ обмѣна съ отдаленными мѣстами, такъ какъ въ пещерахъ встрѣчаются предметы, сдѣланные изъ такихъ камней, какихъ нѣтъ поблизости въ окружающихъ горныхъ породахъ. Они имѣли и одежду, такъ какъ въ пещерахъ найдены орудія для рѣзанія кожъ и костяныя иглы для ихъ сшиванія. Такимъ образомъ, можно допустить, что у нихъ была и собственность. Наконецъ, пещерная жизнь не могла мѣшать устройству отдѣльныхъ хозяйствъ или семей, которыя могли помѣщаться въ отдѣльныхъ пещерахъ.

Въ доказательство всеобщности и первобытности гетеризма, указываютъ на индусское племя наировъ. Но ихъ общественное положеніе крайне далеко отъ примитивнаго: у нихъ, напр., есть каста «благород-

*) Джіузеппе д'Агуанно: «происхожденіе и эволюція гражданскаго права».

лыхъ». Штаркэ доказываетъ въ своей книгѣ «Примитивная семья», что состояніе, въ какомъ мы находимъ наировъ, есть результатъ долгой эволюціи.

Другой фактъ—священная проституція въ Вавилонѣ, обязательная для всѣхъ женщинъ разъ въ жизни, — приводится также какъ остатокъ болѣе древняго состоянія, когда всѣ вавилонянки принадлежали всѣмъ мужчинамъ Вавилона. Но, по этому религіозному обычаю, женщины должны были отдаваться только иностранцамъ, и этотъ обычай былъ культомъ богини любви. По Бахофену, это выйдетъ искупительной жертвой за право принадлежать одному или быть цѣломудренной. Но, скажу я отъ себя, эта жертва, конечно, должна-бы была приноситься не иностранцамъ, а мужчинамъ своего же города. Мы видимъ, въ теоріяхъ Моргана, одно основаніе объяснить себѣ эту отдачу именно иностранцамъ: стремленіемъ избѣжать кровосмѣшенія, отдаваясь мужчинамъ своего города. Но это объясненіе черезъ-чуръ рискованное и натянутое. Для меня лично, повторяю, несомнѣнно только одно, что всѣ соціальныя явленія гораздо болѣе сложны, т. е., обусловлены гораздо болѣе смѣшанными причинами, чѣмъ думаетъ разбираемая школа писателей: въ эти причины входила и религія, и подражательность, и множество другихъ мотивовъ или импульсовъ, которые еще должны быть открыты и будутъ открыты, если люди науки не остановятся на торопливыхъ обобщеніяхъ.

Не больше, говоритъ въ пользу первобытнаго матріархата обычай, извѣстный подъ именемъ кувады; онъ состоитъ въ томъ, что отецъ ребенка, послѣ родовъ своей жены, долженъ лечь въ постель

и продѣлывать всѣ тѣ болѣзненные симптомы, которые пережила супруга, причемъ его подвергаютъ самому мучительному леченію.

Въ этомъ обычаѣ видѣли остатокъ обряда, который долженъ былъ совершить мужъ, чтобы получить семейную власть, будто-бы принадлежавшую прежде матери. Иными словами, когда матріархатъ смѣнился патріархатомъ, отецъ долженъ былъ сперва дѣлаться фиктивно матерью, чтобы къ нему перешла ея власть.

Но Штаркэ объясняетъ этотъ обычай гораздо проще: этимъ обычаемъ думали передать ребенку отцовскія качества, напр. храбрость. Наконецъ, какъ мы видѣли, одною изъ главныхъ опоръ теоріи первобытной общности женъ, является существованіе у нѣкоторыхъ народовъ наслѣдованія по матери, а также и названія дѣтей по имени матери. При главенствѣ отца (какъ теперь у насъ, наприм.) мы называемся *по отцу*—Иванычами, Юрьевичами, Михайловичами, а не по матери Елизаветичами, Марьичами и т. д.

Но бывали обычаи и въ этомъ послѣднемъ родѣ. Однако, что-же они доказываютъ? Никакъ не многомужество, а наоборотъ, многоженство, т. е. существованіе патріархата, когда отцу, имѣвшему нѣсколько женъ и множество дѣтей отъ нихъ, нужно было обозначать, отъ какой изъ матерей родился тотъ или иной ребенокъ.

Перейдемъ теперь къ общимъ соображеніямъ, опровергающимъ изложенные выше взгляды.

Странно предполагать смѣшеніе половъ у первобытнаго человѣка, когда даже у многихъ высшихъ животныхъ мы видимъ жизнь парами и семью.

Кромѣ того, процессъ, рисуемый Бахофеномъ, является совершенной противоположностью тому, что мы наблюдаемъ въ исторіи: женщина лишь постепенно, и особенно въ наше время, пріобрѣтаетъ лучшее положеніе и нѣкоторое равенство съ мужчиной. И понятно почему: въ первобытныя эпохи цѣнилась больше всего физическая сила, необходимая на войнѣ; она-же давала и право. Совершенно невѣроятно, чтобы дикій и хищный воинъ первобытныхъ временъ подчинился слабой женщинѣ. Еще болѣе невѣроятно такое предположеніе въ виду униженнаго состоянія женщины, какъ простой собственности, о чемъ мы говорили раньше.

Наоборотъ, съ развитіемъ единобрачія и любви, соединенной съ нимъ, становится понятнымъ и лучшее положеніе женщины. Кромѣ того, ослабленіе хроническихъ войнъ, конечно, ставитъ физическую силу на задній планъ, выдвигая впередъ силы умственныя и нравственныя. При такихъ условіяхъ, возвышеніе женщины не только понятно но и необходимо. Есть еще одна весьма курьезная попытка объяснить измышленное главенство женщинъ въ первобытныя времена — ихъ умѣньемъ колдовать. Это умѣнье могло наводить на мужчинъ такой страхъ, что они передавали своимъ супругамъ бразды правленія и, такимъ путемъ, образовался матріархатъ!

Но читатель, конечно, не потребуетъ опроверженія этой дѣтской фантазіи.

Необходимо добавить, что изрѣдка у дикихъ

племенъ, напр., у нѣкоторыхъ африканскихъ бечуановъ, мать семейства присутствуетъ въ совѣтѣ, дѣти обожаютъ ее, какъ у насъ къ Европѣ, и вообще, она участвуетъ въ правахъ мужа. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ женщина можетъ даже быть главой племени но все это не доказываетъ существованія въ древности матріархата, совершенно также какъ его не доказываетъ правленіе въ Англіи королевы.

Въ Азіи есть племя кокчи или кукчи, съ разслабленными, лѣнивыми и подчиненными мужчинами, а между тѣмъ женщины этого племени храбры, энергичны, трудолюбивы. Но такіе исключительные случаи извращенія нельзя, конечно, обобщать на первобытное состояніе всего человѣчества, тѣмъ болѣе, что у дикарей, считающихся теперь самыми низшими, — у бушменовъ и готентовъ, — нѣтъ никакихъ признаковъ матріархата.

Итакъ, сравнительно высокое положеніе женщины не есть продуктъ первобытнаго состоянія человѣка или состоянія его дикости. Оно, наоборотъ, есть продуктъ общаго прогресса и усовершенствованій жизни и общества.

Но и тутъ Тардъ, слѣдуя своему пріему, предостерегаетъ отъ торопливыхъ обобщеній. «Не вѣрно было бы сказать, что прогрессъ права всегда совершается въ направленіи полнаго освобожденія женщины, постепенно уравниваемой съ мужчиной. Исторія египетскаго права, начиная отъ Птоломеевъ, противорѣчитъ этому черезъ-чуръ общему утвержденію. Здѣсь женщина съ давнихъ временъ пользовалась значительными правами и была очень свободна, но, со времени заимствованія египтянами

права у грековъ, юридическое и семейное положеніе женщинъ сильно понизились согласно греческому образцу. А, между тѣмъ, въ другихъ формахъ жизни Египта греческое право служило дѣлу прогресса.

Віолле указываетъ нѣчто подобное во Франціи, сравнительно съ XIII вѣкомъ.

Общій выводъ, который дѣлаетъ Тардъ изъ этой полемики, таковъ: примитивныя брачныя отношенія были сами по себѣ очень различны: въ одномъ мѣстѣ было единобрачіе, въ другомъ—многоженство, въ третьемъ, можетъ быть, поліандрія. Если выдвинулось и побѣдило единобрачіе, то ни какъ не потому, что къ этому неизбѣжно ведетъ какая то роковая неизбѣжная эволюція. Дѣло объясняется, по Тарду, побѣдой надъ другими націями тѣхъ націй, которыя приняли эту высшую форму брака. Трудно сказать, восторжествовала ли бы моногамія, еслибы завоеваніе полигамическихъ арабовъ охватило всю Европу.—

Вѣроятно, также было и въ первобытныхъ обществахъ: рядомъ могли существовать самыя разнобразныя формы отношеній, какія только была способна придумать человѣческая изобрѣтательность, но подъ вліяніемъ различныхъ условій, одна форма брала верхъ, вызывая подражанія и дѣлаясь господствующей.

Насколько разнобразны были формы отношеній, показываетъ самое единобрачіе, которое въ Египтѣ представляло общественный договоръ, между равными; въ Аравіи, Персіи и въ древній грекоримскій періодъ, а также у монголововъ и китайцевъ,

оно было договоромъ купли. Въ Полинезіи, у эскимосовъ, это—договоръ займа или срочнаго найма; у краснокожихъ, у древнихъ евреевъ, это—услуженіе зятя у тестя...

Такимъ образомъ, жизнь человѣка пробуетъ всѣ пути, какіе можно вообразить себѣ, а единообразіе достигается только подраженіемъ, сперва въ предѣлахъ племени, а затѣмъ и внѣ его. (H. Tarde: «Les transfor mations du droit», Paris, 1894).

Наглядный примѣръ того же даетъ Тардъ, набрасывая очеркъ возникновенія и развитія дворянства (тамъ же, глава III, Regime des Personnes) и тѣхъ видоизмѣненій, какія пережилъ «возрастъ», требующійся въ различное время и у разныхъ народовъ для совершеннолѣтія.

Относительно дворянства Тардъ указываетъ, что въ Римѣ родовое дворянство уступило служилому, а во Франціи, во времена Меровинговъ и позднѣе, наоборотъ, служилое дворянство дѣлается родовымъ. Иными словами, эволюція можетъ совершаться и такъ, и иначе, смотря по обстоятельствамъ и нуждамъ.

Но особенно любопытна иллюстрація съ возрастами совершеннолѣтія.

Эти возрасты крайне разнообразны: въ примитивномъ Римѣ совершеннолѣтіе достигалось въ 14 лѣтъ; то же у рипуарскихъ франковъ, вестготовъ, бургундовъ; у англо-саксовъ оно начиналось уже въ 12 лѣтъ. Но, по мѣрѣ развитія цивилизаціи, возрастъ, требуемый для зрѣлости, увеличивается, такъ

что у римлянъ достигаетъ современемъ до 25 лѣтъ, у другихъ вышеупомянутыхъ народовъ до 20 и 21 года. При этомъ замѣчателенъ фактъ: въ одномъ и томъ же мѣстѣ, возрастъ, требуемый для совершеннолѣтія, у низшихъ классовъ значительно ниже, чѣмъ у высшихъ классовъ; наприм., въ Англіи и нѣкоторыхъ частяхъ Франціи XIII в., крестьянка считалась взрослой 12 лѣтъ, а дѣвушка дворянскаго происхожденія— только 15-ти лѣтъ. То же и относительно юношей въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Франціи и въ Англіи XVI в.

Тардъ объясняетъ эту эволюцію такъ: съ развитіемъ и усложненіемъ жизни требуется и большая подготовка къ ней, а потому увеличивается и возрастъ, при которомъ можно «выпустить въ жизнь». Оставляя окончательные выводы изъ всѣхъ этихъ фактовъ до слѣдующей главы, разсмотримъ возникновеніе и развитіе собственности.

Теперь стало общимъ мѣстомъ, что первоначально собственость имѣла характеръ коммунистическій. Этотъ взглядъ опирается на сохранившееся по нынѣ общинное землевладѣніе въ нѣкоторыхъ горныхъ мѣстностяхъ Швейцаріи, въ Пиринеяхъ, въ индусскихъ деревняхъ, у насъ въ Россіи, въ Сербіи и, у многихъ народцевъ Африки, Америки, Океаніи...

Нѣкоторые писатели, и въ томъ числѣ Энгельсъ, объясняютъ этотъ первобытный коммунизмъ тѣми формами брака, о которыхъ мы говорили: «при паналуальной семьѣ, гдѣ хозяйками были женщины считавшіяся сестрами, хозяйство должно было быть

общиннымъ. Тоже слѣдуетъ предположить и относительно всякой группы, устроившейся какъ родственная, по убѣжденію въ кровномъ родствѣ своихъ членовъ. Образованіе разныхъ формъ собственности связывается, такимъ образомъ, съ формами семьи, и наоборотъ, часто формы семьи объясняются формами собственности. Примѣръ этого мы находимъ въ словахъ Энгельса, который видитъ одну изъ причинъ «парнаго» брака въ измѣненіи «первобытныхъ условій женскаго хозяйствованія».

Подобныя же объясненіи предлагаются и дальше. «До низшей ступени варварства,—говоритъ Энгельсъ—постоянное богатство заключалось почти только въ домѣ, одеждѣ, грубыхъ украшеніяхъ и въ орудіяхъ для добыванія и приготовленія пищи: лодкѣ, оружіи и простѣйшей домашней утвари».

Пища должна была добываться изо дня въ день. Теперь со стадами крупнаго рогатаго скота (дѣло идетъ о старомъ Свѣтѣ), верблюдовъ, лошадей,ословъ, овецъ, козъ и свиней, пастушескіе народы—(арійцы въ индѣйскомъ пятирѣчіи и въ области Ганга, а также въ гораздо болѣе многоводныхъ тогдашнихъ степяхъ Окса и Яксарта, семиты на Тигрѣ и Евфратѣ) пріобрѣли собственность, нуждавшуюся только въ надзорѣ и самомъ простомъ уходѣ, чтобы постоянно увеличиваться въ числѣ и давать обильную молочную и мясную пищу. Теперь всѣ прежніе способы добыванія пищи отошли на задній планъ; охота, бывшая прежде необходимостью, теперь сдѣлалась роскошью. Кому-же принадлежало это новое богатство? *Сначала*, безъ сомнѣнія *роду*. Но ужъ очень скоро должна была развиться частная собственность

по отношенію къ стадамъ. И несомнѣнно, что на порогѣ достовѣрной исторіи, стада уже вездѣ находятся въ частной собственности отдѣльныхъ *главъ семей*, также какъ и произведенія искусства варварскаго періода, металлическая утварь, предметы роскоши и, наконецъ, «человѣческій скотъ», т. е. рабы. Варвару низшей степени былъ безполезенъ рабъ. Поэтому американскіе индѣйцы совсѣмъ иначе поступали съ плѣнными врагами, чѣмъ это дѣлалось на высшей ступени: мужчинъ убивали или-же принимали какъ братьевъ въ племя побѣдителей; женщинъ выдавали замужъ или также принимали вмѣстѣ съ находящимися при нихъ дѣтьми.

Далѣе, съ разширеніемъ производства, рабы стали болѣе цѣнны и даже пріобрѣтались покупкой, какъ прежде женщины. Экономическій факторъ *тутъ* ясенъ. Владѣльцемъ всѣхъ этихъ богатствъ является теперь уже мужчина отецъ, такъ какъ съ *парнымъ бракомъ достовѣрность отца семьи является безспорной, и на него уже возлагается обязанность заботиться о содержаніи и богатствахъ семьи* *). При разводѣ ему доставались хозяйственныя орудія и скотъ, женщинѣ хозяйственная утварь. Порядокъ наслѣдованія былъ также своеобразный: отцу наслѣдовали не его дѣти, а братья, потому что дѣти отца не считались принадлежащими его роду, а принадлежали роду матери. Имущество-же не должно было выходить изъ

*) Итакъ, если въ возникновеніи рабства изъ каннибализма очевиденъ факторъ экономическій, то въ возникновеніи семейно-частной собственности, на первый планъ вновь выдвигается семейная причина.

рода; собственныя его дѣти насдѣдовали только матери; конечно это было лишь до тѣхъ поръ, пока наслѣдство считалось еще по женской линіи, но отсюда же должно было возникнуть стремленіе замѣнить его наслѣдствомъ по мужской линіи. Какъ и когда у культурныхъ народовъ произошелъ этотъ переворотъ, объ этомъ мы ничего не знаемъ, говоритъ Энгельсъ. Но есть косвенныя указанія: напр., у шести или восьми племенъ Миссури, происхожденіе и наслѣдованіе идутъ по мужской линіи, а у двухъ еще по женской. Есть и стадія какъ-бы промежуточная: у нѣкоторыхъ племенъ появлялся обычай давать дѣтямъ родовое имя отца въ добавленіе къ имени рода матери. Возникаетъ промежуточная патріархальная семья, въ которой нѣсколько свободныхъ и несвободныхъ лицъ живутъ подъ отеческой властью главы семьи. Слово «familia» произошло отъ «famulus»—рабъ (домашній), такъ что слово «семья» охватывало принадлежащихъ владѣльцу рабовъ (Марксъ).

Нашъ русскій изслѣдователь Ковалевскій (Максимъ) показалъ, что эта патріархальная община, какъ она существуетъ теперь у сербовъ и болгаръ, подъ именемъ «задруги» и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ представляетъ переходную ступень отъ матріархальной семьи (групповой) къ семьѣ единичной. Она включаетъ нѣсколькихъ потомковъ одного отца, съ ихъ женами, которыя живутъ всѣ вмѣстѣ на одномъ дворѣ, сообща обрабатываютъ свои поля, имѣютъ общіе запасы и т. д. Главу общины выбираютъ, такъ что онъ можетъ не быть старшимъ въ семьѣ. Женщины и ихъ работы находятся подъ руководствомъ хозяйки дома, обыкновенно жены главы.

Высшая власть лежитъ, однако, въ семейномъ совѣтѣ. Почти такія-же формы общины имѣются и у насъ въ Россіи. Есть основаніе думать, что она была почти повсемѣстно у древнихъ германцевъ, римлянъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Франціи, въ Индіи, въ Алжирѣ и т. д. Нѣкоторые видятъ въ «снохачествѣ» главы патріархальной семьи остатки древняго отношенія половъ. Но это едва-ли вѣрно: даровитѣйшій изъ нашихъ писателей-художниковъ Глѣбъ Ивановичъ Успенскій объяснялъ это явленіе (конечно, въ силу сдѣланныхъ наблюденій) тѣмъ простымъ фактомъ, что глава семьи находится до извѣстной степени на отдыхѣ, а между тѣмъ сохранилъ еще могучія физическія силы. Цѣлую жизнь онъ работалъ, а когда явился отдыхъ и нѣсколько больше свободнаго времени, жена его представляетъ развалину. Къ этому надо добавить совмѣстную жизнь въ одной хатѣ и т. д.

Съ тѣхъ поръ, какъ хозяйство и завѣдываніе имъ со стороны женщины теряетъ свой общинный характеръ, жена дѣлается прислужницей частнаго лица, а не общины.

Тардъ доказываетъ, что хотя общину и можно считать довольно древнею формой, но, во-первыхъ, не первобытною, а тѣмъ болѣе не повсемѣстною, т. е. не всеобщею, а, во-вторыхъ, она, какъ и всѣ другія явленія соціальныя, появлялась подъ влія-

ніемъ самыхъ различныхъ условій, иногда позже, иногда раньше другихъ формъ владѣнія, т. е. въ ней нѣтъ и не было чего-либо обязательнаго для какихъ-либо опредѣленныхъ періодовъ жизни и развитія людей.

Условія, при какихъ могло возникать владѣніе коллективное, общественное или, въ частности, общинное, укладываются приблизительно въ слѣдующія группы: 1) необходимость коллективной борьбы съ природой, когда населеніе еще не велико, изобрѣтеній мало и каждый шагъ въ борьбѣ за существованіе требуетъ соединенныхъ усилій; 2) охотничій и пастушескій образъ жизни, неудобный для личнаго владѣнія землей; 3) вообще малое значеніе личности въ племенахъ, живших тѣсною семейною или родовою жизнью; но въ этихъ случаяхъ общинное владѣніе можно скорѣе считать личнымъ владѣніемъ главы семьи или рода, или племени; 4) наконецъ, въ новѣйшее время, наприм., общее владѣніе посредствомъ компаній имѣетъ огромное распространеніе, соединяя для какого-либо грандіознаго предпріятія (устройства желѣзной дороги, мостовъ, прорытія канала и т. д.) множество отдѣльныхъ капиталовъ при посредствѣ акцій. Къ этому-же типу относятся всѣ государственныя сооруженія, служащія для общей пользы гражданъ, включая сюда не только каналы и казенныя желѣзныя дороги, но также крѣпости, пушки, броненосцы и т д. Всѣ граждане косвенно являются участниками этой общей собственности, стоющей милліарды.

О нашей русской общинѣ Тардъ думаетъ, что она явилась позднѣйшимъ продуктомъ крѣпостнаго

права. О французскихъ общинахъ, весьма распространенныхъ въ XII и XIII столѣтіи и называемыхъ *ménages nivernais,* онъ полагаетъ, что онѣ возникли изъ подражанія монастырямъ, какъ разъ въ это время чрезвычайно распространившимся во Франціи. Трудно допустить,—говоритъ онъ,—чтобъ эти общины, какъ и сербская «задруга», могли быть остаткомъ древности, такъ какъ Европа пережила цѣлое тысячелѣтіе вліянія римскаго права, съ его личнымъ владѣніемъ. Римъ-же дѣйствовалъ не только своими указами, но и своимъ престижемъ, своимъ очарованіемъ, заставлявшимъ подражать всѣмъ формамъ его жизни.

Добавимъ еще, что попутно Тардъ разбиваетъ и другое общепринятое мнѣніе, будто бы земледѣльческій періодъ человѣчества имѣетъ неизбѣжно своимъ предшественникомъ пастушескій, а пастушескій образуется изъ охотничьяго или рыболовнаго. Могло быть и такъ, и иначе. Напримѣръ, краснокожіе американцы сдѣлались земледѣльцами еще до прихода европейцевъ, не испытавъ пастушеской стадіи, т. е. перешли къ земледѣлію прямо отъ состоянія охотниковъ. У нихъ не было никакихъ домашнихъ животныхъ, кромѣ собакъ, а, между тѣмъ, кругомъ не было недостатка въ животныхъ, способныхъ къ прирученію. «Почему же на этомъ континентѣ,—спрашиваетъ Тардъ,—было такъ мало, а быть можетъ, и вовсе не было пастуховъ? Почему, наоборотъ, въ Азіи и Африкѣ пастушеская жизнь господствовала и господствуетъ теперь?» — и вотъ что отвѣчаетъ на это: «капитальная важность историческихъ особенностей (accidents) — *индивидуальная*

оригинальность въ дѣлѣ изобрѣтательности здѣсь обнаруживается особенно ясно». Совершенно тоже мы видимъ у полинезійцевъ: они рыболовы и немножко земледѣльцы, но не вѣдаютъ пастушескаго быта и не имѣютъ никакихъ домашнихъ животныхъ. Интересное соображеніе высказываетъ Тардъ относительно разныхъ формъ коллективизма, вызывавшихся условіями самыми разнообразными. Наприм., въ жизни охотниковъ и рыболововъ, примѣненіе коллективныхъ усилій требовалось въ весьма различной степени, смотря по тому, были ли это охотники на слоновъ, буйволовъ и бизоновъ, или на какихъ-нибудь несчастныхъ зайцевъ и козъ; ловили ли рыболовы китовъ, или карповъ. Точно также дѣйствовалъ и характеръ земледѣлія, смотря по тому, было ли оно интенсивное или экстенсивное, требовало ли искуственнаго орошенія, или нѣтъ.

И такъ, двѣ основныя причины должны были заставлять режимъ собственности значительно измѣняться (все равно, была ли то собственность коллективная или личная), это—*прогрессъ изобрѣтеній и прогрессъ подражательности* среди людей.

Пропорція и характеръ этихъ двухъ причинъ обусловливали разнообразіе формъ собственности.

Подражательность создавала, прежде всего, безпрерывное расширеніе обществъ или соціальныхъ группъ, увеличивая число членовъ, объединенныхъ извѣстнымъ чувствомъ моральнаго согражданства, которое въ свою очередь порождалось «продолжительнымъ и сочувственнымъ обмѣномъ подражаній (exemples)». Съ другой стороны, постоянное накопленіе изобрѣтеній, касающихся приручения животныхъ и воздѣлыванія растеній, изобрѣтенія металлической утвари, вмѣсто каменной, и т. д., вплоть до современныхъ величайшихъ научныхъ изобрѣтеній нашего времени,—все вліяло прямо или косвенно на формы собственности и владѣнія.

Нѣкоторыя иллюстраціи, приводимыя Тардомъ по этому поводу, такъ интересны, что мы не можемъ не подѣлиться ими съ читателемъ.

Но, предварительно, введемъ еще одно маленькое поясненіе взглядовъ самого Тарда: «Слѣдуетъ ли изъ всего сказаннаго,—спрашиваетъ онъ,—необходимость *всеобщей однообразной эволюціи права собственности*? Да, но лишь по мѣрѣ того, насколько расширеніе соціальныхъ группъ необходимо въ силу закона подражательности и *насколько усиливается прогрессъ изобрѣтательности въ извѣстномъ направленіи, смутно опредѣлявшемся потребностями организма и законами человѣческаго ума въ борьбѣ съ внѣшними силами*» (стр. 92).

Но мы обѣщали привести любопытные примѣры измѣненія различныхъ формъ владѣнія подъ вліяніемъ изобрѣтеній. Возьмемъ, наприм., время которое требуется для владѣнія какимъ-либо участкомъ земли или иною собственностью, чтобы это владѣніе перешло въ право собственности *). Это время весьма различно, и чѣмъ народъ менѣе цивилизованъ, тѣмъ, оно короче: «у германцевъ,—говоритъ Віолле,—до введенія у нихъ римскихъ идей, оно равнялось одному году. У самихъ римлянъ пер-

*) Владѣніе на основаніи давности, prescripcio

воначально оно было отъ одного года до двухъ; позднѣе оно возростаетъ до десяти, двадцати, тридцати и даже сорока лѣтъ». «Я не буду отыскивать всѣхъ причинъ этой эволюціи,—говоритъ Тардъ,—но не очевидно ли, что одной изъ главныхъ былъ прогрессъ искусства и привычка *писать*?» У первобытныхъ неграмотныхъ людей можно было подтверждать или опровергать давность *только* посредствомъ словесныхъ доказательствъ, а характеръ этихъ доказательствъ становится тѣмъ менѣе достовѣрнымъ, чѣмъ отдаленнѣе время, о которомъ идетъ дѣло.

Ограничимся этимъ примѣромъ, которымъ можно и закончить нашъ бѣглый обзоръ эволюціи собственности, и возвратимся снова къ общимъ взглядамъ и выводамъ Тарда.

Мы видѣли, что онъ объясняетъ разнообразіе явленій развитія двумя факторами: прогрессомъ изобрѣтательности и прогрессомъ подражанія. Но нельзя ли сказать, что рядъ самихъ изобрѣтеній слѣдующихъ другъ за другомъ, повидимому безсвязно и капризно, на самомъ дѣлѣ подчиненъ фатальному пути хотя по внѣшности этого и не видно? «Трудно найти задачу болѣе неразрѣшимую. Несомнѣнно, наприм., что рѣки движутся впередъ и развиваются; но какой географъ,—если его соединить съ геологомъ,—можетъ подвести подъ одну формулу ихъ безконечные изгибы?»

Въ числѣ разныхъ гипотезъ возможно даже до-

пустить, что за процессомъ эволюціи скрывается руководящій разумъ, невидимо заставляющій изобрѣтенія попадать рано или поздно на неизбѣжныя тропинки, но не тѣмъ, что эти пути предположены впередъ во всемъ своемъ цѣломъ, въ видѣ единой дороги, а тѣмъ, что онѣ вѣчно разсѣеваются по всѣмъ возможнымъ путямъ «въ безконечномъ пространствѣ осуществимыхъ и неосуществимыхъ возможностей»... Однако, это никоимъ образомъ не значитъ, что потоку открытій навязано единое и неизмѣнное ложе, и что только по этому же ложу должны были течь всѣ удавшіяся начинанія, отъ ихъ далекаго истока и до послѣднихъ устьевъ ультрацивилизаціи. «Но это-то и нужно доказать, чтобъ имѣть право утверждать единую формулу юридической эволюціи» (стр. 94). Въ другомъ мѣстѣ онъ добавляетъ: «Міръ, въ своемъ цѣломъ, представляется разсуждающей волѣ только безмѣрнымъ полемъ *средствъ*, а ей самой принадлежало созданіе *цѣлей*. Она создавала и создаетъ ихъ не взирая ни на небо, ни на землю, но прислушиваясь лишь къ себѣ самой... и выражается *общественно* въ борьбѣ и любви; вотъ откуда черпаются, изъ глубины сердца, то честолюбивыя, то великія то деспотичеткія, то героическія вдохновенія».

Въ частности Тардъ касается въ послѣдней главѣ особенно интереснаго закона Спенсера, по которому эволюція вообще и въ частности соціальная совершается путемъ дифференціаціи. Противъ примѣненія къ обществу закона дифференціаціи у насъ, съ другой точки зрѣнія и задолго до Тарда, писалъ г. Михайловскій. Тардъ даетъ инте-

ресные факты, показывающіе историческую неточность этой формулы.

Такъ, наприм., сравнивая исторію французскаго и нѣмецкаго права, можно, *повидимому*, придти къ заключенію согласному съ закономъ Спенсера: выйдя изъ одного и того ше юридическаго состоянія, свойственнаго имперіи франковъ, эти два права разошлись, дифференцировались подъ вліяніемъ права римскаго и каноническаго, проникшихъ сюда въ очень неравныхъ дозахъ. Это расхожденіе было такъ сильно, что, несмоспя на увеличивающіяся усилія обоихъ къ законодательной централизаціи, ничего подобнаго непроизошло въ ихъ движеніи. Приведя еще два-три подобныхъ же случая, какъ будто подтверждающихъ всеобщность закона Спенсера, Тардъ доказываетъ, что ничего подобнаго не могло бы случиться безъ *посторонней* причины, т.-е. вмѣшательства образца, пришедшаго извнѣ и вызвавшаго подражаніе. «Какая-нибудь соціальная форма,—говоритъ онъ,—языкъ, религія, право, когда она *установилась* (est fixé), т.-е. уравновѣсилась съ жизнью, способна на безконечную продолжительность, *если остается локализированной и замкнутой отъ вторженій: наприм., на отдаленномъ островѣ.* Поэтому-то канарскіе берберы, гуанхи сохраняли до XVI в., когда они были открыты (или вновь открыты), общественное состояніе троглодитовъ эпохи полированнаго камня». Африканскіе берберы, наоборотъ, подвергаясь не однажды воздѣйствіемъ египетской, финикійской, римской и арабской цивилизацій, преобразовались во всемъ и совершенно. Въ частности женщины туареговъ пользуются, напр. такимъ

положеніемъ, что господствуютъ въ своемъ семейномъ кругу почти какъ европейскія дамы, тогда какъ у гуанховъ онѣ остались въ рабскомъ состояніи, что, кстати, едва ли способно подтвердить теорію *матріархата.*

Въ этомъ мѣстѣ, какъ я полагаю, Тардъ нѣсколько противорѣчитъ себѣ, увлекшись борьбой съ противниками: онъ говоритъ, что, при условіяхъ замкнутости отъ вліяній другихъ общественныхъ формъ, данная, установившаяся форма можетъ господствовать *безконечно.* Но куда же исчезла *изобрѣтательность*? Въ другихъ мѣстахъ книги не видно, чтобъ она должна была исходить отъ какой-либо иной націи непремѣнно: она можетъ рождаться и среди того же самаго народа, разъ для этого является та «смутная потребность, о которой онъ упоминалъ ранѣе. Гораздо проще примѣнить здѣсь вышеприведенную формулу самаго Тарда, по которой прогрессъ юридическихъ формъ зависитъ отъ пропорціи между прогрессомъ изобрѣтательности и подражательности. Очевидно, не одна замкнутость была причиной остановки развитія у гуанховъ: замкнутость мѣшала только притоку изобрѣтеній *извнѣ* Но она не препятствовала притоку *внутреннихъ* изобрѣтеній. Этого-то элемента и не было, очевидно, у гуанховъ.

Опредѣлить точно взгляды Тарда на этотъ вопросъ не совсѣмъ легко: онъ высказываетъ ихъ осторожно и въ условной формѣ. Такъ, на стр. 172 онъ говоритъ: «Многіе ученые нисколько не затрудняются признать, что потребность перемѣны слаба или совершенно отсутствуетъ у дикарей; нѣкоторые

доходятъ даже до того, что приписываютъ имъ «естественный ужасъ» отъ какой-либо перемѣны (фактъ весьма экстраординарный). Но, взамѣнъ этого, ступени цивилизаціи хотятъ измѣрять жаждой новшествъ. Отсюда слѣдуетъ, что общественная эволюція должна быть чрезвычайно медленна въ началѣ и ускоряться съ каждымъ шагомъ впередъ. Однако, если прикладывать эту мѣрку къ каждой отдѣльной отрасли явленій соціальной жизни, напримѣръ, въ частности къ эволюціи языка и религіи, то замѣчается, что истина лежитъ скорѣе въ положеніи противуположномъ этому философскому предразсудку. Въ самомъ дѣлѣ, рождающіеся языки—наприм., французскій въ X вѣкѣ,—представляются самыми неустойчивыми, наиболѣе перемѣнчивыми; быстрота ихъ возростанія замедляется только въ зрѣломъ ихъ возрастѣ, когда онъ останавливается. Не измѣнился ли французскій языкъ гораздо сильнѣе отъ X до XII вв., т.-е. въ двѣсти лѣтъ, чѣмъ потомъ съ XIII по XIX вѣкъ? А послѣ этихъ двухъ съ половиной столѣтій, какія же важныя перемѣны испытала его, такъ сказать, *окостенѣвшая* грамматика?»

Подобное же явленіе быстраго роста вначалѣ и замедленнаго потомъ, когда устанавливается равновѣсіе, Тардъ видитъ и въ христіанствѣ до и послѣ Никейскаго собора, въ живописи (отъ XV до XVI в. и послѣ XVI в.) и трагедіи греческой V в. и т.д. «Наше время не представляетъ исключенія: XIX в. обращаетъ, главнымъ образомъ, свой изобрѣтательный геній на промышленность, какъ предшествовавшія эпохи направляли его, по преимуществу, на юриспруденцію,

теологію, поэзію, архитектуру, живопись, выработку языка... Но не слѣдуетъ думать, что эта горячка будетъ продолжаться всегда. Уже и теперь во многихъ спеціальныхъ производствахъ, достигшихъ сравнительнаго совершенства, почти прекратились изобрѣтенія, не замѣтно улучшеній,—довольствуются только производствомъ и воспроизведеніемъ. Теперь происходятъ, наприм., въ желѣзно-дорожномъ дѣлѣ, только второстепенныя улучшенія».

«Все это объяснимо,—говоритъ авторъ,—если признать, что каждое преобразованіе обязано приливу мелкихъ или крупныхъ изобрѣтеній, такъ сказать, эксплуатаціи новооткрытаго рудника изобрѣтеній. Этого сорта рудники (т.-е. рудники новыхъ открытій), какъ и всякіе иные, не неистощимы, а, наоборотъ, извлеченіе минераловъ, изобильныхъ въ началѣ, дѣлается, наконецъ, все болѣ и болѣе труднымъ и неблагодарнымъ.

«Этимъ же объясняется, почему у дикарей такъ быстро заканчивается начальный періодъ прогресса: ихъ бѣдныя, маленькія копи,—филологическаго и миѳологическаго сорта, насколько они доступны слабому воображенію дикарей, уже давно исчерпаны ихъ предками, извлекшими изъ этихъ рудниковъ свои идіомы, свой культъ, свой соціальный багажъ» (стр. 172—174).

Эти весьма удачныя сравненія не рѣшаютъ, однако, основного вопроса о томъ, могутъ ли, черезъ извѣстный періодъ покоя, вновь возникать эпохи изобрѣтеній, хотя бы въ иномъ направленіи, но безъ вліянія изобрѣтеній, пришедшихъ извнѣ? Или же,

исчерпавъ свой «маленькій рудникъ», каждое племя навсегда осталось бы затѣмъ въ томъ же состояніи, если бы другое племя, совершившее рядъ открытій въ иномъ направленіи, не пришло ему на помощь.

Впрочемъ, въ ранѣе приведенной формулѣ Тардъ видитъ условія застоя не въ одной только изолированности данной группы людей, но еще и въ ихъ *локализаціи*, т. е. отсюда надо заключить, что перемѣна мѣста или внѣшнихъ условій жизни можетъ вызвать и новую изобрѣтательность, а, стало быть, и дальнѣйшій прогрессъ, безъ столкновенія съ другими племенами или, говоря точнѣе, ихъ изобрѣтеніями.

Но почти тотъ же взглядъ проводитъ и Гербертъ Спенсеръ, опредѣляя причины остановки развитія древнихъ цивилизацій. Данное племя, при извѣстныхъ климатическихъ и географическихъ условіяхъ, создаетъ извѣстную цивилизацію, наприм., въ жаркомъ климатѣ. Изобрѣтенія этой цивилизаціи позволяютъ нѣкоторымъ піонерамъ этой цивилизаціи, — или этихъ цивилизацій, — перебраться сѣвернѣе, въ менѣе благопріятныя условія внѣшней обстановки, борьба съ которыми вызываетъ дальнѣйшій, своеобразный прогрессъ.

Въ настоящее время можно сказать, что этотъ прогрессъ, наприм., европейскій, возвращается снова на югъ т. е., по закону Тарда, служитъ предметомъ подражанія въ Японіи, Китаѣ и т. п., гдѣ онъ можетъ развить совершенно новыя и неожиданныя формы и, въ свою очередь, вліять на дальнѣйшій прогрессъ сѣверныхъ народовъ.

Мы не вполнѣ передали бы идеи Тарда, если бы

не сказали въ заключеніе нѣсколькихъ словъ отомъ, что онъ понимаетъ подъ «соціальной логикой».

Если человѣкъ есть существо подражательное,—говоритъ авторъ,—*то это потому, что онъ изобрѣтателенъ*. Въ самомъ дѣлѣ, если бы онъ не изобрѣталъ то и подражать было бы не чему. Но менѣе очевидно другое положеніе Тарда: *если человѣкъ изобрѣтателенъ, то это потому, что онъ логиченъ*. Пояснимъ эту мысль: изобрѣтельность и логика, по мнѣнію Тарда,— одно и тоже. Что такое изобрѣтеніе или открытіе, какъ не отвѣтъ на задачу? И этотъ отвѣтъ состоитъ всегда въ томъ, чтобы связать между собою или способы дѣйствія, бывшіе до тѣхъ поръ раздѣльными и безплодными, но которыя становятся плодотворными, разъ они приводятся въ отношеніе *средствъ къ цѣли*, или же мы связываемъ между собою идеи и понятія, которыя, казалось, не имѣли до тѣхъ поръ ничего общаго (наприм., паденіе тѣлъ на землю и тяготѣніе луны къ землѣ, связанныя Ньютономъ), а теперь приводятся въ не менѣе плодотворное отношеніе причины къ дѣйствію.

Правда, случается и такъ, что новое открытіе, стремясь подтвердить или укрѣпить взаимно какія-либо идеи или дѣйствія, или вѣрованія, или желанія, достигаетъ обратнаго результата, т. е. дѣлаетъ или безполезными, или неудобными предъидущія открытія и, такимъ образомъ, создаетъ новыя про-

тиворѣчія. Но тогда заставляетъ себя чувствовать,—болѣе или менѣе сильно, смотря по мѣсту и времени,—потребность лечить эту болѣзнь, согласовать между собою эти частные аккорды. Тутъ наступаетъ работа основателей религій или философовъ—въ области ума, моралистовъ и законодателей—въ сферѣ дѣятельности. И не есть ли эта новая логическая работа въ свою очередь великое изобрѣтеніе, высшее открытіе?

По мѣрѣ того, какъ данный народъ испытываетъ потребность открывать и изобрѣтать, въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, онъ чувствуетъ также и потребность оригинально связывать, соподчинять свои открытія и тѣ потребности, которыя они въ немъ возбудили. И эти философскія системы, а также и его правовые кодексы представляются грандіозными машинами, дѣлающими такую-же честь человѣческому генію, какъ электрическій телеграфъ или формула тяготѣнія. Законодатель по отношенію къ инженеру есть то же, что философъ по отношенію къ ученому. И тѣ, и другіе суть различные работники логики: каждый изъ нихъ отвѣчаетъ по своему предмету на ту могучую задачу, которая, какъ и всѣ другія задачи, рожденныя изъ нашихъ потребностей, вновь рождаются изъ этихъ же самыхъ рѣшеній, становятся страстью, затѣмъ ослабѣваютъ, успокаиваются и возрождаются вновь съ еще большею возбужденностью, а иногда и тревогой (стр. 191).

Говоря иначе, это значитъ, что «человѣкъ есть существо логическое» и что его потребность систематической координаціи (связи, соподчиненія) обладаетъ то избыткомъ возбужденія, то слѣдующимъ

за нимъ періодомъ покоя, «когда онъ питается нѣкоторое время этими самыми удовлетвореніями своими». Среди данныхъ, не связанныхъ взаимно понятій, примитивный арабъ, индусъ, еврей искали ощупью согласія. Вотъ они думаютъ, что нашли его, благодаря религіозному открытію человѣка, считающагося богомъ или полубогомъ, и тотчасъ же ихъ жажда истины, выражаемая систематизированными вѣрованіями, изъ слабой,—какой она была ранѣе,—становится очень сильной. Логическая работа, произведшая это божественное слово, не останавливается на немъ; она продолжаетъ работать надъ нимъ, такъ какъ это слово представляетъ нѣкоторыя неясности и, примѣненное къ фактамъ, заставляетъ чувствовать тысячи затрудненій совершенно новыхъ. Нужно разсѣять эти сомнѣнія, дополнить гармонію; надъ этимъ трудятся теологи. Они продолжаютъ дѣло основателя своей религіи; какъ и онъ, они говорятъ только о соглашеніи противорѣчивыхъ данныхъ: эти данныя для нихъ, какъ и для него, суть, съ одной стороны, тексты, а съ другой—факты. Затѣмъ, когда всевозможныя средства согласованія придуманы, когда лучшія изъ нихъ приняты, теологическій монументъ кажется пришедшимъ къ своему увѣнчанію. Но, однако, такъ-ли это? Мы знаемъ, что скоро вторгнутся новыя данныя, научныя наблюденія и опыты или даже идеи, возбужденныя соприкосновеніемъ съ чужестранными религіями. Отсюда возникаютъ новыя усилія для рѣшенія новыхъ задачъ. И такъ далѣе (стр. 194).

Тоже происходитъ, когда дѣло идетъ не о вѣрованіяхъ, а о желаніяхъ, которыя нужно привести въ

гармонію. Желанія, рождающіяся въ человѣкѣ, также не связаны, какъ и его идеи. Сдѣлать изъ этого хаоса міръ, преобразовать эту безсвязность во взаимную зависимость,—все равно, въ сердцѣ ли одного человѣка или затѣмъ въ соціальной группѣ,—вотъ задача, которую ставятъ себѣ первые законодатели, соединяясь часто съ основателями культовъ.

Мы изложили основныя положенія и доводы Тарда.

Говорить о томъ, что они не исчерпываютъ всѣхъ условій прогресса, мы не находимъ даже нужнымъ: вопросъ этотъ такъ великъ и сложенъ, что ожидать его окончательнаго рѣшенія теперь было бы болѣе чѣмъ наивно. Еще десятки лѣтъ онъ будетъ открытымъ. Но работа Тарда, во всякомъ случаѣ, вноситъ въ него новый свѣтъ, даетъ гипотезу, расширяющую наше пониманіе общественнаго процесса, а главное, какъ мы уже замѣтили въ началѣ, она очищаетъ дорогу личному человѣческому творчеству, она дѣлаетъ человѣка, т. е. его личность, настоящимъ центральнымъ двигателемъ прогресса, не исключая изъ этой работы даже и самыхъ маленькихъ смертныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, если возбудителями прогресса являются изобрѣтатели во всѣхъ сферахъ умственной, нравственной и экономической жизни, то совершителями прогресса являются массы, которыя воспринимаютъ, перенимаютъ, подражаютъ.

Подражаніе, по Тарду, не есть обезьянство. Нѣтъ, мы видѣли, что оно, въ большинствѣ случаевъ, должно быть разумно, потому что руководится логи-

кой массъ, хотя иногда и смутною, т. е. двигающеюся ощупью. Несомнѣнно, что въ исторіи мы можемъ отыскать тысячи примѣровъ, гдѣ благодаря этой смутности, этому исканію ощупью, человѣчество перенимало на ряду съ нужными и необходимыми ему вещами множество не только безполезныхъ, но и вредныхъ примѣровъ. Оно увлекалось иногда не одними геніями добра, правды и мира, но и геніями разрушенія; рядомъ съ Сименсомъ или Ньютономъ оно шло за Наполеонами и Бисмарками. Но это-то всего лучше доказываетъ, что въ прогрессѣ есть еще одинъ важный элементъ, который почти не намѣченъ у Тарда: кромѣ изобрѣтателей и подражателей, есть люди, подготовляющіе и хорошихъ изобрѣтателей, и хорошихъ подражателей. Это—апостолы религіи или популяризаторы лучшихъ философскихъ идей и, наконецъ, научныхъ истинъ и открытій. Ихъ заслуги для прогресса огромны: безъ нихъ и изобрѣтенія могли бы идти въ сторону, не имѣющую ничего общаго съ благомъ большинства, клонясь въ сторону личныхъ эгоистическихъ цѣлей; безъ нихъ—подражательность массъ направлялась бы на явленія уродливыя и вредныя.

Здѣсь мы приходимъ къ тому, что прогрессъ обществъ и ихъ формъ немыслимъ безъ совершенствованія личностей и въ умственномъ, и въ моральномъ отношеніи: моральные идеалы и инстинкты направляютъ изобрѣтательность и популяризацію на благо большинства *) и тѣ же моральные

---

*) Искусство я считаю отчасти также популяризаціей религіозныхъ, философскихъ, этическихъ и научныхъ идей.

идеалы и инстинкты руководятъ массами въ выборѣ предмета подражанія. Выработка мысли, интеллекта, конечно, не менѣе необходима. Но и то, и другое есть, разумѣется, въ началѣ—личное совершенствованіе.

Чтобы задуматься о какомъ-либо улучшеніи, имѣющемъ цѣлью не личное, а общее благо большинства, а тѣмъ болѣе, чтобы посвятить ему свои силы, свою жизнь, необходимо имѣть и нѣкоторое мужество, и самоотверженіе, и любовь къ людямъ, и сильную волю, и, наконецъ, извѣстные нравственные идеалы или инстинкты, которые заставляли бы не удовлетворяться даннымъ состояніемъ.

И этого мало: общественнымъ состояніемъ можно быть недовольнымъ въ двухъ противуположныхъ направленіяхъ: американскій плантаторъ тоже недоволенъ, но его идеалъ—рабство чернокожаго работника. Онъ также готовъ усиленно дѣйствовать для «улучшенія» общественныхъ формъ (конечно, съ точки зрѣнія его идеаловъ и инстинктовъ). А развѣ какой нибудь завзятый обскурантъ не «мальконтентъ»? Развѣ онъ не пропагандируетъ «улучшенія» общества сообразно своему идеалу лучшаго, напр., всеобщаго господства кулака или розогъ?

Не ясно ли изъ этихъ двухъ примѣровъ, что не только самая работа общественная требуетъ предварительной нравственной выработки личности, но и направленіе этой работы. У одного нравственная выработка такова, что ея идеаломъ становится розга, а вся общественная изобрѣтательность и дѣятельность, при таковой выработкѣ, направляется въ сторону идеала, осуществленнаго на практикѣ

знаменитымъ Держи-Мордой; у другого нравственная выработка даетъ и другіе идеалы, и другія чувства; такихъ идеаловъ, такихъ чувствъ много, цѣлая лѣстница. Внизу этой лѣстницы—маленькіе идеалы обычно-честной жизни, съ наименьшею суммой зла и вреда, а на вершинѣ болѣе крупные идеалы общественной дѣятельности и подвиговъ.

Мы видѣли, что общественныя или правовыя формы могутъ мѣняться только работой *личности* или личностей, дѣйствующихъ въ качествѣ изобрѣтателей, популяризаторовъ и перенимателей. Вліяніе внѣшней природы само по себѣ не создаетъ прогресса. Скорѣе можно сказать, что природа только и дѣлаетъ, что стремится подавить всякій прогрессъ и самого человѣка. Но это вызываетъ въ человѣкѣ противодѣйствіе, изобрѣтательность, борьбу съ природой воли, вооружающейся сперва разумомъ, а затѣмъ его все возростающими орудіями—наукой и практическими искусствами.

Но мы видѣли случаи, когда прогрессъ, повидимому, останавливался, — при изолированности и локализаціи племени,—исчерпавъ небогатый рудникъ изобрѣтательности даннаго племени. Въ тоже время, очевидно, условія среды и выработавшіяся формы общества до такой степени отливали личность по своему образцу, что она уже не могла идти впередъ, не могла изобрѣтать, или же большинство доходило до такой окоченѣлости, что не могло воспринимать изобрѣтеній.

Если бы такой случай повторялся постоянно, то

мы очутились бы въ замкнутомъ кругѣ (circulus viciosus), гдѣ личность не могла бы развиться, пока не измѣнится среда, а среда, не можетъ измѣниться безъ измѣненія личности. Но этотъ замкнутый кругъ только кажущійся: вѣдь, подобный случай можетъ быть, какъ мы видѣли, только при полной изолированности отъ вліяній другихъ народовъ, а въ настоящее время это—случай исключительный, почти невозможный: сообщеніе между людьми распространяется по всему земному шару. Стало быть, въ нашемъ замкнутомъ кругѣ вѣрна только одна половина: общество не можетъ прогрессировать помимо дѣятельности личности, но личность можетъ прогрессировать и среди неизмѣнившихся формъ, напримѣръ, подъ вліяніемъ извнѣ, благодаря знакомству съ другимъ племенемъ, его литературой и т. п.

Однимъ словомъ, хотя вліяніе среды и общественныхъ формъ на личность несомнѣнно, но оно не абсолютно, тогда какъ измѣненіе общественныхъ формъ зависитъ исключительно отъ личности (если, конечно, устранить такія вліянія природы, которыя независимы отъ человѣка, но и они, какъ мы видѣли, дѣйствуютъ на общество только черезъ личность).

Неабсолютное дѣйствіе среды и общественныхъ формъ на личность доказывается еще и тѣмъ, что при однихъ и тѣхъ же условіяхъ среды и общественныхъ формахъ являются самые разнообразные типы личностей: и герои и трусы, и мыслители-мудрецы и идіоты. И возникаютъ они не только въ одномъ и томъ же обществѣ, но и въ одной и той же кастѣ, сословіи, профессіи. Очевидно, что условія возникновенія того или иного свойства личностей

не исчерпываются вліяніемъ среды и общественныхъ формъ.

Отсюда одинъ выводъ: въ дѣлѣ улучшенія общественной среды нельзя начать съ общества, не начавъ съ личности. Значитъ, самосовершенствованіе или усовершенствованіе личности есть условіе sine qua non общественнаго прогресса.

Такимъ образомъ, вопросъ можетъ быть только о томъ, какія цѣли должно преслѣдовать самосовершенствованіе личности и ея выработка.

На этомъ можно бы было покончить; однако, мы еще должны отвѣтить защитникамъ противуположнаго мнѣнія, утверждающимъ, будто бы формы общества не существуютъ de facto или отдѣльно отъ личностей, что онѣ будто бы только наше же обобщеніе или, вѣрнѣе, абстракція, отвлеченіе отъ установившихся отношеній.

Этотъ взглядъ на общественныя формы не выдерживаетъ критики. Нѣкоторое подобіе истины у него есть если мы ограничимся однимъ обычаемъ, или *обычнымъ правомъ*. Но и тутъ отождествленіе этого права съ личностью есть только игра словами, и вотъ почему: такъ какъ общество состоитъ изъ личностей, то, конечно, всѣ его невещественныя произведенія, напримѣръ, языкъ, религія, обычное право, вмѣщаются въ личностяхъ, въ ихъ умахъ, привычкахъ, чувствахъ, инстинктахъ, въ ихъ мозгахъ и даже нервахъ. Но первобытный языкъ, какъ и первобытное право, вовсе не есть свободное выраженіе личной воли каждаго. Нѣтъ. Какъ справедливо замѣчаетъ Тардъ,—у кото-

раго мы и заимствуемъ наше сравненія языка съ правомъ, — слова и формы рѣчи изобрѣтаются единицами и затѣмъ заимствуются массами путемъ подражанія (стр. 204 и слѣд.). Разъ языкъ установился, онъ, какъ и право, становится обязательнымъ, навязывается каждому невольно, съ колыбели. Только этимъ путемъ возможно единство языка, какъ и единство права.

Каждой отдѣльной личности тутъ приходится подчиняться тому, что принято всѣми, или изобрѣсти что-нибудь такое новое, что было бы принято всѣми. Пока изобрѣтеніе, напримѣръ, выдуманное слово, не принято,—оно звукъ пустой, оно не достигаетъ никакой цѣли, такъ какъ цѣль слова есть взаимное пониманіе, а словъ не принятыхъ никто понять не въ состояніи.

Посмотримъ же, сколько условій требуется выполнить, чтобы новое слово или новая правовая форма были приняты.

«Какъ извѣстно, — говоритъ Тардъ, — право и языкъ суть предметы подражательные и рутинные по преимуществу. Здѣсь все происходитъ только вѣчною и сложною игрой трехъ формъ подражанія: подражанія другому, подъ двумя видами — путемъ копированія современнаго образца (*мода*), древняго образца (*обычай*) и, наконецъ, путемъ подражанія себѣ самому (*привычка*)».

Это наглядно показываетъ читателю, что формы общества,—которыя суть ничто иное, какъ обычаи и *право* (или законодательство) данной страны,—далеко не составляютъ свободнаго и произвольнаго проявленія или выраженія каждой личности. Говорить, поэтому, о томъ, что хорошіе люди могутъ превосходно жить при всякихъ правовыхъ формахъ, это все равно что утверждать, будто бы хорошіе люди могутъ обойтись безъ усовершенствованій въ языкѣ, безъ введенія въ него новыхъ словъ и новыхъ формъ, соотвѣтствующихъ появленію среди людей новыхъ предметовъ, новыхъ понятій, новыхъ отношеній. Конечно, хорошіе люди, да и не хорошіе, «прожить» могутъ, но обмѣнъ мыслей и чувствъ между ними будетъ крайне затрудненъ недостаткомъ средствъ выраженія. А это на каждомъ шагу будетъ порождать недоразумѣнія и практическія неудобства, стѣсняющія жизнь, мѣшающія ея полнотѣ и развитію.

Только въ одномъ смыслѣ, — да и то переносномъ,—можетъ быть принято положеніе, что право или общественныя формы суть сами же люди; это— въ томъ смыслѣ, что, достигая извѣстной моральной высоты, личности не вынесутъ и формъ, лежащихъ ниже этого уровня: такъ народъ, мораль котораго переросла форму рабства, не будетъ выносить рабства, какъ общественной формы. Могутъ сказать, что, наоборотъ, люди, не переросшіе формы, напримѣръ, рабства, будутъ оставаться въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ рабами еще долго послѣ уничтоженія формы, если она уничтожена преждевременно. Но что же изъ этого? Можно сказать съ увѣренностью, что даже при своевременномъ уничтоженіи извѣстной формы, которую переросло большинство, прежнія отношенія, напримѣръ, раболѣпство освобожденнаго крѣпостного, будутъ продолжаться нѣкоторое время по привычкѣ. Но чтобы уничтожилась привычка, нѣтъ иного средства, какъ прекратить ея *упражненіе*,

т. е. дѣятельность формы, постоянно вызывающей ее вновь и вновь. Съ уничтоженіемъ формы постепенно уничтожается привычка. Не измѣняя формы, мы и привычку могли бы длить вѣка. Молодой человѣкъ, выросшій подъ строгою семейною властью, никогда не научится жить самостоятельно, если его не перестанутъ держать на помочахъ. Выпущенный въ самостоятельную жизнь, онъ сперва, быть можетъ и почувствуетъ себя неловко. Но нѣтъ иного способа сдѣлать изъ ребенка (въ практическомъ отношеніи) человѣка зрѣлаго (въ этомъ же отношеніи). А, между тѣмъ, искусственное сохраненіе положенія, которое переросли созрѣвающія потребности, грозитъ неисчислимыми бѣдами.

Такимъ образомъ, общественныя формы хотя и имѣютъ своими носителями личность, но, въ совокупности личностей, называемой обществомъ, они образуютъ какъ бы особую общую всѣмъ идеальную или психическую ткань. И эта ткань живетъ, до извѣстной степени, своею особою жизнью, хотя и связанной съ общею жизнью, но все же настолько самостоятельно, что иногда, становится узка, тѣсна и стѣснительна; иногда наоборотъ, она дѣлается шире потребностей цѣлаго. Таковы почти всѣ невещественные продукты общества. Зависитъ это отъ того, повторяю, что выростаютъ они не изъ каждой отдѣльной личности, а изъ немногихъ, болѣе изобрѣтательныхъ особей; другими же только перенимаются или помимовольно прививаются къ нимъ.

Но уступимъ теперь мѣсто самому Тарду.

Л. Е. Оболенскій.

Г. ТАРДЪ.

I. ПРИМИТИВНАЯ СЕМЬЯ

Для рѣшенія вопроса о томъ, каково было устройство первобытной семьи, писались томы за томами и при этомъ никто не задавался вопросомъ, имѣются-ли достаточныя основанія считать, что это устройство было вездѣ одинаково. Такихъ основаній, по меньшей мерѣ, не было, и это доказывается тѣми противорѣчивыми результатами, къ которымъ приводили изслѣдованія, производившіяся съ одинаковой добросовѣстностью. Весьма рѣдко имѣешь удовольствіе отъискать согласіе у изслѣдователей этого вопроса,—Моргана, Макъ Леннана, Бахофена, Штарке, Герберта Спенсера и Сёмнера Мэна. И, тѣмъ не менѣе, многіе писатели продолжаютъ неизмѣнно высказывать нижеслѣдующія гипотезы, сдѣлавшіяся въ наукѣ общими мѣстами: въ началѣ былъ промискуитетъ (смѣшеніе половъ), затѣмъ матріархатъ (главенство матери), поздѣе патріархатъ (главенство отца) и т. д. Д'Агуанно считаетъ возможнымъ доказать, что примитивная семья не могла быть моногамической (съ однимъ мужемъ у каждой женщины), хотя моногамія существовала уже у высшихъ животныхъ, и доказываетъ онъ это тѣмъ соображеніемъ, что, если-бы даже моногамія и появилась на мгновеніе, то образованіе первой орды должно-бы было ее разложить. «Необходимо при-

нять—говоритъ онъ,—что первобытное общество на нѣкоторое время разрушало семью, до тѣхъ поръ, пока она не появилась вновь послѣ *процесса*, тянувшагося въ теченіи многихъ столѣтій.» Вотъ сильное воображеніе! Можете-ли вы представить себѣ человѣческія существа, которыя, послѣ того, какъ у каждаго изъ нихъ была своя собственная жена,—согласились-бы на промискуитетъ орды? Мнѣ скажутъ, что *пещерная жизнь* совершенно не позволяла троглодитамъ (обитателямъ пещеръ) устраивать отдѣльныя хозяйства и семьи. Почему-же? Развѣ каждая семья не могла имѣть своей пещеры или грота? развѣ легче представить себѣ орду, имѣющую общихъ женъ, и живущую въ одномъ гротѣ? И какое заблужденіе—вѣрить, что орда есть единственное или изначальное состояніе человѣка и что между обществомъ и семьею, въ ея зародышевыхъ фазахъ, существовалъ постоянный антагонизмъ! Не естественнѣе-ли предположить такой порядокъ: въ первобытной толпѣ могли возникать и находиться долгое время рядомъ самыя различныя, не сходныя попытки семейной организаціи. А такъ какъ кое гдѣ являлись попытки и патріархальной организаціи, то они, какъ наиболѣе прочныя, развивались *). Это развитіе

*) Патріархальная семья есть режимъ единоличной отеческой власти, полноправное управленіе семьей, которое единовременно представляется—и уравнивающимъ, и деспотическимъ. Чтобы такой порядокъ существовалъ въ началѣ *всѣхъ* независимыхъ другъ отъ друга, общественныхъ эволюцій, представляется мнѣ весьма невѣроятнымъ; но что онъ существовалъ въ началѣ тѣхъ эволюцій, которыя кончились побѣдой въ

произвело извѣстное раздробленіе хаотической толпы на многочисленныя колоніи.

Происшедшее отсюда племя было просто федераціей такихъ семей. Но такъ какъ семья должна была выбрасывать изъ себя элементы, не поддававшіяся дисциплинѣ, то не слѣдуетъ ли предположить, что эти отверженцы различныхъ семействъ иногда объединялись и скоплялись то тамъ, то сямъ въ орды? И эти-то орды, естественные враги всякой правильной семьи, тѣмъ не менѣе, не должны-ли были организоваться тоже по образцу типа какой нибудь семьи, такъ какъ у нихъ не было никакого иного соціальнаго образца для подражанія?

Если слѣдовать мнѣнію д'Агуано,—который увѣренъ, что онъ резюмируетъ послѣднее состояніе доисторической археологіи,—то люди, прятавшіеся въ гротахъ, въ эпоху тесаннаго камня, «ходили голые, не имѣли собственности и семьи, не имѣли постоянныхъ главъ или предводителей, и не знали раздѣленія труда» (стр. 115). Сколько словъ, сколько предположеній, опровергаемыхъ археологическими данными!

Скульптурные жезлы предводителей, найденные

общей борьбѣ цивилизацій, это, какъ мнѣ кажется, очень правдоподобно показалъ Семперъ Мэнъ въ одномъ изъ наиболѣе серьезныхъ своихъ этюдовъ. Идея этой организаціи началась съ того, что оно явилось нѣкотораго рода изобрѣтеніемъ, которое мало по малу было принято, благодаря своимъ выгоднымъ послѣдствіямъ. Но несомнѣнно, что въ тоже время появлялись и другія идеи, и вытѣснить ихъ отовсюду было не только трудно, но даже и невозможно.

въ этихъ гротахъ, указываютъ даже,—какъ объяснилъ Ларте,—на извѣстную іерархію, обозначавшуюся числомъ отверстій; это доказываетъ, что обитатели такихъ гротовъ имѣли правильныхъ и постоянныхъ предводителей, такъ какъ для краткосрочныхъ предводителей не создали-бы этой относительной роскоши орнаментовъ и изображеній. Столь-же мало справедливости въ томъ, что они будто-бы не знали раздѣленія труда: ихъ каменная утварь имѣла весьма различныя и спеціальныя назначенія, а нѣкоторые археологи увѣряютъ, что у нихъ были очень развиты отношенія обмѣна.

Открытіе орудій изъ тесаннаго камня, сдѣланныхъ изъ породъ, не существующихъ въ той мѣстности (изъ породъ экзотическихъ), заставляетъ повидимому даже предполагать установленіе нѣкотораго рода международной торговли на большихъ разстояніяхъ, и именно въ эпоху, предшествующую полированному камню. Эти троглодиты не ходили нагими, если судить по тѣмъ скребкамъ, которые, какъ полагаютъ, должны были служить для выскабливанія кожъ животныхъ, а также по ихъ прекраснымъ иглamъ изъ граненыхъ костей съ просверленными ушками; такія иглы служили несомнѣнно для сшиванія этихъ кожъ. Отсюда легко предположить, что троглодиты имѣли собственность и семьи.

Можно легко согласиться съ тѣмъ, что совмѣстное существованіе многихъ озерныхъ деревень, расположенныхъ невдалекѣ другъ отъ друга, свидѣтельствуютъ о мирныхъ и дружественныхъ отношеніяхъ между ними и о взаимномъ уваженіи у нихъ къ правамъ другъ друга. Но на какомъ-же

основаніи можно думать, что эти «чувствованія справедливости и несправедливости», даже и зародились среди этихъ жителей озеръ? Развѣ въ предшествующія эпохи мы не видимъ также населенныхъ пещеръ, расположенныхъ очень близко другъ къ другу? Эта пещерная группировка, считающаяся одновременной,—представляетъ фактъ, обычный во всѣхъ долинахъ, гдѣ открыты такія пещеры, напр., въ долинахъ Везера и Дордоньи. Развѣ такое близкое сосѣдство было-бы возможно, если признать гипотезу, что маленькія общины, обитавшія въ этихъ пещерахъ, были въ постоянной войнѣ другъ съ другомъ, или что они не признавали и не уважали никакого права, или что у нихъ не существовало даже никакого признака международнаго права? Нѣтъ, даже по взглядамъ самаго д'Агуанно, я думаю, нужно представлять себѣ эти пещерныя группы въ видѣ мирныхъ союзовъ (федерацій), объединенныхъ торговыми сношеніями. Если начало человѣчества лежитъ здѣсь,—хотя я думаю, что здѣсь только *одно* изъ безчисленныхъ началъ,—то я не вижу ни малѣйшаго основанія воображать нашихъ первичныхъ предковъ въ видѣ какихъ-то кровожадныхъ тигровъ. Это были покойные охотники, иногда рыболовы, проводившіе свое время,—когда была хорошая погода,—въ ловлѣ звѣрей или охотѣ, а въ дождливые дни,—выдѣлывавшіе и сшивавшіе кожи животныхъ, убитыхъ ими.

Но разсмотримъ нѣсколько ближе пресловутый рядъ, о которомъ мы говорили ранѣе, т. е. промискуитетъ, матріархатъ и патріархатъ. Трудно себѣ представить что либо болѣе фантастическое, какъ

такой порядокъ. Этотъ всемірный промискуитетъ, священный гетеризмъ, который пригрезился Бахофену,—гдѣ-же доказательства,—я уже не говорю, его всеобщности,—но просто его дѣйствительнаго существованія даже въ самыя древнія времена. Самый очевидный образчикъ, на который можно сослаться, относительно коммунизма женъ, это индусское племя наировъ; но вѣдь ихъ общественное состояніе крайне далеко отъ примитивнаго; у нихъ, напр., уже образовалась каста «благородныхъ»; и Штарке *) имѣлъ полное право сказать, что у нихъ этотъ порядокъ не только не былъ начальнымъ пунктомъ эволюціи, а былъ послѣднимъ моментомъ долгой эволюціи. Одна изъ свадебныхъ церемоній [надо замѣтить, что они имѣютъ свадьбы для своихъ браковъ на 24 часа], доказываетъ, что въ предшествующую эпоху имъ былъ извѣстенъ вѣрный и продолжительный бракъ. Можно-ли священную проституцію, которая была обязательной въ Вавилонѣ для всѣхъ женщинъ одинъ разъ въ жизни,—объяснять тѣмъ, что она есть остатокъ той эпохи, когда вавилонянки были общими женами для всѣхъ мужчинъ Вавилона? Но вѣдь онѣ должны были отдаваться,—по этому священному обычаю,—не туземцамъ, а иностанцамъ ,а такъ какъ это жертвоприношеніе своей личностью совершалось въ храмѣ Афродиты (богини любви), то всего естественнѣе объяснять такую форму культа желаніемъ быть пріятной этой нецѣломудренной богинѣ, прославляя ее обычаемъ, соотвѣтствующимъ ея вкусу, какъ прославляли боговъ войны военными играми. Правда, могутъ спросить, какимъ-же образомъ это обоготвореніе нецѣломудренности могло проникнуть въ страну, если-бы ранѣе тамъ господствовала женская чистота.

*) Famille primitive, стр. 81.

Скажу только одно: не слѣдуетъ забывать замѣчательнаго историческаго явленія, на которое весьма часто обращаютъ мало вниманія, а именно: перемежающихся между-народныхъ припадковъ подражательности, совершенно не мотивированныхъ, но безъ которыхъ было бы невозможно понять ни какого культа (религіозныхъ обрядовъ). Развѣ мы не видимъ въ средніе вѣка, какъ среди группъ совершенно цѣломудренныхъ, вдругъ, благодоря религіознымъ нововведеніямъ,—напримѣръ, у альбигойцевъ, — распространяется самая необузданная чувственность?

Много говорилось о «кувадѣ», любопытномъ обычаѣ нѣкоторыхъ племенъ: по этому обычаю отецъ послѣ рожденія ребенка, долженъ лечь въ постель, пустить себѣ кровь, вызвать въ себѣ тошноту и позволить лечить себя какъ больнаго, подвергаясь самымъ болѣзненнымъ способамъ врачеванія. Въ этомъ видѣли подражаніе «материнству» и лицедѣйственное «переживаніе» *) матріархата, которое обязывало отца сперва стать матерью, чтобы затѣмъ быть признаннымъ въ качествѣ домашняго авторитета. Но, какъ теперь доказываетъ Штарке и другіе ученые, этотъ обычай напоминаетъ многіе иные, болѣе распростра-

*) То есть, уцѣлѣвшій остатокъ матріархата. *Ред.*

ценные и смыслъ которыхъ болѣе ясенъ; по этому сходству можно заключить, что «кувада» была установлена не для отца и не для матери: она явилась въ интересахъ ребенка, которому этимъ способомъ предполагали передать отцовскую храбрость, давая отцу случай обнаружить ее, потому что «необходимо было имѣть огромную храбрость. чтобы подвергнуть себя всѣмъ этимъ пріемамъ леченія, весьма многочисленнымъ и продолжительнымъ». Точно также совершенно напрасно видѣть въ наслѣдованіи по матери, въ обычаѣ называть ребенка сыномъ своей матери, а не сыномъ своего отца (т.-е. называть его не по отечеству, а по материнству),—остатокъ исчезнувшаго матріархата. Въ патріархальномъ обществѣ полигамія (многоженство) — которая совершенно противоположна матріархату—должна была понеобходимости сдѣлать господствующимъ этотъ обычай съ тою цѣлью, чтобы дать возможность различать дѣтей рожденныхъ отъ одной и той-же матери.

Если-бы было вѣрно, что мать въ древнемъ періодѣ общества, составляла общее достояніе, прежде чѣмъ доставалась отцу,—этому владыкѣ семьи,—то какое-же болѣе блестящее доказательство можно было-бы дать для первоначальной доброты человѣка и силы чувствованій привязанности у нашихъ предковъ? Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь краткое признаніе власти женщины,—этого слабаго существа,—со стороны ея мужа или мужей, ея братьевъ, ея дѣтей—всѣхъ этихъ воиновъ, которые были безконечно выше ея по храбрости, силѣ, даже уму,—было-бы необъяснимо ничѣмъ инымъ, кромѣ огромнаго развитія любви или сыновняго чувства.

Могутъ сказать, что повсюду у некультурныхъ народовъ, женщинамъ приписывается чаще, чѣмъ мужчинамъ, таинственная и сверхъестественная сила, порождающая страхъ, а не любовь. На это я отвѣчу, что подобный престижъ (волшебства или колдовства) былъ явленіемъ исключительнымъ, а потому не могъ-бы служить достаточнымъ мотивомъ для соціальнаго преобладанія женщины и даже самъ объясняется только сильной чувствительностью къ ея собственнымъ чарамъ, къ ея половому магическому вліянію. Однако, по странному противорѣчію, теоретики матріархата имѣютъ въ своей средѣ такихъ ученыхъ, которые окрашиваютъ первобытные нравы въ самые мрачные цвѣта.

Но существовалъ-ли этотъ знаменитый матріархатъ въ дѣйствительности?

Штарке говоритъ: женщина никогда не имѣла бо́льшихъ правъ, чѣмъ мужчина, или даже такихъ правъ, которыхъ не было бы у него. Только въ нѣкоторыхъ африканскихъ племенахъ, напримѣръ, у бечуановъ и у большинства другихъ группъ, банту, мать семейства присутствуетъ въ совѣтѣ, мужъ часто подчиняется своей женѣ, совсѣмъ какъ европеецъ, а дѣти обожаютъ мать въ теченіи всей ея жизни,—что также не составляетъ рѣдкаго исключенія въ самой Европѣ. Иными словами, женщина участвуетъ здѣсь въ правахъ мужчины; въ нѣкоторыхъ племенахъ она можетъ даже стоять во главѣ, какъ англійская королева, но съ тѣмъ же титуломъ, какой носятъ тамъ и главы изъ мужчинъ; никакого особаго званія ей не присваивается.

Однако, если кое гдѣ и встрѣчаются малень-

кіе народцы, — какъ наприм., азіатскіе кукчи, гдѣ оженоподобившіеся мужчины почтительно подчиняются волѣ своихъ женъ и бабокъ,—при чемъ эти послѣднія захватили монополію храбрости и труда,— то возможно-ли изъ этого полового извращенія, (случайнаго и болѣзненнаго, какъ и множество другихъ половыхъ извращеній, съ такимъ любопытствомъ изучаемыхъ въ наше время) выводить смѣло общее правило для дикаго человѣка? Я прибавлю, что племена, стоящіе дѣйствительно на нисшей ступени соціальнаго развитія, между прочимъ бушмены и готентоты, совершенно не знаютъ матріархата *).

Однако, d'Агуанно рисуетъ намъ матріархальную прабабку такъ, какъ будто онъ видѣлъ ее самъ, при исполненіи ею своихъ судебныхъ функцій; онъ разсказываетъ намъ, какимъ образомъ она передавала патріарху семейный тронъ. По правдѣ сказать, мы были немножко удивлены, узнавъ что эта чудесная замѣна «патріархіей» «матріархіи» оказалась не произведшей никакой замѣтной перемѣны въ

Есть статья Клодіо Жанне (Соціальная реформа 15 іюля 1886 г.), о книгѣ оксфордскаго ученаго англичанина Debas «Изслѣдованія о жизни семьи.» Авторъ показываетъ, что обычай, прикрѣпляющій дѣтей больше къ матери чѣмъ къ отцу (Материнское право, das Mutterrecht) зарождается спонтанно при извѣстныхъ экономическихъ и моральныхъ условіяхъ и не коимъ образомъ не можетъ служить доказательствомъ предшествующаго состоянія поліандріи (многомужества) или комунальнаго брака. Доказательствомъ этого служитъ египетское общество въ демотическую эпоху. Клодіо Жанно цитируетъ по этому поводу мысль высказанную Бертилліономъ (извѣстный

юридическомъ организмѣ. Остается узнать только, каковъ же былъ юридическій организмъ въ эти воображаемыя времена? По мнѣнію авторовъ, обладающихъ не столь пылкимъ воображеніемъ, матріархатъ,—тамъ, гдѣ онъ случайно оказывается,—является только послѣ патріархальнаго режима и не можетъ явиться иначе какъ лишь послѣ него.

Тотъ юридическій прогрессъ, который мы знаемъ изъ наблюденій подъ дѣйствительной исторіей человѣчества, представляетъ намъ не сверженіе женщинъ и не порабощеніе ихъ послѣдовавшее за предполагаемымъ ихъ абсолютизмомъ, а наоборотъ, постепенную эмансипацію женщины, позволившую ей перейти отъ состоянія рабства къ эрѣ свободы и относительной авторитетности или властности. Но даже и этотъ фактъ, быть можетъ, нужно обобщать съ нѣкоторой осторожностью. Въ самомъ дѣлѣ, хотя часто говорили и повторяли, что прогрессъ права *всегда* совершается въ направленіи наибольшаго освобожденія женщинъ, постепенно уравнивающаго ее съ мужемъ, однако, такое выраженіе будетъ не точно. Достаточно взять исторію египетскаго права, начи-

---

статистикъ), который будучи пораженъ множествомъ незаконныхъ сожительствъ въ Парижѣ, серьезно предлагалъ издать законъ, подобный римскому закону о конкубинатѣ, признающій существованіе подобныхъ сожительствъ. Такимъ образомъ получилась-бы чисто материнская семья, именно вслѣдствіе, разрушенія самой высокой предъидущей цивилизаціи. Не тоже ли мы находимъ и у современныхъ бирманскихъ будистовъ, домашніе нравы которыхъ удивительно напоминаютъ нравы американцевъ? Семья здѣсь неустойчива и т. д.

ная съ Птоломеевъ, чтобы отыскать противорѣчіе этому утвержденію,—если его черезъ чуръ обобщить. Мы видимъ, что въ то время, подъ вліяніемъ греческаго права, подчинявшаго абсолютно женщину мужчинѣ, египетское право перестало давать женщинѣ ту независимую роль, иногда даже преимущество въ хозяйствѣ, какія у нея были въ самыя древнія эпохи,—и подчинило женщину супружеской власти. Однако, введеніе эллиническаго права явилось плодотворнымъ пріобрѣтеніемъ для права египетскаго; оно послужило толчкомъ и источникомъ прогресса для этого послѣдняго *). Подобнымъ же образомъ, часто говорятъ, что неизбѣжнымъ результатомъ цивилизаціи является безпрерывное уменьшеніе юридической власти отца надъ своими дѣтьми, а между тѣмъ, мы видимъ совершенно обратное во многихъ римскихъ провинціяхъ, когда эдиктъ Каракаллы,—по словамъ Мэна,—имѣлъ результатомъ распространеніе римскаго patria potestas, (еще при имперіи весьма распространеннаго, особенно относительно правъ дѣтей на свое имущество), на многіе народы, не знавшіе до той поры ничего подоб-

*) Віолле въ своемъ сочиненіи «Précis de l'histoire du Droit francais», которое стало классическимъ, говоритъ, что если не политическое, то юридическое равенство мужчины и женщины было почти совершенно осуществленно въ XIII вѣкѣ подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ обычаевъ, и во всякомъ случаѣ, осуществлено гораздо больше, чѣмъ въ наше время. Мы во Франціи говоримъ еще и до сихъ поръ, какъ тонко замѣчаетъ авторъ, что отецъ отдалъ свою дочь *замужъ*, но никогда ни говорилъ, что онъ *отдалъ* сына въ женитьбу, или *за жену*.

паго. Между тѣмъ эти народы, цивилизуясь подъ вліяніемъ такого порядка, проявили быстрое увеличеніе своей семейной власти, а также и своего богатства. Среди нихъ прогрессъ совершался въ направленіи усиливающемъ, а не ослабляющемъ властныя связи семьи.

Но о преобладаніи спорили не только различные полы, а также и разные возрасты. Эта непрерывная борьба разрѣшалась не всегда и не вездѣ одинаково; ея результаты слѣдовали другъ за другомъ не всегда и не вездѣ въ одномъ и томъ же порядкѣ; и меня удивляютъ люди, воображающіе, что они могутъ установить заранѣе исходъ или судьбу этой борьбы. Иногда побѣждаетъ мужской полъ, и это случайется наиболѣе обыкновенно, иногда—женскій полъ; однако, подчиненность этого послѣдняго представляется всюду болѣе или менѣе полной и измѣняется въ ту или другую сторону соотвѣтственно идеямъ и страстямъ господствующимъ въ той или другой стадіи цивилизаціи. Совершенно тоже слѣдуетъ сказать и объ управленіи дѣлами: то оно принадлежитъ зрѣлому возрасту, то юности, то старости. Можно сказать, что геронтократія (власть стариковъ) чаще всего встрѣчается у народовъ первобытныхъ, хотя и здѣсь она не составляетъ явленія постояннаго; эфобократія (власть юношей)—здѣсь случай исключительный; наконецъ господство мужчинъ зрѣлаго возраста, — возраста силы, — которое можно назвать антропократіей, — хотя и является нормальнымъ режимомъ, однако нельзя сказать, чтобы и оно было явленіемъ обыкновеннымъ. Существовало-ли когда нибудь обще-

ство, въ которомъ управленіе принадлежало дѣтямъ? Временно возможно и это. Однако, изъ того, что гдѣ нибудь встрѣчалась-бы и такая странность, развѣ можно было бы сдѣлать выводъ, что педократія (власть дѣтей) есть необходимая фаза въ соціальной эволюціи, одно изъ колецъ этой длинной цѣпи? Но по моему, нисколько не больше основаній приписывать, такое значеніе матріархату, или гинекократіи (власти женщинъ).

Изъ всѣхъ этихъ безконечныхъ дебатовъ относительно системъ родства и брака, въ результатѣ, мнѣ кажется, выясняется одно, а именно, что первобытная семья была сама по себѣ крайне разнообразна: въ одномъ мѣстѣ была моногамія, въ другомъ полигамія, въ третьемъ поліандрія, есть гдѣ нибудь экзогамія или же эндогамія *); иногда семья имѣла власть болѣе сильную, иногда, наоборотъ, семейныя связи были даже свободнѣе тѣхъ, какими они стали позднѣе. Но если исходные пункты такъ разнородны, то пути, которыми шло отъ нихъ развитіе, лежали ли параллельно другъ другу или быть можетъ, они сходились къ одному и тому-же конечному результату, а именно, къ формѣ брака болѣе или менѣе близкаго къ браку христіанскому? И этого нельзя сказать безусловно. Справедливо только одно, что принятіе этой высшей формы было причиной побѣды въ борьбѣ обществъ, чѣмъ и объясняется постепенное распространеніе этой формы. Однако, то, что араб-

*) *Экзогамія*—браки съ женщинами чужаго племени; *эндогамія*—наоборотъ. (Подробности см. въ предисловіи редакціи). *Ред.*

скія побѣды не обратили Европу къ полигаміи, мало вяжется и съ этимъ положеніемъ. Кромѣ того, моногамія понимается въ разныхъ мѣстахъ весьма различно: въ древнемъ Египтѣ бракъ былъ общественнымъ договоромъ между равными; и это правило мы замѣчаемъ въ самыя отдаленныя эпохи, до какихъ только можно добраться; у арабовъ и персовъ, въ грекороманской древности, у монголовъ, въ Китаѣ, бракъ есть договоръ купли-продажи, по которому мужъ покупалъ себѣ жену. Въ Полинезіи у эскимосовъ, брачный договоръ часто представляетъ договоръ ссуды, или временнаго найма.

Кромѣ того, былъ бракъ въ формѣ, подобной крѣпостному служенію зятя у тестя, какъ напр., мы видимъ у Якова и Лавана; таже разновидность наблюдается у краснокожихъ, у индусовъ. Наконецъ, существуетъ бракъ по захвату (умыканію) или взятію въ плѣнъ.

Въ Персіи, кровосмѣшеніе, даже между восходящими и нисходящими родственниками, не только разрѣшалось властью, но и поощрялось закономъ, какъ показалъ Дарестъ. Это, однако, единственное исключеніе въ арійской семьѣ. У насъ короли долго имѣли право назначать браки среди своихъ подданныхъ; и даже послѣ того, какъ такія повелѣнія вышли изъ употребленія, короли еще продолжали просить своихъ подданныхъ жениться, и такая просьба была до извѣстной степени приказаніемъ. Тѣ, у кого былъ силенъ монархической духъ, подчинялись такой просьбѣ, подобно тому, какъ сыновья или дочери подчинялись, если въ нихъ былъ развитъ семейный духъ, распоряженію отца семьи. Теперь уже

не существуетъ такого брачнаго принужденія посредствомъ приказанія, однако, сколько еще есть браковъ вынужденныхъ или устроенныхъ по различнымъ соображеніямъ! Если мы обратимся къ воспрещеніямъ въ области брака, то замѣтимъ, что теперь уже не принимаются тѣ запрещенія, которыя будучи нѣкогда предписаны въ интересахъ охраны семьи, не соотвѣтствуютъ болѣе современнымъ индивидуалистическимъ нравамъ; но и теперь мы поддерживаемъ безъ жалобъ и недовольства такія запрещенія, которыя основываются на интересахъ національныхъ, напр., когда военнымъ запрещается женитьба до извѣстнаго возраста или когда для женитьбы офицера требуется разрѣшеніе его начальства. Все это мы находимъ вполнѣ естественнымъ.

Замѣчательно, что возрастъ, съ котораго считается совершеннолѣтіе начинается у варварскихъ народовъ чрезвычайно рано, даже на Сѣверѣ, и дѣлается все болѣе и болѣе позднимъ вообще въ теченіи цивилизаціи *). У примитивныхъ римлянъ, совершеннолѣтіе, т. е. полная юридическая правоспособность, устанавливалась въ 14 лѣтъ; тоже самое—у рипуарскихъ франковъ, бургундовъ и вестготовъ. У англо-саксовъ оно считалось даже съ двѣнадцати лѣтъ. Но, по мѣрѣ того, какъ римляне цивилизовались оно достигло у нихъ до 25 лѣтъ; у вестготовъ, цивилизовавшихся, правда, подъ Римскимъ вліяніемъ, — совершеннолѣтіе перешло на двадцать лѣтъ; у англичанъ дошло до двадцати одного года, какъ у насъ во Франціи. Это замедленіе

*) См. уже цитированное выше соч. Violet, стр. 428 и др.

совершеннолѣтія несомнѣнно есть результатъ цивилизаціи; хотя таже цивилизація безпрерывно ускоряетъ появленіе все болѣе и болѣе ранняго умственнаго развитія. Что время наступленія гражданской правоспособности является продуктомъ цивилизаціи, видно изъ того, какъ простонародье и вообще тѣ классы общества, которые остаются не культурными, долго сохраняютъ древнее раннее совершеннолѣтіе, въ то время, какъ дворянство уже представляетъ въ этомъ отношеніи передвиженіе совершеннолѣтія на болѣе поздній возрастъ. Въ Англіи и восточной Франціи, въ XIII столѣтіи, «благородная» дѣвушка,—говоритъ Віолле,—считалась взрослой въ 15 лѣтъ, тогда какъ дочь крестьянина въ 12. На западѣ Франціи, дворянинъ считался совершеннолѣтнимъ въ 14 и 15 лѣтъ, а крестьянинъ гораздо раньше. Въ XVI столѣтіи, когда цивилизація повысилась, всѣ эти предѣлы совершеннолѣтія пошли внизъ. Какъ объяснить это? Я полагаю, что объясненіе довольно просто. Чѣмъ больше люди удалялись отъ примитивной жизни, когда профессіи были просты, а изученіе ихъ легко, тѣмъ раньше было можно, «ввести въ дѣло» юношу. Крестьянинъ можетъ уже содержать себя, начиная съ двѣнадцати или тринадцати лѣтъ; онъ покидаетъ родительскую семью, если та настолько бѣдна, что не можетъ прокормить его, и идетъ искать себѣ работы у какого нибудь хозяина; онъ замѣняетъ услуги семьѣ услугами патрону, а къ этому то повсюду и сводится назначеніе совершеннолѣтія. Но какой образованный молодой человѣкъ, не достигшій двадцати одного года, можетъ содержать себя въ наше время,

если не считать Америки, страны, въ извѣстномъ смыслѣ новой и примитивной?

Послѣдовательныя преобразованія идеи «благородства» (или дворянства) могутъ дать матеріалъ для обобщенія, представляющаго извѣстную солидность. Фюстель де Куланжъ, въ своей «Монархіи Франковъ» и въ другихъ сочиненіяхъ, указываетъ, что различные народы Германіи, признававшіе въ отдаленномъ прошедшемъ, задолго до вторженія, наслѣдственное дворянство и наслѣдованіе по крови, наоборотъ, въ моментъ вторженія, признавали почти только пожизненное административное высшее сословіе, зависящее отъ выбора короля или отъ исполненія публичныхъ обязанностей.

Съ другой стороны, въ Римѣ, происходила подобная же эволюція: въ началѣ римской исторіи, извѣстна та господствующая роль, какую игралъ патриціатъ. Однако, мало по малу, это первичное, такъ сказать, физіологическое дворянство падаетъ и, при императорахъ, замѣняется наконецъ служебными привилегіями лицъ, избираемыхъ свободно государемъ во всѣхъ классахъ націи, а патріаціатъ сохраняетъ только свой историческій блескъ и эстетическое значеніе. Но является ли это опять таки всеобщимъ закономъ? Я больше склоненъ видѣть въ этомъ обычное стремленіе, соотвѣтствующее тому, что мы знаемъ о постепенномъ замѣщеніи соціальными причинами причинъ естественныхъ, въ фактахъ человѣческой исторіи. Я добавлю къ этому, что въ каждой странѣ изобрѣталось искусственное вступленіе въ замкнутое первоначально сословіе дворянства, посредствомъ возведенія въ дворянство

(l'anoblissement) безъ всякаго отношенія къ крови, совершенно подобно тому, какъ посредствомъ усыновленія достигалось вступленіе въ чужую семью.

Оба эти изобрѣтенія соотвѣтствуютъ одной и той же цѣли, освободить общественную сторону человѣка отъ его натуральной животной стороны, и замѣнить примитивное подчиненіе родственнымъ отношеніямъ—общественными отношеніями. Однако, есть доказательства, что вышеизложенный законъ не обладаетъ всеобщимъ значеніемъ, и что вышеозначенное преобразованіе можетъ случиться также и въ обратномъ порядкѣ послѣдовательности. А именно, совершенно противоположную послѣдовательность мы имѣемъ въ наши средніе вѣка. Прослѣдимъ для этого исторію франковъ и другихъ народовъ, наводнившихъ Римскую имперію. Въ моментъ вторженія, какъ мы знаемъ, и какъ еще разъ показалъ Глассонъ,—«въ ихъ родахъ не было благородныхъ или дворянъ»; именно это то отсутствіе дворянскаго класса во времена меровинговъ и позволило королямъ той эпохи прбявлять абсолютную власть. Но тотъ же авторъ прибавляетъ: «только впослѣдствіи и значительно позднѣе классъ дворянства (наслѣдственный) вышелъ въ своей значительной части изъ служилаго сословія государства, развился и занялъ важное мѣсто въ немъ». Такимъ образомъ у этихъ народовъ, дворянство сдѣлалось сперва «пожизненной наслѣдственностью, а ужъ затѣмъ наслѣдственной пожизненностью» *).

*) Тоже мы видимъ и въ древнемъ Римѣ: въ началѣ нашей эры, курія, въ римскихъ муниципіяхъ, еще составлялась изъ

Для этого было достаточно ослабленія центральной власти, которая позволила, чтобы извѣстные публичныя обязанности увѣковѣчились за извѣстными семьями, а пользованіе этими фукціями обратилось въ собственность на нихъ, священную въ глазахъ всѣхъ. Кто знаетъ, не возможно ли, благодаря дѣйствію той же причины, медленное и незамѣтное возникновеніе новой аристократической касты въ нѣдрахъ нашихъ современныхъ демократій, хотя, впрочемъ, говоря по правдѣ, это кажется мнѣ маловѣроятнымъ.

Однако, не видимъ ли мы тамъ и сямъ намѣчающіеся зародыши настоящихъ республиканскихъ династій? Какъ бы то ни было, приведенные примѣры показываютъ, какъ слѣдуетъ быть осторожнымъ при обобщеніяхъ въ соціальной наукѣ *).

Прекрасная и поразительная прогресія, на которую до сихъ поръ почти не обращали вниманія,— хотя она, тѣмъ не менѣе, сопровождала всѣ процессы юридической эволюціи, состояла въ *постоянномъ расширеніи правовыхъ отношеній*. Эти отношенія, ограниченныя сперва узкими и простыми группами родственниковъ, которыя увеличивались лишь насколько позволяло усыновленіе или какая нибудь легенда, соединявшая всѣ сорты родственниковъ (фиктивныхъ или воображаемыхъ), впослѣдствіи расширялись или путемъ феодальнаго договора, или путемъ договора корпоративной ассоціаціи, на большій кругъ сосѣдей, сотоварищей, мѣстныхъ согражданъ, а позднѣе на всѣхъ лицъ, объеденныхъ идеей отчества, вмѣщающей уже милліоны согражданъ, или идеей христіанства, ислама — вообще какого либо религіознаго союза охватывающаго сотни милліоновъ даже иностранцевъ и, наконецъ, идеей человѣчества, «права людей» «естественнаго права» которая уже расширила правовыя отношенія на всѣхъ людей

избираемыхъ лицъ. Только позднѣе эти избиравшіяся лица (магистраты) дѣлались наслѣдственными.

*) Были, точно также, попытки возвести въ общее правило невозможность обращенія свѣтской монархіи въ теократію; однако, въ исторіи мы видимъ и обратное: монархія карловинговъ была теократической, тогда какъ монархія меровинговъ не была таковой, монархія Людовика XIV была болѣе теократической, чѣмъ монархія Генриха IV. Бодэнъ въ своей «Респуб.» отвергаетъ существованіе только *одной* линіи эволюціи и *одного* только направленія общественной эволюціи. Существуетъ, говоритъ онъ, шесть перемѣнъ: «Именно переходъ монархіи въ народное государство или народнаго государства въ монархію; и подобнымъ же образомъ, перемѣна монархіи въ аристократію, или аристократіи въ монархію; или аристократіи въ народное государство и на оборотъ, народнаго государства въ

аристократію». Очевидно изъ этого, что онъ допускаетъ возможность обратнаго слѣдованія этихъ политическихъ перемѣнъ. И во всякомъ случаѣ, такъ какъ каждая эпоха выдвигаетъ свои особыя предпочтенія или обычные ей законы, то является стремленіе разсматривать въ каждой изъ этихъ двойныхъ превращеній, одно какъ нормальное, другое какъ ненормальное между тѣмъ сказывается, что выборъ Бодэна въ этомъ отношеніи совершенно противоположенъ нашему. Такъ, онъ говоритъ: «Всякая перемѣна отъ королевства къ демократіи была жестокой и кровавой, тогда какъ, на оборотъ, народныя государства переходили къ единовластію (seigneuries)—мягко и нечувствительно». Повидимому, въ его глазахъ, эта послѣдняя эволюція была именно соотвѣтствующей природѣ вещей.

безъ исключенія *). И въ то время, какъ они расширялись такимъ способомъ, юридическое поле вспахивалось глубже и глубже послѣдовательнымъ принятіемъ все болѣе, болѣе низкихъ слоевъ соціальной групы,—женщинъ плебеевъ, рабовъ—въ великій храмъ Права. Вотъ непрерывный, двойной прогрессъ, наполняющій всю исторію. И все это было прямымъ и послѣднимъ дѣломъ подражанія, которое, родившись изъ симпатіи, этого существеннаго условія общественности, само увеличивало эту симпатію, очищало ее, укрѣпляло, утверждало и упрочивало въ признанныхъ правахъ и обязанностяхъ, помѣрѣ того какъ люди, — сильнѣе ассимированные той же симпатіей,—чувствовали себя болѣе связанными другъ съ другомъ.

Мнѣ кажется, что отчасти этотъ великій фактъ уже былъ замѣченъ тогда, когда, — вслѣдъ за Мэномъ—стали различать двѣ послѣдовательныя фазы въ правѣ: одну, въ которой чувство юридической солидарности основывалось исключительно и единственно на правильномъ или ошибочномъ чувствѣ *единства по крови*; и другую, когда оно основывается преимущественно на единствѣ занимаемой территоріи. Но такъ какъ при этомъ видѣли только фактъ, не понимаю его причины, то и извращали его преувеличеніями. Выраженный только въ такой формѣ, онъ представляетъ заблужденіе. Никогда географическія отношенія сосѣдства недостаточны для того,

*) Denis, въ своей «Исторіи нравств. идей древности» прослѣживаетъ ступени этого развитія.

чтобы создать правовыя связи между такими людьми, которые остаются безъ симпатическаго и ассимилирующаго соприкосновенія другъ съ другомъ: китайцы, евреи—столь рѣдко ассимилирующіяся съ окружающими иноплеменниками, весьма рѣдко принимаются и въ юридическое сообщество. Чѣмъ ближе ихъ сосѣдство, тѣмъ съ большей суровостью ихъ ставятъ внѣ закона.—D'Агуанно, который довольно часто высказываетъ и правильные взгляды, прекрасно замѣтилъ, что чувство равенства правъ зарождается сперва въ отношеніяхъ маленькихъ группъ лицъ, соединенныхъ связями крови, затѣмъ между членами корпорацій или кастъ, и раскрывается мало по малу до того, что выходитъ современемъ за ихъ предѣлы. Но всякій разъ, какъ это расширеніе внезапно прорываетъ одну изъ своихъ преградъ, авторъ не видитъ подъ промежуточнымъ дѣйствіемъ причинъ, указываемыхъ историками (какъ, напр., jus connubii—между патриціями и плебеями, вотированное тогда—то, или жестокія побѣды плебеевъ надъ патриціями, бывшія тогда—то, или изданіе такого то возбуждающаго произведенія и т. п.), иного непрерывнаго дѣйствія, которое создаетъ ихъ. Я полагаю, что ни коимъ образомъ не слѣдуетъ забывать этого простаго соображенія, если хотятъ проникнуть дѣйствительно въ ряды историческихъ наслоеній, а не отдѣлываться словами, говоря объ эволюціи.

Замѣтимъ кстати, эволюціонисты особенно настаиваютъ,—и въ этомъ у нихъ есть основаніе,—на могучей солидарности, связывавшей между собою членовъ первобытной соціальной группы; они часто повторяютъ, что чувства коллективной личности пре-

обладали тогда безусловно, какъ въ пчелиномъ роѣ или муравейникѣ—надъ чувствомъ индивидуальной личности. Прекрасно. Но какъ же послѣ этого можно сказать, что первобытные люди отличались грубымъ эгоизмомъ, совершенно лишеннымъ того утонченнаго «альтрюизма», которымъ, какъ оказывается, насъ наградила только цивилизація!

II. ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ.

Право собственности не меньше, чѣмъ права личности, было предметомъ глубокихъ трудовъ въ школѣ трансформистовъ, и этими трудами стоитъ здѣсь заняться. Достаточно указать на сочиненіе Лавелэ, «Собственность и ея первобытныя формы», въ которомъ онъ доказываетъ, если не всемірное, то по меньшей мѣрѣ весьма частое—въ крайне отдаленномъ прошломъ, общинное владѣніе землей у родственныхъ группъ или сосѣдей, соединявшихся въ союзъ.

По взгляду этого знаменитаго экономиста и его послѣдователей, коммунизмъ деревень предшествовалъ исторически—семейному коммунизму, который былъ только раздробленіемъ перваго. Эта идея, встрѣтившая на своемъ пути и крайнихъ послѣдователей, и страстныхъ противниковъ, опиралась на внушительную сумму фактовъ и соображеній. Безполезно повторять здѣсь и резюмировать то, что уже такъ часто популяризировалось; укажемъ только главные аргументы. Ихъ можно раздѣлить на двѣ группы: съ одной стороны,—сближаютъ между собою общинныя учрежденія, существующія еще и нынѣ, и разбросанныя тамъ и сямъ, то въ тайникахъ горъ, гдѣ все сохраняется безконечно (швейцарскія *альменды* общинныя пастбища пиринеевъ), то въ долинахъ Азіи, столь же способныхъ сохранять прошлое, то въ степяхъ Россіи (деревенскія общины индусовъ, русскій *міръ*, сербская задруга)—или наконецъ, среди дикихъ племенъ Африки, Америки, Океаніи. Изъ такого сближенія извлекаютъ основанія для мысли, что эти формы и обычаи, составляющіе теперь *исключенія*,—представляютъ остатки учрежденій, бывшихъ когда то *всеобщими*. Съ другой стороны, идя дальше, взрываютъ юридическую почву и подпочву современныхъ націй, наиболѣе чуждыхъ какого бы то ни было общиннаго духа, и открываютъ въ ней такія особенности, какъ выкупъ имѣній родовыхъ и сосѣдскихъ, въ которомъ видятъ остатки предшествовавшей общинности.

Есть еще третій сортъ доказательствъ, и онъ,—если бы только подтвердился,—былъ-бы самымъ солиднымъ. Поэтому я его изслѣдую прежде другихъ, хотя не знаю, почему онъ имѣлъ гораздо меньше успѣха, чѣмъ предъидущія доказательства. Въ первый разъ онъ былъ указанъ Семнеръ Мэномъ, въ «Этюдахъ по исторіи права», но я нашелъ развитіе тѣхъ же доводовъ—только въ сочиненіи итальянскаго экономиста Лоріа подъ заглавіемъ «*Anaeisi della prop-*

rieta capitalista» *). Этотъ новый родъ аргументовъ состоитъ въ ссылкѣ на то, что первые англосаксонскіе піонеры Сѣверной Америки, основавъ разбросанныя колоніи, сдѣлавшіяся потомъ Соединенными Штатами, начали практиковать нераздѣльную собственность на землю и образовали настоящія деревенскія общины, болѣе или менѣе сходныя съ русскимъ міромъ или общиной индусовъ. Если это было такъ, то не слѣдуетъ ли признать такое несамопроизвольное возобновленіе исторической эволюціи собственности—съ ея предполагаемаго первичнаго момента,—за нѣкотораго рода опытное подтвержденіе данной гипотезы?

И не эффектно ли было бы открыть въ Соединенныхъ Штатахъ—этой классической странѣ крайняго индивидуализма,—самыя точныя доказательства неизбѣжности примитивной общины? **).

Къ сожалѣнію, факты указанные Семнеръ Мэномъ и развитые Лоріа, если ихъ изслѣдовать ближе и безпристрастнѣе, принимаютъ совсѣмъ иное значеніе, чѣмъ у нихъ. «Фактъ чрезвычайно замѣчательный» справедливо говоритъ Мэнъ, что первые

*) См. первую главу втораго тома этой книги. (Туринъ 1889 г.).

**) Я говорю «примитивной», такъ какъ это прилагательное, которымъ злоупотребляютъ и которое, подобно другимъ, я принужденъ употреблять и даже употреблять неправильно,—имѣло бы тогда смыслъ ясный и точный, который, однако, я вовсе не желаю ему приписывать. Оно или не значитъ ровно ничего, такъ какъ, въ самомъ дѣлѣ, не можетъ быть конечно вопроса о томъ, чтобы добраться до *первыхъ* людей, бывшихъ на землѣ или до первыхъ человѣческихъ созданій въ чисто хронологическомъ смыслѣ; или же это прилагательное обозначаетъ просто и ясно (въ смыслѣ большей логичности), что существуетъ замкнутый циклъ фазисовъ развитія, къ которымъ возвращаются снова и снова человѣческія созданія, подчиненныя періодическимъ повтореніямъ. Такимъ образомъ слово «примитивный» можетъ обозначать или *возобновленіе* или не можетъ ничего обозначать. Я дѣлаю это замѣчаніе разъ и навсегда.

англійскіе эмигранты въ Америкѣ, «организовались вначалѣ совершенно *самопроизвольно* (спонтанно) въ деревенскія общины для занятій земледѣліемъ». Дѣйствительно, это замѣчательно! Особенно если этотъ способъ устройства былъ такъ самопроизволенъ (спонтаненъ), какъ насъ увѣряютъ. Но тотъ же авторъ сообщаетъ, что эти первые эмигранты принадлежали главнымъ образомъ къ классу іоменовъ т. е., вассальныхъ съемщиковъ. Страницей далѣе, въ примѣчаніи, онъ сообщаетъ даже,—на основаніи американскихъ авторитетовъ, извѣстныхъ своей компетентностью,—что эти первыя колоніи стремились воспроизвести не Англіи Стюартовъ (эпохи этихъ колонизацій), но Англіи короля Іоанна и великой Хартіи» и что «эти учрежденія,—по существу своему глубоко феодальныя—являлись весьма естественными для колонистовъ, (каково бы ни было ихъ первоначальное происхожденіе—англо-саксонское, голандское или французское), изгнанныхъ отмѣной нантскаго эдикта». И такъ, какъ вы видите, дѣло идетъ не о чудодѣйственномъ воскресеніи мертвой и забытой въ теченіи вѣковъ доисторической фазы, а о пробужденіи недавняго прошлаго, едва лишь заснувшаго, но еще жившаго въ *традиціяхъ* колонистовъ, совершенно проникнутыхъ феодальнымъ

духомъ. Могутъ замѣтить, что всѣ дѣлали тоже, въ томъ числѣ и французскіе выходцы; но они, придя послѣ другихъ, не могли дѣлать ничего другаго, какъ слѣдовать потоку обычаевъ уже установившихся до нихъ на американской почвѣ. Такимъ образомъ указанное явленіе есть лишь простой фактъ подражанія предкамъ, въ которомъ атавизмъ или точнѣе псевдо-атавизмъ,—являющійся постоянно къ услугамъ современныхъ эволюціонистовъ,—ровно не при чемъ.

Замѣтимъ еще, какъ установилась эта колоніальная общинность. «Правительство отводило извѣстное пространство земли извѣстному обществу индивидуумовъ, и эта земля держалась обществомъ подъ названіемъ общей собственности». Такимъ образомъ, это былъ просто поземельный договоръ и концессія, совершенная компаніей. Даже въ наши дни это происходитъ чаще всего. Но колоніи начинали свою жизнь такимъ способомъ вовсе не всегда. Кромѣ того, общество, о которомъ идетъ дѣло спѣшило дѣлить между своими членами пожалованныя земли, насколько это было возможно. Посмотримъ, однако, какъ къ этому предмету относится Лоріа. А ввиду того, что по его мнѣнію, эти колоніи являются для археологіи права тѣмъ, чѣмъ горы для геологіи,—т. е. единственнымъ случаемъ увидѣть и коснуться примитивныхъ почвъ или такихъ пластовъ, которые во всѣхъ другихъ мѣстахъ погребены подъ толстыми слоями земли, — попробуемъ, изслѣдуя ихъ, немножко просвѣтить себя относительно прошедшей древности нашей рассы.

Чему насъ учатъ они? Прежде всего мы видѣли

что ихъ основатели весьма не похожи другъ на друга и различаются рассами, религіей, классами, привычками, нравами. Средній классъ сѣвера Соединенныхъ Штатовъ образуютъ англійскіе пуритане; на югѣ, это—крупные собственники; въ Канадѣ—эмигрировавшее дворянство, военные или охотники. На Санъ-Доминго—норманскіе авантюристы, пираты и флибустьеры. На Антильскихъ островахъ,—промышленное духовенство, весьма дѣятельное и предпріимчивое. Въ Австраліи, — испанскіе, англо-саксонскіе, голландскіе и португальскіе ссыльные. Колонисты идутъ отовсюду. Точно также и колонизируются они различно.—Ихъ колоніи различаются не только по цѣли, которую преслѣдуютъ, (напримѣръ, одни имѣютъ ввиду промышленную или земледѣльческую культуру, другіе устроиваютъ колоніи для плантацій или для поселенія), но даже и тѣ, которыя имѣютъ одинаковую цѣль, достигаютъ ея различными средствами, напр., трудомъ свободнымъ или трудомъ рабскимъ.

Одно только обще этимъ эмигрантамъ: всѣ они подражатели. Всѣ они примѣняютъ или копируютъ образцы, представляемые или ихъ предками, или ихъ новой средой. Такъ, они подражаютъ своимъ предкамъ, когда напр., какъ Шотландскіе пуритане, воспроизводятъ въ Америкѣ общинные обычаи, еще существующія на ихъ родинѣ, между прочимъ сосѣдскій выкупъ *), или когда французы переносятъ въ

*) Я называю этимъ терминомъ право сосѣдей покупщика имѣнія устранить пріобрѣтателя, постороннаго ихъ группѣ, уплативъ ему цѣну его покупки.

Канаду выкупъ просто семейный *). Но это еще не все: Леруа-Болье сообщаетъ, что наши соотечественники, канадскіе колонисты «бросились со всѣхъ сторонъ въ безмѣрныя лѣса для отыскиванія пушнаго товара и дичи, принимая обычаи индѣйцевъ и покидая цивилизованную природу для дикой природы». Онъ говоритъ также, что нормандскіе колонисты, основавшіеся на Санъ-Доминго, назывались буканьерами, потому что приняли обыкновеніе собираться послѣ охоты, для буканированія, т. е. сушенія въ дыму убитыхъ ими быковъ тѣмъ способомъ, какой употребляютъ дикари». Я не вижу причины почему бы Лоріа не попытаться отыскать у этихъ кочующихъ охотниковъ,—а не у англійскихъ колонизаторовъ начавшихъ съ земледѣлія,—фантастическаго возобновленія примитивныхъ временъ! Во всякомъ случаѣ, эти охотники стали такими вовсе не самопроизвольно (не спонтанно), т. е. не въ силу необходимости положенія, котораго вовсе не замѣчается у нихъ, но по всей вѣроятности, конечно, благодаря примѣру своихъ предковъ, примѣру, соединившемуся съ примѣромъ краснокожихъ. Помимо этого, быть можетъ, не сдѣлались-ли они впослѣдствіи изъ охотниковъ пастухами, а изъ пастуховъ земледѣльцами. Т. е. не совершили-ли эволюціи по порядку, который многіе признаютъ правильнымъ? Нисколько.

---

*) То есть, право, принадлежащее родственникамъ пріобрѣтателя—устранить такимъ же способомъ новаго пріобрѣтателя, чуждаго семьѣ.

Можетъ быть, мнѣ возвратятъ, что, если наши колонисты, а слѣдовательно, и наши современныя колонизаціи были чрезвычайно не похожи другъ на друга, то ничего такого не должно было быть во времена доисторическія. Отчего-же? Развѣ мы не находимъ вездѣ и всегда, какъ бы далеко не погрузились въ древность, что существовали и различныя расы, и различные языки, и различные нравы, идеи, обычаи? Какая иллюзія принимать за реальное однообразіе то слитіе прошедшаго во едино, которое зависитъ просто отъ удаленности. Все сливается на разстояніи, все сглаживается, но мы хорошо знаемъ, что достаточно намъ приблизиться къ голубымъ холмамъ, чтобы видѣть какъ выступаютъ различія ихъ единой лазури.

При ближайшемъ разсматриваніи, слѣдуетъ признать, что колоніи представляютъ явленіе ретроградное. Въ нихъ очевидно мы имѣемъ возрожденіе процессовъ, оставленныхъ давно въ отечествѣ, или учрежденій, исчезнувшихъ на родинѣ, какъ напр. рабства, или иногда даже денежнаго вознагражденія за преступленіе. Въ чемъ можно согласиться съ Лоріа, такъ это въ томъ, что люди, помѣщенные въ сходныя условія, стремятся воспроизвести, по крайней мѣрѣ отчасти, и учрежденія приблизительно сходныя. Но именно изъ изслѣдованія этихъ колоній и вытекаетъ, что ихъ условія глубоко различались другъ отъ друга сперва въ тѣхъ отношеніяхъ, которыя уже указаны мною выше, а затѣмъ и въ смыслѣ безопасности или небезопасности занятыхъ ими мѣстъ, что зависѣло отъ сосѣдства племенъ хищныхъ или мирныхъ, а также и отъ климата.

Но, вѣдь, и между племенами примитивными или считаемыми за примитивныя, должны были существовать всѣ эти причины несходства и кромѣ того, всѣ племена—какъ бы примитивными ни казались онѣ намъ издали,—должны были унаслѣдовать отъ длиннаго ряда предковъ длинную цѣпь традицій. Но тутъ возникаетъ вопросъ: если колоніи не произвольно (спонтанно) возродили «примитивныя формы собственности», то почему же они не возродили также и примитивныхъ формъ семьи? А между тѣмъ по поводу ихъ намъ никогда не говорятъ ни о гетеризмѣ, ни о матріархатѣ, ни о полигамическомъ при моногамическомъ патріархатѣ. Быть можетъ, скажутъ, что отсутствіе воскрешенія или—говоря точнѣе,—появленія въ колоніяхъ этихъ предполагаемыхъ состояній древней семьи ничего не доказываетъ противъ ихъ существованія въ далекомъ прошломъ? Я готовъ это признать, но въ такомъ случаѣ, по какому же праву приписывается большее значеніе фактамъ коллективизма, представляемымъ колоніями?

Что касается занятія земель, то исторія колоній показываетъ повсюдное колебаніе человѣка между двумя противоположными стремленіями: съ одной стороны, онъ стремится къ *разсѣянію* посредствомъ личнаго независимаго владѣнія (аппропріаціи), а съ другой—къ ассоціаціи посредствомъ нераздѣльнаго владѣнія. Или-же, еще чаще, мы видимъ въ немъ стремленіе къ *разсѣянію*, но онъ принужденъ, вопреки собственному желанію, прибѣгать къ ассоціаціи, къ коммунистической или общинной нераздѣльности,—то въ силу необходимыхъ потребностей

пастушеской жизни, если онъ еще не вышелъ изъ нея,—то, впослѣдствіи, для защиты отъ окружающихъ опасностей или же для выполненія необходимыхъ работъ, превышающихъ его личныя силы, какъ напр., осушеніе болотъ, расчистка земли и т. п.

Слѣдуетъ замѣтить также, что повсюду, гдѣ еще существуетъ нераздѣльность и вездѣ гдѣ она существовала въ прошедшемъ,—въ области владѣнія недвижимостью,—она оказывается или оказывалась вынужденной однимъ изъ трехъ вышеизложенныхъ причинъ или всѣми тремя вмѣстѣ.

Во всемъ сочиненіи Лавле отъ начала до конца мы не найдемъ ни однаго примѣра земельнаго коллективизма, который не входилъ-бы въ одну изъ этихъ категорій.

Не замѣчено, напр., нигдѣ слѣдующаго обстоятельства, чтобы колонія начинающая деревенской общиной, становилась впослѣдствіе общиной семейной и, наконецъ, установляла-бы личную собственность. Лоріа не говоритъ намъ ничего подобнаго. Онъ показываетъ (т. II., стр. 17 и слѣд.), что первые колонисты, занимавшіе дѣвственную и чрезвычайно плодородную почву по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ была сравнительная безопасность, устраивались каждый самостоятельно и разчищали лѣсъ отдѣльно. Въ этомъ случаѣ господствующимъ фактомъ была изолированность колонистовъ (стр. 23), ихъ раздѣляли пустыни. Это крайняя противоположность коллективизму, и напоминаетъ совершенно, какъ замѣтилъ самъ Лоріа, знаменитое мѣсто у Тацита о германцахъ: Colunt discreti ac diversi, ut fons, ut campus, ut

unus placuit *). Впослѣдствіи возникаетъ въ сердцахъ этихъ смѣлыхъ піонеровъ мало-по-малу та борьба между двумя силами, о которыхъ я уже говорилъ, т. е. между потребностью личнаго владѣнія и потребностью оборонительной ассоціаціи. Однако, слѣдуя той или другой изъ этихъ силъ, смотря потому, которая изъ нихъ важнѣе, и по мѣрѣ того, какъ одна изъ нихъ торжествуетъ, причемъ ея побѣда никогда не бываетъ полной, общественное состояніе получаетъ болѣе или менѣе сильный отпечатокъ индивидуализма или коллективизма. Если господствуетъ коллективизмъ, то это показываетъ, что или не прошла пастушеская стадія, или земледѣлецъ подвергался—какъ осѣдлые берберы,—опасностямъ отъ хищныхъ и воинственныхъ племенъ

*) Въ Америкѣ, дикари, по неимѣнію металлическихъ топоровъ, должны были соединять свои силы для разсчистки лѣсовъ. Теперь отдѣльный человѣкъ, своими собственными силами, своимъ накопленнымъ трудомъ, можетъ пріобрѣтать земли также удобно, какъ и добывать деньги. Но во времена грубой промышленности и при отсутствіи торговли, онъ могъ пріобрѣтать только предметы движимости, найденное или обмѣненное оружіе, утварь, украшенія, принадлежности охоты, годичныя жатвы. Что касается земельной собственности то у него было только два способа пріобрѣсти ее: или разсчистка или завоеваніе. Но для завоеванія, а часто и для разсчистки, ему была необходима ассоціація силъ, военная въ одномъ случаѣ и трудовая, мирная въ другомъ. Новая территорія пріобрѣталась только цѣлымъ кланомъ. Отсюда естественно должно было оказываться, что предметы, пріобрѣтенные коллективно, находились въ нераздѣльномъ пользованіи, а предметами, пріобрѣтенными лично, каждый пользовался отдѣльно. Вотъ почему отчасти, тамъ, гдѣ земли были общими, обстановка и утварь не были общими, хотя и могли-бы быть таковыми.

или, что ему было необходимо, какъ на Явѣ, дѣйствовать совмѣстнымъ трудомъ (кооперацiей) цѣлой деревни, чтобы осушить болота, очистить лѣса и т. д. *). Въ первыя времена въ Соединенныхъ Штатахъ, индивидуализмъ господствовалъ въ силу того, что индѣйцы были сравнительно кротки и мирны, а также и потому, что земледѣліе не требовало вообще сотрудничества большаго числа рукъ, наконецъ и потому, что эмигранты являлись изъ Европы не въ состояніи пастуховъ, невѣдающихъ ни заступа ни плуга, а уже обладали наибольшими познаніями цивилизованнаго земледѣлія. Эти новопримитивные поселенцы приносили съ собою по меньшей мѣрѣ десятивѣковыя земледѣльческія изобрѣтенія, и вотъ особенно этотъ-то фактъ, этотъ важнѣйшій умственный факторъ опредѣлялъ гораздо больше образъ ихъ жизни, чѣмъ, такъ называемый, преобладающій «экономическій факторъ».

*) Необходимо замѣтить, что и это положеніе дѣлъ имѣло отличительнымъ признакомъ всегда очень неустойчивое равновѣсіе. Мэнъ дѣлаетъ тоже замѣчаніе относительно деревенской общины индусовъ; «все что нарушало ея мирный порядокъ, стремилось къ возвеличенію какой нибудь господствующей въ ней семьи и ея главы», т. е. появленію личной собственности, сперва въ видѣ исключенія, а затѣмъ, путемъ подражанія, и въ формѣ общей. Было ли устройство индусскихъ деревень аристократическимъ или демократическимъ? Отвѣтъ на это сомнителенъ. Кажется, оно было аристократическимъ, но не въ началѣ, а впослѣдствіи. Во всякомъ случаѣ, эти общинники были крайними консерваторами и врагами всякаго земледѣльческаго усовершенствованія. Нужны были невѣроятныя усилія чтобы заставить ихъ напримѣръ, понять пользу воздѣлыванія хлопка.

Правда, то тамъ, то сямъ, среди американскихъ колонистовъ образовывались нѣкотораго рода деревенскія общины; но Лоріа признаетъ, что онѣ возникали послѣ первичнаго изолированія колонистовъ и составляли союзы лишь противъ опасностей, возникавшихъ изъ этого крайняго разъединенія. Только въ этотъ второй періодъ, было въ нѣкоторыхъ штатахъ, между прочимъ, въ Виргиніи раздѣленіе земли по жребію, запрещеніе личнаго владѣнія сверхъ опредѣленнаго максимума земли, а иногда и общинная обработка. Это состояніе вещей напоминаетъ во многомъ нѣмецкую средневѣковую марку *).

Какъ и тамъ, у нихъ всѣ профессіи были монополизированы и подчинены регламентаціи весьма тиранической и охранительной. Но все это объяснится намъ, если припомнить, что изолированность личностей или скорѣе семействъ была слѣдствіемъ изолированности деревень, и что дѣло тутъ шло о томъ, чтобы, при отсутствіи торговли, каждая деревня довольствовалась собственными силами. Въ этомъ заключается существенный характеръ, общій всѣмъ аггломераціямъ людей, разсѣянныхъ на обширной территоріи на большихъ разстояніяхъ другъ отъ друга: таковыя индусскія деревни, русскій міръ, германская марка, альмендъ, и можно-бы приба-

*) Общее жилище, семейная собственность аналогичная съ *«длинными домами»* ирокезскихъ клановъ или съ фаланстеріями пуэбловъ центральной Америки, также существуетъ у птицъ. Въ видѣ примѣра, я укажу на грачей и галокъ, изъ которыхъ первыя строятъ свои семейныя гнѣзда на деревьяхъ, а вторыя на верху старыхъ зданій» (Летурно).

вить,—галло-романская вилла. Фюстель де-Куланжъ описываетъ намъ эту послѣднюю, какъ независимый стойкій организмъ, обладающій сильной централизаціей и іерархіей. Тѣмъ не менѣе, странно видѣть на этой американской землѣ, гдѣ въ наши дни распространился англо-саксонскій индивидуализмъ, соціальную эволюцію, начинающую почти деспотической регламентаціей и государственнымъ соціализмомъ!

Послѣ современныхъ колоній не разсмотримъ-ли мы съ занимающей насъ точки зрѣнія общества животныхъ, какъ дѣлаютъ нѣкоторые соціологи? Я ничего не имѣю противъ этого. Но что-же мы видимъ? Уже у общественныхъ животныхъ, мы находимъ рядомъ-собственность личную, и собственность коллективную.

Эта послѣдняя, тамъ, гдѣ она является,—носитъ форму собственности семейной. Гнѣздо принадлежитъ парѣ птицъ, которыя ежегодно возвращаются и живутъ въ немъ и сообща его поправляютъ. «Собственность на территорію есть фактъ постоянный почти всеобщій у семействъ птицъ» *), говоритъ Эспинасъ. Сосѣднія семьи оказываютъ взаимное уваженіе къ территоріямъ, на которыхъ они охотятся или ловятъ рыбу.

Обереганіе охоты извѣстно многимъ видамъ. Я не буду задаваться вопросомъ, предшествовала-ли у пчелъ индивидуальная собственность на ячейку коллективной собственности на улей, или, наоборотъ, слѣдовала за нею; онъ меня не очень безпокоитъ. Мало вѣроятно, чтобы она за нею слѣдовала.

Какъ-бы тамъ ни было, но мы перейдемъ, однако, къ болѣе серьезнымъ соображеніямъ.

Главная и неоспоримая заслуга Лавеле состоитъ въ томъ, что онъ открылъ, сблизилъ и освѣтилъ факты неизвѣстной общинности, разбросанной по земному шару и въ исторіи.

Но, тѣмъ не менѣе, я думаю, онъ ошибался въ общемъ объясненіи, данномъ этимъ фактамъ черезъчуръ торопливо, и это его не покидало въ продолженіи всѣхъ его долгихъ изслѣдованій. «Примитивные народы», говоритъ онъ, «подчиняясь инстинктивному чувству, признавали за всякимъ человѣкомъ естественное право занимать участокъ земли, изъ котораго онъ могъ-бы извлекать трудомъ средства существованія». Вотъ его теоретическое заблужденіе, и оно привело его нестолько къ искаженію самихъ фактовъ, сколько къ извращенію ихъ хронологическаго порядка. Въ самомъ дѣлѣ, по Лавеле выходитъ, что примитивные люди «раздѣляли по ровну между всѣми главами семей землю составлявшую коллективную собственность племени». Онъ повторяетъ нѣсколько разъ,—а съ нимъ поторяютъ и тѣ, которыхъ увлекла очаровательность его манеры,—нижеприведенное положеніе, преувеличивая его до историческаго закона, до хронологическаго правила, которое кажется имъ внушеннымъ чѣмъ то въ родѣ логической дедукціи: «Въ началѣ, кланъ (родъ), деревня есть то коллективное тѣло, которое владѣетъ землей; позднѣе это—семья, которая имѣетъ всѣ отличительные признаки корпораціи, увѣковѣчившейся въ теченіе многихъ эпохъ». Но гдѣ-же доказательства этого положенія, претендующаго на

истинность,—положенія, что деревенская общинность предшествовала общинности семейной и породила ее? Я ихъ искалъ, но не нашелъ. А между тѣмъ, въ этомъ именно все ядро вопроса. И, вопреки тѣмъ, кто такъ быстро разрѣшилъ его въ этомъ смыслѣ, я настаиваю, что тамъ, гдѣ существуетъ деревенская общинность, она есть слѣдствіе предшествующихъ семейныхъ общинъ, которыя образовали между собою федерацію, причемъ, чаще всего одна изъ нихъ, увеличиваясь, присоединяла къ себѣ другія.

Въ дополненіе къ этой мысли нужно замѣтить, что повсюду, гдѣ земельный коллективизмъ сохранилъ силу и свой архаическій характеръ, какъ напр. въ Россіи и Индіи, общинники сохранили традицію о древнемъ родствѣ, которое ихъ будто-бы соединяло.

«Въ Индіи обитатели всякой деревни (въ которой нѣтъ раздѣленія земли) держатся той мысли, что у нихъ былъ одинъ общій предокъ, наслѣдниками котораго они являются», говоритъ аффиціальный англійскій отчетъ.

Крестьяне русскаго «міра» увѣрены также въ своемъ общемъ происхожденіи. Въ этомъ пунктѣ сходятся Мэнъ и Фюстель де-Куланжъ. Все то, что говоритъ послѣдній о германской маркѣ XII вѣка *), въ которой онъ видитъ лишь остатокъ древней семейной общинности, то Менъ говоритъ также о деревенской общинѣ индусовъ, которая, по его мнѣнію, представляетъ «видъ семейной группы со-

*) Problemes d'histoire, стр. 313 и 314.

единенной предположеніемъ общаго происхожденія *). Говорятъ, что воспрещеніе продавать или завѣщать семейную собственность, а позднѣе запрещенія отчуждать ее—явились остатками древняго коллективизма. Пусть такъ; но эти обычныя правила могутъ быть объяснены только въ пользу общинности семейной, а не родовой. Человѣку, желавшему сдѣлать завѣщаніе, древній законодатель отвѣчаетъ устами Платона въ «Законахъ»: «ты не хозяинъ ни твоего имущества, ни себя самаго; ты и твое богатства, все принадлежитъ твоей семьѣ, т. е. твоимъ предкамъ и твоему потомству». Но зачѣмъ же я долженъ умножать доказательства, когда нѣтъ доказательствъ противнаго? Не естественно ли a priori, что сложное рождается изъ простаго, а не простое изъ сложнаго. Не странно ли предполагать, что семья которая до тѣхъ поръ была независима, вдругъ—единственно въ силу своего соединенія въ общину—пріобрѣтала бы внутреннюю связь и дисциплину, (тогда какъ, на оборотъ, она должна бы была потерять ее) и въ первый разъ почувствовала-бы вкусъ къ прелестямъ нераздѣльной собственности? Не видимъ ли мы, наоборотъ, что всюду и всегда по мѣрѣ того какъ отношенія согражданственности умножаются, отношенія родства ослабляются или отступаютъ на задній планъ? Деревенская община могла возникнуть только по образцу увеличенной семейной общины, подобно тому, какъ государственный огонь Весты могъ загорѣться только на алтарѣ

*) Этюды по исторіи права.

домашняго очага; и начальный эффектъ первой (т. е. деревенской общины) долженъ быть потрясеніемъ, а не зарожданіемъ второй (т. е. общины семейной).

Однако, я совершенно допускаю, что семейная община была весьма распространена, отчасти въ силу своего несамопроизвольнаго (спонтаннаго) появленія въ различныхъ центрахъ извѣстныхъ раіоновъ въ началѣ общества. Но развѣ это значитъ, что она существовала повсюду? Нѣтъ: напримѣръ, тамъ, гдѣ семья зародилась въ формѣ патріархальной, представляющей нѣкоторое подобіе цезаризма—глава дома является единственнымъ собственникомъ. Это индивидуализмъ во всемъ своемъ блескѣ. Кромѣ того, когда устанавливается семейная нераздѣльность, она даетъ величайшее различіе формъ и, смотря потому,—склоняется ли управленіе групы преимущественно къ монархической іерархіи, или къ демократическому равенству, она или приближается къ идеальному типу, или удаляется отъ него, какъ это и теперь представляетъ намъ *задруга*.

Но, чтобы лучше понять истинный характеръ этой братской общинности и ошибку тѣхъ, которые хотятъ въ ней видѣть антиципацію соціальнаго коллективизма, необходимо представить себѣ простой умъ, внутреннюю солидарность, которая соединяла другъ съ другомъ людей единыхъ по крови, въ эпохи и въ мѣстностяхъ, гдѣ небезопасность среды пріучала ихъ наслѣдственно къ сплоченію и объединенію. Обыкновенно личность у примитивныхъ народовъ значитъ очень мало въ своихъ и чужихъ глазахъ. Для доказательства ея первоначальнаго ничтожества намъ достаточно подумать о той жалкой

роли, какую она играетъ даже въ обществахъ уже цивилизованныхъ. Въ средніе вѣка не имѣли и понятія о томъ, чтобы считать народонаселеніе иначе какъ по огнямъ или очагамъ. Въ государствѣ Инковъ, нація дѣлилась по десятичной системѣ, но не такъ какъ мы считаемъ теперь, напр., группами въ 100 или 1000 лицъ, а групами въ 100 или 1000 семей. Въ Индусскихъ деревняхъ, какъ и деревняхъ тевтонскихъ,—(это сравненіе часто дѣлаетъ и Мэнъ) семья является намъ такой строгой, такъ замкнутой въ себѣ и сконцентрированной, что, повидимому, трудно вообразить себѣ что нибудь болѣе косное: «ее облекаетъ необыкновенная тайна». Въ горахъ Кавказа, у осетиновъ, еще сохранилось нѣчто подобное. «Здѣсь, говоритъ Дарестъ, есть деревни, расположенныя какъ крѣпости на высотахъ, до которыхъ трудно добраться. Въ этихъ деревняхъ каждый домъ есть замокъ, обитаемый однимъ семействомъ, или еще чаще, община изъ сорока, пятидесяти и даже 100 лицъ, связанныхъ между собою родствомъ, и относящихъ себя къ одному общему предку, имя котораго они носятъ. Вокругъ дома идетъ зубчатая стѣна, а на одномъ изъ угловъ устроена башня для защиты.

У обитателей дома все общее. Власть принадлежитъ старику. Однако, уже одна близость этихъ жилищъ другъ къ другу и федерація этихъ семей должна болѣе или менѣе ослаблять ихъ. Но какова же слѣдовательно должна была быть ихъ внутренняя концентрація до этаго неизбѣжнаго ослабленія!

Если это такъ, то несомнѣнно, что коллективную собственность примитивныхъ временъ слѣдуетъ

разсматривать какъ чистый и простой эквивалентъ нашей индивидуальной собственности, точно также, какъ коллективная отвѣтственность родственниковъ за преступленіе, совершенное однимъ изъ нихъ, соотвѣтствуетъ индивидуальной отвѣтственности нашихъ дней.

Тогда семейная группа, и даже часто (посредствомъ расширенія) и группа деревенская представляли единственную соціальную единицу, неразложимую и недѣлимую, какъ современный индивидуумъ. Единственно такая группа считается способной пользоваться правомъ собственности въ ту эпоху, когда только она представляетъ признаки независимой и первоначальной личности. Эта нравственная личность начала съ того, что была единственной реальной личностью, то воплощавшейся деспотически въ своемъ вождѣ, то отраженной и распредѣленной во всѣхъ своихъ членахъ, но всегда (черезъ него или черезъ нихъ) она была абсолютнымъ собственникомъ своихъ имуществъ, исключающимъ всякую другую равную группу. И это настолько вѣрно, что у этого якобы колективизма, открытаго въ «мірѣ», въ швейцарскихъ и итальянскихъ альмендахъ, въ индусскихъ и яванскихъ деревенскихъ общинахъ, въ германской маркѣ,—самой поражающей чертой является ихъ крайняя исключительность, ихъ жестокое равнодушіе къ чужаку*).

Въ Швейцаріи, чтобы пользоваться общиннымъ

*) См. въ послѣднемъ изданіи соч. Лавеле множество мѣстъ на страницахъ 129, 148, 278, 379.

имѣніемъ, нужно «происходить отъ семьи, которая обладала этимъ правомъ съ незапамятныхъ временъ». Отсюда жестокая борьба «между радикальными реформаторами, объявлявшими право равное для всѣхъ, и консерваторами, которые стремились удержать *древнюю исключительность*».

Альмендъ образуетъ тоже «замкнутую и привилигированную корпорацію». Когда приводятъ въ пользу древности общинныхъ идей и чувствованій, раздѣлъ земель столь частый у древнихъ грековъ, то не слѣдуетъ упускать изъ вида, что, по словамъ Аристотеля, «греческіе законы относительно сохраненія этихъ примитивныхъ надѣловъ связывались съ аристократической цѣлью и по большей части имѣли въ виду помѣшать плебеямъ добиться собственности». Я сократилъ эту цитату. Подвожу итогъ: въ этихъ ассоціаціяхъ, гдѣ человѣчество совершало какъ бы свое общинное самовоспитаніе, время проводилось обыкновенно въ отбиваніи чужаковъ, которые желали нарушить колючія изгороди этой семейной стѣны. Я вижу тутъ сожителей болѣе или менѣе многочисленныхъ, болѣе или менѣе родственныхъ, сидящихъ за однимъ столомъ, но изъ этого нисколько не слѣдуетъ, чтобы то былъ публичный пиръ, это—просто большой частный обѣдъ, устроенный въ герметически запертомъ залѣ.

Какимъ образомъ можно видѣть остатокъ древняго коммунизма или общинности, остатокъ древней вѣры во всеобщую нераздѣльную собственность, въ прирожденное право всѣхъ на каждый клочекъ земли, въ такихъ учрежденіяхъ какъ право выкупа родоваго имѣнія, запрещеніе завѣщеванія и во

множествѣ другихъ препятствій, противополагаемыхъ обычаемъ отчужденію родовой собственности? Какъ можно усматривать коммунизмъ въ такихъ учрежденіяхъ, гдѣ чрезвычайно сильно выражена вкоренившая вѣра въ то, что такой то уголокъ земли принадлежитъ по врожденному и наслѣдственному праву такой то семьѣ, что онъ есть какъ бы вѣчное тѣло этой безсмертной личности? Но, однако, именно таковъ тотъ способъ воззрѣній который имѣлъ наибольшій успѣхъ.

Конечно, выкупъ родоваго имѣнія, эта правоспособность, предоставленная родственникамъ — выкупить имущество, проданные однимъ изъ нихъ, а также выкупъ сосѣдскій (виціальный), т. е. подобная же правоспособность, предоставляемая иногда сосѣдямъ, доказываетъ въ большинствѣ случаевъ предшедствующее существованіе хотя и забытой общей собственности но, однако, *ограниченной* родственниками и сосѣдями. Это доказывается сравненіемъ этихъ двухъ выкуповъ съ выкупомъ феодальнымъ: если синьоръ имѣлъ права выкупить феодъ, пріобрѣтенный васаломъ, то лишь потому, что за нимъ признавалось нѣчто въ родѣ высшаго, хотя и общаго права *собственности* надъ извѣстнымъ имѣніемъ, отчуждать которое *вассалъ не имѣлъ права*. Но эти выкупы имѣли и еще одно значеніе болѣе общее и глубокое, и чтобы его понять, мнѣ кажется, нужно сопоставить ихъ со многими другими любопытными обычаями, внушенными однимъ и тѣмъ же духомъ и которые не поддаются предъидущему объясненію. Во многихъ примитивныхъ законодательствахъ, существуетъ право предоставляе-

мое самому покупщику,—выкупить то, что имъ было когда то куплено, а затѣмъ продано*), т. е. нѣчто въ родѣ индивидуальнаго выкупа,—право отказаться отъ своей продажи, раскаяться въ ней въ извѣстный срокъ. Сюда же относится право, предоставленное древнему дарителю, (см. Віолле)—отречься отъ своего даянія по собственной волѣ**); наконецъ, наклонность многихъ древнихъ законовъ, напримѣръ польскихъ, объявлять недвижимое имущество не отъемлемымъ, неотчуждаемымъ, неприкосновеннымъ для долговъ. Сколько замѣчательныхъ правъ, происходящихъ вовсе не отъ коллективной собственности,—такъ какъ тутъ дѣло идетъ о личной собственности, которую продавецъ и даритель могъ прекрасно отчуждать, какъ свое собственное имущество, но съ той неохотой, которая вообще связывалась съ отчужденіями въ мало цивилизованныхъ обществахъ! Только съ этой точки зрѣнія можно охватить въ одномъ возрѣніи и эти странныя права и выкупы. А самое это неудовольствіе (за отчужженіе) что же выражаетъ оно, какъ не чувство собственности, настолько энергическое и исключительное, что оно заставляло разсматривать собственника (коллективнаго или индивидуальнаго безразлично) и его имущество,—какъ тѣло и ногти, а случайный разрывъ этой священной связи—какъ болѣзненное уродство*) или рану, которую нужно было сшить какъ можно скорѣе и лучше. Сёмнеръ-Мэнъ сдѣлалъ одно очень тонкое замѣчаніе въ подтвержденіе коммунистическаго тезиса. Извѣстна та непреодолимая трудность, съ какою въ странахъ отсталыхъ приходиться заставлять крестьянъ принять малѣйшее измѣненіе обычной цѣны и традиціонныхъ условій на хорошую землю. Не представляется-ли этотъ фактъ чистымъ мизонеизмомъ?*) Мэнъ говоритъ, что нѣтъ, потому что тѣ же самые необразованые люди принимаютъ безъ затрудненій перемѣны, происходящія въ цѣнахъ на предметы движимости. Этотъ контрастъ объяснится, по его мнѣнію, если мы признаемъ, что уцѣлѣвшія чувствованія древняго собратства по владѣнію землей создаютъ препятствіе для мысли объ извлеченіи изъ земли, отдаваемой въ наемъ, возможно высшей платы, т. е. противятся идеѣ ренты, условливаемой свободно. Правда ли это? Истина, мнѣ кажется, лежитъ скорѣе въ томъ, что здѣсь существуетъ безсознательно воспоминаніе о той эпохѣ, когда группа

*) Такое право существуетъ во всѣхъ масульманскихъ странахъ. Смотри по этому поводу: Savvat Pacha: «Théorie du droit musulman» (1891).

**) Такое право есть и по русскимъ законамъ. *Ред.*

*) См. статью Ковалевскаго «Патріархальная семья на Кавказѣ» въ *Revue intern. de sociologie* за Іюль-Августъ 1893 года. Авторъ показываетъ тамъ, что у этихъ кавказскихъ народцевъ, остающихся весьма примитивными, поклоненіе предкамъ влечетъ огромные расходы при обрядовыхъ праздникахъ, разоряющихъ семью и заставляющихъ продавать свои имѣнія. Но прежде чѣмъ закончить продажу чужаку, обычай требуетъ давать преимущество родственнымъ семьямъ, принадлежащимъ къ тому же клану. Если имѣніе покупаетъ членъ клана, земля не выходитъ изъ круга родственниковъ и поклоненіе домашнимъ божествамъ не страдаетъ отъ перерыва. Право семей

личностей, которой можно было отдать въ пользованіе или продать свою землю, была практически ограничена членами небольшаго родственнаго кружка; тогда какъ отдать въ пользованіе или продать чужакамъ свои продукты, свое оружіе, даже свой скотъ представлялось вполнѣ удобнымъ.

Эксплоатировать безъ пощады позволялось только этихъ послѣднихъ, а не своихъ. Это воспроизводитъ намъ, въ новой формѣ, то капитальное различіе, которое указано выше, между внѣшними отношеніями общинной группы и отношеніями внѣшними.

Я намѣренно пропускаю тѣ аргументы общинниковъ-теоретиковъ, значеніе которыхъ преувеличено. Набросившись на слѣдъ примитивнаго коммунизма, спеціалисты (эрудиты) полагаютъ, что открыли эти слѣды даже, напримѣръ, въ томъ фактѣ, что у народовъ отсталыхъ очень распространенъ обычай обязательствъ прямой солидарности между многими содолжниками и вообще членами той же семьи или же, какъ въ средніе вѣка,—обычай поручитель-

---

наго преимущества, т. е. право покупки, дающее преимущество роднымъ (выкупъ родоваго имѣнія) оказывается такимъ образомъ стоящимъ въ болѣе прямой связи съ семейнымъ культомъ, чѣмъ думали до сихъ поръ». Если такъ, и если это объясненіе, какъ я полагаю, допускаетъ нѣкоторое обобщеніе, то мы увидимъ, что право родоваго выкупа есть просто короларій религіозныхъ вѣрованій и потому не имѣетъ ничего общаго съ деревенскимъ коммунизмомъ, а представляетъ даже самый семейный коммунизмъ какъ фактъ происшедшій отъ культа предкамъ больше чѣмъ какъ фактъ примитивный.

**) Вражда къ новизнѣ. *Ред.*

ства посредствомъ заложниковъ. Но не забудемъ, что раньше тѣхъ общественныхъ поступательныхъ движеній, которыя позволили изобрѣтеніе гипотеки и сдѣлали ее жизненной,—единственной серьезной гарантіей кредитора была множественность и солидарность должниковъ. Естественно, что должнику было легче убѣдить своихъ родственниковъ, чѣмъ чужаковъ, соединиться съ нимъ въ какомъ нибудь обязательствѣ. Это объясненіе столь вѣрно, что даже въ наши дни, въ коммерческихъ дѣлахъ гипотека неупотребительна, благодаря ея медленности; вексель, подписанный однимъ должникомъ, никогда не учитывается; а многочисленность надписателей, часто родственниковъ, въ одномъ платежѣ, а также ихъ коллективная отвѣтственность—есть фактъ обычный, сходный съ корреальными обязательствами прошедшаго *).

Право, было бы не менѣе возможно считать обычай столь общій въ Европѣ,—устраивать въ нѣкоторые праздники обѣды съ родственниками,—остаткомъ древней общинной жизни **). Если не остановились еще на этой идеѣ, то несомнѣнно только потому, что происхожденіе этого обычая, возникшаго изъ христіанскаго великаго поста, здѣсь очень ясно и не допускаетъ никакого сомнѣнія. Но, взамѣнъ этого, что же мѣшаетъ увидѣть напр., остатки древняго существованія фаланстерій въ уцѣлѣвшихъ страннымъ образомъ среди теперешняго эгоистиче-

---

*) Viollet, стр. 501.

**) Напр., въ «Карнавалѣ», на «нѣмецкую масляницу», и т.п.

скаго, жаднаго къ наживѣ индивидуализма, въ періодическихъ любезныхъ пріемахъ, въ нашемъ обмѣнѣ визитами, въ нашихъ большихъ обѣдахъ, даваемыхъ торжественно, гдѣ изощряются во взаимныхъ любезностяхъ, гдѣ готовы хлопотать для другихъ до самозабвенія, до того, что способны отдать все свое имущество своимъ знакомымъ. Къ сожалѣнію я долженъ сознаться, что такое толкованіе не выдерживаетъ критики. Конечно, въ свѣтскихъ обычаяхъ выражается человѣческая общительность, несомнѣнно, весьма древняя, ровесница наиболѣе примитивному обществу, даже предшествующая всякому обществу. Но это выраженіе столь старыхъ отношеній само сравнительно молодо, и когда мы поднимемся къ историческимъ источникамъ этой обычной вѣжливости, этихъ взаимныхъ угощеній, этихъ перемежающихся самопожертвованій и расточительности, то увидимъ, что они вытекаютъ изъ феодальныхъ подношеній, обязательныхъ для вассаловъ относительнаго сеньора, и изъ феодальныхъ обѣдовъ, устраивавшихся сеньоромъ для своихъ вассаловъ; первоначально они были ограничены и обязательны только для одной стороны, но затѣмъ мало по малу стали общими и взаимными путемъ подражанія, спускавшагося отъ одного общественнаго слоя къ другому *).

*) По крайней мѣрѣ, такъ было въ Европѣ; но и въ другихъ мѣстахъ, объясненіе едва-ли требуетъ измѣненія. Не представляетъ-ли, напримѣръ, большой вѣроятности, что обычныя церемоніи китайцевъ и даже формальное гостепріимство арабовъ въ ихъ палаткахъ происходятъ отъ подражанія примитивнымъ обычаямъ ихъ главъ, царей или какихъ нибудь вождей?

Любопытно прослѣдить постепенныя преобразованія, вслѣдствіе которыхъ колѣнопреклоненія вассаловъ, обозначавшія присягу въ вѣрности и почтеніи своему сюзерену, сдѣлались нашими взаимными привѣтствіями посредствомъ склоненія головы, напр. въ гостинныхъ.

Не слѣдуетъ-ли также оградить свою мысль и защитить свой разумъ отъ увлеченій и археологическихъ иллюзій нѣкоторыхъ ученыхъ; въ силу такихъ увлеченій, они ужаснѣйшимъ образомъ отодвигаютъ назадъ числа происхожденія нѣкоторыхъ фактовъ, которые, хотя и носятъ отпечатокъ древности, какъ старинныя стѣны, но, какъ и эти послѣднія, могутъ безразлично считаться имѣющими возрастъ на нѣсколько тысячелѣтій больше или меньше. Самъ Мэнъ замѣтилъ это относительно Индіи. «Мнѣ указывали тамъ,—говоритъ онъ,—многія способы отношеній, къ которымъ туземцы прибѣгли въ первый разъ въ наши времена подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ обстоятельствъ, но которыя, однако, представлялись обыкновенно существующими съ незапамятныхъ временъ и характеризующими дѣтство человѣчества».

У насъ много говорили по поводу вопроса, занимающаго насъ, о такъ называемыхъ, ménages nivernais. Это было нѣчто въ родѣ небольшихъ земледѣльческихъ фаланстерій, встрѣчавшихся не особенно рѣдко въ нѣкоторыхъ французскихъ мѣстностяхъ, въ XII и XIII в.

Въ нихъ видѣли, естественно, остатокъ доисторическаго коммунизма. Но не естественнѣе-ли, кажется, подумать здѣсь о томъ великомъ потокѣ подражательнаго стремленія, который вызвалъ именно

въ XII в. столько коммунъ и корпорацій, столько ассоціацій въ самыхъ разнообразныхъ формахъ *). Если пожелаемъ идти дальше, то не станетъ ли очевиднымъ, что идея этихъ коммунъ и корпорацій возбудилась весьма распространеннымъ въ то время типомъ, особенно разросшимся въ концѣ римской имперіи,—а именно типомъ монашескихъ общинъ, а ни какъ не общинъ деревенскихъ? Существованіе этихъ послѣднихъ, послѣ четырехъ столѣтій римскаго господства, кажется мнѣ весьма сомнительнымъ, или же, онѣ могли быть лишь случайными явленіями, ютившимися въ глухихъ мѣстахъ, неспособныхъ служить образцами для подражанія. Быть можетъ, гильдіи, коммерческія ассоціаціи среднихъ вѣковъ, скорѣе подаются сближенію съ римскими колегіями, чѣмъ съ монастырями; но очевидно ни въ какомъ случаѣ не съ маркой. «Сколько бы не искали, но трудно найти что либо болѣе типичное, болѣе ясное въ смыслѣ коммунистической организаціи, чѣмъ монастырь, гдѣ нераздѣльность имущества имѣетъ причиной слитіе душъ въ единой вѣрѣ, въ одной и той же цѣли. И, дѣйствительно, всѣ промышленныя ассоціаціи, создавшіяся въ средніе вѣка,

*) Всегда и вездѣ деревня подражаетъ городу. Не долженъ-ли также насъ удивлять фактъ, неизвѣстный историкамъ—но выставленный Люшеромъ (Des communes françaises á l'epopue de Capétiens directs, 1890), а именно, что послѣ большихъ присяжныхъ коммунъ (jurée) XII вѣка, какъ Лаонъ, Дижонъ, Суассонъ и т. д. расплодилось множество маленькихъ земледѣльческихъ общинъ (стр. 69 и слѣд.). Человѣкъ рождается до такой степени общественнымъ, что изъ самыхъ заразительныхъ примѣровъ, примѣръ ассоціацій есть самый заразительный.

носятъ ложный монашескій видъ и являются прежде всего братствами.

Не тоже ли самое и въ греческой двевности, гдѣ учрежденія близкія къ монастырскимъ процвѣтали въ смѣшанныхъ формахъ патріотизма и религіи' какъ, напримѣръ, въ Критѣ, гдѣ, какъ мы знаемъ' Ликургъ искалъ плана для своихъ соціалистическихъ реформъ? Однако, намъ говорятъ, что никогда это равное раздѣленіе земли, эти періодическіе «агапы» (общія трапезы) и множество другихъ учрежденій, приписываемыхъ этому легендарному законодателю не могли бы жить и держаться, если бы народъ спартанскій не былъ къ нимъ подготовленъ долгой привычной или, еще жившими въ немъ, воспоминаніями о прежнемъ коммунизмѣ, о которомъ, къ сожалѣнію, исторія умалчиваетъ. Но вѣдь это тоже самое, что сказать, будто бы всеобщее зараженіе монастырской горячкой IV и V вѣковъ нашей эры, когда тысячи монастырей возникали со всѣхъ сторонъ на почвѣ имперіи,—обозначаетъ повсюду распространенное или всюду вспоминаемое существованіе деревенскаго коммунизма кельтовъ и германцевъ, у христіанскихъ народовъ того времени! Однако извѣстно, что всѣ они въ теченіи вѣковъ, имѣли привычку и вкусъ къ квиритарной и, вѣроятно, личной собственности, возведенной въ догматъ римскими юристами *). Нѣтъ, только одно это заразительное

*) Разцвѣтаніе монастырей, правда, могло быть вызвано внутренней организаціей галло-римской виллы, въ томъ видѣ, какъ ее описалъ Фюстель де Куланжъ. Эти виллы, раздѣлившія почти всю землю Галіи, были маленькими республиками едиными и нераздѣльными. Каждое имѣніе довольствовалось само собою.

распространеніе, эта спасительная эпидемія новой вѣры объясняетъ подобное чудо, обозначившееся въ средніе вѣка; и достаточно, даже необходимо, предположить подобную же эпидемію, но только гораздо болѣе локализированную, кризисъ религіознаго патріотизма, пробудившійся и распространившійся среди Локедемонянъ,—чтобы понять революціонный радикализмъ Ликурга. Этой гипотезѣ противорѣчитъ, я знаю, предразсудокъ относительно якобы мизонеизма (ненависти къ новизмѣ) у древнихъ. Но гдѣ же былъ мезонеизмъ у тѣхъ первообращенныхъ, которые массами переходили въ христіанство?

Историки вообще «дѣлаютъ исторію», не давая себѣ отчета въ этихъ великихъ ураганахъ лихорадочнаго подражанія, которыя время отъ времени поднимались непреодолимо и разрушали, и сжигали на своемъ пути всѣ обычаи. Можно-ли что нибудь сдѣлать для метеорологіи, не говоря о вѣтрахъ?

Но признаемъ доказаннымъ, по меньшей мѣрѣ, слѣдующее: таже причина, которая въ теченіи вѣковъ заставила всюду исчезнуть общины, должна была (и только она одна могла) во времена болѣе или

У нихъ были, какъ въ каждой деревенской общинѣ (сближеніе поучительно) мельники, хлѣбники, кузнецы, каменьщики, брадобрѣи и т. д. Эти обычаи раздѣленія труда и солидарности, совмѣстной жизни, дисциплинированной и автономной, быть можетъ могли благопріятствовать вкусу монастырскихъ общинъ. Но хотя это возможно, но такое объясненіе примѣнимо только къ рабамъ и крѣпостнымъ; а между тѣмъ страсть къ монашескому клобуку была особенно распространена среди высшихъ классовъ, среди собственниковъ.

менѣе древнія, повсюду умножать ихъ; я хочу сказать, что этой причиной было вліяніе удачнаго образца и желанія поступать «какъ всѣ».

Можно сказать съ увѣренностью, что очень странный способъ пользованія землей, еще встрѣчающійся кое гдѣ, а именно дѣленіе пахотной земли на три узкія и длинныя полосы, разбитыя каждая на равныя части, періодически подвергаемыя жеребью и удобряемыя золой, было изобрѣтено когда-то и гдѣ-то потому, что тамъ имѣлись для этого основанія, а затѣмъ распространился путемъ подражанія во многія другія мѣста, хотя здѣсь могли-бы быть примѣнены гораздо лучшіе пріемы воздѣлыванія *). Этотъ способъ тамъ, гдѣ онъ еще удержался, оправдывается мотивомъ пользы. «Поразительно замѣчаніе Нассе, говоритъ Мэнъ, что система общихъ полей (т. е. сохранившійся остатокъ древняго коллективнаго пользованія землей) носитъ въ Англіи признаки экзотическаго (иноземнаго) происхожденія». Да, это наблюденіе, съ моей точки зрѣнія, дѣйствительно поразительно: оно приглашаетъ насъ предположить, что этотъ якобы архаическій коллективизмъ, къ которому такъ хотѣли-бы прицѣпить точку зрѣнія «непроизвольнаго естественнаго необходимаго возникновенія эволюціи» собственности, начался простымъ расчетомъ, который сталъ затѣмъ

---

*) Во многихъ большихъ городахъ Южной Америки, гдѣ никогда нѣтъ дождя, и гдѣ благодаря этому, единственно раціональными являются плоскія или террасовидныя крыши, явилась страсть устраивать дома въ стилѣ возрожденія, съ заостренными крышами и это для того, чтобы не отстать отъ европейской моды.

общимъ достояніемъ, распространившись далеко широкой волной подражанія.

Вслѣдствіе этого, прежде чѣмъ относить къ баснословной древности такія учрежденія и обычаи, которые открываются и замѣчаются впервые въ XIX вѣкѣ, не мѣшаетъ предварительно разсмотрѣть ихъ поближе *). Въ силу того, что ихъ находятъ почти одинаковыми (или думаютъ такъ, по крайней мѣрѣ) въ Россіи, Сибири, въ Индіи и въ различныхъ уголкахъ латинской и германской Европы, этимъ широкимъ распространеніемъ ослѣпляются до такой степени, что дѣлаютъ выводъ о всеобщей необходимости такихъ же учрежденій въ начальной фазѣ общества. Но именно это-то огромное распространеніе и должно остерегать отъ торопливаго вывода.

Напримѣръ, меня заставляетъ отрицать въ «*задругѣ*»,—этой осуществленной мечтѣ Фурье,—ту глубокую древность, какую предполагаютъ въ ней, именно удивительное ея сходство съ ménages nivernais, о которыхъ я еще буду говорить, а также съ нѣкоторыми семейными общинами Ломбардіи **). Дѣло тутъ идетъ о латинскихъ странахъ, вспаханныхъ до самыхъ глубочайшихъ нѣдръ римскимъ плугомъ ***).

---

*) Лавеле увѣренъ, что открылъ въ самомъ Китаѣ коллективную собственность, но для этого ему пришлось, какъ онъ говоритъ, подняться до 2205 года.

**) «Собственность и ея примитивныя формы», послѣдн. изданіе, (стр. 487).

***) Авторъ хочетъ сказать метафорически о глубокомъ проникновеніи римскаго права въ самыя нѣдра этихъ странъ. Право-же это, по его взгляду, шло радикально въ разрѣзъ съ коммунистическимъ владѣніемъ. *Ред.*

Этотъ огромный фактъ, римское занятіе, длился въ Галіи 500 лѣтъ, а въ Италіи 1000, т. е. время гораздо большее того, какое было нужно, чтобы такой разливъ смылъ, путемъ примѣра и ассимилирующихъ декретовъ, и изгладилъ подъ своими наносами всѣ слѣды нераздѣльной собственности варваровъ чуждой и противоположной римскому праву. Этотъ огромный кульминаціонный фактъ въ міровой исторіи принятъ-ли вездѣ во вниманіе Лавеле? Помнилъ ли онъ постоянно и о другихъ фактахъ, весьма важныхъ, а именно о дѣйствіи римскаго примѣра даже за предѣлами имперіи, посредствомъ вліянія учрежденій на очарованныхъ варваровъ, одновременно и завидовавшихъ и подражавшихъ Риму? Наконецъ, имѣлъ-ли онъ въ виду и еще фактъ не менѣе важный: дѣйствіе римскаго права въ Европѣ въ теченіи среднихъ вѣковъ? Однако, онъ не всегда забываетъ это послѣднее обстоятельство.

По поводу славянъ, (стр. 464), онъ говоритъ, что въ «Польшѣ, Богеміи и даже у славянъ Коринѳіи и Карніолы, семейныя общины исчезли въ средніе вѣка подъ вліяніемъ римскаго права». Прибавьте къ этому второй потопъ,—вторженіе феодальной идеи, распространившейся незримо, въ теченіи самаго темнаго періода среднихъ вѣковъ, какъ ночное наводненіе, которымъ поражаются по пробужденіи». Только одинъ этотъ послѣдній фактъ обладаетъ такимъ значеніемъ, что не смотря на желаніе отнести шотландскіе townships,—а таже и другія еще существующія общины, къ самому отдаленному доисторическому прошлому арійскихъ рассъ, Мэнъ позволилъ себѣ обмолвиться слѣдующимъ замѣча-

ніемъ: «обыкновенно думаютъ, что феодальная система Шотландіи (весьма исключительная и цѣльная) должна была изгладить слѣды древнихъ тевтонскихъ обычаевъ въ низменностяхъ», т. е. въ самыхъ плодородныхъ частяхъ, наибольше воздѣланныхъ и, которыя подвергаются раньше другихъ вторженію новыхъ модъ. «Но онъ опровергаетъ это и для опроверженія, приводитъ случай, который считаетъ способнымъ противостоять столь общему и принятому утвержденію только потому, что земледѣльческая община, о которой идетъ дѣло, кажется ему обладающей «самымъ архаическимъ оттѣнкомъ»! Нужно бы было привести болѣе сильныя основанія, точныя документы, чтобы позволить себѣ утверждать, что какой либо остатокъ баснословныхъ эпохъ пережилъ среди долины, не смотря на четыре вышеозначенныхъ факта, имѣющихъ огромное значеніе.»

Какой отсюда можно вывести оргументъ *a fortiori* противъ древности приписываемой нѣкоторымъ общинамъ какъ деревенскимъ, такъ и семейнымъ, которыя будто-бы, возникнувъ до Рима, сохранились чуднымъ образомъ въ самомъ центрѣ римскаго міра, вопреки римскому праву! Выходитъ такимъ образомъ, что это право, въ самый расцвѣтъ своей жизненности, имѣло меньше силы, чѣмъ впослѣдствіи имѣлъ его вырытый трупъ!?—Соціологія *хочетъ*, чтобы славянскій «міръ» былъ самой древней формой владѣнія землею и чтобы мы признали, что эта форма была принята, въ эпохи протоисторическія и даже предшествующія всякой исторіи, большинствомъ, всего варварскаго населенія Европы! Русскій міръ, былъ-бы

дивно сохранившимся (какъ мамонтъ Сибири) ископаемымъ остаткомъ этого древняго учрежденія. Но вотъ бѣда: одинъ извѣстный русскій соціологъ и историкъ даетъ намъ полнѣйшія основанія считать что «Міръ» имѣетъ довольно новое происхожденіе; и его объясненіе, кромѣ вѣроятности, имѣетъ еще то преимущество, что согласуется съ тѣмъ происхожденіемъ, которое Фюстель де-Куланжъ приписываетъ не безъ основанія французскимъ общинамъ. Замѣтьте, что «Міръ» есть ассоціація крестьянъ, обязанныхъ уплачивать ренту помѣщику. Это просто указываетъ на его феодальное (крѣпостное) происхожденіе. Однако, по мнѣнію Фюстель де-Куланжа, не лишенному солидныхъ основаній,—феодальный сеньоръ есть лишь преобразованный преемникъ великихъ гàлло-римскихъ собственниковъ. Необходимо вспомнить, что земледѣльческій доменъ этого послѣдняго раздѣлялся для воздѣлыванія на двѣ части; одна оставалась принадлежностью господина и состояла главнымъ образомъ изъ луговъ и лѣсовъ, которые онъ отдавалъ въ частное пользованіе (хворостомъ, негодными деревьями, пастбищами), за другую часть имѣнія онъ пользовался податьми, и каждый его крѣпостной имѣлъ право на пастбище или валежникъ, пропорціонально обработываемой долѣ земли. Совершенно тоже самое имѣло мѣсто и для *міра*. Это раздѣленіе галло-римскаго имѣнія на двѣ части имѣетъ самую большую важность въ глазахъ автора, на котораго мы ссылаемся; именно, первая-то изъ двухъ частей и породила наши общины. Противъ всего этого можно возражать; но это по меньшей мѣрѣ, столь-же доказано,

какъ и баснословно—древнее происхожденіе міра, альменда, задруги, townships и т. п.

Этого, однако, достаточно чтобы расчистить почву вопроса; теперь уже можно болѣе опредѣлительно примѣнить сюда нашу общую точку зрѣнія и дать новое доказательство ея справедливости. Двѣ главныя причины, говорю я, должны были значительно измѣнить режимъ собственности, какъ коллективной, такъ и индивидуальной, а также пропорцію и характеръ обоихъ, и слѣдовательно законодательство по этому поводу. Эти двѣ причины заключаются въ двухъ соціальныхъ преобразованіяхъ, которыя сами произведены, одно—прогрессомъ подражанія, другое—прогрессомъ изобрѣтеній среди людей *).

Первая состояла въ безпрестанномъ расширеніи соціальной группы, въ увеличивающемся числѣ сообщественниковъ, объединенныхъ чувствованіяминѣкотораго моральнаго согражданства, которое зависѣло отъ симпатичнаго и продолжительнаго обмѣна изобрѣтеніями; вторая есть, съ одной стороны, постоянное накопленіе изобрѣтеній въ области приручения домашнихъ животныхъ, воздѣлыванія

*) Выше былъ поднятъ вопросъ о *прямомъ* вліяніи подражанія и изобрѣтеній на характеръ собственности. Теперь дѣло идетъ объ ихъ *косвенномъ* вліяніи, которое гораздо важнѣе. Прямое вліяніе этого рода существуетъ только тогда, когда, напр., изобрѣтено новое право собственности и когда оно распространяется путемъ подражанія. Чтобы могло возникнуть такое изобрѣтеніе, необходимо, что-бы оно стало желательнымъ и подготовленнымъ совокупностью другихъ открытій, *повидимому* не имѣющихъ ничего общаго съ правомъ, напримѣръ, таковъ новый способъ интенсивной культуры.

растеній, приспособленія веществъ, усовершенствованія производствъ; съ другой стороны,—частая замѣна одного изобрѣтенія другимъ, оказавшимся болѣе совершеннымъ, напримѣръ, искусства обтачивать кремни искусствомъ обработки металловъ, или пастушескаго искусства такими изобрѣтеніями, которыя образовали искусство земледѣлія.

Для большей наглядности, вообразимъ, что каждое изъ двухъ вышеупомянутыхъ преобразованій совершилось отдѣльно *).

Это выдѣлитъ передъ нашими глазами ту часть вліянія, которую оказалъ на каждую изъ нихъ юридическій строй.

Итакъ, спросимъ себя сначала, какое вліяніе производитъ численное возростаніе общества? Оно должно имѣть необходимымъ результатомъ, во-первыхъ, увеличеніе числа собственниковъ, по мѣрѣ того, какъ соціальная группа распространяется *вглубь*.

Подъ этимъ выраженіемъ я понимаю тѣ случаи, когда, напримѣръ, женщины, по извѣстной гипотезѣ, исключаемыя до тѣхъ поръ изъ группы,—входятъ въ этотъ кругъ: естественно, напримѣръ, что въ силу этого начинаетъ признаваться право дочерей на

*) Я знаю, что *de facto* такое раздѣленіе, невозможно: вѣдь именно разростаніе-то общественной группы и заставляетъ развиваться духъ изобрѣтательности для придумыванія (воображенія) новыхъ средствъ существованія и благосостоянія. И, наоборотъ, открытіе новыхъ средствъ жизни или новыхъ промышленностей дѣлаетъ возможнымъ численое увеличеніе сообщественниковъ.

наслѣдство въ имуществѣ. Отсюда сперва исключеніе дочерей изъ архаическаго наслѣдственнаго режима, а затѣмъ ихъ допущеніе въ этотъ режимъ.

Во-вторыхъ, не менѣе необходимымъ слѣдствіемъ этого постепеннаго расширенія соціальныхъ границъ, является, благодаря всеобщей потребности подражанія, безпрерывное увеличеніе вещей, способныхъ становиться собственностью среди тѣхъ сортовъ богатствъ, которые уже существовали ранѣе.

При этомъ конечно безразлично, будетъ-ли эта собственность личная или коллективная. Тутъ разумѣется играетъ роль не только способность этихъ вещей быть личной или коллективной собственностью, но также и ихъ способность отчуждаться отъ собственника (т. е. обмѣниваться на другія вещи, отдаваться въ ссуду и т. п. *Ред.*). Не видимъ-ли мы, что этотъ огромный фактъ осуществляется и продолжается на нашихъ глазахъ? Чѣмъ мы дальше идемъ впередъ, тѣмъ больше расширается территоріальный радіусъ, въ которомъ мы имѣемъ практически возможность выбирать предметы нашей движимой и недвижимой собственности. Распространеніе сообщеній между людьми ставитъ въ наше юридическое распоряженіе движимые предметы, мебель, имущества, дома, коммерческія обязательства и т. п. все въ большемъ и большемъ количествѣ и притомъ, предметы все болѣе и болѣе отдаленныя отъ насъ *).

*) Кромѣ этого, указанная причина не создала сама по себѣ и независимо отъ прогресса изобрѣтеній никакого предмета владѣнія, не прибавила ничего къ богатствамъ, существовавшимъ на землѣ.

Прежде нужно было жить въ своемъ домѣ, на своей землѣ, и общинность или нераздѣльность понималась только между родственниками или между сосѣдями, между личностями, собранными подъ одной кровлей или заключенными въ одну и ту же ограду. Теперь нераздѣльность существуетъ между всѣми совладѣльцами—акціонерами суэзскаго канала, разсѣянными по возможнымъ пунктамъ земнаго шара, между всѣми членами синдиката, между всѣми гражданами современныхъ увеличившихся государствъ, вѣдь эти граждане являются совладѣльцами общественныхъ богатствъ, распространенныхъ на землѣ метрополіи или ея колоній.

Что касается прогресса изобрѣтеній, то онъ давалъ еще болѣе глубокіе результаты: онъ умножалъ безпрестанно формы собственности или владѣнія какъ индивидуальнаго такъ и коллективнаго, относительно предметовъ уже существующихъ и кромѣ того создавалъ изъ всѣхъ *новыхъ* предметовъ, способныхъ быть собственностью, новыя желаемыя богатства. Въ каждомъ открытіи новаго домашняго животнаго,—лошади, осла, овцы, барана, коровы,—или новаго пищеваго растенія — ржи, пшеницы, риса,—человѣческія богатства увеличивались всѣми живущими существами животными или растительными, которыя дѣлались подвластными прирученію или одомашниванію. Всякое акклиматизированное плодовое дерево, всякій новый видъ легюмовъ или цвѣтовъ, увеличивалъ сокровища луговъ и садовъ; съ каждымъ открытіемъ оружія или какихъ либо инструментовъ, приспособленныхъ для охоты и рыбной ловли, быстро увеличивалась пропорція мор-

ской или лѣсной фауны на столѣ человѣка. Это было подобно тому, какъ будто бы происходило произвольное разведеніе дичи и морской рыбы. Изобрѣтенія, относившіяся къ мореплаванію, начиная съ весла, паруса и до парохода, или начиная съ грубыхъ инструментовъ зарождавшейся астрономіи до бусоли, прибавляли къ списку богатствъ—лодки, барки, корабли и т. д. Изобрѣтенія въ области стеклянныхъ издѣлій прибавляли къ этому всевозможныя стеклянныя сосуды, оконныя стекла и т. п. Изобрѣтеніе въ области кредита прибавили—акціи компаніи, процентныя бумаги. Изобрѣтеніе книгопечатанія и библіотекъ—книги, журналы и газеты. Изобрѣтенія артистическія — храмы, дворцы, картины, статуи, музеи. Въ то время, какъ возникали новые предметы богатствъ, рождались и новые способы владѣнія старыми богатствами. Прежде какихъ бы то ни было изобрѣтеній пастушескихъ или земледѣльческихъ, единственнымъ способомъ владѣнія землей была охота на ней. Это даже было причиной, въ силу которой недѣлимость была тогда общимъ правиломъ относительно недвижимости; самый способъ владѣнія былъ по природѣ своей нераздѣльнымъ; тоже самое было и на ближайшей ступени пастушескаго быта. Но съ той поры, какъ былъ прирученъ какой нибудь видъ животныхъ, невѣдомый ранѣе, на землю стали смотрѣть съ новыми желаніями и возникли способы владѣнія ею, не понятные ранѣе; точно также, и съ появленіемъ новаго растенія, требовавшаго новаго способа воздѣлыванія являлась потребность въ новомъ способѣ владѣнія землей. Очень понятно, что собственность

на пользованіе водами чрезвычайно регламетированная всѣми кадексами, сдѣлалась возможной только послѣ открытія благихъ результатовъ ирригаціи и искусства орошенія. Пользованіе окнами или открытымъ видомъ, какъ и многіе другіе формы городскихъ сервитутовъ не могло, явиться ранѣе изобрѣтенія стѣнъ, оконъ и искусства строить дома.

Вообще, отдѣлъ сервитутовъ помѣстныхъ или земледѣльческихъ, дающій личной собственности призрачный видъ коллективизма, увеличивается во всѣхъ кодексахъ, съ каждымъ прогрессомъ цивилизаціи. Иногда это вводитъ въ заблужденіе: напр., регламенты для распредѣленія оросительныхъ водъ, созданныхъ испанскими Маврами, были приняты за остатокъ прежняго коллективизма.

Гораздо справедливѣе было бы допустить обратное. Вотъ мое мнѣніе о частномъ владѣніи. Но публичное владѣніе расширяется также еще изобрѣтеніями относящимися къ мореплаванію, укрѣпленіямъ, стратегіи, путямъ сообщенія, почтѣ и телеграфу. Вотъ примѣръ изъ тысячи: безъ прогресса рѣчной навигаціи, бичевники никогда не были бы открыты для публики.

Я предоставляю здѣсь слово Фуллье, который посвятилъ весьма интересную книгу, подъ заглавіемъ «Общественная собственность», тому, чтобы дать намъ удивительный инвентарь нашихъ нераздѣльныхъ богатствъ, гдѣ онъ показываетъ, совладѣльцемъ сколькихъ милліардовъ является каждый французскій гражданинъ. Сосчитайте дороги, каналы, сѣть желѣзныхъ путей, рейды, форты, пушки, броненосцы и т. д., которыми мы владѣемъ совмѣстно; сочтите

также и различные способы владѣнія, обусловливаемые этимъ множествомъ разнообразныхъ предметовъ.

Таковы, при первомъ изслѣдованіи, тѣ воздѣйствія,—конечно наиболѣе выдающіяся, которыя долженъ оказывать прогрессъ изобрѣтательности и подражанія на режимъ собственности.

Теперь спросимъ себя: слѣдуетъ ли изъ этого суммарнаго обзора необходимость того, чтобы эволюція права собственности была повсюду единообразна? Да, но только соразмѣрно тому, насколько расширеніе соціальной группы необходимо, благодаря законамъ подражанія, и на сколько прогрессъ изобрѣтеній принужденъ течь по извѣстному руслу, какъ течетъ рѣка, т. е., въ опредѣленномъ направленіи, смутно обусловленномъ потребностями организма и законами человѣческаго духа въ его борьбѣ съ внѣшними силами.

Но въ какой же мѣрѣ можно сказать, что серія изобрѣтеній, слѣдующихъ другъ за другомъ съ кажущеюся причудливостью, подчинена роковой послѣдовательности, хотя это и незамѣтно по наружнымъ проявленіямъ?

Трудно представить себѣ что нибудь менѣе поддающееся точному рѣшенію, какъ подобная задача. Несомнѣнно рѣки эволюціонируютъ, такъ какъ они текутъ и перемѣщаются; но какой географъ, даже подкрѣпляемый геологіей, можетъ подвести подъ какую нибудь единую формулу эволюціи ихъ безконечныя извилины.

Пентагональная система Эли де Бомона, надъ которой смѣялись, была подобнымъ же стремленіемъ

свести послѣдовательное возникновеніе большихъ горъ на одинъ божественный планъ, ясный какъ чертежъ постройки и точный, какъ смѣта архитектора. Натуралисты его времени, надъ которыми не смѣялись, считали такой же порядокъ послѣдовательнаго созданія живущихъ видовъ постепеннымъ и правильнымъ исполненіемъ не менѣе строгаго плана природы. И, конечно, я не скажу, что въ той и другой идеѣ слѣдуетъ отвергнуть все. Возможно, что законы механики и логики удерживаютъ въ ненарушимыхъ границахъ самопроизвольную (спонтанную) игру силъ, перемѣны ихъ сочетаній и ихъ столкновеній. Возможно даже, что когда дѣйствуетъ эволюція, ее ведетъ скрытый разумъ и побуждаетъ ее невидимо въ тотъ или другой моментъ попасть на неизбѣжные пункты; правда, эти пункты не намѣчены заранѣе и совершенно по всей длинѣ какого нибудь единственнаго пути, но вѣчно разсѣяны по всевозможнымъ путямъ, въ безконечной области осуществимыхъ и неосуществимыхъ возможностей.

Я хочу сказать этимъ, что быть можетъ, разуму предназначено встрѣтиться съ тѣмъ, о созданіи чего онъ будетъ думать, напр., съ условіями механическаго или логическаго равновѣсія, которыя осуществляются астрономическими типами, имѣющими характеръ правильныхъ фигуръ геометріи—эллипсовъ, параболъ, сферъ, или съ типами физическими,—волнообразныхъ колебаній, или типами химическими въ видѣ неизмѣннаго расположенія молекулъ, или типами животныхъ и приспособившихся растеній, или такими типами, какъ условія соціальныя, — языки, религіи, правовыя системы, формы искусства, спо-

собныя къ жизни и прочныя. Такимъ образомъ, эволюція, приходя ощупью, раньше или позже, къ этимъ пунктамъ и выйдя изъ той или иной точки, съ огромнымъ просторомъ для частностей, (что составляетъ весьма необходимое условіе богатства и разнообразія міра и глубочайшую необходимость самой сущности вещей) должна будетъ тутъ пріостанавливаться и успокоиваться до новаго порядка; а до тѣхъ поръ планеты будутъ совершать свои кругообразныя движенія какъ бы при помощи безмѣрнаго эллиптическаго компаса; волны свѣта и звука станутъ искрещивать пространства своими безконечными рисунками, съ ненарушимой правильностью; оплодотворяемыя яйца будутъ стремиться воспроизвести сложныя подробности идеальной схемы своего «вида», колоніи людей будутъ разможать въ увеличенномъ или уменьшенномъ видѣ, образцы своей родины. Да, все это возможно, но это никоимъ образомъ не значитъ, что для потока открытій, изобрѣтеній и успѣшныхъ начинаній обязательно одно неизмѣнное русло, начинающееся отъ его дикаго источника и кончающееся у его ультра — цивилизованныхъ устьевъ. А между тѣмъ, это то послѣднее положеніе и необходимо доказать, чтобы имѣть право выставить единую формулу юридической эволюціи. Долгое время вѣрили, что изобрѣтенія относящіяся сперва къ охотѣ и рыбной ловлѣ, затѣмъ къ прирученію животныхъ, далѣе къ культированію растеній, слѣдовали другъ за другомъ въ неизмѣнномъ порядкѣ. Сперва былъ охотникъ или рыболовъ, затѣмъ пастухъ, далѣе земледѣлецъ.—Человѣкъ долженъ былъ *во всемъ мірѣ* и *необходимо* пройти черезъ

эти три фазы. Таково было мнѣніе всѣхъ. Въ этомъ былъ самый ясный и солидный обращикъ, на который можно было ссылаться, какъ на роковой рядъ изобрѣтеній. Но бѣда-то въ томъ, что приходится и отъ этого отказаться! Мы знаемъ, что краснокожіе охотники начали, даже до прибытія европейцевъ, заниматься земледѣліемъ, никогда не переживая пастушеской стадіи. У нихъ не было никакихъ домашнихъ животныхъ, кромѣ собаки, помогавшей имъ на охотѣ. Однако, въ Америкѣ животные виды, способные стать домашними, находятся въ достаточномъ количествѣ.

Почему же на этомъ континентѣ было такъ мало, а можетъ быть и вовсе не было пастуховъ? И почему, наоборотъ, въ Азіи и Африкѣ, пастушескій режимъ господствовалъ и еще господствуетъ до сихъ поръ? Здѣсь ясно обнаруживается капитальная важность историческихъ особенностей и индивидуальной оригинальности въ фактѣ изобрѣтеній. Полинезійцы не знали также пастушескаго состоянія; они занимались рыболовствомъ и немножко земледѣліемъ. Они не знали никакихъ домашнихъ животныхъ. Кромѣ того еслибы было справедливо, что три фазы, о которыхъ идетъ дѣло, чередуются такъ, какъ до сей поры предполагали, то было бы необходимо имѣть еще въ виду огромное несходство, представляемое каждой изъ нихъ, сообразно съ особыми частными обстоятельствами или съ различными внушеніями человѣческаго генія, напримѣръ, коммунизмъ у дикарей и варваровъ то сокращался, то расширялся и измѣнялся постоянно, сообразно характеру ихъ рыбной ловли или охоты, который то больше, то меньше

благопріятствовалъ духу ассоціаціи. Охотники за буйволами, бизонами и слонами должны были соединяться другъ съ другомъ чаще и иначе, чѣмъ охотники за ланями или зайцами; китоловы чаще и иначе, чѣмъ ловцы карповъ.

Огнестрѣльное оружіе позволило охотнику на краснаго звѣря охотиться въ одиночку, чего ему нельзя было дѣлать, имѣя только лукъ или пращу. Земледѣліе можетъ быть болѣе или менѣе экстенсивнымъ, или интенсивнымъ, и это очень вліяетъ на духъ ассоціацій между земледѣльцами. Мало того что должна почувствоваться потребность интенсивнаго производства на меньшемъ пространствѣ, что были придуманы тѣ пріемы удобренія, которые одни только дѣлаютъ его возможнымъ; необходима еще индивидуальная иниціатива, которой въ свою очередь благопріятствуютъ обстоятельства. Вѣдь мысль сѣять подъ рядъ два три года, на одномъ и томъ же полѣ пшеницу, при помощи животнаго удобренія,— тогда какъ раньше это поле оставлялось по вѣковой привычкѣ, въ покоѣ шестнадцать лѣтъ, двадцать лѣтъ, иногда даже двадцать пять послѣ одной жатвы, которой предшествовало простое разбрасываніе пепла, эта мысль кажущаяся въ наше время, такой простой, должна была казаться въ свою эпоху чрезвычайной смѣлостью, и я не понимаю, какъ можно обвинять въ мизонеизмѣ людей, принявшихъ ее! Но если идея предустановленнаго развитія изобрѣтеній оказывается химерой, то вмѣсто нея существуетъ, совершенно реально, спонтанное сходство изобрѣтеній, и ему отчасти надо приписать совпаденія, оказывающіяся у такихъ обществъ, которыя никогда

ничего не заимствовали другъ у друга. Нѣкоторыя весьма сходныя учрежденія были придуманы спонтанно, безъ малѣйшаго подражанія, различными иниціаторами, въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ, просто потому, что эти учрежденія были единственными возможными, несложными и удобопонятными рѣшеніями той задачи, которая ставилась сама собою естественными потребностями человѣка. Напримѣръ, пусть бы былъ поставленъ неотложный вопросъ: кто будетъ воздѣлывать землю, чтобы кормить населеніе? Тутъ можетъ представиться лишь нѣсколько рѣшеній: 1) можно принудить къ этому труду женщинъ; 2) можно оставить жизнь военноплѣннымъ и обратить ихъ въ рабовъ; 3) можно отдать обработку свободному земледѣльцу, которому будутъ помогать животныя и естественныя силы. И вотъ всѣ эти рѣшенія были испытаны и осуществлены, но, конечно, нѣтъ никакой необходимости, чтобы это произошло въ вышеупомянутомъ порядкѣ. Наиболѣе распространеннымъ въ античномъ мірѣ былъ второй способъ,— обработка рабами; а такъ какъ у ацтековъ находятъ также рабовъ, хотя они никогда не имѣли сообщенія съ грекороманскими древними учрежденіями, находятъ его и у африканскихъ пегровъ, которые, конечно, были не больше ацтековъ знакомы съ греко-римскими порядками, то слѣдуетъ думать, что ихъ сходство въ этомъ отношеніи ни коимъ образомъ не имѣло причиной подражанія. Но разъ установилось рабство, возникаетъ другая задача: каковъ наилучшій способъ утилизировать трудъ раба? Владѣлецъ можетъ для воздѣлыванія своихъ полей заставить трудиться рабовъ сообща

на всемъ пространствѣ своихъ владѣній, или распредѣлить ихъ по своему имѣнію и назначить каждому изъ нихъ особый участокъ, что дастъ выгоды при извѣстныхъ особыхъ условіяхъ: римскій владѣлецъ принималъ исключительно первый процессъ; галло-римскій отдавалъ предпочтеніе второму, который, увеличиваясь и спеціализируясь, сдѣлался крѣпостнымъ состояніемъ. Но отыскать такое рѣшеніе было очень легко; а съ того момента, какъ оно появилось въ нѣсколькихъ мѣстахъ, гдѣ представляло выгоды, имъ немедленно овладѣвалъ потокъ подражанія. Такъ объясняется тотъ фактъ, что крѣпостное состояніе существовало не только въ средніе вѣка, но и у германцевъ до ихъ вторженія, а еще раньше у грековъ.

«Иллоты въ Спартѣ, пенесты въ Θессаліи, клероты на Критѣ, быть можетъ, θеты въ Аттикѣ были прикрѣплены къ землѣ» (Фюстель де Куланжъ). Древніе Римляне не знали этой спеціальной формы крѣпостнаго пользованія. Но когда она оказалась у нихъ гораздо позднѣе, можно ли допустить, что они скопировали ее? Это не представляетъ необходимости, въ виду простоты идеи: она возникла, говоритъ тотъ же авторъ, «сперва въ одномъ имѣніи, потомъ въ другомъ, а мало по малу и во всѣхъ» *).

*) Относительно сходства учрежденій безъ участія подражанія можно сослаться еще на сходство финансовыхъ мѣръ, употребленныхъ французской реставраціей, чтобы положить конецъ требованіямъ о возвратѣ, предъявлявшимся эмигрантами, разоренными революціей, съ подобными же мѣрами, принятыми въ аналогичномъ случаѣ «въ Ефессѣ и во всей Азіи послѣ побѣдъ Митридата». (Даресть, Hist. du Droit, стр. 49).

Но вернемся въ послѣдній разъ къ коллективизму и спросимъ себя: на основаніи изложенныхъ принциповъ, долженъ-ли онъ былъ предшествовать индивидуальной собственности? Нисколько.

Во всѣ времена, какъ извѣстно, были и должны были быть предметы, пріобрѣтаемыя лично,—оружіе, обстановка, одежда, утварь. Но достовѣрно ли извѣстно или вѣроятно ли, что пропорція предметовъ коллективной собственности сравнительно съ предметами частной собственности шла постоянно уменьшаясь, и что теперь она меньше, чѣмъ была въ эпоху тесаннаго и полированнаго камня? Я для этого не вижу ни малѣйшихъ доказательствъ. Я согласенъ только съ тѣмъ, что коллективная собственность на землю должна была быть болѣе чѣмъ теперь общей и болѣе обширной въ эпоху, когда земля была доступна почти только общинному пользованію *). Но за то въ эти эпохи, о коллективной собственности на движимые предметы даже никто не мечталъ; въ наши дни, на оборотъ, коллективизмъ завоевываетъ себѣ мѣсто именно въ области движимости, напр. въ желѣзнодорожныхъ компаніяхъ, въ различныхъ промышленныхъ и коммерческихъ обществахъ; и надъ этой-то именно формой (движимой собственности) коллективизмъ надѣется современемъ господствовать посредствомъ экспропріаціи капитала и его національзаціи.

*) Кромѣ того, доказано, что оно всегда существовало вмѣстѣ съ индивидуальной собственностью на часть земли. Какъ бы мы далеко не заглянули въ глубь прошедшаго, мы видимъ гер-

Я указываю, что расширеніе соціальныхъ предѣловъ, уменьшая примитивную необезпеченность промышленности, позволяетъ ей въ большемъ объемѣ удовлетворять своему внутреннему стремленію къ свободной и раздѣленной собственности, тогда какъ прогрессъ интенсивнаго земледѣлія дѣлаетъ нераздѣленное воздѣлываніе менѣе удобнымъ. Но съ другой стороны, онъ допускаетъ болѣе обширныя и сильныя ассоціаціи собственниковъ. Прежнюю собственность, т. е. исключительную, неотчуждаемую, на вѣки недвижимую, принадлежащую семейнымъ или деревенскимъ группамъ, земледѣльческія усовершенствованія мало-по-малу замѣщали собственностью, хотя тоже исключительной, но отчуждаемой и подвижной, принадлежащей индивидууму.

Въ продолженіи этой перемѣны, культъ собственности значительно потерялъ свою силу; она лишилась своего абсолютнаго и священнаго характера и облеклась въ относительность. Два совершенно различныхъ вопроса представляются изслѣдователю: 1) Узнать, находятся-ли *условія*, благопріятствующія

манскую марку, швейцарскій *Альмендъ* и т. д., выполняющіе спеціальную функцію, аналогичную съ нашими *коммунальными*, но только въ большемъ размѣрѣ и съ большимъ значеніемъ. Однако, слѣдуетъ добавить, что коллективная собственность часто была и должна была быть примитивной формой національнаго господства, т. е. коммунальнаго. Это должно было быть тогда, когда слились идеи собственности и власти. Естественно думать, что тогда въ общемъ мнѣніи являлся нѣкоторый видъ власти надъ всѣми землями, принадлежащими клану, трибѣ, государству.

нераздѣльной собственности, на пути къ увеличенію или къ уменьшенію? И другой вопросъ :послѣ дѣйствительнаго или кажущагося исчезновенія этихъ условій, не появятся-ли они скоро вновь въ преобразованномъ видѣ?

Мы можемъ считать доказаннымъ, что семейная или деревенская общинность не возродится вновь, такъ какъ расширеніе горизонта общественности препятствуетъ этому. Интенсивность чувства, которое закрѣпляло связи родства или сосѣдства, въ древнія эпохи, питалась главнымъ образомъ ихъ изолированнымъ положеніемъ въ средѣ враждебной. Чтобы жить такой неудобной жизнью, какъ жизнь общины, нужно очень сильно любить другъ друга и очень сильно ненавидѣть всякаго чужаго или посторонняго. Въ настоящее время, если-бы для осуществленія грезъ нѣкоторыхъ коммунистовъ, нужно было также сильно любить другъ друга или даже ненавидѣть въ этомъ отношеніи всѣхъ другихъ людей,—то пришлось-бы вновь отправиться на островъ *Утопію* Томаса Мора. Въ самомъ дѣлѣ, по мѣрѣ расширенія соціальнаго района, чувство собратства, теряетъ въ своей силѣ то, что оно выигрываетъ въ своей широтѣ. Однако, новый коллективизмъ гораздо менѣе сантименталенъ, такъ какъ ему вовсе и не нужно быть такимъ.

Подумаемъ въ самомъ дѣлѣ о другихъ перемѣнахъ, произведенныхъ причинами указанными выше. Эти причины имѣли именно тотъ результатъ, что различіе, установленное въ началѣ такъ ясно между *цѣной для брата и цѣной для чужака*, причемъ первая устанавлялась обычаемъ, а вторая конкурренціей,

постепенно уменьшалось и сглаживалось. Отсюда слѣдуетъ важный выводъ, что такъ какъ число возможныхъ пріобрѣтателей или нанимателей, допускаемыхъ юридически, относительно недвижимости не переставало увеличиваться, то цѣны найма или продажи становились все менѣе и менѣе братскими, обычными, справедливыми и все больше и больше спорными и вынужденными; отсюда не могло не явиться реакціи противъ того, что называютъ эксплоатаціей слабаго сильнымъ, большинства меньшинствомъ. И когда большинство, сдѣлавшись въ свою очередь сильнымъ, захочетъ реформировать, (справедливо или нѣтъ, другой вопросъ) это состояніе вещей, оно будетъ приведено къ необходимости вновь *обобществить* источники богатствъ даже недвижимыхъ, которыя были индивидуализированы долгимъ предыдущимъ прогрессомъ. *) Наконецъ мы должны вспом-

*) Я не говорю, что желаю этого. И вотъ почему: я очень опасаюсь того способа, какимъ, по всей вѣроятности, совершилась-бы такая реформа. Извѣстно, что земля монополизирована собственниками; но эта монополія, въ виду того, что индивидуальная собственность является господствующей, почти нейтрализуется, благодаря своему дробленію. Если-бы установился коллективизмъ, то могло-бы оказаться, что эта монополія сосредоточилась просто въ рукахъ нѣсколькихъ политиковъ, которые кончили-бы тѣмъ, что эксплостировали бы всю землю въ свою пользу (?). На самомъ дѣлѣ, земля монополизируется и будетъ монополизирована всегда; и единственное лекарство или единственный палліативъ противъ этого неудобства есть раздробленіе собственностей (sic), такъ какъ оно способно столь же хорошо, какъ и свободныя ассоціаціи собственниковъ, согласить крупную культуру съ мелкой собственностью. Индивидуальная собственность есть единственный и дѣйствительный противовѣсъ, еще существующій противъ

нить предыдущее соображеніе и примѣнить его. Такъ какъ каждая волна промышленныхъ изобрѣтеній, влекла за собою издавна въ прошедшемъ, различныя новыя способы владѣнія и какія либо измѣненія въ режимѣ собственности, то было-бы удивительно если бы въ теченіи нашего изобрѣтательнаго столѣтія, столь плодовитаго нововведеніями въ земледѣльческой промышленности, какъ и во всѣхъ другихъ, эволюція права собственности неиспытала бы довольно глубокаго видоизмѣненія.

Еще одно слово относительно права давности. «Продолжительность, требующаяся для владѣнія, чтобы оно перешло въ право по давности, говоритъ Віолле, гораздо короче у *юныхъ* народовъ, чѣмъ у

излишествъ политической и административной центрелизаціи. Примѣръ деревенскихъ общинъ на Явѣ, хотя и восхищавшихъ Лавеле, даетъ основаніе для такихъ опасеній. Тамъ періодически дѣлятъ участки земли, но старшина отдѣляетъ себѣ въ десять разъ больше, чѣмъ его подчиненные, а муниципальные совѣтники въ три раза больше. Прибавьте, что жители обработываютъ землю старшины (стр. 66).

Въ концѣ концовъ, старшина есть тотъ-же сеньоръ, а такъ называемая община есть нѣчто въ родѣ феода. И такой случай не исключеніе.

Каждый разъ, какъ Лавеле позволяетъ намъ проникнуть глубже въ сердцевину этихъ фаланстерьянскихъ ульевъ, имѣющихъ издали столь идиллическій видъ, мы открываемъ въ нихъ нѣчто подобное вышесказанному.

Въ Германіи, по Тациту, каждый изъ сораздѣляющихся бралъ себѣ часть пропорціональную своему достоинству. (см. также, стр. 88, 89, 129, 134, 148, 278, 322, 354 и др.).

Тутъ есть надъ чѣмъ задуматься! (См. добавл. ред. въ концѣ книги).

передовыхъ цивилизованныхъ націй». Она становится продолжительнѣе по мѣрѣ того, какъ нація цивилизуется.

У германцевъ, до распространенія среди нихъ римскихъ идей, давность эта равнялась одному году. У самихъ римлянъ, въ началѣ ихъ исторической карьеры, она была отъ одного до двухъ лѣтъ; позднѣе является десятилѣтняя давность, двадцатилѣтняя, тридцати и сорока лѣтняя; и побѣда оказалась на сторонѣ этихъ послѣднихъ. Почему-же? Я ненамѣренъ искать всѣхъ причинъ, но не очевидно-ли, что одна изъ главныхъ лежитъ въ прогрессѣ письменнаго искусства, въ привычкѣ писать, усилившейся въ теченіи развитія цивилизаціи? У первобытныхъ людей, конечно, неграмотныхъ, не было возможности доказать новое и недавнее владѣніе инымъ путемъ, кромѣ словесныхъ доказательствъ болѣе стараго владѣнія, а самая природа такого доказательства состоитъ въ томъ, что оно быстро становится неудобопровѣряемымъ, а потому и болѣе опаснымъ съ каждымъ прибавляющимся годомъ. Но когда есть письменныя доказательства, то безопасность и гарантіи собственности и истинности ея остаются почти одинаковыми въ теченіи многихъ лѣтъ. Значитъ: изобрѣтеніе, введеніе и распространеніе письменнаго искусства имѣло косвенно огромное вліяніе на эту историческую эволюцію права давности въ различныхъ странахъ.*) Мы не

*) У народовъ, у которыхъ различіе между отношеніями къ роднымъ и отношеніями къ чужакамъ сохранило часть своей первичной строгости, продолжительность срока давности не одинакова для всѣхъ. Въ мусульманскомъ правѣ, по школѣ малекитовъ, (см. выше цитированное соч. Dareste стр. 61) для чужестранцевъ давность равна десяти годамъ, а для родныхъ сорока.

можемъ кончить, не коснувшись наслѣдства. Правда-ли, что «наслѣдственный» режимъ, освященный самыми древними обычаями человѣчества, былъ вездѣ одинаковъ и прошелъ неизмѣнныя фазы? Извѣстно, что вообще дочери изъ него исключались, какъ и восходящіе родственники. Пусть кто можетъ, согласитъ это исключеніе съ предполагаемымъ примитивнымъ матріархатомъ *).

Но для меня ясно одно, что зарождающееся право у разныхъ народовъ, колеблется между наслѣдованіемъ боковымъ и прямымъ. Когда человѣкъ умираетъ, неизвѣстно, долженъ ли ему наслѣдовать братъ или сынъ. И какъ же выходятъ изъ этого затрудненія? Приходятъ-ли всегда къ тому, что право наслѣдованія должно окончательно предпочитать брата? Нѣтъ **). Въ Аравіи у ацтековъ, одерживаетъ верхъ боковое наслѣдство. «Еще въ наши дни, говоритъ Віолле, въ Турціи, какъ некогда въ Кіевѣ,—султанъ имѣетъ наслѣдникомъ не своего сына, а брата или дядю». Значитъ, рѣка эволюціи имѣетъ свои дельты, свои неожиданныя развѣтвленія. Другой примѣръ.

Иногда,—вопреки тому, что наблюдается обыкновенно, женщины исключаются изъ наслѣдованія послѣ того, какъ онѣ были допущены къ нему.

Алжирскіе кабилы, въ прошломъ столѣтіи, отмѣнили право наслѣдованія женщинъ, установленное пророкомъ, и возвратились, говоритъ Дарестъ, «къ древнему обычаю, назначающему женщинѣ только пищу».

**) «Viollet Histoire des institutions politiques», стр. 246.

Въ началѣ у варваровъ, передача королевской власти смутно колеблется между избраніемъ и наслѣдственностью. Но какой изъ двухъ принциповъ беретъ верхъ? То одинъ, то другой. Если принципъ наслѣдственности все больше и больше одерживалъ верхъ почти во всей Европѣ, по мѣрѣ укорененія монархической власти, то принципъ избранія, въ другихъ мѣстахъ, а именно въ Польшѣ, исключалъ наслѣдственность, вслѣдствіе развитія той-же монархической власти. Быть можетъ, скажутъ, что *право* первородства было одной изъ всеобщихъ и необходимыхъ фазъ наслѣдственнаго режима? Но оно не было извѣстно въ Римѣ и Аѳинахъ *), и я думаю, что Фюстель де-Куланжъ былъ-бы въ восторгѣ, если-бы нашелъ въ учрежденіяхъ римской имперіи хотя зародышъ права старшинства. Семитическій міръ тоже не зналъ его. Помогло его распространенію вліяніе примѣра высшихъ классовъ, гдѣ оно привилось сначала. Теперь, практикуясь всѣми классами англійскаго народа, оно было когда-то привиллегіею дворянства. Противоположность праву старшинства, право *младшаго* существовало у германцевъ, у кельтовъ, у кочующихъ татаръ и другихъ народовъ. Юридическій натурализмъ думалъ

*) Въ древнемъ Египтѣ, дѣти наслѣдовали отцу, безъ различія пола, и вообще, въ равныхъ частяхъ, исключая прибавки въ пользу старшаго (Дарестъ). Но эта прибавка, говоря по правдѣ, есть просто вознагражденіе. Оно слѣдуетъ за то, что старшій изъ дѣтей обязанъ представлять наслѣдство, пока оно не раздѣлено, и сдѣлать раздѣлъ между всѣми имѣющими право».

сдѣлать себѣ карьеру, особенно по поводу наслѣдства. Д'Агуанно посвящаетъ восемь или десять страницъ текста физіологической наслѣдственности раздѣльно—парности, двойной парности, попеременной генераціи, пангенезису Дарвина, перигенезису Геккеля, и все это затѣмъ, чтобы какъ слѣдуетъ обсудить право наслѣдства.

Вотъ его разсужденіе: если доказано, что добродѣтели, пороки, болѣзни, и вообще какіе либо признаки передаются наслѣдственно, то доказано, что и богатства должны передаваться такимъ же образомъ *). Кромѣ того на основаніи біологическаго соображенія, которое мнѣ не кажется лучшимъ, онъ старается показать, что право наслѣдованія и право собственности въ сущности одинаковы. Но съ аргументами такого рода куда-же нельзя придти? На томъ основаніи, что ребенокъ есть физіологическое продолженіе родителей, или продолженіе зародышевой плазмы по Вейссману,—сына можно-бы сдѣлать отвѣтственнымъ за всѣ обязательства и долги отца.

Я признаю, что примитивное общество объявляло такую солидарность, и зналъ это раньше всякихъ антропологическихъ объясненій. Но я думалъ, что человѣческій прогрессъ состоитъ въ томъ, чтобы порвать эти естественныя путы и дать возможность ихъ разъединеннымъ элементамъ образовать ассоціацію истинно общественную по своему происхожденію и

*) Конечно, безполезно и думать о томъ, чтобы подобныя разсужденія могли указать намъ выборъ между многочисленными формами наслѣдованія.

цѣли. Въ концѣ концовъ, необходимость біологическаго изученія плохо понята современными соціальными натуралистами. Необходимо узнать физіологическую природу человѣка не для того, чтобы рабски приспособлять его общественныя учрежденія къ требованіямъ его организма, а затѣмъ, чтобы употребить это знаніе для осуществленія соціальныхъ цѣлей, коллективныхъ плановъ быть можетъ иногда даже химерическихъ, плановъ національной и человѣческой реорганизаціи, которые при соприкосновеніи ассоціированныхъ умовъ могутъ возникнуть въ одномъ изъ нихъ и распротраняться на другіе. Общественныя функціи, рожденныя изъ жизненныхъ функцій, подчинились имъ сперва только затѣмъ, чтобы современемъ освободиться отъ нихъ и, наконецъ, подчинить ихъ въ свою очередь *).

Какъ-бы прекрасно общественный человѣкъ не изучилъ энциклопедическую науку, однако, его воля, а слѣдовательно, и его долгъ остаются въ значительной мѣрѣ (и въ мѣрѣ все возростающей) независимыми отъ его знанія. И, несмотря на его всезнаніе, его мораль можетъ не быть болѣе прочной. «Что дѣлать»? Спрашиваетъ онъ еще съ большой тоской. Я говорю—съ большей тоской, чѣмъ когда-либо, потому что онъ, насытившись знаніемъ, потерялъ свою высшую гордость, гордость знанія. Цѣ-

*) Я тщательно избѣгаю слова *приспособленіе*, которымъ злоупотребляютъ, потому что оно двусмысленно. Когда говорится, что общественныя функціи приспособляются къ функціямъ жизненнымъ, то это можетъ значить безразлично, что онѣ подчиняются имъ, или что онѣ сами подчиняютъ ихъ.

лая вселенная представляетъ волѣ созерцающей ее лишь безпредѣльное поле *средствъ*. Но *цѣли создаются волей*. Она создаетъ ихъ, смотря не на небо или землю, а прислушиваясь къ себѣ самой, проникая въ глубокую загадку своей внутренней и единой оригинальности, проявляющейся общественно въ борьбѣ и любви; только изъ воли, только изъ глубины сердца рождаются внушенія и вдохновенія, то гордыя, то величественныя, то деспотическія, то героическія.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Происхождение семьи и собственности по теории эволюционистов и экономических материалистов *(Критический очерк Л.Е. Оболенского)* 3

I. Примитивная семья 63

II. Право собственности 86

ДОБАВЛЕНІЕ РЕДАКЦІИ.

Одно мѣсто въ этой работѣ требуетъ нѣкотораго поясненія. Оно является въ одномъ изъ примѣчаній (стр. 138) и состоитъ въ томъ, что, въ случаѣ націонализаціи земли, эта послѣдняя неизбѣжно становится монополизированной «политиками». Никакихъ доводовъ въ пользу этого положенія, кромѣ земельныхъ передѣловъ на о. Явѣ, авторъ не приводитъ. А между тѣмъ, положеніе это представляется ему почти закономъ. Не объясняется-ли этотъ взглядъ тѣмъ глубокимъ разочарованіемъ, которое вынесъ почтенный филосовъ, наблюдая вблизи возмутительную дѣятельность нѣкоторыхъ французскихъ политиковъ и, между прочимъ, знаменитое панамское дѣло? Но неужели можно обобщать научно извѣстное явленіе въ жизни одной націи на всѣ націи? Едва-ли такой пріемъ можно считать строго научнымъ. Особенности, проявляемыя нѣкоторыми политиками Франціи, необходимо предварительно изслѣдовать въ связи съ тѣми факторами и условіями, которые могли создать печальныя явленія и благопріятствовать имъ. Быть можетъ, въ самой организаціи существующаго режима найдутся такіе пробѣлы, которые объясняютъ явленіе, порождающее у Тардо его соціологическій пессимизмъ (см. напр. соч. Prins'a: «L'organisation de la liberté).

Замѣчу еще два слова и о значеніи воли или сердца въ соціологическомъ процессѣ.

Несомнѣнно побужденія лежатъ въ чувствованіяхъ, то есть, въ волѣ и прежде всего въ волѣ жить съ наименьшими страданіями и съ наибольшимъ благосостояніемъ. Но это основное стремленіе слѣпо безъ знанія, какъ слѣпо напр., самое горячее желаніе идти къ извѣстной цѣли ночью, по неизвѣстной дорогѣ, безъ фонаря и проводника. Отсюда неизбѣженъ двойственный процессъ въ исторіи—сознательно-разумный и полусознательный, непроизвольный. Эта двойственность, въ связи съ явленіями приспособленія къ средѣ и приспособленія къ себѣ среды, выяснены въ моемъ очеркѣ помѣщенномъ въ этой-же книжкѣ.

.О .Л

Конецъ.

Р 33
1763

Г. ТАРДЪ

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНѢНІЕ
И
ТОЛПА

801-14
243

Переводъ съ французскаго

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

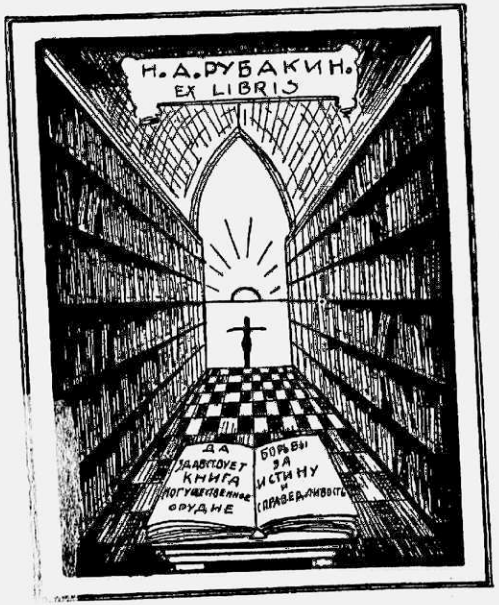
П. С. КОГАНА.

МОСКВА
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА
ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., Д. № 5
1902

2015188250

Государственная
ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА
133869-48

Дозволено цензурой. Москва, 4 мая 1902



С014
033
1763

Г. ТАРДЪ

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНѢНІЕ

И

ТОЛПА

Переводъ съ французскаго

подъ редакціей

П. С. КОГАНА.

МОСКВА
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА
ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., Д. № 5
1902

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПРОДАЮТСЯ:

СОЧИНЕНІЯ А. С. ПУШКИНА. Художественное изданіе въ трехъ томахъ съ портретомъ автора — В. А. Сѣрова и 67-ю рисунками, исполненными художниками: А. Е. Архиповымъ, А. Н. Бенуа, В. М. Васнецовымъ, А. М. Васнецовымъ, М. А. Врубелемъ, Н. В. Досѣкинымъ, С. В. Ивановымъ, К. А. Коровинымъ, С. А. Коровинымъ, Е. Е. Лансере, И. И. Левитаномъ, С. В. Малютинымъ, Л. О. Пастернакомъ, И. Е. Рѣпинымъ, К. А. Сомовымъ, В. И. Суриковымъ и В. А. Сѣровымъ. Рисунки воспроизведены цинкографическимъ способомъ въ Парижѣ. М. 1899 г. Цѣна **6** р. Въ трехъ англійскихъ коленкоровыхъ переплетахъ, тисненныхъ золотомъ по рисунку художника М. А. Врубеля **8** р. **25** к. Тоже съ 6 геліогравюрами и одною хромогеліогравюрой въ краскахъ (à la poupée) (Дуэль изъ „Евгенія Онѣгина“ рис. И. Е. Рѣпина), напечатанными въ Парижѣ въ мастерской Дюкурсью и Гильяра, цѣна **10** рублей, въ переплетѣ **12** р. **25** к. Уч. Ком. М. Н. П. допущено въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя читальни.

ДЖОНАТАНЪ СВИФТЪ. Путешествія Лемьюэля Гулливера по многимъ отдаленнымъ и неизвѣстнымъ странамъ свѣта. Съ біографіей автора и примѣчаніями Джона Франсиса Уоллера, составленными по Оррери, Дилени, Шеридану, Хоокесуортсу, Куку Тейлору, Вальтеръ Скотту, Текккерею, Джонсону и другимъ. Полный переводъ съ англійскаго **П. Канчаловскаго** и **В. Яковенко**. Съ портретомъ автора и рисунками. Изданіе 2-е. М. 1901. Цѣна **1** руб. **50** коп. Содержаніе: Путешествіе въ Лиллипуту.—Путешествіе въ Бробдиньягъ.—Путешествіе въ Лапуту.—Путешествіе къ Гуигнмамъ.

ДАНІЕЛЬ ДЭ-ФО. Жизнь и удивительныя приключенія Робинсона Крузо, іорскаго моряка, разсказанныя имъ самимъ. Полный переводъ съ англійскаго **Петра Канчаловскаго** въ 2-хъ частяхъ съ рисунками. Изданіе 2-е, **1** р. **50** к. Одобрено М. Н. Просвѣщенія для сред. уч. завед. Изданіе 3-е. Цѣна **1** р **35** к. Допущено М. Н. Пр. для ученическихъ библіотекъ всѣхъ низшихъ училищъ и для безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ.

ДЖОНЪ РЕСКИНЪ. Лекціи объ ис. сствѣ. Переводъ съ 9-го англійскаго изданія **П. С. Когана**, съ портретомъ автора. М. 1900 г. Ц. **1** руб.

ДЖОНЪ РЕСКИНЪ. Современные художники. (Общіе принципы.—Правда въ искусствѣ). Переводъ со 2-го англійскаго изданія **П. С. Когана**. М. 1901. Ц. **2** р. **25** к., на веленевой бумагѣ (печатано 300 экземпляровъ) **3** р. **50** к., въ англійскомъ коленкоровомъ переплетѣ **4** р. **25** к.

(Продолженіе на 3 страницѣ).

Предисловіе.

Выраженію *коллективная психологія* или *соціальная психологія* часто придаютъ фантастическій смыслъ, отъ котораго прежде всего необходимо освободиться. Онъ заключается въ томъ, что мы представляемъ себѣ *коллективный умъ*, *коллективное сознаніе*, какъ особое *мы*, которое будто бы существуетъ внѣ или выше индивидуальныхъ умовъ. Нѣтъ надобности въ такой точкѣ зрѣнія, въ такомъ мистическомъ пониманіи, для того чтобы совершенно отчетливо провести грань между обыкновенной психологіей и психологіей соціальной, которую мы скорѣе назвали бы интерспиритуальной. Въ самомъ дѣлѣ, первая касается отношеній ума ко всей совокупности другихъ внѣшнихъ предметовъ, вторая изучаетъ или должна изучать взаимныя отношенія умовъ, ихъ вліянія: одностороннія или взаимныя,—одностороннія сначала, взаимныя потомъ. Между первой и второй существуетъ такимъ образомъ то различіе, которое существуетъ между родомъ и видомъ. Но видъ въ этомъ случаѣ имѣетъ характеръ столь важный и столь исключительный, что его необходимо выдѣлить изъ рода и трактовать при помощи методовъ, спеціально ему свойственныхъ.

Отдѣльные этюды, которые найдетъ здѣсь читатель, представляютъ собою фрагменты этой обширной области коллективной психологіи. Ихъ соединяетъ тѣсная связь. Пришлось перепечатать здѣсь, съ цѣлью опредѣлить его настоящее мѣсто, этюдъ о *толпахъ*, составляющій прибавленіе въ концѣ книги. Въ самомъ дѣлѣ, *публика*, которая составляетъ спеціальный главный предметъ настоящаго изслѣдованія, есть не что иное, какъ

разсѣянная толпа, въ которой вліяніе умовъ другъ на друга стало дѣйствіемъ на разстояніи, на разстояніяхъ, все возрастающихъ. Наконецъ, *мнѣніе*, являющееся результатомъ всѣхъ этихъ дѣйствій на разстояніи или при личномъ соприкосновеніи, составляетъ для толпы и публики нѣчто въ родѣ того, что мысль составляетъ для тѣла. И если среди этихъ дѣйствій, въ результатѣ которыхъ является мнѣніе, мы станемъ искать самаго общаго и постояннаго, то безъ труда убѣдимся, что таковымъ является *разговоръ*, элементарное, соціальное отношеніе, совершенно забытое соціологами.

Полная исторія разговора у всѣхъ народовъ во всѣ времена была бы въ высшей степени интереснымъ документомъ соціальнаго знанія; и если бы всѣ трудности, которыя представляетъ этотъ вопросъ, удалось побѣдить съ помощью коллективной работы многочисленныхъ ученыхъ, то нѣтъ сомнѣнія, что изъ сопоставленія фактовъ, полученныхъ по этому вопросу у самыхъ различныхъ между собою народовъ, выдѣлился бы большой запасъ общихъ идей, которыя позволили бы сдѣлать изъ *сравнительнаго разговора* настоящую науку, немного уступающую сравнительной религіи, сравнительному искусству и даже сравнительной промышленности, иначе говоря политической экономіи.

Но само собой разумѣется, что я не могъ претендовать на то, чтобы набросать планъ подобной науки на нѣсколькихъ страницахъ. За отсутствіемъ свѣдѣній, достаточныхъ хотя бы для самаго эскизнаго наброска, я могъ указать только ея будущее мѣсто, и я былъ бы счастливъ, если бы, высказавъ сожалѣніе объ ея отсутствіи, я возбудилъ въ какомъ-нибудь молодомъ изслѣдователѣ стремленіе заполнить этотъ важный пробѣлъ.

Г. Тардъ.

Май, 1901.

ПУБЛИКА и ТОЛПА.

I

Толпа не только привлекаетъ и неотразимо зоветъ къ себѣ того, кто видитъ ее; самое ея имя заключаетъ въ себѣ что-то заманчивое и обаятельное для современнаго читателя, и нѣкоторые писатели склонны обозначать этимъ неопредѣленнымъ словомъ всевозможныя группировки людей. Слѣдуетъ устранить эту неясность и особенно не смѣшивать съ толпой *публику*, слово, которое опять-таки можно понимать различно но которое я постараюсь точно опредѣлить. Говорятъ: публика какого-нибудь театра; публика какого-либо собранія; здѣсь слово публика обозначаетъ толпу. Но этотъ смыслъ упомянутаго слова не единственный и не главный, и въ то время какъ онъ постепенно утрачиваетъ свое значеніе или же остается неизмѣннымъ, новая эпоха съ изобрѣтеніемъ книгопечатанія создала совершенно особый родъ публики, которая все растетъ и безконечное распространеніе которой является одной изъ характернѣйшихъ чертъ нашего времени. Психологія толпы уже выяснена; остается выяснить психологію публики, взятой въ этомъ особомъ смыслѣ слова, т. е., какъ чисто духовную совокупность, какъ группу индивидуумовъ, физически раздѣленныхъ и соединенныхъ чисто умственной связью. Откуда происходитъ публика, какъ она заро-

ждается, какъ развивается, ея измѣненія, ея отношеніе къ своимъ главарямъ, ея отношеніе къ толпѣ, къ корпораціямъ, къ государствамъ, ея могущество въ хорошемъ или въ дурномъ и ея способъ чувствовать или дѣйствовать — вотъ что будетъ служить предметомъ изслѣдованія въ настоящемъ этюдѣ.

Въ самыхъ низшихъ животныхъ обществахъ ассоціація состоитъ по преимуществу въ матеріальномъ соединеніи. Помѣрѣ того, какъ мы поднимаемся вверхъ по дереву жизни, соціальныя отношенія становятся болѣе духовными. Но если отдѣльные индивидуумы удаляются другъ отъ друга настолько, что не могутъ уже болѣе встрѣтиться, или же остаются въ такомъ отдаленіи другъ отъ друга дольше извѣстнаго, весьма краткаго промежутка времени, они перестаютъ составлять ассоціацію. Такимъ образомъ толпа въ этомъ смыслѣ представляетъ собою до нѣкоторой степени явленіе изъ царства животныхъ. Не является ли она рядомъ психическихъ воздѣйствій, въ сущности проистекающихъ изъ физическихъ столкновеній? Но не всякое общеніе одного ума съ другимъ, одной души съ другой обусловлено необходимой близостью тѣла.

Это условіе совсѣмъ отсутствуетъ, когда обозначаются въ нашихъ цивилизованныхъ обществахъ такъ называемыя *общественныя теченія*. Не на сходкахъ, которыя происходятъ на улицахъ или площадяхъ, рождаются и разливаются эти соціальныя рѣки [1], эти огромные потоки, которые приступомъ

[1] Замѣтимъ, что эти *гидравлическія* сравненія естественно напра шиваются всякій разъ, когда заходитъ рѣчь какъ о толпѣ, такъ и публикѣ. Въ этомъ заключается ихъ сходство. Толпа, движущаяся вече ромъ во время публичнаго празднества, медленностью своего теченія многочисленностью водоворотовъ напоминаетъ рѣку, текущую без опредѣленнаго русла, такъ какъ меньше всего можно сравнить съ орга низмомъ толпу, если не считать публики.—Это потоки воды, жизнь кото рыхъ не опредѣлена въ точности.

захватываютъ теперь самыя стойкія сердца, самые способные къ сопротивленію умы и заставляютъ парламенты и правительства приносить имъ въ жертву законы и декреты. И странно, тѣ люди, которые увлекаются такимъ образомъ, которые взаимно возбуждаютъ другъ друга, или же, скорѣй, передаютъ одинъ другому внушеніе, идущее сверху, эти люди не соприкасаются между собой, не видятся и не слышатъ другъ друга; они разсѣяны по обширной территоріи, сидятъ у себя по домамъ, читая одну и туже газету. Какая же связь существуетъ между ними? Эта связь состоитъ въ одновременности ихъ убѣжденія или увлеченія, въ сознаніи, проникающемъ каждаго, что эта идея или это желаніе раздѣляется въ данный моментъ огромнымъ количествомъ другихъ людей. Достаточно человѣку знать это, даже не видя этихъ другихъ людей, и на него вліяетъ вся ихъ совокупная масса, а не только одинъ журналистъ, общій вдохновитель, самъ невидимый и невѣдомый и тѣмъ болѣе неотразимый.

Читатель вообще не сознаетъ, что подвергается настойчивому, почти неотразимому вліянію той газеты, которую онъ обыкновенно читаетъ. Журналистъ же скорѣе сознаетъ свою угодливость по отношенію къ публикѣ, никогда не забывая ея природы и вкусовъ. У читателя даже еще меньше сознанія: онъ абсолютно не догадывается о томъ вліяніи, какое оказываетъ на него масса другихъ читателей. Но оно тѣмъ не менѣе неоспоримо. Оно отражается на степени его интереса, который становится живѣе, если читатель знаетъ или думаетъ, что этотъ интересъ раздѣляетъ болѣе многочисленная или болѣе избранная публика; оно отражается и на его сужденіи, которое стремится способиться къ сужденіемъ большинства или же избранныхъ, смотря по обстоятельствамъ. Я развертываю газету, которую я считаю сегодняшней, и съ жадностью читаю въ ней разныя новости; потомъ вдругъ я замѣчаю, что она помѣчена числомъ отъ прошлаго мѣсяца или вчерашнимъ, и она

тотчасъ же перестаетъ меня интересовать. Откуда происходитъ это внезапное охлажденіе? Развѣ факты, сообщенные тамъ, стали менѣе интересны по существу? Нѣтъ, но у насъ является мысль, что мы одни читаемъ ихъ, и этого достаточно. Это доказываетъ, что живость нашего интереса поддерживалась безсознательной иллюзіей общности нашего чувства съ чувствами массы другихъ людей. Нумеръ газеты, вышедшій наканунѣ или два дня тому назадъ, по сравненію съ сегодняшнимъ есть тоже, что рѣчь, прочитанная у себя дома по сравненію съ рѣчью прослушанной среди многочисленной толпы.

Когда мы безсознательно подвергаемся этому невидимому вліянію со стороны публики, часть которой мы сами составляемъ, мы склонны объяснять это просто обаяніемъ *злободневности*. Если насъ интересуетъ самый послѣдній нумеръ газеты, это происходитъ будто бы отъ того, что онъ сообщаетъ намъ злободневные факты и будто бы при чтеніи насъ увлекаетъ самая ихъ близость къ намъ, а отнюдь не то, что ихъ одновременно съ нами узнаютъ и другіе. Но проанализируемъ хорошенько это столь странное *впечатлѣніе злободневности*, возрастающая сила котораго является одной изъ наиболѣе характерныхъ чертъ цивилизованной жизни. Развѣ „злободневнымъ“ считается исключительно то, что только что случилось? Нѣтъ, злободневнымъ является все, что въ данный моментъ возбуждаетъ всеобщій интересъ, хотя бы это былъ давно прошедшій фактъ. Въ послѣдніе годы было „злободневно“ все, что касается Наполеона; злободневно все то, что въ модѣ. И не „злободневно“ все то, что вполнѣ ново, но не останавливаетъ на себѣ вниманія публики, занятой чѣмъ-либо другимъ. Во все время, пока тянулось дѣло Дрейфуса, въ Африкѣ или въ Азіи происходили событія, весьма способныя возбудить нашъ интересъ, но въ нихъ не находили ничего злободневнаго, словомъ, страсть къ злободневности растетъ вмѣстѣ съ общественностью и она есть не что иное какъ одно изъ самыхъ поразительныхъ ея проявленій; а такъ какъ періодическая, въ особенности же ежедневная пресса по самому свойству своему говоритъ о самыхъ злободневныхъ предметахъ, то не слѣдуетъ удивляться при видѣ того, какъ между обычными читателями одной и той же газеты завязывается и укрѣпляется нѣчто въ родѣ ассоціаціи, которую слишкомъ мало замѣчаютъ, но которая принадлежитъ къ числу чрезвычайно важныхъ.

Разумѣется, чтобы для индивидуумовъ, составляющихъ одну и туже публику это *внушеніе на разстояніи* сдѣлалось возможнымъ, нужно, чтобы они привыкали, подъ вліяніемъ интенсивной общественной жизни, жизни городской, къ внушенію на близкимъ разстояніи. Мы въ дѣтствѣ, въ юношескомъ возрастѣ начинаемъ съ того, что чувствуемъ *вліяніе взгляда другихъ*, которое безсознательно выражается у насъ въ нашихъ позахъ, въ жестахъ, въ измѣненіе хода нашихъ идей, въ безпорядочности или чрезмѣрной возбужденности нашихъ рѣчей, въ нашихъ сужденіяхъ, въ нашихъ поступкахъ. И только послѣ того какъ мы цѣлыми годами подвергались и подвергали другихъ этому внушающему дѣйствію взгляда, мы становимся способны къ внушенію даже посредствомъ *мысли о взглядѣ другаго*, посредствомъ идеи, что мы составляемъ предметъ вниманія для личностей удаленныхъ отъ насъ. Равнымъ образомъ лишь, послѣ того, какъ мы долгое время испытывали на себѣ и практиковали сами могущественное вліяніе догматическаго и авторитетнаго голоса, слышаннаго вблизи, намъ достаточно прочесть какое-нибудь энергическое утвержденіе для того, чтобы подчиниться ему, и просто самое сознаніе солидарности большого числа подобныхъ намъ съ этимъ сужденіемъ располагаетъ насъ судить въ одинаковомъ съ нимъ смыслѣ. Слѣдовательно образованіе публики предполагаетъ духовную и общественную эволюцію, значительно болѣе подвинувшуюся впередъ, нежели образованіе толпы. То чисто идеальное внушеніе, то зараженіе безъ соприкосновенія,

которыя предполагаетъ эта чисто абстрактная и тѣмъ не менѣе столь реальная группировка, эта одухотворенная толпа, поднятая, такъ сказать, на вторую степень сила, не могло зародиться ранѣе, какъ по прошествіи цѣлаго ряда вѣковъ соціальной жизни болѣе грубой, болѣе элементарной.

II

Ни на латинскомъ, ни на грече́скомъ языкахъ нѣтъ слова, соотвѣтствующаго тому, что мы разумѣемъ подъ словомъ *публика*. Есть слова, обозначающія народъ, собраніе гражданъ вооруженныхъ или невооруженныхъ, избирательный корпусъ, всѣ разновидности толпы. Но какому писателю древности могло прійти на умъ говорить о своей публикѣ? Всѣ они не знали ничего, кромѣ *своей аудиторіи*, въ залахъ, нанимаемыхъ для публичныхъ чтеній, гдѣ поэты, современники Плинія Младшаго, собирали немногочисленную, сочувственную толпу. Что же касается тѣхъ немногочисленныхъ читателей манускриптовъ, переписанныхъ въ нѣсколькихъ десяткахъ экземпляровъ, то они не могли сознавать, что составляютъ общественный агрегатъ, который, составляютъ теперь читатели одной и той же газеты и даже иногда одного и того же моднаго романа. Была ли публика въ средніе вѣка? Нѣтъ, но въ эти времена были ярмарки, паломничества, безпорядочныя скопища, охваченныя благочестивыми или воинственными чувствами, гнѣвомъ или паникой. Возникновеніе публики стало возможнымъ не раньше начала широкаго распространенія книгопечатанія въ XVI в. Передача силы на разстояніи—ничто по сравненію съ передачей мысли на разстояніи. Не есть-ли мысль соціальная сила по преимуществу? Вспомните *idées-forces* Фулье. Когда Библія была въ первый разъ издана въ милліонахъ экземпляровъ, то обнаружилось въ высшей степени новое и богатое неисчислимыми послѣдствіями явленіе, а именно благодаря ежедневному и одновременному чтенію одной

и той же книги, т. е. Библіи, соединенная масса ея читателей почувствовала, что составляетъ новое соціальное тѣло, отдѣленное отъ церкви. Но эта нарождающаяся публика сама еще была только отдѣльной церковью, съ которой она смѣшивалась; слабость протестантизма и заключается въ томъ, что онъ былъ одновременно публикой и церковью, два агрегата, управляемые различными принципами и по самому существу своему непримиримые. Публика, какъ таковая, выдѣлилась болѣе ясно только при Людовикѣ XIV. Но и въ эту эпоху, если и были толпы, не менѣе стремительныя, нежели теперь, и не менѣе значительныя, при коронованіяхъ монарховъ, на большихъ празднествахъ, при бунтахъ, возникавшихъ вслѣдствіе періодическихъ голодовокъ, то публика составлялась изъ незначительнаго количества избранныхъ „honnêtes gens“, которые читали свой ежемѣсячный журналъ, въ особенности-же книги, небольшое количество книгъ, написанныхъ для небольшого количества читателей. И кромѣ того эти читатели были по большей части сгруппированы, если не при дворѣ, то вообще въ Парижѣ.

Въ XVIII в. эта публика быстро растетъ и раздробляется. Я не думаю, чтобы до Бейля существовала философская публика, которая отличалась бы отъ большой литературной публики или начала отъ нея отдѣляться; я не могу назвать публикой группу ученыхъ, хотя они и были объединены, несмотря на свою разбросанность по различнымъ провинціямъ и государствамъ, однородными изысканіями и чтеніемъ однихъ сочиненій; эта группа была такъ малочисленна, что они всѣ поддерживали между собой письменныя сношенія и почерпали въ э́тихъ личныхъ сношеніяхъ главную пищу для своего научнаго общенія. Публика въ спеціальномъ смыслѣ начинаетъ обрисовываться съ того, трудно поддающагося точному опредѣленію, момента, когда люди, преданные одной и той же наукѣ, стали слишкомъ многочисленны для того, чтобы лично сноситься другъ съ другомъ, и могли почувствовать завязы-

вающіяся между ними узы солидарности только при помощи достаточно частыхъ и регулярныхъ сношеній, не имѣющихъ личнаго характера. Во второй половинѣ XVIII в. зарождается политическая публика, растетъ, и вскорѣ, разлившись, поглощаетъ, какъ рѣка свои притоки, всѣ другіе виды публики—литературную, философскую, научную. Однако, до революціи жизнь публики была мало интенсивна сама по себѣ и получаетъ значеніе только благодаря жизни толпы, съ которой она еще связана вслѣдствіе необыкновеннаго оживленія салоновъ и кафе.

Революція можетъ считаться датой настоящаго водворенія журнализма и слѣдовательно публики; революція — моментъ лихорадочнаго роста публики. Это не значитъ, что революція не возбуждала толпы, но въ этомъ отношеніи она ничѣмъ не отличалась отъ прежнихъ междуусобныхъ войнъ въ XIV, въ XVI вѣкѣ, даже въ эпоху Фронды. Толпы фрондеровъ, толпы приверженцевъ Лиги, толпы приверженцевъ Кабоша—были не менѣе страшны и, можетъ-быть, не менѣе многочисленны, чѣмъ толпы 14 іюля и 10 августа; толпа не можетъ возрасти свыше извѣстнаго предѣла, положеннаго свойствами слуха и зрѣнія, не раздробившись тотчасъ же и не утративъ способности къ совмѣстному дѣйствію; впрочемъ, дѣйствія эти всегда одинаковы; это—сооруженіе баррикадъ, разграбленіе дворцовъ, убійства, разрушеніе, пожары. Нѣтъ ничего болѣе однообразнаго, какъ эти, повторяющіяся въ теченіе вѣковъ, проявленія ея дѣятельности. Но 1789 г. характеризуется явленіемъ, котораго не знали предыдущія эпохи, именно—огромнымъ распространеніемъ газетъ, пожираемыхъ съ жадностью. Если нѣкоторыя изъ нихъ и были мертворожденными, то зато другія представляютъ собою картину безпримѣрнаго распространенія. Каждый изъ этихъ великихъ и ненавистныхъ публицистовъ [1], Маратъ, Демулэнъ, отецъ Дюшенъ, имѣлъ *свою* публику; и эти толпы грабителей, поджигателей, убійцъ, людоѣдовъ, опустошавшихъ тогда Францію съ сѣвера до юга, съ востока до запада, можно считать злокачественными наростами и сыпями тѣхъ группъ публики, которымъ ихъ злокозненные виночерпіи,— препровождаемые съ тріумфомъ въ Пантеонъ послѣ смерти,—подливали ежедневно губительный алкоголь пустыхъ и яростныхъ словъ. Это не значитъ, что бунтующія толпы состояли даже въ Парижѣ, а тѣмъ болѣе въ провинціяхъ и въ деревняхъ, исключительно изъ читателей газетъ; но послѣдніе составляли въ нихъ если не тѣсто, то, по крайней мѣрѣ, закваску. Точно такъ же клубы, собранія въ кафе, сыгравшіе такую важную роль во время революціоннаго періода, родились отъ публики, между тѣмъ какъ до революціи публика была скорѣе слѣдствіемъ, нежели причиной собраній въ кафе и въ салонахъ.

[1] „Слово публицистъ,—говоритъ Литтре,— появляется въ Академическомъ Словарѣ только начиная съ 1762 г.“ и фигурируетъ тамъ, по его словамъ—какъ еще и теперь въ большинствѣ словарей—только въ значеніи автора, пишущаго о государственномъ правѣ. Смыслъ этого слова при ходячемъ употребленіи расширился только въ теченіе нашего столѣтія въ то время, какъ значеніе слова *публика* въ силу той же причины все сужалось, по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ я его употребляю.

Но революціонная публика была по преимуществу парижской публикой, внѣ Парижа она обозначалась не ярко. Артуръ Юнгъ, во время своего знаменитаго путешествія, былъ пораженъ тѣмъ обстоятельствомъ, что газеты такъ мало распространены даже въ городахъ. Правда, это замѣчаніе относится къ началу революціи, немного позднѣе оно уже потеряло бы долю вѣрности. Но до самаго конца отсутствіе быстрыхъ сообщеній ставило непреодолимое препятствіе интенсивности и широкому распространенію общественной жизни. Какъ могли газеты, приходящія только два-три раза въ недѣлю и, притомъ, недѣлю спустя послѣ своего появленія въ Парижѣ, дать своимъ читателямъ на югѣ то впечатлѣніе злободневности и то сознаніе одновременной духовной общ-

ности, безъ которыхъ чтеніе газеты не разнится по существу отъ чтенія книги? На долю нашего вѣка, благодаря усовершенствованнымъ способамъ передвиженія и моментальной передачѣ мысли на всякое разстояніе, выпала задача—придать публикѣ, всякаго рода публикѣ, безпредѣльное распространеніе, къ которому она такъ способна, и которое создаетъ между ней и толпой столь рѣзкій контрастъ. Толпа—это соціальная группа прошлаго; послѣ семьи она самая старинная изъ всѣхъ соціальныхъ группъ. Она во всѣхъ своихъ видахъ, — стоитъ ли или сидитъ, неподвижна или движется,—не способна расширяться дальше извѣстнаго предѣла; когда ея вожаки перестаютъ держать ее *in tanu*, когда она перестаетъ слышать ихъ голосъ, она распадается. Самая обширная изъ всѣхъ извѣстныхъ аудиторій—это аудиторія Колизея; но и она вмѣщала въ себя только сто тысячъ человѣкъ. Аудиторіи Перикла или Цицерона, даже аудиторіи великихъ проповѣдниковъ среднихъ вѣковъ, въ родѣ Петра Пустынника или св. Бернарда, были безъ сомнѣнія значительно меньше. Также не замѣчается, чтобы могущество краснорѣчія, будь то политическое или религіозное, значительно подвинулось впередъ въ древности или въ средніе вѣка. Но публика безконечно растяжима и, такъ какъ, по мѣрѣ ея растяженія, ея соціальная жизнь становится болѣе интенсивной, то нельзя отрицать, что она станетъ соціальной группой будущаго. Такимъ образомъ, благодаря соединенію трехъ взаимно поддерживающихъ другъ друга изобрѣтеній—книгопечатанія, желѣзныхъ дорогъ и телеграфа, пріобрѣла свое страшное могущество пресса, этотъ чудесный телефонъ, который такъ безмѣрно расширилъ древнюю аудиторію трибуновъ и проповѣдниковъ. Итакъ, я не могу согласиться съ смѣлымъ писателемъ, д-ромъ Лебономъ, заявляющимъ, что нашъ вѣкъ—это „эра толпы“. Нашъ вѣкъ—это эра публики или публикъ, что далеко не похоже на его утвержденіе.

III

До извѣстной степени публика сходна съ тѣмъ, что называется *міромъ*—„литературный міръ“, „политическій міръ“, и т. д.; разница лишь въ томъ, что это послѣднее понятіе предполагаетъ личныя сношенія между лицами, принадлежащими къ одному и тому же міру, какъ-то: обмѣны визитами, пріемы, что можетъ и не существовать между членами одной и той же публики. Но между толпой и публикой разстояніе огромно, какъ мы уже видѣли, хотя публика частію и ведетъ свое начало отъ извѣстнаго рода толпы, а именно отъ аудиторіи ораторовъ.

Между толпой и публикой существуетъ много и другихъ различій, которыя я еще не выяснилъ. Можно принадлежать въ одно и то же время, какъ это обыкновенно и бываетъ, къ нѣсколькимъ группамъ публики, какъ можно принадлежать къ нѣсколькимъ корпораціямъ или сектамъ; но къ толпѣ одновременно можно принадлежать только къ одной. Отсюда гораздо бо́льшая нетерпимость толпы, а слѣдовательно и тѣхъ націй, гдѣ царитъ духъ толпы, потому что тамъ человѣкъ захватывается цѣликомъ, неотразимо увлеченъ силой, не имѣющей противовѣса. И отсюда преимущество, связанное съ постепенной замѣной толпы публикой, превращеніе, сопровождающееся всегда прогрессомъ въ терпимости или даже въ скептицизмѣ. Правда, сильно возбужденная публика можетъ породить, какъ это иногда и случается, фанатическія толпы, которыя расхаживаютъ по улицамъ съ криками: *да здравствуетъ* или *смерть* чему-либо. И въ этомъ смыслѣ публика могла бы быть опредѣлена какъ толпа въ возможности. Но это паденіе публики до толпы, въ высшей степени опасное, вообще случается довольно рѣдко; и не входя въ обсужденіе того, не будутъ ли, невзирая ни на что, эти порожденныя публикой толпы менѣе грубы, чѣмъ толпы, образовавшіяся внѣ всякой публики, остается оче-

виднымъ, что столкновеніе двухъ публикъ, всегда готовыхъ слиться на своихъ неопредѣленныхъ границахъ, представляетъ собой гораздо меньшую опасность для общественнаго спокойствія, нежели встрѣча двухъ враждебныхъ толпъ.

Толпа, какъ группа болѣе естественная, болѣе подчиняется силамъ природы; она зависитъ отъ дождя или отъ хорошей погоды, отъ жары или отъ холода; она образовывается чаще лѣтомъ, нежели зимой. Лучъ солнца собираетъ ее, проливной дождь разсѣиваетъ ее. Когда Бальи былъ парижскимъ мэромъ, онъ благословлялъ дождливые дни и огорчался при видѣ проясняющагося неба. Но публика, какъ группа высшаго разряда, не подвластна этимъ измѣненіямъ и капризамъ физической среды, времени года или даже климата. Не только зарожденіе и развитіе публики, но даже крайнее возбужденіе ея, эта болѣзнь, появившаяся въ нашемъ вѣкѣ и растущая все сильнѣе, не подвержены этимъ вліяніямъ.

Наиболѣе острый кризисъ этого рода болѣзни, по нашему мнѣнію, а именно дѣло Дрейфуса, свирѣпствовалъ во всей Европѣ въ самый разгаръ зимы. Возбудило ли оно больше страстности на югѣ, нежели на сѣверѣ, какъ случилось бы, если бы рѣчь шла о толпѣ? Нѣтъ! Скорѣе оно наиболѣе волновало умы въ Бельгіи, въ Пруссіи, въ Россіи. Наконецъ, отпечатокъ расы гораздо менѣе отражается на публикѣ, чѣмъ на толпѣ. И это не можетъ быть иначе въ силу слѣдующаго соображенія.

Почему англійскій митингъ такъ глубоко разнится отъ французскаго клуба, сентябрьская рѣзня отъ африканскихъ судилищъ по закону Линча, итальянскій праздникъ отъ коронаціи русскаго Царя? Почему хорошій наблюдатель по національности толпы можетъ почти съ увѣренностью предсказать, какъ она будетъ дѣйствовать — съ гораздо большей увѣренностью, чѣмъ предсказать, какъ поступитъ каждый изъ индивидуумовъ, составляющихъ ее — и почему, несмотря

на огромныя измѣненіи, происшедшія въ нравахъ и идеяхъ Франціи или Англіи за послѣднія три-четыре столѣтія, французскія толпы нашего времени, буланжистскія или антисемитическія, похожи въ столькихъ чертахъ на толпы приверженцевъ Лиги или Фронды, а нынѣшнія толпы англичанъ — на толпы временъ Кромвеля? Потому, что въ образованіи толпы индивидуумы участвуютъ только своими сходными національными чертами, которыя слагаются и образуютъ одно цѣлое, но не своими индивидуальными отличіями, которыя нейтрализуются; при составленіи толпы углы индивидуальности взаимно сглаживаются въ пользу національнаго типа, который прорывается наружу. И это происходитъ вопреки индивидуальному вліянію вождя или вождей, которое всегда даетъ себя чувствовать, но всегда находитъ противовѣсъ во взаимодѣйствіи тѣхъ, кого они ведутъ.

Что же касается того вліянія, какое оказываетъ на свою публику публицистъ, то оно если и является гораздо менѣе интенсивнымъ въ данный моментъ, зато по своей продолжительности оно болѣе сильно, чѣмъ кратковременный и преходящій толчокъ, данный толпѣ ея предводителемъ. Мало того, вліяніе, которое оказываютъ члены одной и той же публики другъ на друга, гораздо менѣе сильно и никогда не противодѣйствуетъ, а, напротивъ, всегда содѣйствуетъ публицисту, вслѣдствіе того, что читатели сознаютъ одновременную тождественность своихъ идей, склонностей, убѣжденій или страстей, ежедневно раздуваемыхъ однимъ и тѣмъ же мѣхомъ.

Можно, быть-можетъ, несправедливо, но съ извѣстнымъ правдоподобіемъ и видимымъ основаніемъ, оспаривать ту мысль, что всякая толпа имѣетъ вождя; и дѣйствительно, часто она сама ведетъ его. Но кто станетъ оспаривать, что всякая публика имѣетъ своего вдохновителя, а иногда и создателя? Слова Сентъ Бёва, что „геній есть царь, создающій свой народъ“, особенно примѣнимы къ великому журналисту.

Сколько публицистовъ создаютъ себѣ публику! [1] Правда, для того, чтобы возбудить антисемитическое движеніе, было необходимо, чтобы агитаторскія усилія Эдуарда Дрюмона соотвѣтствовали извѣстному умственному состоянію среди населенія; но, пока не раздался одинъ громкій голосъ, давшій общее выраженіе этому состоянію умовъ, оно оставалось чисто индивидуальнымъ, мало интенсивнымъ, еще въ меньшей степени заразительнымъ и не сознавало само себя. Тотъ, кто выразилъ его, создалъ какъ бы коллективную силу, быть-можетъ искусственную, но тѣмъ не менѣе реальную. Я знаю французскія области, гдѣ никто никогда не видалъ ни одного еврея, что не мѣшаетъ антисемитизму процвѣтать тамъ, потому что тамъ читаются антисемитическія газеты. Точно такъ же соціалистическое или анархическое направленіе умовъ ничего не представляло собою, прежде чѣмъ его не выразили нѣкоторые знаменитые публицисты, Карлъ Марксъ, Крапоткинъ и др., и не пустили въ обращеніе, давъ ему свое имя. Послѣ этого легко понять, что на публикѣ гораздо ярче отражается иддивидуальный отпечатокъ ея создателя, нежели духъ національности, и что обратное справедливо относительно толпы. Точно такъ же не трудно понять, что публика одной и той же страны въ каждомъ изъ своихъ главныхъ развѣтвленій преобразовывается въ очень короткій промежутокъ времени, если смѣняются ея предводители, и что, напримѣръ, современная соціалистическая публика во Франціи ни въ чемъ не походитъ на соціалистическую публику временъ Прудона—въ то время какъ французскія толпы всякаго рода сохраняютъ сходную физіономію въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій.

Можетъ-быть, возразятъ, что читатель какой-нибудь газеты располагаетъ гораздо больше своей умственной свободой, нежели индивидуумъ, затерянный въ толпѣ и увлекаемый ею. Онъ можетъ въ тишинѣ обдумать то, что онъ читаетъ, и несмотря на его привычную пассивность, ему случается перемѣнять газету до тѣхъ поръ, пока онъ не найдетъ подходящую или такую, которую онъ считаетъ для себя подходящей. Съ другой стороны, журналистъ старается ему понравиться и удержать его. Статистика увеличенія и уменьшенія подписки является великолѣпнымъ термометромъ, съ которымъ часто справляются и который предупреждаетъ редактора относительно того, какихъ дѣйствій и мыслей слѣдуетъ держаться. Такого характера указаніе обусловило въ одномъ извѣстномъ дѣлѣ внезапный поворотъ одной большой газеты, и такое отреченіе не представляетъ собою исключенія. Итакъ, публика реагируетъ временами на журналиста, но этотъ послѣдній дѣйствуетъ на свою публику постоянно. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, читатель выбралъ себѣ газету, газета собрала себѣ читателей, произошелъ взаимный подборъ, отсюда—взаимное приспособленіе. Одинъ наложилъ свою руку по своему вкусу на газету, которая угождаетъ его предразсудкамъ и страстямъ, другая—на своего читателя, послушнаго и довѣрчиваго, которымъ она легко можетъ управлять при помощи нѣкоторыхъ уступокъ его вкусамъ—уступокъ, аналогичныхъ съ ораторскими предосторожностями древнихъ ораторовъ. Говорятъ, что нужно бояться человѣка одной книги; но что значитъ онъ въ сравненіи съ человѣкомъ одной газеты! А этотъ человѣкъ — въ сущности каждый или почти каждый изъ насъ. Вотъ гдѣ опасность новаго времени. Итакъ, не препятствуя публицисту имѣть на свою публику въ концѣ концовъ рѣшительное вліяніе, этотъ двойной подборъ, двойное приспособленіе, дѣлающее изъ пу-

[1] Мнѣ скажутъ, что если всякій великій публицистъ создаетъ свою публику, то всякая сколько-нибудь значительная публика создаетъ себѣ своего публициста. Это послѣднее предположеніе гораздо менѣе вѣрно, чѣмъ первое: мы знаемъ очень обширныя группы, которыя въ продолженіе многихъ лѣтъ не могли выдѣлить изъ своей среды писателя, способнаго помочь имъ оріентироваться. Въ такомъ положеніи находится въ настоящее время католическій міръ.

блики однородную группу, легко управляемую и хорошо из
вѣстную писателю, позволяетъ послѣднему дѣйствовать с
большей силой и увѣренностью. Толпа, вообще, гораздо ме
нѣе однородна, нежели публика: она всегда увеличивается
благодаря массѣ любопытныхъ, полусообщниковъ, которы
немедленно увлекаются и ассимилируются, но тѣмъ не менѣ
затрудняютъ общее руководство разнородными элементами

IV

Можно оспаривать эту относительную однородность подт
тѣмъ предлогомъ, что „мы никогда не читаемъ одной и той
же книги“ точно такъ же какъ „никогда не купаемся въ одной
рѣкѣ“. Но помимо спорнаго характера этого древняго па-
радокса, вѣрно ли; что мы никогда не читаемъ одной газеты
Могутъ подумать, что такъ какъ газета болѣе разнообраз-
на, нежели книга, то вышеприведенное изреченіе къ ней при-
мѣнимо еще въ большей степени, чѣмъ къ книгѣ. А между
тѣмъ въ дѣйствительности каждая газета имѣетъ свой *гвоздь*,
и этотъ гвоздь, выдѣляясь все съ большей и большей рель-
ефностью, привлекаетъ вниманіе всей массы читателей, за-
гипнотизированныхъ этой свѣтящейся точкой. Дѣйствитель-
но, несмотря на пестроту статей, каждый листокъ имѣетъ
свою видимую окраску, присущую ему, свою спеціальность,
будь то порнографическая, диффаматорская, политическая
или какая-либо другая, которой все остальное приносится
въ жертву, и на которую публика такого листка набрасы-
вается съ жадностью. Ловя публику на эту приманку, жур-
налистъ по своему усмотрѣнію ведетъ ее куда ему угодно.

Еще одно соображеніе. Публика въ концѣ концовъ есть
извѣстный родъ коммерческой *кліентуры*, но родъ весьма
своеобразный, стремящійся затмить всякій другой видъ кліен-
туры. Уже одно то, что люди извѣстнаго круга покупаютъ
продукты въ магазинахъ одного разряда, одѣваются у одной

той же модистки или портного, посѣщаютъ одинъ и тотъ
же ресторанъ,—устанавливаетъ между ними извѣстную со-
ціальную связь и предполагаетъ между ними сродство, кото-
рое укрѣпляется и подчеркивается этой связью. Каждый изъ
насъ, покупая то, что соотвѣтствуетъ его потребностямъ,
имѣетъ болѣе или менѣе смутное сознаніе, что этимъ самымъ
онъ выражаетъ и изъясняетъ свое единство съ тѣмъ соці-
альнымъ классомъ, который питается, одѣвается, удовлетво-
ряетъ себя во всемъ почти аналогичнымъ образомъ. Эконо-
мическій фактъ, одинъ замѣченный экономистами, услож-
няется такимъ образомъ симпатическимъ отношеніемъ, ко-
торое заслуживало бы также ихъ вниманія. Они смотрятъ
на покупателей одного продукта или одной работы, только
какъ на соперниковъ, которые оспариваютъ другъ у друга
предметъ своего желанія; но эти покупатели являются въ то
же время людьми однородными, схожими между собой людьми,
которые стремятся укрѣпить свое единство и выдѣлиться изъ
того, что не похоже на нихъ самихъ. Ихъ желаніе питается
желаніемъ другихъ и даже въ ихъ соревнованіи есть скры-
тая симпатія, заключающая въ себѣ потребность роста. Но
насколько глубже и интимнѣе та связь, которая возникаетъ
между читателями, благодаря обычному чтенію одной и той же
газеты! Здѣсь никому не придетъ въ голову говорить о кон-
куренціи, здѣсь есть только общность внушенныхъ идей и
сознаніе этой общности — но не сознаніе этого внушенія, ко-
торое, несмотря на то, остается очевиднымъ.

Точно такъ же, какъ у всякаго поставщика есть два вида
кліентовъ, покупатели постоянные и покупатели случайные,
у газетъ и журналовъ есть два сорта публики: публика по-
стоянная, прочная, и публика случайная, непостоянная. Про-
порція этихъ двухъ родовъ публики весьма неодинакова для
различныхъ листковъ; у старинныхъ листковъ, органовъ ста-
рыхъ партій не числится, или числится очень мало, публики
второй категоріи, и я согласенъ, что здѣсь вліяніе публи-

циста особенно затруднено вслѣдствіе нетерпимости той сф
ры, куда онъ попалъ и откуда будетъ изгнанъ при обнар
женіи малѣйшаго разногласія. Но за то это вліяніе, раз
оно достигнуто, становится продолжительнымъ и глубоким
Замѣтимъ, впрочемъ, что публика постоянная и привяза
ная по традиціи къ одной газетѣ близка къ исчезновені
она все болѣе и болѣе замѣняется болѣе непостоянной пу
ликой, на которую вліяніе талантливаго журналиста если
не такъ прочно, за то гораздо легче достижимо. Мы можем
съ полнымъ правомъ пожалѣть о такой эволюціи журна
лизма, потому что постоянная публика создаетъ честныхъ
убѣжденныхъ публицистовъ, тогда какъ измѣнчивая публик
создаетъ публицистовъ легкомысленныхъ, измѣнчивыхъ и без
покойныхъ: но, повидимому, эта эволюція теперь неизбѣжна
почти безповоротна, и мы видимъ все увеличивающіяся пер
спективы соціальнаго могущества, которыя она открываетъ
передъ людьми пера. Можетъ-быть, она будетъ все болѣе
болѣе подчинять посредственныхъ публицистовъ капризам
ихъ публики, но она навѣрное подчиняетъ все болѣе и бо
лѣе деспотизму великихъ публицистовъ ихъ порабощенну
публику. Эти послѣдніе въ гораздо большей степени чѣм
государственные люди, даже самые высшіе, творятъ мнѣні
и руководятъ міромъ. И когда они утвердятся, какъ про
ченъ ихъ тронъ! Сравните столь быстрое изнашиваніе по
литическихъ дѣятелей, даже самыхъ популярныхъ, съ тѣм
продолжительнымъ и неразрушимымъ царствованіемъ журна
листовъ высокой пробы, которое напоминаетъ долговѣчност
какого-нибудь Людовика XIV или вѣчный успѣхъ знамен
тыхъ комиковъ и трагиковъ. Для этихъ самодержавных
властителей нѣтъ старости.

Вотъ почему такъ трудно создать опредѣленный закон
для прессы. Это все равно, что мы захотѣли бы регламен
тировать суверенитетъ великаго короля или Наполеона. Про
ступки, даже преступленія прессы почти ненаказуемы, как

ли ненаказуемы проступки, совершенные на трибунѣ въ
евности и проступки на каѳедрѣ въ средніе вѣка.

Если бы были правы поклонники толпы, постоянно по
торяющіе, что историческая роль отдѣльныхъ индивидуаль-
остей обречена на то, чтобы уменьшаться все болѣе и бо-
ье по мѣрѣ того, какъ совершается демократическая эво-
юція общества, то слѣдовало бы особенно удивляться уве-
чивающемуся день ото дня значенію публицистовъ. Нель-
, однако, отрицать, что они въ критическихъ случаяхъ
ворятъ общественное мнѣніе: и если двое или трое изъ
ихъ великихъ вождей политическихъ или литературныхъ
руппъ захотятъ соединиться во имя одной цѣли, то какъ
дурна она ни была, можно съ увѣренностью предсказать
торжество. Замѣчательно то, что послѣдняя изъ образо-
вшихся соціальныхъ группировокъ, группировка наиболѣе
ироко развивающаяся въ ходѣ нашей демократической ци-
лизаціи, т. е. соціальная группировка по разнымъ видамъ
ублики, даетъ выдающимся индивидуальнымъ характерамъ
аибольшую возможность проявить себя, а оригинальнымъ
ндивидуальнымъ мнѣніямъ наибольшій просторъ для распро-
раненія.

V

Итакъ, достаточно открыть глаза, чтобы замѣтить, что
аздѣленіе общества на разнаго рода публику, раздѣленіе
исто психологическаго характера, соотвѣтствующее различ-
аго рода состоянію умовъ, стремится, хотя не замѣнить, ко-
ечно, но заслонить собою все съ большей и большей оче-
идностью религіозное, экономическое, эстетическое эконо-
ическое и политическое подраздѣленіе общества на корпо-
ціи, секты, ремесла, школы и партіи. Это не только раз-
овидности прежней толпы, аудиторій трибуновъ и пропо-
ѣдниковъ, въ которыхъ господствуетъ или которыя увели-

чиваетъ соотвѣтствующая публика, парламентская или ре-
лигіозная; нѣтъ такой секты, которая не желала бы имѣть
свою собственную газету для того, чтобы окружить себя
публикой, разсѣянной далеко внѣ ея, создать нѣчто въ родѣ
атмосферической оболочки, въ которую публика была бы по-
гружена, нѣчто въ родѣ коллективнаго сознанія, которое оза-
ряло бы ее. И, конечно, это сознаніе нельзя назвать просто
эпифеноменомъ, который самъ по себѣ недѣйствителенъ и
бездѣятеленъ. Точно такъ же нѣтъ профессіи, большой или не-
значительной, которая не желала бы имѣть свою газету или
свой журналъ, какъ въ средніе вѣка каждая корпорація имѣ-
ла своего священника, своего обычнаго проповѣдника, как
въ древней Греціи каждый классъ имѣлъ своего довѣренна
го оратора. Развѣ первая забота каждой вновь основываю-
щейся школы литературной или художественной не заклю-
чается въ томъ, чтобы завести свою собственную газету и разв
она будетъ считать полнымъ свое существованіе безъ этого
условія? Существуетъ ли такая партія или часть партіи, ко
торая не поспѣшила бы шумно заявить себя въ какомъ-ни
будь періодическомъ, ежедневномъ изданіи, при помощи ко
тораго она надѣется распространиться, при помощи котораг
она безъ сомнѣнія укрѣпляется, пока она не преобразуется
не сольется или не раздробится? Партія безъ газеты не про
изводитъ ли на насъ впечатлѣнія безглаваго чудовища, хот
для всѣхъ партій древности, среднихъ вѣковъ, даже совре
менной Европы до французской революціи эта воображаема
чудовищность была естественна?

Это преобразованіе всѣхъ группъ въ разные виды публи
ки объясняется все возрастающей потребностью обществен
ности, которая дѣлаетъ необходимымъ правильное общені
другъ съ другомъ членовъ ассоціаціи при помощи безпрерыв
наго теченія общихъ свѣдѣній и возбужденій. Это преобра
зованіе неизбѣжно. И нужно разсмотрѣть тѣ его послѣдствія
которыя по всѣмъ вѣроятіямъ отразятся или отразились н

удьбѣ такимъ образомъ преобразованныхъ группъ въ смыслѣ
хъ долговѣчности, ихъ прочности, ихъ силы, ихъ борьбы
ли ихъ сліянія.

Въ смыслѣ долговѣчности и прочности старинныя груп-
ировки, конечно, ничего не выигрываютъ при той перемѣ-
ѣ, о которой идетъ рѣчь. Пресса дѣлаетъ неустойчивымъ
се, до чего она касается, что она оживляетъ, и самое
вященное, самое неизмѣнное на видъ установленіе, лишь
олько оно подчинится общей господствующей модѣ на пуб-
ичность обнаруживаетъ тотчасъ же явные признаки вну-
реннихъ перемѣнъ, тщетно скрываемыхъ. Чтобы удостовѣ-
риться въ этой силѣ въ одно и то же время разрушитель-
ой и возрождающей, которая присуща газетѣ, достаточно
олько сравнить политическія партіи, существовавшія до жур-
ализма, съ современными политическими партіями. Не были
и онѣ прежде менѣе страстны и болѣе долговѣчны, менѣе
ивы и болѣе упорны, менѣе податливы на попытки къ об-
овленію или раздробленію? Вмѣсто торіевъ и виговъ, этой
ѣковой антитезы, такой рѣзкой и устойчивой, что̀ суще-
твуетъ въ Англіи въ наши дни? Не было ничего рѣдкостнѣй въ
тарой Франціи, какъ появленіе новой партіи; въ наше вре-
я партіи находятся въ состояніи безпрестанныхъ измѣненій
самопроизвольнаго зарожденія и возрожденія. Все меньше
меньше безпокоятся или заботятся объ ихъ ярлыкахъ, по-
ому что всѣмъ хорошо извѣстно, что если онѣ достигнутъ
асти, это произойдетъ только вмѣстѣ съ радикальной ихъ
еремѣной. Недалеко то время, когда отъ прежнихъ наслѣд-
твенныхъ и традиціонныхъ партій останется одно только
оспоминаніе.

Относительная сила прежнихъ соціальныхъ агрегатовъ
акже сильно видоизмѣняется благодаря вмѣшательству пресс-
ы. Прежде всего замѣтимъ, что она чрезвычайно мало бла-
оріятствуетъ преобладанію профессіональныхъ классовыхъ
одраздѣленій. Профессіональная пресса, посвященная ре-

мысленнымъ интересамъ, судебнымъ, промышленнымъ, земледѣльческимъ, имѣетъ наименьшее количество читателей, она наименѣе интересна, наименѣе возбуждаетъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда подъ видомъ работы дѣло идетъ о стачкѣ и о политикѣ. Но пресса явно предпочитаетъ и выдѣляетъ соціальное раздѣленіе на группы по теоретическимъ идеямъ, идеальнымъ стремленіямъ и чувствамъ. Она выражаетъ—къ чести для себя—интересы не иначе, какъ облекая ихъ въ теоріи и возвышая страстями; даже придавая имъ страстный характеръ, она одухотворяетъ и идеализируетъ ихъ; и это преображеніе, хотя иногда и опасное, въ общемъ все-таки удачно. Пусть идеи и страсти вспѣниваются, сталкиваясь другъ съ другомъ, они все же болѣе примиримы чѣмъ интересы.

Религіозныя или политическія партіи являются соціальными группами, на которыя газета производитъ наиболѣе сильное дѣйствіе и которыя она выдвигаетъ на первый планъ. Мобилизированныя въ публику партіи разстраиваются, вновь формируются, преобразовываются съ такой быстротой, которая поразила бы нашихъ предковъ. И нужно согласиться, что ихъ мобилизація и ихъ взаимная спутанность мало совмѣстимы съ регулярной дѣятельностью парламентаризма на англійскій ладъ; это — небольшое несчастіе, но оно способно глубоко измѣнять парламентскій режимъ. Партіи въ наше время то поглощаются и уничтожаются въ нѣсколько лѣтъ, то онѣ размножаются въ неслыханныхъ размѣрахъ. Онѣ пріобрѣтаютъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ огромную, хотя скоропреходящую силу. Онѣ принимаютъ двѣ черты, которыхъ въ нихъ еще не знали: онѣ становятся способными проникать одна въ другую и дѣлаться интернаціональными. Онѣ легко проникаютъ одна въ другую, потому что, какъ мы сказали выше, каждый изъ насъ принадлежитъ или можетъ принадлежать къ публикѣ нѣсколькихъ видовъ одновременно. Онѣ становятся интернаціональными, потому что крылатое слово газеты безъ труда перелетаетъ тѣ границы, которыя въ былыя времена никогда не могъ перелетѣть голосъ знаменитѣйшаго оратора, лидера партіи [1]. Пресса дала парламентскому и клубскому краснорѣчію свои собственныя крылья и носитъ его по всему свѣту. Если эта интернаціональная широта партій, преобразованныхъ въ публику, дѣлаетъ ихъ вражду болѣе опасной, зато ихъ взаимная проницаемость и неопредѣленность ихъ границъ облегчаетъ ихъ союзы, даже безнравственные, и позволяетъ надѣяться на конечное мирное соглашеніе. Слѣдовательно, преобразованіе партій въ публику, повидимому, мѣшаетъ скорѣе ихъ длительности, нежели согласію, ихъ отдыху, нежели миру, и соціальное движеніе, произведенное этимъ преобразованіемъ, приготовляетъ скорѣе пути къ соціальному единству. Это настолько справедливо, что, несмотря на обиліе и разнородность видовъ публики, существующихъ одновременно и перемѣшанныхъ между собою въ обществѣ, онѣ всѣ вмѣстѣ какъ бы составляютъ одну общую публику благодаря ихъ частичному согласію относительно нѣкоторыхъ важныхъ пунктовъ; это есть то, что называется мнѣніемъ, политическое значеніе котораго все возрастаетъ. Въ извѣстные критическіе моменты въ жизни народовъ, когда обнаруживается національная опасность, это сліяніе о которомъ я говорю, прямо поразительно и почти полно; и тогда мы видимъ какъ нація, соціальная группа par excellence, преобразовывается, какъ и всѣ другія, въ одну огромную связку лихорадочно настроенныхъ читателей, съ жадностью поглощающихъ депеши. Во время войны какъ будто не существуетъ ни классовъ, ни ремеслъ,

[1] Публика нѣкоторыхъ большихъ газетъ, какъ «Times», «Figaro» и нѣкоторыхъ большихъ журналовъ, разсѣяна по всему свѣту. *Виды публики*—религіозный, научный, экономическій, эстетическій *постоянно* по существу своему интернаціональны; *толпы* религіозныя, научныя и т. д., только изрѣдка бываютъ интернаціональными подъ видомъ конгрессовъ. Да и конгрессы могли стать интернаціональными только потому, что на этомъ пути имъ предшествовала соотвѣтствующая публика.

ни синдикатовъ, ни партій, ни одной изъ соціальныхъ группировокъ Франціи, кромѣ французской арміи и „французской публики“.

Изъ всѣхъ соціальныхъ агрегатовъ въ наиболѣе тѣсномъ отношеніи съ публикой находится толпа. Хотя публика часто и представляетъ собой только увеличенную и разсѣянную аудиторію, все же мы видѣли, что между нею и толпой существуютъ многочисленныя и характерныя различія, которыя доходятъ даже до того, что устанавливаютъ нѣчто въ родѣ обратнаго отношенія между прогрессомъ толпы и прогрессомъ публики. Правда, возбужденная публика порождаетъ мятежныя сборища на улицахъ; и какъ одна и та же публика можетъ быть распространена на обширной территоріи, такъ же точно возможно, что порожденныя ею шумныя массы соберутся сразу въ нѣсколькихъ городахъ, будутъ кричать, грабить, убивать. Такъ и случалось [1]. Но чтобы всѣ толпы слились, если не существуетъ публики, этого не случается. Предположимъ, что уничтожены всѣ газеты и вмѣстѣ съ ними ихъ публика, развѣ населеніе не обнаружило бы гораздо болѣе сильное, нежели теперь, стремленіе группироваться въ болѣе многочисленныя и тѣсныя аудиторіи вокругъ профессорскихъ, даже проповѣдническихъ каѳедръ, наполнять публичныя мѣста, кафе, клубы, салоны, читальни, не говоря уже о театрахъ, и вести себя повсюду гораздо болѣе шумно?

Мы забываемъ обо всѣхъ этихъ преніяхъ въ кафе, въ салонахъ, въ клубахъ, отъ которыхъ насъ гарантируетъ полемика въ прессѣ, противоядіе относительно безобидное. Дѣй-

[1] Можно даже сказать, что каждая публика обрисовывается природой той толпы, которую она порождаетъ. Религіозная публика обрисовывается паломничествами въ Лурдъ, свѣтская публика поѣздками въ Лоншанъ, балами, празднествами, публика литературная—театральными аудиторіями, пріемами во французской академіи, публика промышленная—своими стачками, публика политическая—своими избирательными союзами, своими палатами депутатовъ, публика революціонная своими бунтами и баррикадами...

вительно, въ публичныхъ собраніяхъ число слушателей, обще, идетъ на убыль или, по крайней мѣрѣ, не возраетъ, и наши ораторы даже самые популярные, далеки отитязаній на успѣхъ Абеляра, который увлекалъ за собою идцать тысячъ учениковъ до самой глубины печальной доны Параклета. Даже когда слушатели такъ же многочислены, они не такъ внимательны, какъ это было до книгопечанія, когда послѣдствія невниманія были неисправимы.

Въ амфитеатрахъ нашего университета, въ настоящее емя пустыхъ на три четверти, не видно больше прежняго теченія слушателей и прежняго вниманія. Большинство изхъ, которые прежде съ страстнымъ любопытствомъ выслушали бы какую-нибудь рѣчь, говорятъ теперь: „Я это прочту въ своей газетѣ“... И такимъ образомъ мало по-малу ублика выростаетъ, а толпа уменьшается, что еще быстрѣй меньшаетъ ея значеніе.

Куда дѣвались времена, когда святое краснорѣчіе апостола, въ родѣ Коломбана или Патрика, побѣждало цѣлые народы, прикованные къ ихъ устамъ? Теперь великія обращенія массъ совершаются журналистами.

Итакъ, какова бы ни была природа тѣхъ группъ, на которыя дробится общество, имѣютъ ли онѣ характеръ религіозный, экономическій, политическій, даже національный, ублика въ нѣкоторомъ родѣ представляетъ собою ихъ окончательное состояніе, ихъ, такъ сказать, общій знаменатель; е возвращается къ этой чисто-психологической группѣ состоянія умовъ, способной на безпрерывныя измѣненія. И замѣчательно, что профессіональный агрегатъ, основанный на заимной эксплоатаціи и взаимномъ приспособленіи желаній интересовъ наиболѣе захваченъ этимъ цивилизующимъ преобразованіемъ. Несмотря на все различіе, которое мы отмѣтили, толпа и публика, эти два крайніе полюса соціальной волюціи [1], имѣютъ слѣдующее сходство: связь различныхъ

[1] Семья и орда являются двумя точками отправленія этой эволю-

идивидуумовъ, входящихъ въ ихъ составъ, заключается н
въ томъ, чтобы они *гармонировали* другъ съ другомъ своим
особенностями, своими спеціальными взаимно полезными ка
чествами, но въ томъ, чтобы взаимно отражаться другъ в
другѣ, слиться своими природными или пріобрѣтенными сход
ными чертами въ простой и могущественный *унисонъ* (н
насколько съ бо́льшей силой въ публикѣ, нежели въ толпѣ!)
вступить въ общеніе идей и страстей, которое, однако, дает
полный просторъ ихъ индивидуальнымъ различіямъ.

VI

Показавъ зарожденіе и ростъ публики, отмѣтивъ ея ха
рактерныя черты, сходныя или несходныя съ характерным
чертами толпы, и выяснивъ ея генеалогическія отношенія к
различнымъ соціальнымъ группамъ, постараемся сдѣлать клас
сификацію ея разновидностей по сравненію съ разновидно
стями толпы.

Можно классифицировать публику, какъ и толпу, съ весь
ма различныхъ точекъ зрѣнія; въ отношеніи пола есть пуб
лика мужская и женская, точно такъ же, какъ существует
мужская и женская толпа. Но женская публика, состоящая
изъ читательницъ модныхъ романовъ и стиховъ, модных
газетъ, феминистскихъ журналовъ и т. п. отнюдь не похож
на толпу того же пола. Она имѣетъ совершенно другое чи
сленное значеніе и по своему характеру болѣе безобидна
Я не говорю о женскихъ аудиторіяхъ въ церкви, но когда
онѣ случайно собираются на улицахъ, онѣ всегда ужасаютъ
необыкновенной силой своей экзальтаціи и кровожадности
Слѣдуетъ перечитать Янсена и Тэна по этому вопросу. Пер
вый разсказываетъ намъ о нѣкоей Гофманъ, мужеподобной

ціи. Но орда, эта грубая шайка грабителей, представляетъ собою только
толпу въ движеніи.

вѣдьмѣ, которая въ 1529 году предводительствовала шайка
ми крестьянъ и крестьянокъ, возставшихъ вслѣдствіе люте
анской проповѣди. „Она вся дышала пожарами, грабежами
и убійствами“ и произносила заклинанія, которыя должны
были сдѣлать неуязвимыми ея бандитовъ и которыя фанати
зировали ихъ. Второй изображаетъ намъ поведеніе женщинъ,
даже молодыхъ и красивыхъ, 5-го и 6-го октября 1789 года.
Онѣ только и говорятъ о томъ, чтобы разорвать на части,
истерзать королеву, „съѣсть ея сердце“, сдѣлать кокар
ды изъ ея драгоцѣнностей; у нихъ являются только канни
бальскія идеи, которыя онѣ, повидимому, осуществляютъ.
Значитъ ли это, что женщины, несмотря на ихъ кажущуюся
кротость таятъ въ себѣ дикіе инстинкты, смертоносныя на
клонности, пробуждающіяся при ихъ соединеніи въ толпу?
Нѣтъ, ясно, что при соединеніи женщинъ въ толпу происхо
дитъ подборъ всего, что есть въ женщинахъ наиболѣе наг
лаго, наиболѣе смѣлаго, я сказалъ бы наиболѣе мужского.
Corruptio optimi pessima. Конечно, для того, чтобы читать
газету даже жестокую и наглую, не нужно столько наглости
и распущенности, и отсюда, безъ сомнѣнія, лучшій составъ
женской публики, носящей вообще болѣе эстетическій, не
жели политическій характеръ.

Въ смыслѣ возраста, толпы молодежи—мономы или мя
тежныя скопища студентовъ или парижскихъ гаменовъ—имѣ
ютъ гораздо большее значеніе, нежели юношеская публика,
даже литературная, которая никогда не имѣла серьезнаго
вліянія. Наоборотъ, старческая публика ведетъ всѣ дѣла
тамъ, гдѣ старческія толпы не принимаютъ никакого участія.
При помощи этой незамѣтной *геронтократіи* устанавливается
спасительный противовѣсъ *эфебократіи* избирательныхъ толпъ,
гдѣ преобладаетъ молодой элементъ не успѣвшій еще пресы
титься избирательнымъ правомъ... Впрочемъ, старческія толпы
необыкновенно рѣдки. Можно было бы назвать нѣкоторые
шумные соборы старыхъ патріарховъ въ первыя времена

Церкви, или нѣкоторыя бурныя засѣданія древняго и совре-
меннаго Сената, какъ примѣры несдержности, до которой
собравшіеся старцы могутъ увлечься, какъ примѣры коллек-
тивнаго молодого задора, который имъ случается обнаружить,
когда они соберутся вмѣстѣ. Повидимому, стремленіе собы-
раться въ толпу идетъ, все возрастая отъ дѣтскаго возраста
до полнаго расцвѣта молодости, а потомъ все уменьшаясь отъ
этого возраста до старости. Не такъ дѣло обстоитъ съ на-
клонностью соединяться въ корпораціи, которая только за-
рождается въ первой молодости и все усиливается до зрѣ-
лаго возраста и даже до старости.

Толпы можно различать по времени, сезону, широтѣ... Мы
уже сказали, почему это различіе неприложимо къ публикѣ.
Вліяніе физическихъ силъ на образованіе и развитіе пуб-
лики сводится почти къ нулю, тогда какъ оно всесильно
надъ зарожденіемъ и поведеніемъ толпы. Солнце является
однимъ изъ главныхъ элементовъ, разжигающихъ толпу; лѣт-
нія толпы имѣютъ гораздо болѣе горячій характеръ, нежели
зимнія. Можетъ быть, если бы Карлъ X подождалъ декабря или
января для опубликованія своихъ пресловутыхъ ордонансовъ,
результатъ былъ бы совсѣмъ другой. — Но вліяніе расы,
разумѣя подъ этимъ словомъ національность, имѣетъ не
меньшее значеніе для публики, чѣмъ для толпы, и на складѣ
характера французской публики сильно сказывается *furia
francese*.

Несмотря на все это, самое важное различіе, которое мы
должны сдѣлать между различными видами публики, какъ и
между различными видами толпы это то, которое вытекаетъ
изъ самаго существа ихъ *цѣли* или ихъ *вѣры*. Люди, идущіе
по улицѣ, каждый по своимъ дѣламъ, крестьяне, собравшіеся
на ярмарочную площадь, гуляющіе могутъ образовывать очень
тѣсное скопище, но это будетъ только простая сутолока до
того момента, пока общая вѣра, или общая цѣль взволнуетъ
ихъ или сдвинетъ ихъ вмѣстѣ. Какъ только новое зрѣлище

привлечетъ ихъ взгляды и ихъ умы, какъ только непредви-
денная опасность или внезапное негодованіе направитъ ихъ
сердце къ одному и тому же желанію, они начинаютъ по-
слушно соединяться, и эта первая ступень соціальнаго агре-
гата и есть толпа. — Точно такъ же можно сказать: чита-
тели, даже постоянные, какой-нибудь газеты, пока они читаютъ
только объявленія и практическія свѣдѣнія, относящіяся къ
ихъ частнымъ дѣламъ, не составляютъ публики; и если бы я
могъ думать, какъ иногда предполагаютъ, что газетѣ объявле-
ній суждено увеличиваться въ ущербъ газетѣ-трибунѣ, то я
поспѣшилъ бы уничтожить все, что выше написано мною от-
носительно соціальныхъ преобразованій, произведенныхъ жур-
нализмомъ. Но ничего подобнаго не существуетъ, даже въ
Америкѣ [1]. Такимъ образомъ, только съ того момента когда
читатели одной и той же газеты начинаютъ увлекаться идеей
или страстью проникающей ее, они дѣйствительно состав-
ляютъ публику.

Итакъ, мы должны классифицировать толпы точно такъ же,
какъ и публику прежде всего по характеру цѣли или вѣры,
которая ихъ одушевляетъ. Но прежде всего раздѣлимъ ихъ
сообразно съ тѣмъ, что беретъ въ нихъ перевѣсъ, вѣра и
идея, или же цѣль, желаніе. Есть толпы вѣрующія и толпы
активно желающія, публика вѣрующая и публика активно

[1] Въ своемъ прекрасномъ трудѣ о *Принципахъ Соціологіи* амери-
канецъ Гиддингсъ между прочимъ говоритъ о той огромной роли, кото-
рую сыграли газеты въ войнѣ изъ-за отпаденія Южныхъ штатовъ, и
по этому поводу онъ опровергаетъ ходячее мнѣніе, которое гласитъ,
что „пресса можетъ впредь топить всякое индивидуальное вліяніе еже-
дневнымъ наводненіемъ *безличныхъ* мнѣній...“ Пресса, говоритъ онъ,
„производила свой максимумъ вліянія на общественное мнѣніе, когда
она говорила голосомъ какой-нибудь выдающейся личности вродѣ Гар-
рисона или Грилея. Болѣе того, публика не отдаетъ себѣ хорошенько
отчета въ томъ, что *идейный человѣкъ* неизвѣстный большой публикѣ,
хорошо извѣстенъ въ газетныхъ бюро своимъ товарищамъ и отпеча-
тлѣваетъ свою индивидуальность на ихъ мысли и произведеніяхъ“.

желающая; или скорѣй — такъ какъ у людей, собравшихся вмѣстѣ или даже соединенныхъ издали, всякая мысль или желаніе быстро достигаетъ высшаго напряженія — есть толпа или публика убѣжденная, фанатическая, и толпа или публика страстная, деспотическая. Остается только выбирать между этими двумя категоріями. Мы должны, однако, согласиться, что публика менѣе склонна къ утрировкѣ, нежели толпа, она менѣе деспотична и менѣе догматична, но ея деспотизмъ или догматизмъ хотя и не выраженъ въ такой острой формѣ, зато гораздо прочнѣе и постояннѣе деспотизма или догматизма толпы.

Вѣрующая или активно желающая толпа опять-таки различается по природѣ той корпораціи или секты, къ которой она примыкаетъ, и это различіе примѣнимо также къ публикѣ, которая, какъ мы знаемъ, всегда ведетъ свое начало отъ организованныхъ соціальныхъ группъ, представляя собою ихъ неорганическое преобразованіе [1]. Но займемся на время одними только толпами. Толпу, эту аморфную группу, съ виду зарождающуюся самопроизвольно, въ дѣйствительности всегда порождаетъ какое-нибудь соціальное тѣло, нѣкоторые члены котораго служатъ ей ферментомъ и даютъ ей свою окраску [2]. Такимъ образомъ не будемъ смѣшивать состоящія изъ родственниковъ средневѣковыя сельскія толпы, собиравшіяся около сюзереновъ и служившія ихъ страстямъ, съ средневѣковыми же толпами изувѣровъ, собранныхъ проповѣдями монаховъ и громко исповѣдывавшихъ свою вѣру на большихъ дорогахъ. Мы не спутаемъ толпы богомольцевъ,

[1] Новое доказательство того, что связь органическая и связь соціальная совершенно различны между собой и что прогрессъ послѣдней отнюдь не требуетъ прогресса первой.

[2] Это справедливо даже тогда, когда она, какъ я сказалъ выше, является какъ бы новообразованіемъ на публикѣ, такъ какъ сама публика есть преобразованіе организованной соціальной группы, партіи, секты, корпораціи.

дущихъ процессіями въ Лурдъ подъ предводительствомъ духовенства съ революціонными и неистовыми толпами, поднятыми какимъ-нибудь якобинцемъ, или съ жалкими и голодными толпами стачечниковъ, ведомыхъ синдикатомъ. Сельскія толпы приводятся въ движеніе съ большимъ трудомъ, но разъ уже двинувшіяся, онѣ гораздо болѣе страшны; ни одинъ бунтъ въ Парижѣ не можетъ сравниться по своимъ опустошительнымъ дѣйствіямъ съ жакеріей. Религіозныя толпы безвреднѣе всѣхъ; онѣ становятся способны на преступленіе только тогда, когда столкновеніе съ толпой диссидентовъ и враждебныхъ манифестантовъ оскорбляетъ ихъ нетерпимость, не превосходящую, но равную только нетерпимости всякой другой толпы. Индивидуумы могутъ быть либеральны и терпимы каждый въ отдѣльности, но соединенные вмѣстѣ они становятся властными и тираническими. Это зависитъ оттого, что вѣрованія возбуждаются при взаимномъ столкновеніи и нѣтъ такого сильнаго убѣжденія, которое переносило бы противорѣчіе. Этимъ, напримѣръ, объясняется рѣзня аріанъ католиками и католиковъ аріанами, которая въ IV вѣкѣ наводняла кровью улицы Александріи.— Толпы политическія, по большей части городскія, бываютъ наиболѣе страстны и наиболѣе яростны, но, по счастію, онѣ измѣнчивы и переходятъ съ необыкновенной легкостью отъ ненависти къ обожанію, отъ взрыва ярости къ взрыву весе-лости. — Экономическія, промышленныя толпы, такъ же какъ и сельскія, гораздо однороднѣе другихъ, онѣ гораздо единодушнѣе и упорнѣе въ своихъ требованіяхъ, болѣе массивны и сильны, но при высшемъ напряженіи своей ярости скорѣе склонны къ матеріальнымъ разрушеніямъ, нежели къ убійству.

Толпы эстетическія — которыя вмѣстѣ съ толпами религіозными однѣ могутъ быть отнесены къ разряду вѣрующихъ — не знаю почему, находились въ пренебреженіи. Я называю такъ тѣ толпы, которыя собираетъ какая-нибудь старая или новая литературная или художественная школа во имя или

противъ какого-либо произведенія, драматическаго, напр
или музыкальнаго. Это можетъ быть самыя нетерпимы
толпы именно вслѣдствіе произвольности и субъективнос
провозглашаемыхъ ими сужденій, основанныхъ на вкусѣ. О
испытываютъ желаніе видѣть распространеніе своего энтузіазм
по отношенію къ тому или другому художнику, къ Викто
Гюго, къ Вагнеру, къ Зола, или, наоборотъ, своего отвр
щенія къ Зола, къ Вагнеру, къ Виктору Гюго, съ тѣм
большей настоятельностью, что это распространеніе эстет
ческой вѣры является почти единственнымъ ея оправданіем
Точно такъ же, когда онѣ сталкиваются съ противникам
тоже образовавшими толпу, можетъ случиться, что ихъ гнѣв
кончится кровопролитіемъ. Развѣ не текла кровь въ XVI
вѣкѣ во время борьбы сторонниковъ и противниковъ италья
ской музыки?

Но какъ ни разнятся толпы другъ отъ друга по своем
происхожденію и по всѣмъ своимъ другимъ свойствамъ, н
которыми чертами онѣ всѣ похожи другъ на друга, эти черты
чудовищная нетерпимость, забавная гордость, болѣзненна
воспріимчивость, доводящее до безумія чувство безнаказа
ности, рожденное иллюзіей своего всемогущества и совер
шенная утрата чувства мѣры, зависящая отъ возбужден
доведеннаго до крайности взаимнымъ разжиганіемъ. Для толп
нѣтъ средины между отвращеніемъ и обожаніемъ, между ужа
сомъ и энтузіазмомъ, между криками *да здравствуетъ!* и
смерть! Да здравствуетъ, это значитъ, *да здравствуетъ н
вѣки*. Въ этомъ крикѣ звучитъ пожеланіе божественнаго бе
смертія, это начало апоѳеоза. И достаточно мелочи, чтоб
обожествленіе превратилось въ вѣчное проклятіе.

И мнѣ кажется, многія изъ этихъ различій и понятій м
гутъ быть приложимы и къ разнаго рода публикѣ съ тѣм
однако, что отмѣченныя черты здѣсь выступаютъ не так
рѣзко. Публика такъ же, какъ и толпа, бываетъ нетерпима
горда, пристрастна самонадѣянна и подъ именемъ *мнѣнія*

на разумѣетъ, чтобы все ей покорялось, даже правда,—
если она ей противорѣчитъ. Не замѣтно ли также, что по
мѣрѣ того, какъ групповый духъ, духъ публики, если не
олпы, развивается въ нашихъ современныхъ обществахъ
слѣдствіе ускоренія умственнаго обмѣна, чувство мѣры исче-
аетъ въ нихъ все больше и больше. Тамъ превозносятъ и
нижаютъ съ одинаковой стремительностью и людей и произ-
еденія. Сами литературные критики, дѣлая изъ себя послу-
ное эхо такихъ склонностей своихъ читателей, почти не
огутъ больше ни оттѣнить, ни соразмѣрить своихъ оцѣнокъ:
ни тоже или превозносятъ, или *оплевываютъ*. Какъ мы уже
алеки отъ ясныхъ сужденій какого-нибудь Сентъ-Бева!
Въ этомъ смыслѣ публика какъ и толпа напоминаетъ отчасти
лкоголика. И въ дѣйствительности сильно развитая коллек-
ивная жизнь является для мозга страшнымъ алкоголемъ.

Но публика разнится отъ толпы тѣмъ, что каково бы ни
ыло ея происхожденіе, пропорція идейной и вѣрующей пу-
лики сильно преобладаетъ надъ публикой страстной и дѣй-
твующей, между тѣмъ, какъ вѣрующія и идеалистическія
олпы ничто въ сравненіи съ толпами охваченными страстью
все сокрушающими. Не только публика религіозная или
стетическая, первая порожденіе церкви, вторая — художе-
твенныхъ школъ соединена общимъ *credo* или идеаломъ, но
акже и публика научная, публика философская въ ея много-
исленныхъ видоизмѣненіяхъ, и даже публика экономическая,
оторая, выражая требованія желудка, идеализируетъ ихъ....
Такимъ образомъ благодаря превращенію всѣхъ соціальныхъ
руппъ въ разные виды публики, міръ идетъ по пути интел-
ектуализаціи. Что же касается активныхъ видовъ публики, то
ожно было бы подумать, что они, собственно говоря, совсѣмъ
е существуютъ, если бы не было извѣстно, что рожденныя отъ
олитическихъ партій, они отдаютъ государственнымъ лю-
имъ свои приказанія, внушенныя какими-нибудь публици-
тами... Сверхъ того, такъ какъ дѣйствіе публики болѣе

разумно и болѣе осмысленно, то оно можетъ быть и бываетъ часто болѣе плодотворно, нежели дѣйствіе толпы [1].

VII

Это легко можно доказать. Что бы ни составляло главную причину ея образованія, общность ли вѣрованій или желаній, толпа можетъ существовать въ четырехъ видахъ, которые показываютъ различную степень ея пассивности или активности. Бываетъ толпа *ожидающая*, *внимающая*, *манифестантская* или *дѣйствующая*. Публика представляетъ собою тѣ же разновидности.

Толпы ожидающія, это тѣ, которыя, собравшись въ театрѣ передъ поднятіемъ занавѣса или вокругъ гильотины передъ прибытіемъ осужденнаго, ожидаютъ, чтобы занавѣсъ поднялся или чтобы осужденный прибылъ; или же тѣ, которыя, прибѣжавъ навстрѣчу королю, царственному гостю или поѣзду, который долженъ привезти популярнаго человѣка, трибуна или побѣдоноснаго генерала, ожидаютъ царственнаго кортежа или прибытія поѣзда. Коллективное любопытство въ этихъ толпахъ достигаетъ неслыханныхъ размѣровъ безъ малѣйшаго отношенія къ предмету этого любопытства иногда совершенно

[1] Отмѣтимъ другое различіе. Публика заявляетъ о своемъ существованіи подъ видомъ полемики въ прессѣ, и тогда мы присутствуемъ при борьбѣ двухъ группъ публики, которая такъ часто сводится къ поединку ихъ публицистовъ. Но чрезвычайно рѣдко случается, чтобы двѣ толпы вступили въ бой, какъ, по словамъ Ларрумэ, бываетъ иногда въ Іерусалимѣ во время процессій. Толпа любитъ итти одна развертывать свою силу и всей ея тяжестью налечь на побѣжденнаго, безъ боя. Иногда, правда, случаются схватки между регулярнымъ войскомъ и толпой, которая разбѣгается, если она слабѣе его и осиливаетъ его и рѣжетъ, если она сильнѣе. Точно также въ парламентѣ мы видимъ не двѣ, а одну двухголовую толпу, раздѣлившуюся между двумя партіями, которыя сражаются словесно или же кулаками, какъ въ Вѣнѣ... и даже въ Парижѣ.

незначительному. Это любопытство въ толпѣ гораздо болѣе сильно и преувеличено, нежели въ ожидающей публикѣ, гдѣ оно поднимается, однако, очень высоко, когда милліоны читателей, возбужденныхъ сенсаціоннымъ дѣломъ, находятся въ ожиданіи вердикта или приговора или просто какой-нибудь новости. Самый нелюбопытный, самый серьезный человѣкъ, если ему случится попасть въ такую лихорадочно настроенную толпу, спрашиваетъ себя, что̀ удерживаетъ его тутъ, несмотря на неотложныя занятія, какую странную необходимость онъ чувствуетъ сейчасъ, какъ и всѣ вокругъ него, видѣть, какъ проѣдетъ экипажъ императора или вороной конь генерала. Вообще нужно замѣтить, что ожидающія толпы гораздо болѣе терпѣливы, чѣмъ отдѣльные индивидуумы въ подобномъ же состояніи. Во время франко-русскихъ празднествъ огромныя толпы парижанъ неподвижно простаивали по три, по четыре часа, плотно стиснутыя, безъ малѣйшаго признака неудовольствія, вдоль пути, по которому долженъ былъ прослѣдовать царскій кортежъ. Время отъ времени какой-нибудь экипажъ былъ принимаемъ за начало кортежа, но какъ только ошибка обнаруживалась — всѣ снова принимались ждать, и ни разу, повидимому, эти заблужденія и ошибки не могли произвести своего обыкновеннаго дѣйствія — раздраженія. Извѣстно также, какъ много времени проводятъ подъ дождемъ и даже ночью толпы любопытныхъ въ ожиданіи большого военнаго смотра. Наоборотъ, часто бываетъ въ театрѣ, что та же самая публика, которая спокойно покорилась незаконному запозданію, вдругъ раздражается и не желаетъ больше терпѣть отсрочки ни на одну минуту. Почему толпа бываетъ всегда болѣе терпѣлива или болѣе нетерпѣлива, нежели отдѣльный индивидуумъ? Въ обоихъ случаяхъ это объясняется одной и той же психологической причиной, — взаимнымъ зараженіемъ чувствами собравшихся индивидуумовъ. Пока въ собраніи не раздалось какого-либо проявленія нетерпѣнія, топота, крика, стука тростями, — а ничего подобнаго, естественно, не слу-

чается, когда это ни къ чему не можетъ послужить, напр., передъ казнью или смотромъ, — каждый находится подъ впечатлѣніемъ веселаго или покорнаго вида своихъ сосѣдей и безсознательно рефлектируетъ ихъ веселость или покорность. Но если кто-нибудь,—когда это можетъ сократить запозданіе, въ театрѣ напр., — начнетъ проявлять нетерпѣніе, ему мало-по-малу всѣ начинаютъ подражать, и нетерпѣніе каждаго въ отдѣльности удвоивается нетерпѣніемъ другихъ. Индивидуумы въ толпѣ вдругъ достигаютъ высшей степени взаимнаго моральнаго притяженія и взаимнаго физическаго отталкиванія (антитезъ, не существующій для публики). Они толкаютъ другъ друга локтями, но въ то же самое время они видимо желаютъ выражать только согласіе съ чувствами сосѣдей, и въ разговорахъ, которые иногда возникаютъ между ними, они стараются понравиться другъ другу безъ различія положеній и классовъ.

Толпы внимательныя это тѣ, которыя тѣсно толпятся около каѳедры проповѣдника или профессора, около трибуны, эстрады, или передъ сценой, гдѣ разыгрывается патетическая драма. Ихъ вниманіе, точно такъ же какъ и ихъ невниманіе проявляются всегда гораздо сильнѣе и настойчивѣе, нежели проявлялось бы вниманіе или невниманіе каждаго входящаго въ ихъ составъ отдѣльнаго индивидуума, если бы онъ былъ одинъ. По поводу толпы, о которой идетъ рѣчь, одинъ профессоръ сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе, показавшееся мнѣ справедливымъ. „Аудиторія изъ молодыхъ людей, — сказалъ онъ мнѣ,— на юридическомъ или на какомъ-либо другомъ факультетѣ, всегда внимательна и почтительна, если она не многочисленна; но если вмѣсто двадцати или тридцати ихъ соберется цѣлая сотня, двѣ-три сотни, они часто перестаютъ уважать и слушать своего профессора, и тогда очень часто поднимается шумъ. Раздѣлите на четыре группы, по двадцати пяти человѣкъ въ каждой, сотню непочтительныхъ и буйныхъ студентовъ, и вы получите четыре аудиторіи, полныя вниманія и

почтенія". — Это значитъ, что горделивое чувство ихъ многочисленности опьяняетъ собравшихся людей и заставляетъ ихъ презирать одиноко стоящаго человѣка, который говоритъ имъ, если только ему не удается ослѣпить и „очаровать" ихъ. Но нужно прибавить, что если очень многочисленная аудиторія отдалась во власть оратора, она бываетъ тѣмъ почтительнѣе и внимательнѣе, чѣмъ она обширнѣе.

Еще замѣчаніе. Въ толпѣ, заинтересованной какимъ-нибудь зрѣлищемъ или рѣчью, только небольшое количество зрителей или слушателей видитъ и слышитъ очень хорошо, многіе видятъ и слышатъ только наполовину или же совершенно ничего не видятъ и не слышатъ; и между тѣмъ, какъ бы плохо они ни помѣстились, какъ бы дорого ни стоило ихъ мѣсто, они бываютъ удовлетворены и не жалѣютъ ни своего времени, ни денегъ. Напр., эти люди два часа ожидали прибытія царя, который, наконецъ, проѣхалъ. Но, стиснутые позади нѣсколькихъ рядовъ людей, они ничего не видали; все ихъ удовольствіе состояло въ томъ, что они могли слышать шумъ экипажей, болѣе или менѣе выразительный, болѣе или менѣе обманчивый. И, однако, возвратившись домой, они описывали это зрѣлище весьма добросовѣстно, какъ будто они сами были его очевидцами, потому что, въ дѣйствительности, они видѣли его глазами другихъ. Они очень были бы удивлены, еслибы имъ сказали, что провинціалъ, который за двѣсти миль отъ Парижа глядѣлъ въ своей иллюстрированной газетѣ на моментальную фотографію съ царскаго поѣзда, былъ въ большей степени очевидцемъ, чѣмъ они. Почему же они убѣждены въ противномъ? Потому что, въ сущности говоря правду, въ такихъ случаяхъ сама толпа, собственно, служитъ зрѣлищемъ для себя самой. Толпа привлекаетъ и поражаетъ толпу.

Между толпами болѣе или менѣе пассивными, о которыхъ мы только что говорили, и толпами активными, толпы манифестантскія занимаютъ срединное положеніе. Что бы онѣ ни

проявляли — свое убѣжденіе, свою страстную любовь или не-
нависть, радость или печаль, — онѣ всегда проявляютъ это со
свойственнымъ имъ преувеличеніемъ. Можно отмѣтить въ нихъ
двоякій характеръ, въ которомъ есть что-то женское: замѣ-
чательно выразительный символизмъ въ соединеніи съ край-
ней бѣдностью воображенія при изобрѣтеніи этихъ символовъ,
которые всегда бываютъ одни и тѣ же и повторяются до
пресыщенія. Итти процессіей съ хоругвями и со знаменами,
со статуями, съ мощами, иногда съ отрѣзанными головами на
концахъ пикъ, кричать *виватъ* или просто испускать вопли,
пѣть гимны или пѣсни — вотъ приблизительно все, что онѣ
могли изобрѣсти для выраженія своихъ чувствъ. Но если у
нихъ мало идей, онѣ держатся зато крѣпко за нихъ и безъ-
устали кричатъ одно и то же, возобновляютъ одну и ту же
прогулку. — Публика, дойдя до извѣстной степени возбужденія,
тоже становится манифестантской. Она проявляетъ себя не
только косвеннымъ образомъ, порождая соотвѣтствующія толпы,
но, прежде всего, непосредственно въ захватывающемъ влія-
ніи, подчиняющемъ себѣ самихъ тѣхъ, кто привелъ ее въ
движеніе и не можетъ больше остановить, въ тѣхъ потокахъ
лиризма или брани, лести или клеветы, утопическаго бреда
или кровожадной ярости, которые льются по ея желанію изъ-
подъ пера ея послушныхъ публицистовъ, изъ господъ, пре-
вратившихся въ крѣпостныхъ. И ея манифестаціи гораздо
болѣе разнообразны и опасны, нежели манифестаціи толпы,
и приходится пожалѣть объ изобрѣтательномъ умѣ, который
въ извѣстные моменты тратится на остроумныя выдумки, на
басни, похожія на правду, безпрестанно изобличаемыя, без-
престанно возрождающіяся ради одного удовольствія поднести
каждой публикѣ желаемое блюдо, выразить то, что она счи-
таетъ за правду, или въ чемъ она *хочетъ* видѣть правду.

Перейдемъ къ толпамъ дѣйствующимъ. Но что, однако,
могутъ сдѣлать толпы? Несомнѣнно, онѣ могутъ уничтожать,
разрушать, но что могутъ онѣ создать со своей внутренней

несвязностью и безпорядочностью своихъ усилій? Корпораціи,
секты, организованныя ассоціаціи разрушительны, но столь же
и производительны. „Frères pontifes“ въ средніе вѣка строили
мосты, монахи на Западѣ воздѣлывали цѣлыя области, осно-
вывали города, іезуиты въ Парагваѣ сдѣлали наиболѣе любо-
пытную попытку фаланстерійской жизни, изъ всѣхъ когда-
либо предпринимавшихся; корпораціи масоновъ воздвигли
большинство нашихъ соборовъ. Но можно ли назвать хоть
одинъ домъ, построенный толпой, землю, распаханную и воз-
дѣланную толпой, какую-либо промышленность, созданную
толпою? За нѣсколько тощихъ деревьевъ Свободы, которыя
онѣ посадили, сколько выжженныхъ лѣсовъ, разграблен-
ныхъ гостиницъ, разрушенныхъ дворцовъ! За одного попу-
лярнаго узника, котораго онѣ иногда освобождали, сколько
казней по суду Линча, сколько тюремъ, взятыхъ приступомъ
американскими, или революціонными массами съ цѣлью избіе-
нія узниковъ ненавистныхъ, возбуждающихъ зависть или
страхъ!

Можно раздѣлить дѣйствующія толпы на толпы любящія и
толпы ненавидящія. Но на какое дѣло, дѣйствительно плодо-
творное, употребляютъ свои силы любящія толпы? Неизвѣстно
еще, что болѣе гибельно, ненависть ли толпы или любовь,
проклятія ли, или энтузіазмъ. Когда она рычитъ, охваченная
безумiемъ каннибаловъ, она, правда, ужасна; но когда она въ
порывѣ обожанія бросается къ ногамъ одного изъ своихъ
человѣческихъ идоловъ, когда она распрягаетъ его экипажъ,
какъ на щитѣ поднимаетъ его на своихъ плечахъ, то предме-
томъ ея обожанія, порождающаго диктатуры и тиранніи,
является чаще всего полусумасшедшій въ родѣ Мазаньелло,
дикій звѣрь въ родѣ Марата или шарлатанъ въ родѣ гене-
рала Буланже. Даже тогда, когда она устраиваетъ безумныя
овваціи нарождающемуся герою, каковъ былъ Бонапартъ, воз-
вращавшійся изъ Италіи, она только готовитъ ему гибель,
неномѣрно возбуждая въ немъ гордость, которая гонитъ его

геній къ безумію. Но она особенно проявляетъ свой энтузіазмъ по отношенію къ такимъ людямъ, какъ Маратъ. Апоѳеозъ этого чудовища, культъ воздвигнутый его „священному сердцу", выставленному въ Пантеонѣ, являются блистательнымъ образцомъ силы взаимнаго ослѣпленія, общей галлюцинаціи, на которую способны люди, собравшіеся вмѣстѣ. Въ этомъ непреодолимомъ увлеченіи играла извѣстную роль и трусость, но въ общемъ очень маленькую и какъ бы потонувшую въ общей искренности.

Но тороплюсь сказать, что есть разновидность любящей толпы, очень распространенная, которая играетъ одну изъ наиболѣе необходимыхъ и спасительныхъ соціальныхъ ролей и служитъ противовѣсомъ всему злу, причиненному сборищами другихъ видовъ. Я имѣю въ виду праздничную толпу, радостную, любящую себя самое, опьяненную единственно удовольствіемъ собираться для того, чтобы собираться. Здѣсь я спѣшу отказаться отъ всего, что есть матеріалистическаго и узкаго въ словахъ, сказанныхъ выше о непроизводительномъ характерѣ толпы. Конечно, производительность заключается не только въ постройкѣ домовъ, фабрикаціи мебели, одежды или съѣстныхъ припасовъ; и соціальный миръ, соціальное единеніе, поддерживаемое народными празднествами, пирушками, періодическими увеселеніями цѣлой деревни или цѣлаго города, когда всякое разногласіе сглаживается однимъ общимъ желаніемъ, желаніемъ видѣть друга друга, соприкасаться, симпатизировать другъ другу, этотъ миръ, это единеніи суть продукты не менѣе драгоцѣнные, чѣмъ всѣ плоды земные, чѣмъ всѣ предметы промышленности. Даже празднества федераціи въ 1790 г., этого кратковременнаго затишья между двумя циклонами, произвели на время успокоительное вліяніе. Прибавимъ еще, что патріотическій энтузіазмъ—другая разновидность любви къ коллективному, національному *я*—также часто поселялъ благородное настроеніе въ толпѣ, и если онъ не заставляетъ ее выигрывать сраженіе, онъ

иногда дѣлаетъ несокрушимымъ вдохновеніе войскъ, возбужденныхъ имъ.

Забудемъ ли мы, наконецъ, послѣ праздничныхъ толпъ траурныя толпы—тѣ, которыя подъ гнетомъ общаго горя идутъ за погребальнымъ шествіемъ друга, великаго поэта, національнаго героя? Онѣ въ такой же степени являются энергическими возбудителями соціальной жизни; и этими горестями такъ же, какъ этими радостями, испытываемыми вмѣстѣ, народъ научается образовывать одно цѣлое изъ всѣхъ желаній.

Вообще, толпы въ ихъ совокупности далеко не заслуживаютъ того дурного мнѣнія, которое высказывалось относительно ихъ, и которое при случаѣ могъ высказать и я самъ. Если мы взвѣсимъ, съ одной стороны, ежедневное и универсальное дѣйствіе любящей толпы, особенно же праздничныхъ толпъ, а съ другой—перемежающееся и мѣстное дѣйствіе ненавидящихъ толпъ, то мы должны будемъ признать съ полнымъ безпристрастіемъ, что первыя гораздо болѣе содѣйствовали сотканію и скрѣпленію соціальныхъ узъ, нежели вторыя—разрыву мѣстами этой ткани. Вообразимъ себѣ страну, гдѣ никогда не было ни бунтовъ — всякаго рода яростно-злобныхъ возстаній, но гдѣ въ то же время неизвѣстны ни публичныя празднества. ни веселыя уличныя манифестаціи, ни взрывы народнаго энтузіазма: эта плоская и безцвѣтная страна была бы безъ сомнѣнія гораздо менѣе пропитана глубокимъ чувствомъ своей національности, нежели страна, наиболѣе волновавшаяся политическими смутами, даже убійствами, но которая въ промежуткахъ между этими бѣдствіями, подобно средневѣковой Флоренціи, сохранила традиціонную привычку къ большимъ религіознымъ или свѣтскимъ общеніямъ, къ общему веселью, играмъ, процессіямъ, сценамъ во время карнавала. Такимъ образомъ толпы, сборища, столкновенія, обоюдныя увлеченія людей гораздо болѣе полезны, нежели вредны для развитія общественности. Но и здѣсь, какъ вездѣ,

Государственная ордена Ленина БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. ЛЕНИНА

видимое мѣшаетъ думать о *невидимомъ*. Отсюда, безъ сомнѣнія, проистекаетъ обычная суровость соціолога по отношенію къ толпамъ. Добрыя послѣдствія любовныхъ и радостныхъ толпъ скрываются въ сердечныхъ тайникахъ и живутъ тамъ, много времени спустя послѣ празднества, въ видѣ бо́льшаго расположенія къ симпатіи и примиренію, которое выражается тысячею незамѣтныхъ способовъ въ жестахъ, въ словахъ, во всѣхъ ежедневныхъ житейскихъ отношеніяхъ. Наоборотъ, антисоціальное дѣйствіе ненавистническихъ толпъ бросается всѣмъ въ глаза, и зрѣлище произведенныхъ ими преступныхъ разрушеній надолго переживаетъ ихъ, заставляя проклинать ихъ память.

Можно ли говорить о *дѣйствующей публикѣ*, не злоупотребляя метафорами? Не является ли публика, эта разсѣянная толпа, пассивной по самому своему существу?

Въ самомъ дѣлѣ, поднявшись до извѣстнаго тона экзальтаціи, относительно котораго ея публицисты бываютъ предупреждены благодаря своей ежедневной привычкѣ *выслушивать* ее, она дѣйствуетъ черезъ ихъ посредство точно такъ же, какъ манифистируетъ черезъ нихъ, оказываетъ давленіе на государственныхъ людей, которые становятся исполнителями ея воли. Это—то, что называется могуществомъ общественнаго мнѣнія. Правда, что она особенно свидѣтельствуетъ о могуществѣ ея вожаковъ, которые привели ее въ движеніе; но, разъ, тронутая съ мѣста, она увлекаетъ ихъ на пути, которыхъ они не предвидѣли. Такимъ образомъ это дѣйствіе публики есть прежде всего обратное дѣйствіе на ея публициста; иногда это обратное дѣйствіе имѣетъ страшную силу; публицистъ подвергается такимъ образомъ давленію публики, вызванному его же возбуждающими дѣйствіями.

Впрочемъ, это дѣйствіе чисто духовное, каковой въ дѣйствительности является и сама публика. Такъ же какъ и толпу, ее въ ея дѣйствіи вдохновляетъ любовь или ненависть; но въ отличіе отъ дѣйствія толпы, ея дѣйствіе, если оно

нушено любовію, часто имѣетъ видъ прямой продуктивности, отому что оно болѣе обдуманно и расчислено даже въ его енстовствахъ. То добро, которое оно приноситъ, не ограничивается повседневнымъ проявленіемъ общественной симпатіи между индивидуумами, которая возбуждается чувствами уховнаго соприкосновенія, повторяющагося ежедневно. Оно породило нѣкоторые хорошіе законы взаимной помощи и милосердія. Если радости и печали публики и не имѣютъ него періодическаго и установленнаго традиціей, то онѣ облаютъ не меньшимъ даромъ утишать вражду и успокоивать сердца, нежели праздники толпы, и нужно благодарить фривольную,—я не имѣю въ виду порнографической,—прессу за о что, она поддерживаетъ въ публикѣ хорошее настроеніе, способствующее миру. Что же касается публики ненавидящей, то она намъ тоже извѣстна, и зло, которое она причиняетъ, или заставляетъ причинять, далеко превосходитъ опустошенія, производимыя разъяренными толпами. Публика—то толпа гораздо менѣе слѣпая и гораздо болѣе долговѣчная, и ярость ея, болѣе осмысленная, накопляется и поддерживается въ продолженіе цѣлыхъ мѣсяцевъ и лѣтъ.

Поэтому удивительно, что о преступленіяхъ толпы говорили такъ много, а о преступленіяхъ публики — ничего; безъ сомнѣнія существуетъ публика преступная, кровожадная, какъ существуетъ и преступная толпа; и если преступность первыхъ не такъ очевидна, какъ преступность вторыхъ, зато насколько она дѣйствительнѣе, утонченнѣе, глубже, непростительнѣе! Но обыкновенно опасались только преступленій и злодѣяній, совершенныхъ по отношенію къ публикѣ, той лжи, злоупотребленія довѣріемъ, настоящихъ мошенничествъ въ огромныхъ размѣрахъ, жертвой которыхъ часто дѣлается публика по милости своихъ вожаковъ. То же слѣдуетъ сказать о преступленіяхъ и злодѣйствахъ, совершенныхъ по отношенію къ толпѣ, не менѣе гнусныхъ и можетъ-быть не менѣе частыхъ. Лгутъ избирательнымъ собра-

ніямъ, выманиваютъ ихъ голоса коварными обѣщаніями, тор-
жественными предложеніями, которыя заранѣе рѣшено н
сдержать, придумываютъ разныя позорныя клеветы. И толп
обмануть легче, нежели публику, потому что тотъ ораторъ
который обманываетъ ее чаще всего не имѣетъ противника
тогда какъ различныя газеты въ каждый моментъ служат
противоядіемъ одна для другой. Какъ-бы то ни было, но из
того, что публика можетъ сдѣлаться жертвой настоящаг
преступленія, слѣдуетъ ли еще, что она сама не может
быть преступной?

Заговоривъ о злоупотребленіяхъ довѣріемъ, объектом
которыхъ является публика, замѣтимъ мимоходомъ, насколь
недостаточнымъ является въ настоящее время чисто индиви-
дуалистическое понятіе *юридическаго обязательства* въ том
видѣ, какъ юристы понимали его до сихъ поръ; оно требует
передѣлки для того, чтобъ отвѣчать тѣмъ соціальнымъ пере-
мѣнамъ, которыя произошли въ нашихъ нравахъ и обычаяхъ,
благодаря появленію и росту публики. Для того чтобы сущест-
вовало юридическое обязательство какъ слѣдствіе обѣщанія,
необходимо по общепринятымъ до сихъ поръ представленіямъ,
чтобъ оно было принято тѣмъ лицомъ, или тѣми лицами къ
которымъ оно обращено, что предполагаетъ *личное* отношеніе
къ нимъ. Но это было возможно до книгопечатанія, когда люд-
ское обѣщаніе не шло дальше предѣловъ звука человѣческаго
голоса, и такъ какъ въ виду узкихъ границъ соціальной группы,
съ которой приходилось вступать въ дѣловыя сношенія, кліэнтъ
всегда былъ лично извѣстенъ поставщику, даримый — дари-
телю, должникъ—кредитору, то взаимно обязующее согла-
шеніе могло считаться очевидной и почти исключительной
формой обязательства. Но съ развитіемъ прессы приходится
вступать во всякаго рода отношенія съ лицами все менѣе и
менѣе опредѣленными, и все болѣе съ цѣлой совокупностью
людей, къ которымъ обращаются съ обѣщаніями при помощи
газеты, въ коммерческомъ дѣлѣ посредствомъ рекламъ, въ

олитическомъ посредствомъ программъ. Но бѣда въ томъ,
то эти обѣщанія, даже самыя торжественныя, представляютъ
обою только *одностороннюю волю*, нескрѣпленную взаимно-
тью одновременной воли, простыя обѣщанія, которыя не
риняты, не могутъ быть приняты и въ виду этого лишены
якой юридической санкціи[1]. Ничто не можетъ въ большей
епени благопріятствовать тому, что можно назвать со-
альнымъ разбойничествомъ. Можно еще согласиться съ тѣмъ,
то когда дѣло идетъ объ обѣщаніи, данномъ толпѣ, его
рудно санкціонировать юридически въ виду скоропреходящаго
о существу характера толпы, которая собирается только
а мигъ и никогда не возобновляется въ томъ же видѣ.
нѣ называли такого кандидата въ депутаты который передъ
етырьмя тысячами человѣкъ поклялся при перебаллотировкѣ
нять свою кандидатуру въ пользу своего соперника-респуб-
иканца, если послѣдній получитъ больше голосовъ, чѣмъ
ъ. Дѣйствительно, обѣщавшій получилъ меньше голосовъ,
о онъ не снялъ кандидатуры и былъ выбранъ. Вотъ что
жетъ придать смѣлости политическимъ шарлатанамъ. И я
опускаю, что нельзя обязать закономъ выполнять подобныя
бѣщанія, по той причинѣ, что разъ толпа разсѣялась, то
ъ никого, даже лицъ, участвовавшихъ въ ней, кто бы могъ
ретендовать на званіе ея представителя, или дѣйствовать
ъ ея имени. Но публика—это нѣчто постоянное, и я не вижу
ричины, почему послѣ того, какъ какое-нибудь завѣдомо
жное свѣдѣніе было опубликовано въ качествѣ достовѣр-
аго, и довѣрчивые читатели были вовлечены въ невыгодную
екуляцію, разорились благодаря этой коварной, своекорыст-
ой, продажной лжи—почему они не въ правѣ предать суду
дувшаго ихъ плута-публициста съ цѣлью заставить его
дать отнятое? Можетъ-быть, тогда публичный характеръ

[1] См. по этому вопросу наше сочиненіе *Transformations du droit*, стр. 116 и 307, а также диссертацію Рене Вормса *Valonté unilatérale*.

лжи вмѣсто того чтобы быть, какъ въ настоящее время смяг-
чающимъ или оправдывающимъ вину обстоятельствомъ, счи-
тался бы тѣмъ болѣе отягчающимъ вину, чѣмъ многочисленнѣе
была обманутая публика [1]. Непостижимо, какъ писатель, ко-
торый постыдился бы лгать въ частной жизни, лжетъ без-
стыдно, съ легкимъ сердцемъ, сотнѣ тысячъ, пятистамъ ты-
сячъ человѣкъ, которые его читаютъ, и какъ многіе, зна-
это, продолжаютъ считать его честнымъ человѣкомъ.

Но оставимъ этотъ вопросъ о правѣ и возвратимся къ пра-
ступленіямъ и злодѣйствамъ публики. Что есть публики бе-
зумныя, это не подлежитъ сомнѣнію; такова была, навѣрн
аѳинская публика, когда она нѣсколько лѣтъ тому назад
принуждала свое правительство объявить Турціи войну.

Не менѣе достовѣрно и то, что существуетъ публик
преступная: развѣ не было министерствъ, которыя подъ да-
вленіемъ публики, господствующей прессы, должны были —
не желая пасть съ честью — внести законы, отдающіе и
преслѣдованіе и грабежъ ту или другую категоріи граждан.
Конечно, преступленія публики имѣютъ на видъ меньшу
окраску жестокости, нежели преступленія толпы. Они раз-
нятся отъ преступленій толпы четырьмя свойствами: во-пер
выхъ, они носятъ менѣе отталкивающій характеръ; во-вт
рыхъ, они проистекаютъ не столько изъ мстительныхъ
сколько изъ своекорыстныхъ цѣлей, они менѣе жестоки, и
болѣе коварны; въ-третьихъ, ихъ давленіе болѣе широкое
продолжительное и, наконецъ, въ-четвертыхъ, имъ еще болѣ
обезпечена безнаказанность.

Если хотите найти типичный примѣръ преступленій толпы
то *Революція* Тэна дастъ ихъ намъ слишкомъ много. Въ сен-
тябрѣ 1789 года въ Труа создается легенда противъ мэра
Гюэца: онъ *скупщикъ*, онъ хочетъ *кормить народъ сѣном*

[1] Есть виды публики, какъ и собранія, которыя тѣмъ способн
поддаться обману, чѣмъ они многочисленнѣе, что прекрасно извѣст
фокусникамъ.

Гюэцъ былъ человѣкъ извѣстный своей благотворительностью,
онъ оказалъ большія услуги городу. Но что въ томъ? 9 сен-
тября три повозки съ мукой оказываются плохими, народъ
собирается и кричитъ: „Долой мэра. Смерть мэру!“ Гюэцъ,
вышедшій изъ суда, былъ сбитъ съ ногъ, умерщвленъ уда-
рами ногъ и кулаковъ; голова его была пробита ударомъ де-
ревяннаго башмака. Одна женщина бросается на распростер-
таго на землѣ старца, топчетъ лицо его ногами и нѣсколько разъ
втыкаетъ ему въ глаза ножницы. Его волокутъ, привязавъ
ему веревку на шею, до моста, бросаютъ въ сосѣдній бродъ,
потомъ опять вытаскиваютъ и снова тащатъ по улицамъ въ
рѣку *„съ клочкомъ сѣна во рту“*. Затѣмъ слѣдуетъ разграб-
леніе и разрушеніе домовъ, и у одного нотаріуса „было уне-
сено и выпито болѣе шестисотъ бутылокъ“ [1].

Эти коллективныя убійства, очевидно, не были внушены
злчностью, подобно звѣрствамъ нашихъ или революціонныхъ
публикъ, которыя въ ту же эпоху, посредствомъ свонхъ га-
зетъ, посредствомъ своихъ терроризированныхъ представи-
телей, заставляли писать проскрипціонные листы или вотиро-
вать законы о конфискаціи, чтобы забрать имущество своихъ
жертвъ. Нѣтъ, они внушены чувствомъ мести, подобно убій-
ствамъ цѣлыхъ семей у дикихъ племенъ, или потребностью
покарать за преступленія дѣйствительныя или воображаемыя,
подобно американскимъ судамъ по закону Линча. Во всѣ вре-
мена и во всѣхъ странахъ убивающая или грабящая толпа
считаетъ себя судьей, и тотъ короткій судъ, который она
учиняетъ, странно напоминаетъ по мстительному характеру
наказаній, по ихъ неслыханной жестокости, даже по ихъ
символизму — какъ это показываетъ клочокъ сѣна во рту
Гюэца—правосудіе первобытныхъ временъ.

Въ сущности говоря, можно ли назвать преступной толпу

[1] *Революція*, т. 1, стр. 88. Въ ту же самую эпоху толпа поступила
ще хуже въ Канѣ: маіоръ Бельсэнсъ былъ разорванъ на куски, какъ
Іаперузъ на островахъ Фиджи, и одна женщина съѣла его сердце.

доведенную до безумія увѣренностью, что ее предаютъ, что ее хотятъ заморить голодомъ, истребить? Если и есть здѣсь преступникъ, то это только подстрекатель или группа подстрекателей, виновникъ или виновники издѣвательствъ надъ убитыми. Большое извиненіе для толпы въ ея худшихъ крайностяхъ это ея чудовищное легковѣріе, напоминающее вѣру загипнотизированнаго. Публика отличается гораздо меньшимъ легковѣріемъ, и ея отвѣтственность, поэтому, тѣмъ болѣе велика. Люди, собравшіеся вмѣстѣ, гораздо легковѣрнѣе, чѣмъ каждый изъ нихъ, взятый въ отдѣльности, такъ какъ одинъ тотъ фактъ, что ихъ вниманіе сосредоточено на одномъ предметѣ, на подобіе коллективнаго *моноидеизма*, приближаетъ ихъ къ состоянію сна или гипноза, когда поле сознанія, удивительно суженное, цѣликомъ захватывается первой идеей, которая представится ему. Тогда всякое утвержденіе, высказанное увѣреннымъ и сильнымъ голосомъ, такъ сказать, несетъ съ собой свое доказательство. Во время войны 1870 г. послѣ нашихъ первыхъ пораженій разнесся слухъ во многихъ деревняхъ, что нѣкоторые изъ крупныхъ собственниковъ и нѣкоторые священники посылали огромныя суммы пруссакамъ — по сто, по двѣсти тысячъ франковъ. Это говорилось о людяхъ очень почтенныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ очень задолжавшихъ, которые съ трудомъ могли бы достать себѣ десятую часть этихъ денегъ. У нѣкоторыхъ изъ нихъ были сыновья подъ знаменами.

Однако, эти злобныя басни не нашли бы довѣрія у крестьянъ, если бы они жили разсѣянными на поляхъ; но собравшись на ярмаркахъ или на рынкахъ, они вдругъ повѣрили этимъ гнуснымъ нелѣпостямъ, и готфейское злодѣяніе было кровавымъ свидѣтельствомъ этого легковѣрія.

Толпы не только легковѣрны, онѣ безумны. Многія изъ свойствъ, отмѣченныя нами у нихъ, общи имъ вмѣстѣ съ пансіонерами нашихъ лѣчебницъ для душевно-больныхъ: преувеличенная гордость, нетерпимость, неумѣренность во всемъ

онѣ доходятъ всегда, какъ сумасшедшіе, до двухъ крайнихъ полюсовъ или возбужденія или упадка духа, онѣ то героически неистовы, то уничтожены паникой. У нихъ бываютъ настоящія коллективныя галлюцинаціи: людямъ, собравшимся вмѣстѣ, кажется, что они видятъ и слышатъ такія вещи, которыхъ они не видятъ и не слышатъ каждый въ отдѣльности. И когда толпы увѣрены, что ихъ преслѣдуютъ воображаемые враги, ихъ вѣра основана на логикѣ безумца. Подобный яркій примѣръ мы находимъ у Тэна. Въ концѣ іюля 1789 года, когда толчокъ національныхъ волненій вызвалъ вездѣ, на улицахъ, на площадяхъ буйныя собранія, вдругъ сталъ распространяться слухъ, мало-по-малу охватившій всю область Ангумуа, Перигора, Оверня, будто идутъ десять тысячъ, двадцать тысячъ разбойниковъ; ихъ уже видѣли, онъ на горизонтѣ они поднимаютъ уже пыль, они идутъ съ намѣреньемъ все разграбить, всѣхъ зарѣзать. „Услыхавъ это, цѣлые округа спасаются ночью въ лѣса, покидая свои дома, унося свое имущество“. Но вотъ истина обнаруживается. Бѣглецы возвращаются въ свои селенія. Тогда они начинаютъ разсуждать совершенно такъ, какъ разсуждаютъ одержимые маніей преслѣдованія, которые, ощущая въ себѣ чувство страха, болѣзненнаго по происхожденію, воображаютъ враговъ для его оправданія. „Такъ какъ мы поднялись, говорятъ они, то значитъ, что намъ грозила гибель, и *если намъ не грозитъ опасность со стороны разбойниковъ, она грозитъ съ другой стороны*; съ другой стороны — это значитъ со стороны воображаемыхъ заговорщиковъ. И въ результатѣ слишкомъ реальныя преслѣдованія.

Значитъ ли это, что коллективныя преступленія существуютъ только по названію? И приходится ли только разсматривать индивидуальныя преступленія вожаковъ? Это значило бы зайти слишкомъ далеко и довести до крайности относительную справедливость предыдущихъ разсужденій. Когда толпа въ римскомъ циркѣ для своего удовольствія

приказывала знакомъ умертвить побѣжденнаго гладіатора, к
была ли она кровожадна и преступна, несмотря на то, что
сила наслѣдственнаго обычая смягчаетъ отчасти ея вину
Впрочемъ, есть толпы, родившіяся преступными, а не сдѣ-
лавшіяся таковыми случайно, толпы, настолько же преступ-
ныя, насколько и ихъ вожаки, которыхъ онѣ избрали потому,
что они были похожи на нихъ: это толпы, состоящія из
злодѣевъ, которыхъ соединило вмѣстѣ тайное сродство и
испорченность которыхъ отъ этого соединенія дошла до эк
зальтаціи, до такой степени экзальтаціи, что онѣ, въ сущно-
сти говоря, являются не столько преступниками сколько пре-
ступными безумцами, прилагая къ коллективной преступност
выраженіе заимствованное изъ индивидуальной преступности.
Преступный сумасшедшій, этотъ опасный и отталкивающій
безумецъ, который совершаетъ насилія и убиваетъ вслѣдстві
болѣзненнаго импульса, но болѣзненность котораго являетс
не столько уклоненіемъ, сколько чрезмѣрнымъ усиленіем
склонностей его нормальнаго характера, его натуры, лживой,
эгоистической и злой, — этотъ безумецъ реализируется в
большихъ размѣрахъ въ коллективной формѣ, когда въ смут-
ныя времена каторжники, вырвавшіеся изъ острога, предаются
кровавымъ оргіямъ.

Какъ далека отъ всего этого преступленія публика! Пуб-
лика бываетъ преступной болѣе изъ партійной выгоды, не-
жели изъ мести, изъ трусости, нежели изъ жестокости; она
террористична изъ боязни, а не подъ вліяніемъ вспышки гнѣ-
ва. Особенно она способна на преступную снисходительность
по отношенію къ своимъ вождямъ, на *manutengolismo*, как
говорятъ итальянцы. Но къ чему заниматься ея преступ-
леніями; вѣдь она — общественное мнѣніе, а мнѣніе, повто-
ряемъ еще разъ, самодержавно, и, какъ таковое, не подлежит
отвѣтственности! Эти преступленія можно преслѣдовать только
тогда, когда они являются въ видѣ попытки, но не совер-
шены еще: и опять-таки ихъ можно преслѣдовать въ лицѣ

тѣхъ публицистовъ, которыми они были внушены, или въ
лицѣ предводителей толпы, порожденной публикой и совер-
шающей эти попытки. Что же касается самой публики, то
она остается въ тѣни, неуловимой, ожидая удобнаго момента
начать все снова. Чаще всего, когда какая-нибудь толпа со-
вершаетъ преступленіе — начиная съ парламентовъ этихъ
полу-корпоративныхъ толпъ, показавшихъ свое единомыслі
со столькими деспотами, — позади нея скрывается публика,
которая возбуждаетъ ее. Развѣ избирательная публика, вы-
бравшая въ депутаты сектантовъ и фанатиковъ, не причастна
къ ихъ беззаконіямъ, къ ихъ посягательствамъ на свободу,
имущество и жизнь гражданъ? Развѣ не избираетъ она ихъ
часто вторично и этимъ самымъ не даетъ опору ихъ беззако-
ніямъ? Но не только избирательная публика является со-
участницей преступленій. Публика даже не избирательная,
на видъ чисто пассивная, на дѣлѣ дѣйствуетъ посредствомъ
тѣхъ, кто старается подслужиться къ ней, снискать ея распо-
женіе. Именно почти всегда въ сообщничествѣ съ преступной
публикой, съ того времени какъ публика стала нарождаться,
были совершаемы величайшія историческія преступленія: Вар-
ѳоломеевская ночь—весьма вѣроятно, преслѣдованія протес-
тантовъ при Людовикѣ XIV—несомнѣнно, и не мало другихъ!
Сентябрьская рѣзня сопровождалась восторженнымъ одобре-
ніемъ извѣстной публики, и безъ этой публики, безъ ея по-
ощренія, этой рѣзни не случилось бы. Стоящія на низшей
ступени преступленій выборныя мошенничества, въ томъ
видѣ, какъ они въ изобиліи и смѣло практикуются въ нѣ-
которыхъ городахъ, не являются ли групповыми преступле-
ніями, совершаемыми при болѣе или менѣе сознательномъ
соучастіи цѣлой публики? Вотъ общее, или приблизительно
общее правило: за преступной толпой скрывается еще болѣе
преступная публика, а во главѣ этой послѣдней еще болѣе
преступные публицисты.

Сила публицистовъ зависитъ прежде всего отъ того, что

они по инстинкту знаютъ психологію публики. Они знаютъ, что̀ ей по вкусу и что̀ не по вкусу; они знаютъ, напримѣръ, что можно безнаказанно позволить себѣ по отношенію къ ней смѣлость порнографическихъ изображеній, которую не вынесла бы толпа; театральныя толпы отличаются коллективной стыдливостью, противоположной индивидуальному цинизму тѣхъ людей, изъ которыхъ онѣ состоятъ [1], и эта стыдливость отсутствуетъ у спеціальной публики извѣстныхъ журналовъ. Можно даже сказать, что эта публика представляетъ собою коллективное безстыдство, составленное изъ элементовъ относительно стыдливыхъ. Но въ качествѣ ли публики или толпы,—всѣ собранія похожи къ сожалѣнію другъ на друга въ одномъ отношеніи: въ ихъ прискорбной склонности подвергаться взрывамъ страсти и ненависти. Для толпы потребность ненавидѣть соотвѣтствуетъ потребности дѣйствовать. Возбужденіе въ ней энтузіазма не поведетъ далеко; но дать ей поводъ и предметъ ненависти значитъ дать толчокъ ея дѣятельности, которая, какъ намъ извѣстно, по существу имѣетъ разрушительный характеръ, поскольку она выражается въ опредѣленныхъ дѣйствіяхъ. Отсюда успѣхъ проскрипціонныхъ списковъ во время возстаній. Головы или головъ требуетъ разъяренная толпа. Дѣятельность публики по счастью не такъ односторонняя, и она обращается въ сторону идеала реформъ или утопій съ такой же легкостью, какъ и въ сторону идей остракизма, преслѣдованій и расхищенія. Но, обращаясь къ природной злобности публики, ея вдохновители легко ведутъ ее самое къ своимъ злымъ

[1] Толпа представляетъ собою иногда также примѣръ коллективной честности, составленной изъ собранныхъ вмѣстѣ нечестныхъ элементовъ. Въ 1720 году послѣ горячки финансовыхъ спекуляцій англійскій парламентъ „члены котораго почти всѣ участвовали лично въ этомъ разгульномъ ажіотажѣ заклеймилъ его и возбудилъ преслѣдованіе противъ главныхъ его дѣятелей за развращающее дѣйствіе на общественныхъ чиновниковъ“ (Claudio Jannet, *Le Capital*).

нѣлямъ. Открыть или изобрѣсти новый значительный предметъ ненависти для публики,—это одно изъ наиболѣе вѣрныхъ средствъ стать въ ряды царей журнализма. Ни въ какой странѣ, ни въ какія времена защита не имѣла такого успѣха, какъ поношеніе.

Но мнѣ не хотѣлось бы кончить на этой пессимистической мысли. Я склоненъ, не взирая ни на что, вѣрить, что тѣ глубокія соціальныя преобразованія, которыми мы обязаны прессѣ, совершились въ цѣляхъ конечнаго объединенія и умиротворенія. Замѣняя собою болѣе древнія группировки или наслоиваясь на нихъ, новыя группировки, какъ мы видѣли, носящія названіе публики, охватывающія все большій районъ и пріобрѣтающія все большую плотность, не только замѣняютъ царствомъ моды царство обычая, новизной—традицію; рѣзкія и несокрушимыя подраздѣленія между многочисленными разновидностями человѣческой ассоціаціи съ ихъ безконечными конфликтами онѣ замѣняютъ неполнымъ и измѣнчивымъ дѣленіемъ съ неясными границами, безпрестанно возобновляющимися и взаимно проникающими другъ въ друга. Таково, кажется мнѣ, должно быть заключеніе этого длиннаго изслѣдованія.

Но я прибавляю, что была бы глубокая ошибка приписывать коллективностямъ, даже въ ихъ наиболѣе духовной формѣ, честь человѣческаго прогресса. Всякая плодотворная инициатива въ концѣ концовъ исходитъ отъ индивидуальной мысли, независимой и сильной; и для того, чтобы мыслить, нужно изолировать себя не только отъ толпы, какъ говоритъ Ламартинъ, но и отъ публики. Это-то именно и забываютъ великіе сторонники народа, взятаго въ цѣломъ, и они не замѣчаютъ нѣкотораго рода противорѣчія, которое заключается въ ихъ аналогіи. Они проявляютъ удивленіе къ великимъ дѣяніямъ такъ называемымъ анонимнымъ и коллективнымъ дѣяніямъ, только для того, чтобы выразить свое презрѣніе къ индивидуальнымъ геніямъ кромѣ своего собствен-

наго. Также замѣтимъ, что эти знаменитые поклонники однѣхъ массъ, презирающіе всѣхъ людей, въ отдѣльности были чудовищами гордости. Послѣ Шатобріана и Руссо никто, можетъ-быть, болѣе Вагнера, если не считать Виктора Гюго, не проповѣдывалъ такъ сильно теорію, по которой „народъ есть двигатель искусства“, а „изолированный индивидуумъ самъ не могъ бы ничего изобрѣсти, онъ можетъ только присвоить себѣ общее изобрѣтеніе“. Это одно изъ тѣхъ коллективныхъ восхищеній, которыя не льстятъ ничьему самолюбію, какъ безличныя сатиры, которыя никого не обижаютъ, потому что они неясно обращены ко всѣмъ вмѣстѣ.

Опасность новыхъ демократій кроется въ постоянно возрастающей для мыслящихъ людей трудности не поддаться власти соблазнительной агитаціи. Трудно погружаться въ водолазномъ колоколѣ въ сильно взволнованное море. Направляющими индивидуальностями, которыхъ выдвигаетъ наше современное общество, являются все болѣе и болѣе писатели, находящіеся съ нимъ въ безпрестанномъ соприкосновеніи; и то могущественное дѣйствіе, которое они производятъ, конечно болѣе желательное по сравненію съ ослѣпленіемъ толпы, не имѣющей вождя, является опроверженіемъ теоріи созидающихъ массъ. Но этого недостаточно, и такъ какъ недостаточно распространять повсюду среднюю культуру, а нужно прежде всего поднимать вверхъ высшую культуру, то мы можемъ съ Сомнеромъ Мэномъ уже подумать объ участи, ожидающей въ будущемъ послѣднихъ *интеллектуаловъ*, долговременныя заслуги которыхъ не бросаются въ глаза. Населеніе горныхъ мѣстностей не срываетъ горъ и не превращаетъ ихъ въ земли, годныя для обработки, въ виноградники, или въ поля, засѣянныя люцерной, отнюдь не вслѣдствіе сознанія заслугъ, оказываемыхъ этими естественными водохранилищами; это зависитъ просто отъ стойкости горныхъ вершинъ, отъ твердости ихъ вещества, взорвать динамитомъ которое стоитъ слишкомъ дорого. А интеллектуальныя и художественныя вершины человѣчества спасутъ отъ разрушенія и демократической нивеллировки, боюсь, не признательность за добро, оказанное ими міру, не справедливое уваженіе къ цѣнности ихъ открытій. Что же спасетъ ихъ?.. Хотѣлось бы думать, что это будетъ сила ихъ сопротивленія. Горе имъ, если онѣ дойтутъ до измѣльчанія.

II

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНѢНІЕ И РАЗГОВОРЪ.

МНѢНІЕ.

I

Мнѣніе для публики въ наше время есть то же, что душа для тѣла, и изученіе одной естественно ведетъ насъ къ другому. Мнѣ возразятъ, что во всѣ времена существовало общественное мнѣніе, тогда какъ публика въ смыслѣ, установленномъ нами, довольно недавняго происхожденія. Это вѣрно, но мы сейчасъ увидимъ, къ чему сводится значеніе этого возраженія. Что такое общественное мнѣніе? Какъ оно рождается? Каковы его личные источники? Какимъ образомъ въ своемъ ростѣ выражается оно и въ своемъ выраженіи растетъ, какъ то показываютъ современные способы его выраженія, всеобщая подача голосовъ и журнализмъ? Какова его плодотворность и его общественное значеніе? Какъ оно преобразуется? И къ какому общему устью, если существуетъ таковое, стремятся его многочисленные потоки? На всѣ эти вопросы мы попытаемся по возможности отвѣтить.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что въ словѣ *мнѣніе* обыкновенно смѣшиваются два понятія, которыя, правда, спутаны, но которыя долженъ различать тщательный анализъ: мнѣніе въ собственномъ смыслѣ слова,—совокупность сужденій,

и общая воля,—совокупность желаній. Здѣсь мы займемся мнѣніемъ, взятымъ преимущественно, но не исключительно въ первомъ изъ этихъ двухъ значеній.

Какъ бы ни было велико значеніе общественнаго мнѣнія, не нужно преувеличивать его роли, несмотря на то, что въ наше время оно является наводняющимъ потокомъ. Постараемся установить предѣлъ сферы его господства. Его не нужно смѣшивать съ двумя другими фракціями общественнаго духа, которыя одновременно питаютъ и ограничиваютъ его, которыя находятся въ безпрерывной борьбѣ съ нимъ изъ-за этихъ предѣловъ. Однѣ изъ нихъ—это традиція, накопленный и сгущенный экстрактъ изъ того, что составляло мнѣніе умершихъ, наслѣдіе необходимыхъ и спасительныхъ предубѣжденій, часто тягостныхъ для живущихъ. Другая—это та, которую я позволю себѣ назвать собирательнымъ и сокращеннымъ именемъ — разумомъ. Я разумѣю подъ этимъ относительно раціональныя, хотя часто безразсудныя личныя сужденія избранныхъ, которые изолируются, и мыслятъ, и выходятъ изъ общаго потока, чтобы служить для него плотиной или направлять его. Священники въ прежнія времена, философы, ученые, правовѣды, соборы, университеты, судебныя учрежденія—являются поочередно, или одновременно воплощеніемъ этого устойчиваго и направляющаго разума, который рѣдко отличается и отъ страстныхъ и стадныхъ увлеченій массъ и отъ двигателей или вѣковыхъ принциповъ, заложенныхъ въ глубинѣ ихъ сердца. Хотѣлось бы прибавить къ этому перечню парламенты, палаты или сенаты. Не избраны ли ихъ члены именно для того, чтобы рѣшать дѣла въ полной независимости и служить для обузданія общественнаго бѣга? Но дѣйствительный ходъ вещей далеко не соотвѣтствуетъ идеалу.

Прежде, чѣмъ пріобрѣсть общее мнѣніе и сознать его таковымъ, индивидуумы, составляющіе націю, сознаютъ, что обладаютъ общей традиціей и сознательно подчиняются рѣ-

шеніямъ разума, который считается высшимъ. Такимъ образомъ изъ этихъ трехъ развѣтвленій общественнаго духа мнѣніе начинаетъ развиваться послѣднимъ, но быстрѣе всего увеличивается, начиная съ извѣстнаго момента; и оно увеличивается въ ущербъ двумъ другимъ. Противъ его періодическихъ приступовъ не устоитъ ни одно національное установленіе; нѣтъ такого индивидуальнаго разума, который бы не задрожалъ и не смутился передъ его угрозами или требованіями. Которому же изъ этихъ двухъ соперниковъ мнѣніе дѣлаетъ больше зла? Это зависитъ отъ его главарей. Когда они принадлежатъ къ разумнымъ избранникамъ, имъ удается иногда сдѣлать изъ мнѣнія какъ бы таранъ для того, чтобы пробить брешь въ традиціонной стѣнѣ и расширить ее, разрушая, что не лишено опасности. Но когда главенство въ толпѣ предоставлено кому попало, имъ легче, опираясь на традицію, возстановить мнѣніе противъ разума, который, однако, въ концѣ концовъ торжествуетъ.

Все шло бы къ лучшему, если бы мнѣніе ограничивалось вульгаризаціей разума для того, чтобы посвятить его въ традицію. Сегодняшній разумъ такимъ образомъ становился бы завтрашнимъ мнѣніемъ и послѣзавтрашней традиціей. Но мнѣніе, вмѣсто того чтобы служить связующимъ звеномъ между своими двумя сосѣдями, любитъ принимать участіе въ ихъ распряхъ и, то упиваясь новыми модными доктринами, разрушаетъ привычныя идеи и установленія, прежде чѣмъ получитъ возможность замѣнить ихъ, то подъ властью обычая изгоняетъ или угнетаетъ разумныхъ новаторовъ, или насильно принуждаетъ ихъ одѣть традиціонную ливрею, принуждаетъ къ лицемѣрному переодѣванію.

Эти три силы разнятся другъ отъ друга сколько по своей природѣ, столько же и по своимъ причинамъ и слѣдствіямъ. Онѣ дѣйствуютъ всѣ вмѣстѣ, но слишкомъ неравномѣрно и слишкомъ измѣнчиво для того, чтобы составить цѣнность вещей; и цѣнность бываетъ совершенно иная, смотря по тому,

удетъ ли она прежде всего дѣломъ привычки, или дѣломъ моды, или дѣломъ разсужденія. Дальше мы покажемъ, что разговоръ во всѣ времена и главный источникъ разговора въ наше время, пресса, являются важными факторами мнѣнія, не считая, разумѣется, традиціи и разума, которые никогда не перестаютъ принимать въ немъ участіе и оставлять на немъ свой отпечатокъ. Факторы [1] традиціи, кромѣ самого мнѣнія, суть семейное воспитаніе, профессіональное обученіе и школьное преподаваніе, по крайней мѣрѣ въ томъ, что въ немъ есть элементарнаго. Разумъ въ тѣхъ обществахъ, гдѣ онъ культивируется, юридическихъ, философскихъ, научныхъ и даже экклезіастическихъ, имѣетъ своими характеристическими источниками наблюденіе, опытъ, разслѣдованіе или, во всякомъ случаѣ, разсужденіе, выводъ, основанный на текстахъ.

Борьба или союзъ этихъ трехъ силъ, ихъ столкновеніе, ихъ взаимное овладѣваніе другъ другомъ, ихъ взаимное дѣйствіе, ихъ многочисленныя и разнообразныя отношенія —все это представляетъ собою одинъ изъ самыхъ жгучихъ вопросовъ исторіи. Въ соціальной жизни нѣтъ ничего столь органическаго, плодотворнаго, какъ эта продолжительная работа противодѣйствія и приспособленія, часто носящихъ кровавый характеръ. Традиція, остающаяся всегда національной, болѣе жата въ неподвижныхъ границахъ, но безконечно глубже и устойчивѣй, нежели мнѣніе; она легка и скоропреходяща, какъ вѣтеръ, и, какъ вѣтеръ, способна къ расширенію, всегда стремится стать интернаціональной, такъ же какъ и разумъ. Можно сказать вообще, что утесы традиціи безпрестанно подтачиваются приливами мнѣнія этого моря безъ отливовъ. Мнѣніе тѣмъ сильнѣе, чѣмъ менѣе сильна традиція, но это

[1] Это слово *факторъ*, впрочемъ, неточно; оно обозначаетъ *каналъ* или же *источникъ*. Здѣсь оно значитъ *каналъ*, такъ какъ разговоръ и образованіе только передаютъ идеи, изъ которыхъ составляется мнѣніе или традиція. *Источниками* всегда являются индивидуальныя иниціативы, малыя или великія изобрѣтенія.

не значитъ, что въ этомъ случаѣ разумъ еще менѣе силенъ. Въ средніе вѣка разумъ, представленный университетами, соборами и судами, обладалъ гораздо большей, нежели в настоящее время, силой сопротивленія общему мнѣнію и был способнѣе отвергать его; правда, у него было гораздо меньше силъ бороться съ традиціей и реформировать ее. Бѣда в томъ, что современное мнѣніе стало всемогущимъ не только противъ традиціи, элемента, который самъ по себѣ весьма важенъ, но также и противъ разума, разума судебнаго, на учнаго, законодательнаго, или разума государственнаго дл извѣстнаго случая. Если оно не наводняетъ лабораторіи ученыхъ — единственное до сихъ поръ неприкосновенное убѣ жище, то оно заливаетъ судилища, потопляетъ парламенты и нѣтъ ничего тревожнѣе этого потопа, близкаго конца кото раго ничто не заставляетъ предвидѣть.

Очертивъ его границы, постараемся точнѣе опредѣлить его

Мнѣніе, скажемъ мы, есть кратковременная и болѣе или менѣе логическая группа сужденій, которыя, отвѣчая за дачамъ, поставленнымъ современностью, воспроизведены в многочисленныхъ экземплярахъ, въ лицахъ одной и той же страны, одного и того же времени, одного и того же общества.

Всѣ эти условія существенно необходимы. Существенно необходимо также и то, чтобы каждое изъ этихъ лицъ имѣло болѣе или менѣе опредѣленное сознаніе относительно тожде ственности сужденій, которыхъ оно придерживается, съ сужде ніями, которыхъ придерживаются другія; если бы каждое изъ нихъ считало себя изолированнымъ въ своей оцѣнкѣ, то ни одно изъ нихъ не чувствовало бы себя и не было бы сжато въ болѣе тѣсной ассоціаціи съ подобными себѣ, безсозна тельно подобными. Для того же, чтобы это сознаніе сходства идей могло существовать среди членовъ какого-нибудь обще ства, не нужно ли, чтобы причиной этого сходства был провозглашеніе словесное или письменное, или при помощи прессы, какой-нибудь идеи, сначала индивидуальной, а потомъ

превратившейся постепенно въ общее достояніе? Превраще ніемъ индивидуальнаго мнѣнія въ мнѣніе общественное, въ мнѣніе“ общество обязано было въ древности и въ средніе вѣка публичному слову, въ наше время прессѣ, но во всѣ времена и прежде всего частнымъ разговорамъ, о которыхъ мы вскорѣ будемъ говорить.

Говорятъ — мнѣніе, но бываетъ всегда два мнѣнія одновременно по поводу каждой возникающей задачи. Только одному изъ нихъ довольно быстро удается затмить другое своимъ болѣе стремительнымъ и болѣе яркимъ сіяніемъ, или же тѣмъ, что оно, несмотря на свое меньшее распространеніе, бываетъ болѣе шумнымъ [1].

Во всякую эпоху, даже наиболѣе варварскую, существовало мнѣніе, но оно глубоко разнится отъ того, что мы называемъ этимъ именемъ. Въ кланѣ, въ трибѣ, въ древнемъ городѣ, даже и въ городѣ среднихъ вѣковъ всѣ люди знали лично другъ друга, и когда, благодаря частнымъ разговорамъ или рѣчамъ ораторовъ, какая-нибудь идея утверждалась въ умахъ, она не представлялась чѣмъ-то въ родѣ свалившагося съ неба камня безличнаго происхожденія и вслѣдствіе этого еще болѣе обаятельной; каждый представлялъ её себѣ связанной съ тѣмъ тембромъ голоса, съ тѣмъ лицомъ, съ той знакомой личностью, откуда она къ нему пришла, и это придавало ей живую физіономію. Въ силу той же причины она служила связью только между тѣми людьми, которые, еже-

[1] Мнѣніе можетъ быть очень распространеннымъ, но оно не *проявляетъ себя*, если оно умѣренно; но какъ бы ни было мало распространено крайнее мнѣніе, оно рѣзко *проявляетъ себя*. Такимъ образомъ „манифестаціи“, способъ выраженія, въ одно и то же время весьма удобопонятный и очень ясный, играютъ огромную роль въ сліяніи и прониканіи другъ въ друга мнѣній различныхъ группъ и въ ихъ распространеніи. Посредствомъ манифестацій именно наиболѣе крайнія мнѣнія всѣхъ раньше и всѣхъ яснѣе начинаютъ сознавать свое одновременное существованіе и, благодаря этому, ихъ распространеніе находится въ особенно благопріятныхъ условіяхъ.

дневно видясь и разговаривая другъ съ другомъ, не забл
ждались одни насчетъ другихъ.

Пока протяженность государствъ не переходила чере
стѣны города или, по крайней мѣрѣ, черезъ границы малев
каго кантона, мнѣніе, образовавшееся такимъ образомъ, ориг
нальное и сильное, сильное иногда даже противъ самой традиці
въ особенности же противъ индивидуальнаго разума, игра
въ управленіи людей преобладающую роль, роль хора въ гр
ческой трагедіи, ту роль, которую современное мнѣніе сове
шенно другого происхожденія стремится въ свою очере
завоевать въ нашихъ большихъ государствахъ или въ наших
огромныхъ все растущихъ федераціяхъ. Но въ тотъ в
обыкновенно длинный промежутокъ, который раздѣляетъ э
двѣ историческія фазы, значеніе мнѣнія страшно падаетъ
что объясняется его дробленіемъ на мѣстныя мнѣнія, не св
занныя между собой обычной соединительной чертой и игн
рирующія другъ друга.

Въ феодальномъ государствѣ, каковы Англія или Франція
въ средніе вѣка, каждый городъ, каждое мѣстечко имѣл
свои внутреннія междоусобія, свою отдѣльную политику,
потоки идей, или же, скорѣе, вихри идей, которые кружилис
на одномъ мѣстѣ въ этихъ закрытыхъ мѣстахъ, столько ж
разнились другъ отъ друга, сколько были чужды и безраз
личны другъ для друга, по крайней мѣрѣ въ обыкновенно
время. Не только въ этихъ отдѣльныхъ мѣстностяхъ мѣстна
политика поглощала все вниманіе, но даже, когда въ слабо
степени интересовались національной политикой, ею заш
мались только между собой, составляли себѣ только смутно
представленіе о томъ, какимъ образомъ разрѣшались один
тѣ же вопросы въ сосѣднихъ городахъ. Не было „мнѣнія"
но были тысячи отдѣльныхъ мнѣній, не имѣющихъ никако
постоянной связи между собой.

Эту связь могли образовать только: сперва книга,
затѣмъ—съ гораздо большей силой—газета. Періодическа

есса позволила этимъ первоначальнымъ группамъ едино-
ышленныхъ индивидуумовъ образовать второстепенный и
мѣстѣ съ тѣмъ высшаго порядка агрегатъ, единицы кото-
аго входятъ въ тѣсное общеніе между собою, никогда не
идѣвъ и не знавъ другъ друга. Отсюда вытекаютъ важныя
азличія и между, прочими, слѣдующее: въ первоначальныхъ
руппахъ голоса больше *ponderantur*, чѣмъ *numerantur*, тогда
акъ въ второстепенной и болѣе обширной группѣ, которую
оди образуютъ, не видя другъ друга, заочно, голоса могутъ
олько считаться, но не взвѣшиваться. Пресса, такимъ обра-
омъ, безсознательно способствовала созданію *силы количе-
тва* и сокращенію силы характера, если не разума.

Этимъ же самымъ ударомъ она уничтожила тѣ условія,
оторыя дѣлали возможной абсолютную власть правителей.
ѣйствительно, этой послѣдней въ большой мѣрѣ благопріят-
твовало дробленіе мнѣнія по мѣстамъ. Больше того, она
аходила въ этомъ свое право на существованіе и свое
правданіе. Что такое представляетъ изъ себя страна, раз-
ичныя области которой, города, мѣстечки не объединены
оллективнымъ сознаніемъ единства ихъ взглядовъ? Дѣй-
твительно ли это нація? Не будетъ ли это только геогра-
ическое или въ лучшемъ случаѣ политическое выраженіе?
а, это нація, но только въ томъ смыслѣ, что политичес-
ое подчиненіе различныхъ частей государства одному и
ому же главѣ есть уже начало націонализаціи. Напр.,
о Франціи временъ Филиппа Красиваго, за исключеніемъ
ѣсколькихъ рѣдкихъ случаевъ, когда общая опасность
ыдвигала на первый планъ раньше всѣхъ заботъ во всѣхъ
ородахъ, во всѣхъ удѣлахъ одинъ предметъ общей тре-
оги, совсѣмъ не было *общественнаго духа*, существовалъ
олько въ разныхъ мѣстахъ *мѣстный духъ*, движимый от-
ѣльно отъ другихъ своей опредѣленной идеей, или своей
предѣленной страстью. Но король посредствомъ своихъ
иновниковъ имѣлъ понятіе обо всѣхъ этихъ столь различ-

ныхъ душевныхъ состояніяхъ и, соединяя ихъ въ себѣ, объ
единялъ ихъ въ этомъ общемъ знакомствѣ съ ними, служив
шемъ основаніемъ для его намѣреній.

Но это объединеніе было весьма хрупко, весьма несовер
шенно; оно давало только одному королю смутное поняті
о томъ, что было общаго во всѣхъ мѣстныхъ заботахъ. Ег
я было единственнымъ полемъ ихъ взаимнаго проникновенія
Когда были собраны генеральные штаты, этимъ былъ сдѣлан
новый шагъ къ національнзаціи мнѣній отдѣльныхъ областей
и кантоновъ. Эти мнѣнія встрѣчались въ мозгу каждаго из
депутатовъ, признавали свое сходство или несходство друг
съ другомъ, и вся страна, съ глазами, обращенными на своих
представителей, въ слабой степени интересуясь ихъ рабо
тами, безконечно меньше, чѣмъ въ наши дни, представлял
тогда, въ видѣ исключенія, зрѣлище націи, сознающей себя
Но это сознаніе, временное и исключительное, было весьм
смутно, весьма медлительно и темно. Засѣданія штатовъ н
были публичными. Во всякомъ случаѣ, за неимѣніемъ прессы
рѣчи не опубликовывались, а, за неимѣніемъ почты, даж
письма не могли замѣнить этого отсутствія газетъ. Словомъ
изъ новостей, болѣе или менѣе обезображенныхъ, переносимых
изъ устъ въ уста, по прошествіи недѣль и даже мѣсяцев
пѣшими или конными путешественниками, бродячими монахами
купцами, было извѣстно, что штаты собрались и что он
заняты такимъ-то и такимъ-то предметомъ—вотъ и все.

Замѣтимъ, что члены этихъ собраній въ продолженіе корот
кихъ и рѣдкихъ моментовъ своего общенія сами образовал
мѣстную группу, очагъ интенсивнаго мѣстнаго мнѣнія, по
рожденнаго зараженіемъ одного человѣка отъ другого, лич
ными отношеніями, взаимными вліяніями. И именно благодар
этой высшей мѣстной группѣ, временной, избираемой, низши
мѣстныя группы, постоянныя, наслѣдственныя, состоящ
изъ родственниковъ или друзей, по традиціи въ городахъ
удѣлахъ, чувствовали себя соединенными временной связью

II.

Развитіе почтовыхъ сношеній, увеличившее сначала пу
личную, а затѣмъ частную корреспонденцію; развитіе путей
сообщенія, давшее возможность болѣе частаго соприкосновенія
для людей; развитіе постоянныхъ войскъ, позволяющее сол
датамъ изъ различныхъ провинцій знакомиться и братски
объединяться на однихъ и тѣхъ же поляхъ сраженія, — на
конецъ, развитіе придворной жизни, призывавшее въ монар
хическій центръ націи отборную знать со всѣхъ пунктовъ
государства,— все это въ значительной степени содѣйство
вало развитію общественнаго духа. Но довести это великое
дѣло до высшей степени развитія досталось на долю печат
наго станка. Пресса, разъ дошедшая до фазиса газеты,
дѣлаетъ національнымъ, европейскимъ, космическимъ все мѣст
ное, все, что въ прежнія времена, каково бы ни было его
внутреннее значеніе, оставалось бы неизвѣстнымъ за предѣ
лами весьма ограниченнаго района.

„Видное преступленіе“ совершено гдѣ-нибудь; тотчасъ же
пресса завладѣваетъ имъ, и въ продолженіе нѣкотораго времени
публика Франціи, Европы, всего міра только и занята Габріель
Бонпаромъ, Бранцини, или Панамой. Дѣло Лафаржа относи
тельно „женоубійства“, совершеннаго въ глубинѣ одного
замка въ Лимузенѣ, было однимъ изъ первыхъ судебныхъ
процессовъ, получившихъ, благодаря періодической печати,
тогда уже возмужалой или, по крайней мѣрѣ, взрослой, націо
нальное распространеніе. Полтора вѣка тому назадъ кто
сталъ бы говорить о подобномъ дѣлѣ внѣ границъ Лимузена?
Если намъ укажутъ на дѣло Каласа и другія дѣла въ
томъ родѣ, то въ нихъ большую роль сыграли широкая
извѣстность Вольтера и тотъ внѣсудебный интересъ, который
возбуждалъ страсти того времени по поводу этихъ знамени
тыхъ процессовъ: это интересъ отнюдь не мѣстный; наобо-

ротъ, какъ нельзя болѣе общій, потому что рѣчь шла, спра
ведливо или нѣтъ, о судебныхъ ошибкахъ, въ которых
обвинялись наши учрежденія, вся наша магистратура. Можн
сказать то же и о національномъ возбужденіи, вызванном
въ другое время дѣломъ тамплiеровъ.

Можно утверждать, что до французской революціи н
было такого виднаго преступленія противъ общественна
права, которое возбудило бы страстное отношеніе къ себ
всей Франціи, если оно не носило политическаго характер
и не эксплоатировалось сектантами.

Судебная хроника, такая, какой мы ее знаемъ, элемент
къ сожалѣнію, столь важный въ наши дни для коллективна
сознанія, для мнѣнія, судебная хроника приковываетъ без
всякаго безпокойства, исключительно вслѣдствіе совершен
безкорыстной нескромности или театральнаго любопытств
въ продолженіе цѣлыхъ недѣль всѣ взгляды безчисленных
разсѣянныхъ зрителей этого огромнаго и невидимаго Колизе
къ одной той же судебной драмѣ. Это кровавое зрѣлищ
наиболѣе неизбѣжное и наиболѣе возбуждающее страст
современныхъ народовъ, было незнакомо нашимъ предкам
Наши дѣды первые начали знакомиться съ нимъ.

Постараемся быть болѣе точными. Въ большомъ обществѣ
раздѣленномъ на національности и подраздѣленномъ на про
винціи, на области, на города, существовало всегда, даже д
прессы, интернаціональное мнѣніе, пробуждавшееся врем
отъ времени; подъ нимъ — мнѣнія національныя, также пер
межающіяся, но уже болѣе частыя; подъ ними — мнѣнія об
ластныя и мѣстныя, почти постоянныя. Это — слои обществен
наго духа, наложенные одинъ на другой. Только пропорці
этихъ различныхъ пластовъ въ смыслѣ важности, въ смысл
толщины, значительно измѣнялась, и легко замѣтить, въ ка
комъ смыслѣ. Чѣмъ болѣе мы углубляемся въ прошлое, тѣм
болѣе преобладающее значеніе имѣетъ мѣстное мнѣніе. На
ціонализировать мало-по-малу и даже постепенно интерна

іонализировать общественный духъ — такова была работа
урнализма.

Журнализмъ — это всасывающій и нагнетательный насосъ
вѣдѣній, которыя, будучи получаемы каждое утро со всѣхъ
унктовъ земного шара, въ тотъ же день распространяются
о всѣмъ пунктамъ земного шара поскольку они интересны,
ли кажутся интересными для журналиста, принимая въ рас-
етъ ту цѣль, которую онъ преслѣдуетъ, и ту партію, голо-
омъ которой онъ является. Его свѣдѣнія, дѣйствительно,
ало-по-малу становятся неотразимымъ внушеніемъ. Газеты
ачали съ того, что выражали мнѣніе, сперва чисто мѣстное,
нѣніе привилегированныхъ группъ, двора, парламента,
толицы, воспроизводя ихъ толки, ихъ разговоры, ихъ ссоры;
нѣ кончили тѣмъ, что почти по своему произволу стали
правлять и измѣнять мнѣніе, навязывая рѣчамъ и разго-
орамъ большинство своихъ ежедневныхъ сюжетовъ.

III.

Никто не знаетъ, никто не можетъ никогда себѣ вообра-
зить, насколько газета видоизмѣнила, обогатила и вмѣстѣ
ъ тѣмъ сравняла, *одѣединила въ пространствѣ* и *придала
азнообразіе во времени* разговорамъ индивидуумовъ, даже
ѣхъ, которые не читаютъ газетъ, но которые, болтая съ
ителями газетъ, принуждены придерживаться колеи ихъ
аимствованныхъ мыслей. Достаточно одного пера для того,
тобы привести въ движеніе милліоны языковъ.

Парламенты *до прессы* такъ глубоко разнились отъ пар-
аментовъ *послѣ появленія прессы*, что кажется, будто у
ѣхъ и другихъ есть только общее названіе. Они разнятся
о своему происхожденію, по характеру своихъ полномочій,
о своимъ функціямъ, по району и силѣ своего дѣйствія. До
рессы депутаты кортесовъ, сеймовъ, генеральныхъ штатовъ
е могли выражать мнѣнія, которое еще не существовало;
ни выражали только мѣстныя мнѣнія, имѣющія, какъ мы

знаемъ, совершенно другой характеръ, или національныя традиціи. Въ этихъ собраніяхъ совершалось не что иное, какъ простое безъ всякой связи сопоставленіе разнородныхъ мнѣній, которыя касались частныхъ, ничего общаго не имѣющихъ между собою вопросовъ; здѣсь впервые научались сознавать, возможно или невозможно согласованіе этихъ мнѣній. Къ этимъ мѣстнымъ мнѣніямъ примѣшивалось, такимъ образомъ, представленіе другъ о другѣ опять-таки чисто мѣстное, заключенное въ тѣсныя рамки, или проявляющее нѣкоторую интенсивность только въ томъ городѣ, гдѣ происходили эти собранія. Когда этимъ городомъ была столица, какъ Лондонъ или Парижъ, его муниципальный совѣтъ могъ считать себя въ правѣ соперничать въ значеніи съ палатой національныхъ депутатовъ; этимъ объясняются даже чудовищныя притязанія парижской коммуны во время французской революціи, когда она нападала или пыталась подчинить себѣ учредительное собраніе, національное собраніе, конвентъ. Причина заключалась въ томъ, что пресса того времени, лишенная огромныхъ крыльевъ, прикрѣпленныхъ къ ней позднѣе желѣзными дорогами и телеграфомъ, могла привести парламентъ въ быстрое и интенсивное общеніе только съ парижскимъ мнѣніемъ. Въ настоящее время всякій европейскій парламентъ благодаря возмужалости прессы имѣетъ возможность постоянно и моментально соприкасаться, и находиться въ живомъ взаимномъ отношеніи дѣйствія и обратнаго дѣйствія съ мнѣніемъ не только одного какого-нибудь большого города, но и всей страны; по отношенію къ этой послѣдней онъ служитъ одновременно однимъ изъ главныхъ элементовъ проявленія и возбужденія, является зеркаломъ выпуклымъ и зеркаломъ зажигательнымъ. Вмѣсто того, чтобы помѣщать рядомъ мѣстныя и несходныя между собою проявленія духа, онъ заставляетъ проникать другъ въ друга многочисленныя выраженія, измѣнчивыя грани одного и того же національнаго духа.

Прежніе парламенты представляли собою группы разнородныхъ полномочій относящихся къ различнымъ интересамъ, правамъ, принципамъ; новѣйшіе парламенты представляютъ собою группы однородныхъ полномочій даже и тогда, когда они противорѣчатъ одно другому, потому что онѣ имѣютъ отношеніе къ заботамъ тождественнымъ и сознающимъ свое тождество. Кромѣ того, прежніе депутаты не походили другъ на друга по своеобразнымъ особенностямъ способовъ ихъ избранія, цѣликомъ основанныхъ на принципѣ избирательнаго неравенства и несходства различныхъ индивидуумовъ, на чисто личномъ характерѣ права голоса. Власть количества еще не родилась или не была признана законной; по этой именно причинѣ въ совѣщаніяхъ собраній, избранныхъ такимъ путемъ, простого численнаго большинства никто не считалъ законной силой.

Въ государствахъ наиболѣе „отсталыхъ“ единогласіе было обязательнымъ, и волю всѣхъ депутатовъ кромѣ одного останавливала оппозиція этого единственнаго несогласнаго лица. Такимъ образомъ, ни при наборѣ представителей, ни при исполненіи ими своихъ функцій законъ большинства не былъ и не могъ быть понятенъ до расцвѣта прессы и до національзаціи мнѣнія. Послѣ же ея расцвѣта всякій другой законъ кажется немыслимымъ; всеобщее право голоса, вопреки всѣмъ опасностямъ и нелѣпостямъ, которыя оно носитъ въ себѣ, принимается всюду шагъ за шагомъ, въ надеждѣ, что оно само въ себѣ заключаетъ способность къ реформѣ; и, несмотря на убѣдительныя возраженія, принято, что всѣ должны склоняться передъ очень важнымъ рѣшеніемъ, вотированнымъ большинствомъ одного только голоса.

Всеобщая подача голосовъ и всемогущество большинства въ парламентахъ сдѣлались возможными только благодаря продолжительному и неуклонному дѣйствію прессы, условію *sine qua non* великой нивеллирующей демократіи, я не говорю о маленькой ограниченной демократіи въ стѣнахъ греческаго города или швейцарскаго кантона.

Тѣми различіями, которыя я только что отмѣтилъ, объ
ясняется также и суверенитетъ парламентовъ возникшій
со времени появленія прессы—суверинитетъ, на который пар
ламенты *до существованія прессы* не думали даже и претен
довать. Они могли стать равными королю, затѣмъ выше ег
только тогда, когда они настолько же хорошо, какъ король
а затѣмъ лучше его воплотили національное сознаніе, под
черкнули уже народившіяся общее мнѣніе и общую волю
выражая ихъ, пріобщая ихъ, такъ сказать, къ своимъ рѣ
шеніямъ, и стали жить съ ними настолько въ тѣсномъ еди
неніи, что монархъ не могъ настаивать на томъ, чтобы на
зываться ихъ единственнымъ или наиболѣе совершеннымъ
представителемъ. Пока эти условія не были выполнены—
они были выполнены въ эпоху великихъ государствъ только
со времени появленія журнализма — собранія, носившія в
наивысшей степени народный характеръ, даже во время ре
волюціи, не дошли до того, чтобы убѣдить народы или убѣ
дить самихъ себя въ томъ, что они располагаютъ верховной
властью и при видѣ безоружнаго, ими же побѣжденнаго короля
они почтительно вступаютъ съ нимъ въ мирное соглашеніе
считаютъ за счастье получить отъ него, отъ какого-нибудь
напр., Іоанна Безземельнаго, хартію вольностей, признавая
такимъ образомъ не въ силу предубѣжденія, а въ силу раз
ума, въ силу разумности глубокой и скрытой соціальной
логики необходимость его прерогативы. Монархіи до пресс
могли и должны были быть болѣе или менѣе абсолютными,
неприкосновенными и священными, потому что онѣ предста
вляли собою все національное единство, съ появленіемъ пресс
онѣ уже не могутъ быть таковыми, потому что національное
единство достигается внѣ ихъ и лучше, чѣмъ посредством
ихъ. Между тѣмъ онѣ могутъ существовать, но настолько
же отличаясь отъ прежнихъ монархій, насколько современ
ные парламенты отличаются отъ парламентовъ прошлаго.
Высшей заслугой прежняго монарха было то, что онъ *уста-*

навливалъ единство и сознаніе націи; теперешній монархъ
мѣетъ право на существованіе только въ томъ смыслѣ, что
онъ *выражаетъ* это единство, установленное внѣ его при по-
мощи постояннаго національнаго мнѣнія сознающаго само
себя, и примѣняется или приспособляется къ нему безъ того
чтобы покоряться ему.

Чтобы покончить съ соціальной ролью прессы, замѣтимъ,
что великому прогрессу періодической прессы мы преиму-
щественно обязаны болѣе яснымъ и болѣе обширнымъ раз-
межеваніемъ, новымъ и сильнѣе выраженнымъ чувствомъ
національностей, что характеризуетъ въ смыслѣ политичес-
комъ нашу современную эпоху? Не печать ли взрастила на-
равнѣ съ нашимъ интернаціонализмомъ нашъ націонализмъ,
который представляется его отрицаніемъ и могъ бы быть
только его дополненіемъ? Если возрастающій націонализмъ
вмѣсто уменьшающагося лойялизма сдѣлался новой формой
нашего патріотизма, не слѣдуетъ ли приписать это явленіе
той же самой страшной и плодотворной силѣ? Нельзя не по-
дивиться при видѣ того, что, по мѣрѣ того, какъ государства
смѣшиваются другъ съ другомъ, подражаютъ другъ другу,
ассимилируются и морально объединяются другъ съ другомъ,
разграниченіе національностей углубляется и ихъ противорѣ-
нія кажутся непримиримы. На первый взглядъ нельзя понять
этого контраста націоналистическаго XIX вѣка съ космопо-
литизмомъ предыдущаго вѣка. Но этотъ результатъ на видъ
парадоксальный, является наиболѣе логическимъ. Въ то время
какъ ускорялся и умножался обмѣнъ товарами, идеями, всяка-
каго рода примѣрами между сосѣдними или удаленными другъ
отъ друга народами, обмѣнъ идеями въ частности прогрес-
сировалъ еще быстрѣе, благодаря газетамъ среди индивиду-
умовъ каждаго народа, говорящихъ на одномъ и томъ же
языкѣ. Насколько уменьшилось отъ этого *абсолютное* раз-
личіе между націями, настолько увеличилось отъ этого ихъ
относительное и сознательное различіе. Замѣтимъ, что гео-

графическія границы національностей въ наше время стр
мятся все болѣе и болѣе слиться съ границами главных
языковъ. Есть государства, гдѣ борьба языковъ и борьба на
ціональностей слились воедино. Причина этого та, что наці
нальное чувство оживилось, благодаря журнализму, и сил
свѣта газетъ прекращается на границахъ того нарѣчія, н
которомъ онѣ написаны.

Вліяніе книги, которое предшествовало вліянію газеты
которое въ XVIII какъ и въ XVII вѣкахъ было преобладаю
щимъ, не могло произвести тѣхъ же послѣдствій: если книг
также давала почувствовать всѣмъ, кто читалъ её на одном
и томъ же языкѣ ихъ филологическое тождество, то здѣс
дѣло шло не о *злободневныхъ* вопросахъ, одновременно воз
буждающихъ общія страсти. Національное существованіе в
большой степени засвидѣтельствовано литературой, но толь
газеты зажигаютъ національную *жизнь*, поднимаютъ совокуп
ныя движенія умовъ и желаній своимъ ежедневнымъ гра
діознымъ теченіемъ. Вмѣсто того, чтобы подобно газетѣ исчер
пывать свой интересъ въ конкретной злободневности своих
сообщеній, книга пытается заинтересовать прежде всег
общимъ и отвлеченнымъ характеромъ тѣхъ идей, которы
она предлагаетъ. Значитъ, она какъ сдѣлала наша литера
тура XVIII вѣка, болѣе способна вызвать общечеловѣческое
чѣмъ національное или даже интернаціональное теченіе. Ин
тернаціональный и общечеловѣческій — двѣ вещи разныя
европейская федерація, въ томъ видѣ, въ какомъ наши ин
тернаціоналисты могутъ составить о ней себѣ опредѣленно
представленіе, не имѣетъ ничего общаго съ „человѣчествомъ
обожествленнымъ энциклопедистами, идеи которыхъ по этом
вопросу догматизировалъ Огюстъ Контъ. Слѣдовательно, м
имѣемъ основаніе думать, что космополитическій и отвлеченны
характеръ тенденцій общественнаго духа въ моментъ, когда
разразилась революція 1789 г. связанъ съ перевѣсомъ книг
надъ газетой въ качествѣ воспитателя общественнаго мнѣнія.

РАЗГОВОРЪ.

I.

Мы окинули сейчасъ первымъ взглядомъ, бѣглымъ и торо-
пливымъ, интересующій насъ предметъ, чтобы дать понятіе
о его сложности. Опредѣливъ мнѣніе, мы особенно подробно
остановились на томъ, чтобы показать его отношенія къ
прессѣ. Но пресса является только одной изъ причинъ мнѣнія
и одной изъ наиболѣе новыхъ. Если мы изучили ее прежде
всего, то это потому, что она виднѣе всѣхъ. Но теперь слѣ-
дуетъ изучить и гораздо пространнѣй, такъ какъ это поле
еще неизслѣдовано, тотъ факторъ мнѣнія, который мы уже
признали за наиболѣе постоянный и наиболѣе универсальный,
этотъ маленькій невидимый источникъ мнѣнія, измѣнчивыя
струи котораго текутъ во всѣ времена и во всякомъ мѣстѣ: —
это разговоръ. Прежде всего разговоръ избранныхъ. Въ одномъ
письмѣ Дидро къ Неккеру въ 1775 г. я нахожу слѣдующее
весьма вѣрное опредѣленіе: „Мнѣніе, этотъ двигатель, сила
котораго какъ для добра, такъ и для зла намъ хорошо из-
вѣстна, ведетъ свое происхожденіе только отъ небольшого
количества людей, которые говорятъ, послѣ того какъ они
думали, и которые безпрестанно образовываютъ въ различ-
ныхъ пунктахъ общества просвѣтительные центры, откуда
продуманныя заблужденія и истины постепенно расходятся до

самыхъ послѣднихъ предѣловъ города, гдѣ онѣ утверждаются въ качествѣ догматовъ вѣры". Если бы люди не разговаривали между собой, газеты могли бы появляться сколько угодно (хотя, ставя такую гипотезу, было бы непонятно ихъ появленіе), и онѣ не оказывали бы продолжительнаго и глубокаго вліянія на умы, онѣ представляли бы собой какъ бы вибрирующую струну безъ гармонической деки; наоборотъ, за неимѣніемъ газетъ и даже рѣчей, разговоръ, если бъ онъ былъ въ состояніи прогрессировать безъ этой пищи, что тоже трудно допустить, могъ бы со временемъ замѣнить до извѣстной степени соціальную роль трибуны и прессы въ качествѣ образователя мнѣнія.

Подъ разговоромъ я разумѣю всякій діалогъ, не имѣющій прямой и непосредственной пользы, когда говорятъ больше для того, чтобы говорить, для удовольствія, для развлеченія, для вѣжливости. Такое опредѣленіе исключаетъ изъ интересующаго насъ предмета и судебные допросы, и дипломатическіе или коммерческіе переговоры, и соборы, и даже научные конгрессы, хотя они и изобилуютъ излишней болтовней. Оно не исключаетъ свѣтскаго флирта, ни вообще любовной болтовни, несмотря на часто сквозящую сквозь нее цѣль, которая, однако, не мѣшаетъ ей быть интересной самой по себѣ. Оно подразумѣваетъ впрочемъ всѣ парадные разговоры даже между варварами и между дикарями. Еслибы я занимался только вѣжливымъ и культурнымъ разговоромъ, какъ особеннымъ родомъ искусства, я не долженъ былъ бы восходить по крайней мѣрѣ съ античной, классической эпохи выше XV в. въ Италіи, XVI или XVII в. во Франціи и въ Англіи, и XVIII в. въ Германіи. Но гораздо раньше чѣмъ распустился этотъ эстетическій цвѣтокъ цивилизаціи, его первые бутоны начали показываться на деревѣ языковъ; и хотя менѣе плодотворныя, въ смыслѣ видимыхъ результатовъ нежели разговоры избранныхъ, отрывистыя бесѣды первобытныхъ народовъ все-таки имѣютъ важное соціальное значеніе.

Если не считать дуэли, человѣкъ наблюдаетъ другого человѣка съ высшей доступной ему силой вниманія, только при условіи разговора съ нимъ. Вотъ наиболѣе постоянное, наиболѣе важное и наименѣе замѣченное слѣдствіе разговора. Это—апогей *самозарождающагося вниманія*, которое [1] люди взаимно выказываютъ по отношенію другъ къ другу посредствомъ котораго они проникаютъ другъ въ друга безконечно глубже, чѣмъ при какихъ-либо другихъ соціальныхъ отношеніяхъ, заставляя ихъ стоять лицомъ къ лицу. Разговоръ заставляетъ ихъ входить въ сближеніе другъ съ другомъ путемъ настолько же неотразимымъ, насколько и безсознательнымъ. Слѣдовательно, онъ является самымъ могущественнымъ дѣятелемъ подражанія, распространенія чувствъ, идей, способовъ дѣйствія. Увлекательная рѣчь, заслужившая всеобщее одобреніе, часто бываетъ менѣе зажигательна, потому что она открыто претендуетъ быть таковой. Собесѣдники дѣйствуютъ одинъ [2] на другого на очень близкомъ разстояніи не только словами, но и тембромъ голоса, взглядомъ, физіономіей, жестами, вліяющими какъ магнетическіе пассы. Про хорошаго собесѣдника вполнѣ справедливо говорятъ, что онъ *чародѣй* въ магическомъ смыслѣ этого слова. Ха-

[1] Всѣмъ извѣстны ясные и глубокіе этюды М. Рибо о «самозарождающемся вниманіи», важное значеніе котораго онъ показалъ.

[2] Деспоты знаютъ это очень хорошо. Они заботливо и недовѣрчиво наблюдаютъ за бесѣдами своихъ подданныхъ и, насколько возможно, препятствуютъ имъ болтать между собой. Хозяйки деспотическихъ домовъ не любятъ, чтобъ ихъ прислуга болтала съ чужой прислугой, какъ какъ онѣ знаютъ, что, благодаря этому, они «поднимаютъ голову». Со временъ Катона Старшаго римскія женщины стали собираться вмѣстѣ, чтобы поболтать, и суровый цензоръ взглянулъ дурнымъ окомъ на эти маленькіе женскіе кружки, на эти опыты *феминистскихъ* салоновъ. Въ совѣтахъ своему управителю онъ между прочимъ говоритъ относительно жены: «Пусть она боится тебя, пусть она не слишкомъ любитъ роскошь и пусть какъ можно рѣже видитъ своихъ сосѣдокъ или другихъ женщинъ».

рактеристической чертой разговоровъ по телефону, гдѣ н
достаетъ большинства изъ этихъ элементовъ интересност
является ихъ скучность, когда они не носятъ чисто утил
тарнаго характера.

Набросаемъ какъ можно болѣе кратко психологію ил
скорѣе, если можно такъ выразиться, соціологію разговор
Каковы его видоизмѣненія? Каковы были его послѣдовател
ныя фазы, его исторія, его эволюція? Каковы его причин
и его слѣдствія? Каковы его отношенія къ соціальному мір
къ любви, къ преобразованіямъ языка, къ нравамъ, къ л
литературѣ? Каждый изъ этихъ вопросовъ, касающихся пре
мета столь обширнаго, потребовалъ бы цѣлой книги. Но м
не можемъ претендовать на то, чтобы совершенно исчерпат
его.

Разговоры сильно разнятся сообразно съ натурой соб
сѣдниковъ, со степенью ихъ культурности, съ ихъ соціал
нымъ положеніемъ, съ ихъ происхожденіемъ, деревенским
или городскимъ, съ ихъ профессіональными привычками, с
ихъ религіей. Они разнятся по трактуемымъ предметамъ, и
тону, по церемоніалу, по быстротѣ рѣчи, по длительност
Была измѣрена средняя быстрота ходьбы пѣшеходовъ в
различныхъ столицахъ міра, и опубликованныя статистич
скія данныя показали, что эта быстрота далеко не одина
кова въ нихъ, но неизмѣнна въ каждомъ городѣ. Я убѣж
денъ, что если бы сочли нужнымъ, то могли бы такъ ж
точно измѣрить быстроту рѣчи, свойственную каждому го
роду, и ее нашли бы далеко не одинаковой для различных
городовъ, точно такъ же какъ и для различныхъ полов
Кажется, что по мѣрѣ того, какъ люди болѣе цивилизуютс
они ходятъ и говорятъ быстрѣе. Въ своемъ *Путешеств*
въ Японію Бельсоръ отмѣчаетъ *„медленность японскихъ раз*
говоровъ, киваніе головой, неподвижность тѣлъ сидящих
вокругъ ихъ маленькой жаровни“. Всѣ путешественники такж
замѣчали медленность рѣчи у арабовъ и у другихъ перво

тныхъ народовъ. Будутъ ли народы въ будущемъ говорить
дленно или быстро? По всей вѣроятности, будутъ гово-
ить быстро, но по моему мнѣнію стоило бы разработать съ
ифровой точностью эту сторону интересующаго насъ пред-
ета, изученіе котораго стояло бы въ связи съ чѣмъ-то
родѣ соціальной психо-физики. Въ настоящій моментъ для
ого существуетъ недостаточное количество данныхъ.

Разговоръ бываетъ совершенно другого тона, даже со-
ршенно иной быстроты между низшимъ и высшимъ и между
авными—между родственниками и между чужими—между ли-
ами одного пола и между мужчинами и женщинами. Разго-
оры въ маленькихъ городахъ между согражданами, связан-
ыми между собой наслѣдственной пріязнью, бываютъ и должны
ыть совершенно непохожи на разговоры въ большихъ го-
одахъ между образованными людьми, которые знаютъ другъ
руга очень мало. Какъ одни, такъ и другіе говорятъ о томъ,
то составляетъ для нихъ наиболѣе извѣстный и наиболѣе
бщій предметъ въ смыслѣ идей. Только то, что для послѣд-
ихъ въ этомъ отношеніи является общимъ, бываетъ у нихъ
акже общимъ съ массой другихъ лицъ, потому что они
ично мало знакомы другъ съ другомъ: отсюда ихъ наклон-
ость говорить о предметахъ общихъ, спорить относительно
дей, имѣющихъ общій интересъ. Но у первыхъ нѣтъ такихъ
дей, которыя были бы для нихъ болѣе общими и болѣе из-
вѣстными, чѣмъ частная жизнь и характеръ другихъ знако-
ыхъ имъ лицъ: отсюда ихъ склонность къ сплетнямъ и къ
лословію. Если въ культурныхъ столичныхъ кругахъ зло-
ловятъ меньше, то это отнюдь не потому, что тамъ меньше
лости и желанія злословить; но оно не находитъ для себя
остаточно пригоднаго матеріала, если только, какъ это часто
лучается, оно не изливается на видныхъ политическихъ
ѣятелей или на театральныхъ знаменитостей. Эти *обще-*
твенные пересуды, впрочемъ, превосходятъ частные пере-
суды, которые они собой замѣняютъ, только въ томъ отно-

шеніи, что они, къ сожалѣнію, интересуютъ бо́льшее ко
чество людей.

Оставляя въ сторонѣ многія второстепенныя различія,
демъ различать прежде всего разговоръ—борьбу и раз
воръ—обмѣнъ мыслей, споръ и взаимный допросъ. Какъ
увидимъ, второй, несомнѣнно, идетъ по пути развитія въ ущер
первому. Точно такъ же бываетъ и въ ходѣ жизни индив
дуума, который, обнаруживая стремленіе къ спору и къ бор
бѣ въ своей юности и молодости, избѣгаетъ противор
чія ищетъ согласія мыслей по мѣрѣ приближенія къ ст
рости.

Будемъ различать также разговоръ обязательный—цер
моніальный, установленный и ритуальный, и разговоръ пр
извольный. Этотъ послѣдній вообще происходитъ толь
между равными, а равенство людей благопріятствуетъ е
развитію, содѣйствуя сокращенію области перваго. Нѣтъ н
чего болѣе смѣшного, если не объяснять это историческ
какъ обязательство, налагаемое декретами на чиновников
приличіями на частныхъ лицъ, дѣлать или отдавать дру
другу періодическіе визиты, въ продолженіе которыхъ, сид
вмѣстѣ, они принуждены полчаса или цѣлый часъ мучитель
изощрять свой умъ на то, чтобы разговаривать и ничего
сказать другъ другу, или говорить то, чего они не думаютъ
и не говорить того, что они думаютъ. Такое принужденіе, пр
нятое во всемъ мірѣ, можетъ стать понятнымъ только тогда
когда мы поднимемся до его происхожденія. Первые визиты
дѣлавшіеся высокопоставленнымъ лицамъ, начальникамъ их
подчиненными, сюзеренамъ ихъ вассалами, имѣли своимъ глав
нымъ предметомъ подношеніе подарковъ, сначала произволь
ное и неправильное, затѣмъ обычное и періодическое, что н
многочисленныхъ примѣрахъ показалъ Гербертъ Спенсеръ,
въ то же время было естественно, что эти визиты давали слу
чай для бесѣды, болѣе или менѣе краткой, состоявшей изъ пре
увеличенныхъ восхваленій, съ одной стороны, и изъ покрови

льственной благодарности—съ другой[1]. Здѣсь разговоръ
ляется только аксессуаромъ подарка, и въ этомъ же смыслѣ
ъ еще понимается многими крестьянами болѣе захолустныхъ
ластей въ ихъ отношеніяхъ съ лицами высшаго класса.
ало-по-малу эти два элемента древнихъ визитовъ разобщи-
сь другъ съ другомъ, подарокъ превратился въ подать, а
сѣда развивалась отдѣльно, но сохраняя даже между рав-
ми кое-что изъ своего прежняго церемоніальнаго харак-
ра. Отсюда эти торжественныя формулы и формальности,
торыми начинается и кончается всякій разговоръ. При
емъ своемъ разнообразіи, онѣ всѣ сводятся къ проявленію
ивѣйшей заботы о драгоцѣнномъ существованіи того, съ
мъ говорятъ, или сильнѣйшаго желанія вновь увидаться
нимъ. Эти формулы и эти формальности хотя и сокра-
аются, но продолжаютъ быть постоянной рамкой разговора
кладутъ на него печать настоящаго соціальнаго учрежденія.

Другимъ началомъ обязательныхъ разговоровъ должна
ыла послужить глубокая скука, которую испытывали въ
диночествѣ первобытные люди и вообще, всѣ нечитающіе
время своего досуга. Человѣкъ низшаго класса тогда
читалъ своимъ долгомъ, даже безъ подарка въ рукахъ, пой-
для компаніи къ высшему и поговорить съ нимъ, чтобы
азвлечь его. Какъ этимъ, такъ и вышеупомянутымъ про-
схожденіемъ разговора безъ труда объясняется то обстоя-

[1] Обычай визитовъ и обычай подарковъ связаны между собой, вѣ
ятно визитъ былъ только необходимымъ слѣдствіемъ подарка. Сло
мъ, визитъ есть пережитокъ; подарокъ былъ вначалѣ его правомъ
существованіе, и визитъ пережилъ его. Впрочемъ, отъ него кое-что
ще осталось, и въ деревняхъ многихъ странъ когда идутъ съ визи
мъ къ людямъ, у которыхъ есть дѣти, существуетъ обычай прино
ить конфекты и лакомства. Привѣтствія въ прежнія времена должны
ыли просто только сопровождать подарокъ, такъ же какъ и визиты.
точно также послѣ исчезновенія обычая подарковъ привѣтствія со-
ранились, но мало по малу стали *взаимными* и превратились въ *раз-
воръ*.

тельство, что обязательная бесѣда перешла въ ритуальну
форму.

Что же касается произвольныхъ разговоровъ, то их
источникъ заключается въ человѣческой общительности, к
торая во всякое время выливается въ свободныхъ рѣчахъ
когда встрѣчаются люди равнаго положенія и товарищи.

II.

Затронувъ вопросъ объ эволюціи разговора, не слѣдуетъ
изслѣдовать еще глубже его первоначальные зародыш
Безъ всякаго сомнѣнія слѣдуетъ, хотя я не стану восх
дить до животныхъ обществъ, до чириканья воробьевъ
деревьяхъ, до тревожнаго карканья вороновъ въ воздух
Но можно безъ боязни утверждать, что, начиная съ самых
древнихъ попытокъ членораздѣльной и сопровождающейся тѣл
движеніями рѣчи, говорить для того, чтобы говорить, т.
вообще болтать, уже должно было доставлять удовольстві
говорящимъ. Созданіе слова совершенно непонятно, если
допустить, что языкъ былъ первой эстетической роскошь
человѣка, первымъ великимъ примѣненіемъ его изобрѣтател
наго генія, что его любили и обожали какъ предметъ искус
ства, въ качествѣ забавы еще больше, чѣмъ въ качеств
орудія. Не родилось ли слово отъ пѣнія, пѣнія, сопровожда
маго пляской, точно такимъ же образомъ, какъ письмо гораз
позднѣе произошло отъ рисунка? Мнѣ представляется, что пр
жде, чѣмъ говорить при встрѣчахъ другъ съ другомъ на досу
первобытные люди начали пѣть вмѣстѣ или пѣть, обращая
другъ къ другу. Можно усмотрѣть уцѣлѣвшій обломокъ от
этихъ музыкальныхъ разговоровъ въ поперемѣнномъ пѣні
пастуховъ въ эклогахъ, а также въ сохранившемся еще сре
ди эскимосовъ обычаѣ пѣть въ лицо кому-нибудь, когда же
лательно осмѣять его. Ихъ сатирическое пѣніе, точно такъ ж

оперемѣнное, этотъ безобидный и продолжительый поедин-
окъ, играетъ ту же роль, какъ у насъ оживленные споры.

Мнѣ кажется вѣроятнымъ еще одно предположеніе. Я
пять возвращаюсь къ только-что сдѣланному мною сравне-
ію. Задолго до того, какъ письмо пріобрѣло способность
лужить для всеобщаго употребленія, для переписки между
рузьями и родственниками, для письменныхъ разговоровъ,
но было пригодно только для надгробныхъ надписей, над-
исей религіознаго или монархическаго происхожденія, для
оржественныхъ записей или для священныхъ повелѣній. Съ
тихъ высотъ, послѣ вѣковыхъ усложненій и вульгаризаціи,
скусство письма спустилось до той ступени, когда суще-
твованіе легкой почты сдѣлалось необходимымъ. То же было
со словомъ. Задолго до того, какъ слово стало употребляться
ля разговора, оно могло быть только средствомъ выражать
риказанія или увѣдомленія начальниковъ, или же поученій
оэтовъ-моралистовъ. Словомъ, оно было сначала по необхо-
имости монологомъ. Діалогъ образовался только впослѣдствіи,
огласно съ закономъ, по которому одностороннее всегда пред-
ествуетъ взаимному.

Приложеніе этого закона къ интересующему насъ пред-
ету допускаетъ нѣсколько объясненій, одинаково законныхъ.
Прежде всего, вѣроятнымъ является то, что на зарѣ слова,
ъ первой семьѣ или ордѣ, гдѣ раздался первый лепетъ,
именно наиболѣе одаренный индивидуумъ обладалъ моно-
оліей языка; другіе только слушали; они уже могли при
звѣстномъ усиліи понимать его, но не могли еще подра-
кать ему. Этотъ особенный даръ долженъ былъ содѣйство-
ать возвышенію одного человѣка надъ другими. Отсюда
ожно вывести заключеніе, что монологъ главы семьи, гово-
ящаго своимъ рабамъ или своимъ дѣтямъ, начальника, ко-
андующаго своими солдатами, предшествовалъ діалогу ра-
бовъ, дѣтей, солдатъ между собой или со своими начальни-
ками. При другомъ объясненіи, противоположномъ первому,

низшій позднѣе сталъ обращаться къ высшему, чтобы во
хвалять его, прежде чѣмъ этотъ послѣдній удостоивалъ е
отвѣтомъ. Не принимая того объясненія, которое дает
Спенсеръ относительно происхожденія привѣтствій, которы
по его мнѣнію, своимъ появленіемъ были обязаны исключ
тельно военному деспотизму, слѣдуетъ признать, что пр
вѣтствіе было отношеніемъ одностороннимъ; принимая по
степенно характеръ взаимности, по мѣрѣ уменьшенія нера
венства, оно превратилось въ разговоръ, который я назвал
обязательнымъ. *Молитва*, обращенная къ богамъ, точно так
же какъ привѣтствіе, обращенное къ начальникамъ, ест
ритуальный монологъ, такъ какъ монологъ естественно пр
сущъ человѣку, и въ формѣ псалма или оды, въ лиризм
всѣхъ временъ онъ обозначаетъ первую фазу религіозно
или свѣтской поэзіи. Слѣдуетъ замѣтить, что молитва
мѣрѣ развитія имѣетъ тенденцію превратиться въ діалог
мы видимъ это на примѣрѣ католической мессы; и извѣстно
что пѣснопѣнія Бахусу были первымъ зародышемъ греческо
трагедіи. Эволюція этой послѣдней представляетъ намъ мно
ступеней перехода отъ монолога къ діалогу при посредств
замѣны хора, роль котораго все уменьшается. Греческая
трагедія какъ была въ самомъ началѣ, такъ и осталась д
конца, религіозной церемоніей, которая, какъ и всѣ рел
гіозныя церемоніи, достигшія послѣдней степени своего раз
витія въ высшихъ религіяхъ, вмѣщаетъ въ себѣ вмѣстѣ р
туальные монологи и діалоги [1], молитвы и разговоры. Но по
требность разговаривать все болѣе и болѣе беретъ верх
надъ потребностью молиться.

Во всѣ времена собесѣдники говорятъ о томъ, что пре
подали имъ ихъ священники или ихъ профессора, ихъ ро
дители или ихъ учителя, ихъ ораторы или ихъ журналисты

[1] Въ юридическихъ церемоніяхъ первоначальнаго Рима (при испол
неніи закона) есть также ритуальные разговоры. Не предшествовали-л
и имъ также монологи?

Итакъ, монологи, произносимые высшими, служатъ пищей для
діалоговъ между равными. Прибавимъ, что весьма рѣдко у
обоихъ собесѣдниковъ роли бываютъ совершенно равны.
Чаще всего одинъ говоритъ гораздо больше другого. Діалоги
Платона служатъ этому примѣромъ. Переходъ отъ монолога
къ діалогу подтверждается въ эволюціи парламентскаго красно-
рѣчія. Торжественныя, напыщенныя, непрерывныя рѣчи были
обычными въ прежнихъ парламентахъ; въ современныхъ пар-
ламентахъ онѣ — явленіе исключительное. Чѣмъ дальше мы под-
вигаемся впередъ, тѣмъ больше засѣданія палатъ депутатовъ на-
поминаютъ если не салоны, то споры въ тѣсныхъ кружкахъ или
въ кафѣ. Между рѣчью во французской палатѣ, часто преры-
ваемой остановками — съ одной стороны, и извѣстными бурными
разговорами — съ другой, разстояніе сводится къ минимуму.

Говорятъ для того, чтобы поучать, чтобы просить или
приказывать, или, наконецъ, для того, чтобы спрашивать.
Вопросъ, сопровождаемый отвѣтомъ, вотъ уже зародышъ діа-
лога. Но если вопросъ задаетъ все одинъ и тотъ же, а дру-
той отвѣчаетъ, то такой односторонній допросъ не есть раз-
говоръ, т. е. допросъ обоюдный, рядъ переплетенныхъ между
собой вопросовъ и отвѣтовъ, обмѣнныхъ поученій, взаим-
ныхъ возраженій. Искусство разговаривать могло родиться
только послѣ продолжительнаго изощренія умовъ столѣтіями
предварительныхъ упражненій, которыя должны были на-
чаться съ самыхъ отдаленныхъ временъ.

Но не въ самыя отдаленныя доисторическія времена
люди должны были разговаривать всего меньше, или меньше
всего пытаться разговаривать. Такъ какъ разговоръ предпо-
лагаетъ прежде всего досугъ, извѣстное разнообразіе въ
жизни и въ поводахъ для собранія, то полная случайностей
и часто праздная жизнь первобытныхъ охотниковъ или рыбо-
ововъ [1], которые часто собирались, чтобы охотиться, ловить

[1] Въ палеолитическую эпоху, называемую эпохой Магдалины, когда
процвѣтало наивное искусство когда все показываетъ существованіе

рыбу или поѣдать вмѣстѣ плоды своихъ коллективныхъ усилій, могла только благопріятствовать ораторскимъ боямъ лучшихъ говоруновъ. Поэтому эскимосы, одновременно и охотники и рыболовы, говорятъ очень много. Этотъ народъ—дитя знаетъ уже визиты. „Мужчины собираются отдѣльно, чтобы болтать между собой, женщины собираются съ своей стороны и, оплакавъ умершихъ родственниковъ, находятъ предметъ для разговора въ сплетняхъ. Разговоры во время ѣды могутъ продолжаться цѣлыми часами и вращаются около главнаго занятія эскимосовъ, т. е. около охоты. Въ своихъ разсказахъ они описываютъ съ мельчайшими подробностями всѣ движенія охотника и животнаго. Разсказывая эпизодъ изъ охоты на тюленя, они изображаютъ лѣвой рукой прыжки животнаго, а правой рукой всѣ движенія каяка (лодки) и оружія“ [1].

Пастушеская жизнь даетъ столько же досуга, какъ и охота, но она болѣе урегулирована и болѣе монотонна, она разсѣиваетъ людей на болѣе продолжительное время. Пастухи, даже кочующіе, какъ арабы и татары, отличаются молчаливымъ характеромъ. И если буколики Виргилія и Ѳеокрита какъ будто и показываютъ обратное, не надо забывать, что эти оба поэта изображали нравы пастуховъ, цивилизо-

мирнаго и счастливаго населенія (см. по этому предмету книгу Де Мортилье Formation de la nationalité française) безъ сомнѣнія должно было говориться очень много въ прекрасныхъ казармахъ, гдѣ жили въ тѣ времена.—Въ *Lettres édifiantes* часто упоминается о любви дикихъ американскихъ охотниковъ, а въ особенности ихъ женъ, къ разговору. Одинъ миссіонеръ хвалитъ новообращенную молодую дикарку за то, что она избѣгала тратить свое время на «многочисленные визиты», которые дѣлаютъ другъ другу женщины той страны (Канада). Въ другомъ мѣстѣ говорится, что всѣ единогласно хвалятъ эту дѣвушку, несмотря на склонность дикарей «злословить». Иллинойцы, говоритъ намъ другое письмо, «не лишены ума, они умѣютъ вести довольно остроумно шутливыя бесѣды».

[1] Тенишевъ, «Дѣятельность человѣка», 1898 г.

анныхъ сосѣдствомъ большихъ городовъ. Но, съ другой стороны, пастушеская жизнь связана съ патріархальнымъ режимомъ, при которомъ процвѣтаетъ добродѣтель гостепріимства, а эта послѣдняя можетъ точно такъ же, какъ и соціальная іерархія, родившаяся во время этой же соціальной фазы, дать происхожденіе обязательному разговору.

Одной изъ причинъ, которыя наиболѣе должны были задерживать появленіе разговора раньше утвержденія сильной іерархіи, была та, что некультурные люди, при сношеніяхъ между равными, склонны говорить всѣ заразъ и безпрестанно прерывать другъ друга [1]. У дѣтей нѣтъ недостатка, съ большимъ трудомъ поддающагося исправленію. Давать говорить собесѣднику есть признакъ вѣжливости, на которую рѣшаются сперва изъ уваженія къ высшему, и которую оказываютъ по отношенію ко всѣмъ, когда она вошла уже въ привычку. Эта привычка, однако, могла сдѣлаться общей въ какой-нибудь странѣ только благодаря довольно продолжительной внѣшней дисциплинѣ. Вотъ почему, я думаю, слѣдуетъ полагать, что успѣхи искусства разговаривать въ та-

[1] Во время путешествія въ Триполитанію (1840) Пезана поражалъ оглушительный шумъ на аудіенціяхъ одного бея: «Мамелюки и негры, говоритъ онъ, вмѣшивались въ споръ и кончали тѣмъ, что начинали говорить всѣ разомъ, производя такой содомъ, который оглушилъ меня, когда я въ первый разъ присутствовалъ на этихъ дебатахъ. Я спросилъ, почему бей встрѣчалъ столько возраженій противъ своихъ рѣшеній, *и каковы были побудительныя причины столь шумныхъ споровъ*: не будучи въ состояніи отвѣтить мнѣ категорически, *они сказали мнѣ, что это ихъ обычная манера разсуждать между собой*».—Есть и исключенія. Если вѣрить *Lettres édifiantes*, иллинойцы были исключительно одарены искусствомъ разговаривать. «Они очень хорошо умѣютъ шутить, они не знаютъ, что значитъ спорить и раздражаться во время разговора. Никогда они не прервутъ васъ во время вашей рѣчи. Мужчины, говорили намъ, ведутъ вполнѣ праздную жизнь; они болтаютъ, куря свои трубки, вотъ и все. Женщины работаютъ, но отнюдь не лишаютъ себя также удовольствія поболтать».

комъ видѣ, какъ мы его знаемъ, ведутъ свое начало отъ обязательныхъ, а не отъ произвольныхъ разговоровъ.

При такой точкѣ зрѣнія слѣдуетъ думать, что жизнь земледѣльческая, которая одна допускала образованіе городовъ и государствъ съ твердымъ правленіемъ, должна была вести къ прогрессу разговора, хотя при большемъ разсѣяніи людей, однообразіи ихъ работъ и уменьшеніи ихъ досуга, она часто дѣлала ихъ молчаливыми. Промышленная жизнь, собирая ихъ въ мастерской и въ городахъ, возбуждала ихъ склонность къ разговору.

Много говорилось о извѣстномъ законѣ *рекапитуляціи*, по которому тѣ фазы, которыя проходитъ умъ ребенка при своемъ постепенномъ формированіи, въ извѣстной неопредѣленной мѣрѣ являются краткимъ повтореніемъ эволюціи первобытныхъ обществъ. Если этотъ взглядъ не лишенъ справедливости, то изученіе разговора у дѣтей могло бы помочь намъ разгадать, что представлялъ собою разговоръ въ первыя времена существованія человѣчества. Задолго до діалога дѣти начинаютъ *съ вопросовъ*. Этотъ допросъ, которому они подвергаютъ своихъ родителей и постороннихъ взрослыхъ людей, является для нихъ первой односторонней формой болтовни. Позднѣе они становятся разсказчиками и слушателями *разсказовъ*, или попеременно разсказчиками и слушателями. Наконецъ, еще позднѣе они дѣлаютъ замѣчанія, они выражаютъ общія наблюденія, которыя представляютъ собою уже зародышъ *рѣчи;* и когда рѣчь въ свою очередь становится взаимной, получается споръ, затѣмъ разговоръ. Дѣйствительно, ребенокъ вѣритъ гораздо раньше, чѣмъ начинаетъ противорѣчить. У него бываетъ фаза противорѣчія точно такъ же, какъ раньше была фаза спрашиванія.

Но спрашивать, разсказывать, разговаривать, спорить, все это упражненіе ума ребенка. Ему предшествуетъ упражненіе воли.

Ребенкомъ *повелѣваютъ*, и онъ самъ *повелѣваетъ* гораздо

раньше, чѣмъ его начнутъ учить и онъ самъ станетъ учить. Приказаніе идетъ прежде указанія. Ребенокъ борется, прежде чѣмъ станетъ разсуждать и даже спорить; онъ чувствуетъ противорѣчіе желаній другого, прежде чѣмъ начнетъ чувствовать противорѣчіе сужденій другого. Онъ можетъ почувствовать противорѣчіе этихъ желаній, затѣмъ этихъ убѣжденій только тогда, когда самъ подвергнется ихъ прививкѣ. Его послушаніе и довѣріе являются предварительнымъ и необходимымъ условіемъ его духа непослушанія и противорѣчія. Такимъ образомъ, ребенокъ бываетъ спорщикомъ и болтуномъ потому, что сначала и прежде всего онъ былъ подражатель.

Если мы по этимъ наблюденіямъ станемъ догадываться о томъ, каково должно было быть прошлое разговора у человѣческихъ расъ, то согласимся прежде всего, что, несмотря на весьма глубокую доисторическую древность, разговоръ не можетъ восходить къ самому началу человѣчества. Ему долженъ былъ предшествовать не только длинный періодъ молчаливаго подражанія, но и слѣдующая затѣмъ фаза, когда люди любили разсказывать или слушать разсказы, но не болтать. Это—фаза эпопей. Греки сколько угодно могли быть самой болтливой расой, но не менѣе достовѣрно и то, что во времена Гомера болтали мало, если только пѣлью не было *задавать другъ другу вопросы*. Всѣ разговоры носили утилитарный характеръ. Герои Гомера *много повѣствуютъ*, но *очень мало болтаютъ*. Или же ихъ бесѣды представляютъ собою только попеременные разсказы. „При первыхъ лучахъ авроры, говоритъ Менелай въ Одиссеѣ (пѣсня IV) мы обмѣняемся съ Телемакомъ длинными рѣчами и будемъ вести взаимную бесѣду“. Обмѣняться длинными рѣчами—это называлось въ ту эпоху вести бесѣду.

Единственные разговоры, повидимому праздные это разговоры влюбленныхъ, даже и тѣ имѣли утилитарный характеръ. Гекторъ, колеблясь итти къ Ахиллу съ предложеніями усло-

вій мира, говоритъ подъ конецъ: „Я не пойду къ этому чело-
вѣку, онъ не почувствуетъ ко мнѣ никакого сожалѣнія...
Не время теперь разговаривать съ нимъ о дубѣ и о скалѣ,
какъ разговариваютъ между собой юноши и дѣвы. Лучше
сразиться“. Такимъ образомъ юноши и дѣвы уже *флирто-
вали* тогда, и ихъ флиртъ состоялъ въ разговорѣ „о дубѣ и
о скалѣ“, т. е., вѣроятно, о предметахъ народнаго суевѣрія.—
Только въ эпоху Платона, уже достигнувъ извѣстной сте-
пени цивилизаціи, греки любятъ діалогъ, какъ время препро-
вожденіе подъ сѣнью тополей, окаймляющихъ Илиссъ.—Въ
противоположность древнимъ эпопеямъ а также chansons de
geste, гдѣ разговоры только попадаются въ рѣдкихъ мѣстахъ,
современные романы, начиная съ романовъ M-ele de-Скюдери
отличаются все возрастающимъ обиліемъ діалоговъ.

III.

Для того, чтобы хорошо понять историческія видоизмѣ-
ненія разговора, существенно важно проанализировать какъ
можно ближе его поводы. Поводы его бываютъ лингвисти-
ческіе: языкъ богатый, гармоничный, выражающій много
оттѣнковъ предрасполагаетъ къ болтовнѣ. Онъ имѣетъ поводы
религіозные: его теченіе измѣняется сообразно съ тѣмъ, бу-
детъ ли національная религія ограничивать въ большей или
меньшей степени свободу слова, запрещать подъ страхомъ
болѣе или менѣе суровыхъ наказаній флиртъ, злословіе, „рас-
пущенность ума“, будетъ или не будетъ противиться прогрессу
наукъ и народному образованію, будетъ или не будетъ налагать
правило молчанія на извѣстныя группы, на христіанскихъ
монаховъ или на пиѳагорійскія братства и введетъ ли въ
моду тотъ или этотъ предметъ теологическихъ споровъ, вопло-
щеніе, искупленіе, безпорочное зачатіе [1]—Поводы его быва-

[1] Проѣзжая по югу Испаніи, Дюмонъ Дюрвиль замѣчаетъ слѣдующее:
„бои быковъ и споры о безпорочномъ зачатіи, споры, родившіеся въ

ъ политическіе: въ демократическомъ обществѣ разговоръ
тается тѣми сюжетами, которые доставляетъ ему трибуна или
бирательная жизнь, въ абсолютной монархіи—литературной
итикой и психологическими наблюденіями за недостаткомъ
угихъ темъ. Поводы его бываютъ экономическіе [1], изъ кото-
ихъ главный я уже отмѣтилъ: досугъ, удовлетвореніе наи-
лѣе настоятельныхъ потребностей. Словомъ, нѣтъ ни
ной стороны соціальной дѣятельности, которая не была
ы въ тѣсномъ отношеніи съ нимъ, и видоизмѣненія ко-
рой не видоизмѣняли бы его. Я позволю себѣ просто на-
мнить то вліяніе, какое могутъ оказывать на него нѣко-
рыя особенности въ обычаяхъ, имѣющія гораздо меньшій
тересъ. Тонъ и ходъ разговора находятся въ зависимости
ъ положенія тѣла во время рѣчи. Разговоры, которые ве-
тся *сидя*, бываютъ наиболѣе обдуманными, наиболѣе суще-
твенными; такіе разговоры наиболѣе часты въ наше время,
о они отнюдь не были въ модѣ при дворѣ Людовика XIV,
огда привилегія табурета принадлежала только принцессамъ,
всѣ должны были болтать стоя. Древніе народы въ своихъ

онастыряхъ провинціи, занимаютъ всѣ умы, безъ исключенія“. Теперь
ъ нашелъ бы, что всѣ погружены въ политику,—единственный сюжетъ
я разговоровъ какъ въ Испаніи, такъ, и во всѣхъ испанскихъ рес-
убликахъ Южной Америки.

[1] Однимъ изъ самыхъ значительныхъ препятствій къ учрежденію
ооперативныхъ потребительныхъ обществъ, представляющихъ такія
евидныя преимущества для потребителя, является, по словамъ одного
ревосходнаго наблюдателя „привычка къ сплетнямъ, практикующимся
ъ лавкахъ. Тамъ встрѣчаются, тамъ обмѣниваются новостями квартала
вся эта мелочная болтовня, столь драгоцѣнная для женщинъ, прив-
ываетъ ихъ къ поставщикамъ. Именно, благодаря этой склонности
енщинъ, нѣкоторыя общества (въ видѣ исключенія) рѣшаются прода-
ать *публикъ* (и не только однимъ членамъ общества), потому что тогда
агазинъ не имѣетъ обособленнаго вида, и женщины какъ бы приходятъ
ъ обыкновенную лавку“. Отсюда мы видимъ, насколько силенъ и не-
тразимъ потокъ разговоровъ, разъ уже получившій начало. Мы мо-
емъ видѣть другое доказательство во всѣми признаваемой трудности

триклиніяхъ больше всего любили бесѣдовать *лежа* [1], и эти бесѣды, должно быть, были не менѣе прелестны, если мы будемъ судить о нихъ по характерной медлительности, по очаровательной тягучести и плавности записанныхъ діалоговъ, которые остались намъ отъ древнихъ народовъ. Но разговоры перипатетиковъ *во время прогулокъ* имѣютъ характеръ болѣе быстрый и оживленный. Вполнѣ достовѣрно, что рѣчь, произносимая стоя, глубоко разнится по своему характеру и большей торжественности, отъ рѣчи, произносимой въ сидячемъ положеніи, болѣе фамильярной и болѣе краткой. Что же касается рѣчей въ лежачемъ положеніи и рѣчей во время прогулокъ, то я не знаю примѣра таковыхъ. Еще одно замѣчаніе. Довольно часто, и тѣмъ чаще, чѣмъ ближе къ первобытной жизни, мужчины и женщины, особенно женщины, болтаютъ между собой, только занимаясь чѣмъ-нибудь другимъ, либо дѣлая какую-нибудь легкую работу, какъ дѣлаютъ крестьяне, которые перебираютъ овощи въ то время, какъ женщины прядутъ, шьютъ или вяжутъ, либо закусывая и выпивая въ кафе и т. п.—Садиться другъ противъ друга нарочно и исключительно для того, чтобы болтать, есть утонченная привилегія цивилизаціи. Ясно, что то занятіе, которому предаются во время разговора, не можетъ не оказывать вліянія на манеру болтовни.—Еще другой родъ вліянія: утренній разговоръ всегда нѣсколько отличается отъ разговора послѣ обѣда, или вечеромъ. Въ Римѣ, когда во времена имперіи визиты происходили утромъ, ничего сход-

сохранить секретъ, если знаютъ, что онъ можетъ интересовать собесѣдника, даже тогда, когда молчать бываетъ прямая выгода. Эта трудность, иногда столь большая, можетъ служить мѣриломъ симпатической склонности, потребности устнаго общенія съ подобными себѣ.

[1] Не будемъ смѣшивать эти бесѣды съ тѣми, о которыхъ говоритъ намъ Дюмонъ Дюрвиль по поводу Гавайскихъ острововъ: „Въ числѣ странныхъ обычаевъ этой страны,—говоритъ онъ, нужно упомянуть о манерѣ вести бесѣду, растянувшись *на животѣ* на цыновкахъ".

аго съ болтовней нашихъ *five o'clock*'овъ не могло быть. ы не будемъ останавливаться на этихъ мелочахъ [1].

Прежде всего нужно принять во вниманіе время, которое ожно посвятить болтовнѣ, количество и натуру тѣхъ лицъ, ъ которыми можно болтать, количество и природу тѣхъ сюетовъ, о которыхъ можно болтать. Время, которое можно потребить на болтовню, увеличивается вмѣстѣ съ досугомъ, оставляемымъ богатствомъ, благодаря усовершенствованіямъ роизводства. Число лицъ, съ которыми можно болтать, возастаетъ по мѣрѣ того, какъ уменьшается первоначальная ногочисленность языковъ, и расширяется область ихъ распространенія [2]. Количество сюжетовъ для разговора увеливается вмѣстѣ съ прогрессированіемъ наукъ, вмѣстѣ съ множеніемъ и ускореніемъ свѣдѣній всякаго рода. Наконецъ, при помощи измѣненія нравовъ въ демократическомъ смыслѣ, не только увеличивается число людей, съ которыми можно вести бесѣду, но измѣняется также и ихъ качество. Представители различныхъ соціальныхъ слоевъ свободнѣе вступаютъ въ разговоръ; и, благодаря переселенію деревень въ города, благодаря какъ бы превращенію въ города даже самихъ деревень, благодаря поднятію средняго уровня общаго

[1] Демулэнъ, въсвоей книгѣ о *современныхъ французахъ*, какъ бы созданной и выпущенной въ свѣтъ нарочно для того, чтобы служить пробнымъ камнемъ для его общихъ идей, объясняетъ вліяніемъ оливковаго дерева и каштана любовь южанъ къ разговорамъ и ихъ склонность къ преувеличеніямъ.

[2] Оно возрастаетъ, само собой разумѣется, вмѣстѣ съ количествомъ и съ густотой населенія. Болтаютъ гораздо меньше—*caeteris paribus*—въ деревняхъ, нежели въ городахъ; значитъ, передвиженіе деревень ближе къ городамъ благопріятствуетъ разговору и преобразовываетъ его. Но въ маленькихъ городахъ, гдѣ жители по большей части ведутъ праздный образъ жизни, и всѣ знаютъ другъ друга, не болтаютъ ли тамъ больше, чѣмъ въ большихъ городахъ? Нѣтъ, потому что тамъ не достаетъ предметовъ для разговора. Разговоръ, заслуживающій это названіе, представляетъ тамъ собою только отголосокъ разговора большихъ городовъ.

образованія, природа разговоровъ становится совсѣмъ другой, новые сюжеты водворяются на мѣсто прежнихъ. Словомъ, говорить на одномъ и томъ же языкѣ, имѣть знакомства и общія идеи, быть свободнымъ отъ работы—вотъ необходимыя условія болтовни. Итакъ, все, что объединяетъ и обогащаетъ языки, все, что объединяетъ воспитаніе и образованіе, усложняя ихъ задачу, все, что увеличиваетъ досугъ, укорачивая работу болѣе продуктивную, совершаемую съ помощью естественныхъ силъ,—все это способствуетъ развитію разговора.

Отсюда мы можемъ видѣть то огромное дѣйствіе, какое оказали на него великія изобрѣтенія нашего вѣка. Благодаря имъ, пресса могла наводнить цѣлый свѣтъ и пропитать его до самыхъ послѣднихъ народныхъ слоевъ. И величайшей силой, управляющей современными разговорами, является книга и газета. Когда книги и газеты еще не наводняли міръ, въ разныхъ городахъ, въ разныхъ странахъ не было ничего болѣе различнаго, какъ сюжетъ, тонъ и ходъ бесѣды, и ничего болѣе однообразнаго въ каждомъ изъ нихъ во всякое время. Теперь же совершенно наоборотъ. Пресса объединяетъ и оживляетъ разговоры, дѣлаетъ ихъ однообразными въ пространствѣ и разнообразными во времени. Каждое утро газеты доставляютъ своей публикѣ матеріалъ для разговора на весь день. Можно приблизительно всегда съ увѣренностью сказать, о чемъ разговариваютъ люди въ какомъ-нибудь кружкѣ, въ курильной комнатѣ, въ коридорѣ суда. Но сюжетъ разговора мѣняется каждый день, или каждую недѣлю, за исключеніемъ случаевъ, къ счастью весьма рѣдкихъ національнаго или интернаціональнаго помѣшательства на одномъ предметѣ. Это все возрастающее сходство одновременныхъ разговоровъ на всѣ болѣе и болѣе обширномъ географическомъ пространствѣ является одной изъ наиболѣе важныхъ характерныхъ чертъ нашей эпохи, такъ какъ она въ значительной степени объясняетъ намъ все возрастающее

могущество общественнаго мнѣнія противъ традиціи и даже противъ разума, и это все увеличивающееся несходство послѣдовательныхъ разговоровъ объясняетъ точно такъ же постоянство мнѣнія, этотъ противовѣсъ его могущества [1].

Отмѣтимъ одно обстоятельство, весьма простое, но имѣющее извѣстное значеніе. Эволюція разговора происходила вовсе не самопроизвольно, только въ силу того, что люди болтали другъ съ другомъ. Нѣтъ, нужно было, чтобы новые случаи и новые источники разговора проявлялись, благодаря послѣдовательному ряду, частью случайному, частью логическому, разныхъ открытій, географическихъ, физическихъ, историческихъ, изобрѣтеній земледѣльческихъ или промышленныхъ, идей политическихъ или религіозныхъ, произведеній литературы или искусства. Эти-то новшества, появлявшіяся въ какихъ-нибудь мѣстахъ одно послѣ другого и дѣлавшіяся достояніемъ избранныхъ группъ прежде чѣмъ распространиться дальше, совершенствовали и преобразовывали тамъ искусство разговора, заставляя отвергать извѣстныя архаическія формы бесѣды, старинные обороты рѣчи, шутовство, смѣшное жеманство. Если же подъ *эволюціей* разговора мы разумѣли бы безпрерывное и самопроизвельное развитіе, то это было бы заблужденіемъ. И это замѣчаніе приложимо ко всѣмъ родамъ эволюціи, которые, если присмотрѣться къ нимъ, представляются въ видѣ попеременныхъ введеній, въ видѣ послѣдовательныхъ и наложенныхъ другъ на друга прививокъ новыхъ началъ.

Въ какомъ-нибудь маленькомъ городкѣ, куда, предполо-

[1] Но сходные или непостоянные разговоры свидѣтельствуютъ собою объ огромномъ прогрессѣ въ смыслѣ соціальномъ, такъ какъ сліяніе классовъ и профессій, моральное единство отечества, могутъ считаться настоящими, только съ того момента, когда люди принадлежащіе къ самымъ различнымъ классамъ и профессіямъ, будутъ въ состояніи поддерживать другъ съ другомъ разговоръ. Мы обязаны этимъ благодѣяніемъ—взамѣнъ сколькихъ золъ—ежедневной прессѣ.

жимъ, закрытъ доступъ газетѣ, и гдѣ нѣтъ удобнаго собщ
нія съ внѣшнимъ міромъ, какъ въ прежнія времена, жите
могутъ болтать сколько угодно, но разговоръ не поднимет
самъ по себѣ выше фазы простыхъ сплетенъ. Безъ помощ
прессы деревенскіе обыватели, какъ бы они ни были бол
ливы, будутъ почти всегда говорить только объ охотѣ, или
генеалогіи, и наиболѣе болтливые магистраты будутъ гов
рить только о правѣ или о „движеніяхъ по службѣ“, на п
добіе офицеровъ германской кавалеріи, которые, по словам
Шопенгауэра, только и говорятъ, что о женщинахъ и л
шадяхъ.

Волнообразное, такъ сказать, распространеніе подражанія
этого мало-по-малу уравнивающаго и цивилизующаго начала
однимъ изъ самыхъ могущественныхъ агентовъ которог
является разговоръ, объясняетъ намъ безъ труда необходи
мость того двойного стремленія, которое мы замѣчаемъ пр
первомъ взглядѣ на эволюцію разговора, а, именно, съ одно
стороны численное увеличеніе пригодныхъ другъ для друг
собесѣдниковъ и сходныхъ между собой реальныхъ разгово
ровъ, а съ другой стороны, именно въ силу этого увелич
нія переходъ отъ сюжетовъ узкихъ, интересующихъ тольк
небольшую группу, къ сюжетамъ все болѣе и болѣе отвле
ченнымъ и общимъ [1]. Но, если эта двойная наклонность

[1] До XVIII в. такой *салонъ*, какъ Гольбаха, не былъ возможенъ. Салонъ M-me de Рамбулье былъ салономъ *литературнымъ* и *напыщеннымъ*, безъ малѣйшей свободы ума—гдѣ если и было что-нибудь болѣе или менѣе свободное, такъ это любовный и изящный разговоръ (еще бы!)—тогда какъ въ салонѣ Гольбаха слышался, говоритъ Морелле, „разговоръ самый свободный, самый поучительный и самый оживленный, какой когда-либо можно было услыхать: когда я говорю свободный, я разумѣю свободу сужденій о философіи, религіи, правительствѣ, такъ какъ вольныя шутки изъ другой области были изъ него изгнаны“. Совершенно противоположное происходило въ XVI вѣкѣ и въ средніе вѣка: *gauloiserie*—это была свобода разговоровъ на темы о половыхъ отношеніяхъ, которая заняла мѣсто всякой другой свободы. Салонъ Гольбаха, какъ

динакова вездѣ, то она не мѣшаетъ теченію *эволюцій* раз-
овора быть настолько же отличнымъ другъ отъ друга въ
азличныхъ націяхъ, при различныхъ ступеняхъ цивилизаціи,
асколько русло Нила или Рейна разнится отъ русла Ганга
или Амазонки. Точки отправленія многосложны, какъ мы уже
видѣли; пути и конечный пунктъ, если только есть конечный
пунктъ, не менѣе разнообразны. Мы не вездѣ видимъ при-
дворныхъ шутовъ, нелѣпыя выходки которыхъ служили та-
кимъ развлеченіемъ въ средніе вѣка, не вездѣ находимъ отели
Рамбулье, появленіе которыхъ произвело несносныхъ Три-
булэ [1]. Съ достовѣрностью можно сказать, что во Франціи
исчезновеніе этихъ кривлякъ и шутовъ было лучшимъ при-
накомъ успѣховъ разговора. Послѣднимъ шутомъ былъ Лан-
жели при Людовикѣ XIII. Но въ Римѣ, въ Аѳинахъ, на край-
немъ Востокѣ не было. ничего подобнаго.

Благодаря чему, флирту ли, или дипломатическимъ сно-
шеніямъ, или же спорамъ церковнымъ или школьнымъ искус-
ство разговора достигло того, что стало сознавать себя? Это
зависитъ отъ страны. Итальянскій разговоръ особенно раз-
вился благодаря дипломатіи, французскій—благодаря галант-
ности, царившей при французскихъ дворахъ, аѳинскій разго-
воръ развился благодаря софистической аргументаціи, рим-
скій разговоръ — благодаря дебатамъ на форумѣ, а во вре-
мена Сципіоновъ—благодаря урокамъ греческихъ риторовъ.

салонъ Гельвеціуса, какъ салоны всего конца XVIII в., собирали собе-
сѣдниковъ всѣхъ классовъ и всѣхъ національностей, — эклектизмъ со-
вершенно немыслимый раньше. Какъ по огромному разнообразію про-
исхожденія собесѣдниковъ, такъ и по необычайному разнообразію и сво-
бодѣ сюжетовъ для разговора, эти салоны сильно разнились отъ преж-
нихъ собраній для разговора.

[1] Одинъ изъ нихъ Брюкэ забавляется тѣмъ, что выдаетъ себя за
врача въ лагерѣ Анны Монморанси и дѣйствительно отправляетъ, *ad patres* всѣхъ больныхъ, ввѣренныхъ его попеченію. Вмѣсто того, чтобы
повѣсить его, Генрихъ II далъ ему *должность начальника почты* въ
Парижѣ.

Можно ли удивляться, видя столь различные виды цвѣтен
что цвѣта и ароматы цвѣтка представляютъ собою так
большое разнообразіе? Лансонъ видитъ въ эпохѣ Сципіонов
такую эпоху, когда римляне научились разговаривать съ из
ществомъ и учтивостью. Въ діалогахъ Цицерона и Варрон
онъ видитъ не только подражаніе діалогамъ Платона, но
„идеализированный, хотя живой и вѣрный образъ разгов
ровъ римскаго общества“, разговоровъ, впрочемъ, лишенных
пріятности, въ которыхъ чувствуется школа, а не двор
Женщины войдутъ въ кругъ собесѣдниковъ позднѣе, во вр
мена Северовъ и Антониновъ, между тѣмъ какъ у насъ он
царили тамъ во всѣ времена подъ совмѣстнымъ вліяніем
христіанства и рыцарской галантности. Но не будучи необ
ходимымъ, какъ мы видѣли, для всѣхъ родовъ прогресса ра
говора, присутствіе женщинъ въ общественной жизни имѣет
одинъ даръ, а именно, оно ведетъ разговоръ къ той степен
изящества и гибкости, которая во Франціи придаетъ ему не
отразимую прелесть.

Можно отмѣтить другую общую наклонность преобразо
ваній разговора. Пробѣгая по капризнымъ излучинамъ сво
ихъ разнообразныхъ потоковъ, онъ стремится стать все в
меньшей и меньшей степени борьбой, и все въ большей
большей степени обмѣномъ идей. Удовольствіе спорить со
отвѣтствуетъ дѣтскому инстинкту, инстинкту котятъ, нѣко
торыхъ животныхъ въ дѣтскомъ возрастѣ, которыя подобно
нашимъ дѣтямъ забавляются подобіемъ битвъ въ маленьких
размѣрахъ. Но пропорція спора въ діалогахъ взрослыхъ лю
дей идетъ постепенно уменьшаясь. Прежде всего существу
етъ цѣлая категорія споровъ, нѣкогда безчисленныхъ, горя
чихъ, оживленныхъ, которые быстро исчезаютъ, напр., ма
нера торговаться замѣнена манерой выставлять prix fixe. За
тѣмъ, по мѣрѣ того какъ свѣдѣнія относительно разных
вещей становятся болѣе точными, болѣе вѣрными, болѣе
многочисленными, по мѣрѣ того какъ мы имѣемъ числовыя

анныя относительно разстояній, населенія городовъ и госу
арствъ и т. д.; всѣ порождаемые коллективнымъ самолюбі
мъ яростные споры, относительно того, стоитъ ли выше та
ая-то корпорація, такая-то церковь, такая-то фамилія въ
мыслѣ кредита, могущества, было ли движеніе въ такомъ
о портѣ значительнѣй, чѣмъ въ другомъ по количеству и
илѣ судовъ и т. п., всѣ эти споры становятся безпредмет
ными. Споры еще болѣе ожесточенные, которые вызывались
онфликтомъ индивидуальныхъ самолюбій въ силу взаимнаго
епониманія, прекращаются или же ослабляются благодаря
олѣе частымъ столкновеніямъ и болѣе полному знанію другъ
руга. Каждое новое свѣдѣніе заставляетъ изсякнуть преж
ій источникъ спора. Сколько подобныхъ источниковъ изсякло
ъ начала нашего вѣка! Обычай путешествовать, распростра
яясь въ обществѣ, много содѣйствовалъ ясности той идеи,
акую составляютъ одна о другой различныя провинціи и на
ціи, и сдѣлалъ невозвожнымъ возвратъ споровъ, порождае
ыхъ невѣжественнымъ патріотизмомъ. Наконецъ, все воз
астающая религіозная индифферентность облегчаетъ съ каж
дымъ днемъ соблюденіе вѣжливости, воспрещающей вступать
ъ религіозные споры, бывшіе нѣкогда самыми ужасными и
амыми страстными изъ всѣхъ существовавшихъ. Политиче
кая индифферентность, дѣлаясь также общимъ достояніемъ,
ачинаетъ производить аналогическое слѣдствіе въ этой дру
гой бурной области.

Правда, что прогрессъ ясныхъ и достовѣрныхъ свѣдѣній,
разрѣшивъ прежнія волнующія проблемы, поставилъ на мѣсто
ихъ новыя и вызвалъ новые споры, но эти споры носятъ
олѣе безличный и менѣе обостренный характеръ, исключаю
щій всякое чрезмѣрное увлеченіе: споры философскіе, ли
тературные, эстетическіе, моральные, которые возбуждаютъ
ротивниковъ, не задѣвая ихъ за живое. Одни только пар
ламентскіе споры, повидимому—можетъ-быть, дѣйствительно
олько повидимому—ускользаютъ отъ этого закона прогрес-

сивнаго смягченія: можно было бы сказать, что въ наших
современныхъ государствахъ ферментъ раздора стремит
спрятаться тамъ, какъ въ своемъ послѣднемъ убѣжищѣ.

Итакъ, можно утверждать, что будущность принадлежит
мягкому и спокойному разговору, полному учтивости и любе
ности. Что же касается того, какой родъ разговора будет
въ концѣ концовъ преобладать, любовный ли, философскій
или эстетическій, то нѣтъ ничего, что позволяло бы рѣшит
этотъ вопросъ. Эволюція разговора безъ сомнѣнія будет
имѣть нѣсколько исходовъ, точно такъ же какъ она имѣла н
сколько началъ и нѣсколько различныхъ путей, несмотря н
нѣкоторое единство общаго наклоненія [1].

IV.

Бросивъ общій взглядъ на эволюцію разговора, займемс
подробнѣе разговоромъ, культивируемымъ какъ особый род

[1] Мнѣ почти не нужно отмѣчать,—настолько мнѣ кажется это оч
виднымъ,—что эволюція разговора сообразуется *съ законами подраж
нія*, а именно, съ закономъ подражанія, по которому высшему подра
жаетъ низшій, считающійся и самого себя считающій за такового. М
увидимъ также, что нашъ примѣръ подтверждаетъ идею, на которой
настаивалъ нѣсколько разъ, что столицы въ демократическихъ гос
дарствахъ играютъ для нихъ роль аристократіи. Въ прежнія врем
новыя формы и новые сюжеты разговора исходили отъ двора, отъ избра
ной аристократіи, которой подражали дворцы большихъ городовъ
замки, а затѣмъ буржуазные дома. Въ наше время такимъ мѣстом
откуда распространяется повсюду тонъ и содержаніе злободневных
разговоровъ, является Парижъ, которому подражаютъ большіе город
средніе, маленькіе, до послѣдней деревни, гдѣ читаются листки или па
рижскіе, или представляющіе собою телеграфическое эхо парижских
свѣдѣній. Доказательствомъ этого происхожденія служитъ именно ра
пространеніе парижскаго акцента до самаго юга. Какъ за-границей, та
и у насъ акцентъ столицы распространился въ провинціяхъ, и никог
не было замѣчено обратнаго, тамъ по крайней мѣрѣ, гдѣ столица в
дѣйствительности заслуживаетъ этого названія. Если бы столицей Фра
ціи былъ Бордо, вся Франція говорила бы съ гасконскимъ акцентом

кусства и прелестное удовольствіе [1]. Въ какой моментъ
асцвѣтаетъ онъ въ этомъ видѣ? Признакомъ болѣе или
нѣе достовѣрнымъ такого расцвѣта можетъ служить про-
вѣтаніе драматическаго искусства и особенно комедіи, ко-
рая со своей исключительно діалогической формой не могла
ы пробраться въ первый рядъ литературы и утвердиться въ
ическихъ разсказахъ, гдѣ развивается только дѣйствіе,
слибы въ дѣйствительной жизни не было примѣровъ раз-
воровъ такихъ же блестящихъ и прекрасныхъ, какъ битвы.
тимъ объясняется тотъ фактъ, что эпопея всюду предше-
вовала драмѣ. Замѣтимъ, что разговоры всегда отражаютъ
йствительную жизнь: эскимосъ, краснокожій говорятъ только
ъ охотѣ, солдаты болтаютъ о сраженіяхъ, игроки объ игрѣ,
атросы о путешествіяхъ. Привычный образъ жизни воспро-
водится ночью въ сновидѣніяхъ, а днемъ въ разговорахъ,
оторые являются сложными, взаимно внушенными сновидѣ-
ями двоихъ или троихъ. Онъ воспроизводится также въ
исьменной литературѣ, которая есть закрѣпленіе слова. Но
раматическое искусство есть нѣчто большее, оно есть *вос-
произведеніе*, а не только сохраненіе слова. Оно является
ъ нѣкоторомъ родѣ отраженіемъ отраженія дѣйствительной
изни.

Еще болѣе очевиднымъ признакомъ царства культивиро-
ннаго слова является обыкновеніе въ домахъ высшихъ клас-
овъ отдѣлять одну комнату спеціально для болтовни (causoir).
же существованіе такой публичной комнаты не менѣе много-
ачительно: у грековъ въ ихъ гимназіяхъ принято было
страивать на ряду съ другими помѣщеніями огороженное про-
транство, покрытое или непокрытое, называемое экседра,
дѣ собирались философы, и которое служило имъ *клубомъ*.

[1] „Намъ нужны,—пишетъ M-lle de Монпасье къ M-me de Мотвиль,—
якаго рода люди, чтобы говорить о всякаго рода вещахъ во время
азговора, *который* на вашъ и на мой вкусъ *есть величайшее удоволь-
ствіе жизни и почти единственное по моему мнѣнію.*

Это было лучше, чѣмъ устраивать салонъ на вольномъ воз
духѣ, какъ въ нашихъ деревняхъ „подъ древеснымъ шат
ромъ“. Римскіе патриціи временъ имперіи, безъ сомнѣнія п
примѣру грековъ, имѣли въ своихъ богатыхъ жилищахъ ря
домъ съ *триклиніями* и библіотеками галлереи, называемы
также экседра, гдѣ они принимали философовъ, поэтовъ
почетныхъ посѣтителей.

Происхожденіе нашихъ современныхъ салоновъ весьм
различно. Не ведутъ ли они свое происхожденіе отъ комнат
для разговора (parloir), существовавшей въ монастыряхъ, хот
она и отвѣчала потребности другого рода, а именно сдѣлат
гдѣ-нибудь исключеніе, и необходимое исключеніе для мона
стырскаго правила молчанія? [1]. Это кажется весьма вѣроят
нымъ. Какъ бы то ни было, появившійся въ итальянских
дворцахъ въ XV в. *салонъ* распространился въ замкахъ фра
цузскаго Ренесанса и въ парижскихъ отеляхъ [2]. Но его рас
пространеніе двигалось весьма медленно въ буржуазныхъ до
махъ вплоть до нашего вѣка, когда нѣтъ такого маленькаг
помѣщенія, которое не претендовало бы имѣть свой салонъ
Читая сдѣланное Делагантомъ описаніе того дома, которы
построилъ себѣ его прапрадѣдъ въ Креси въ 1710 г., я за
мѣчаю, что тамъ не было отдѣльной комнаты для пріема по
сѣтителей. Залу, столовую, даже спальню, все это совмѣщал
въ себѣ одна комната. А дѣло идетъ о представителѣ средне
буржуазіи, стоявшемъ на пути къ обогащенію. Въ этомъ дом
обѣдали часто на кухнѣ. Но въ этомъ домѣ, слывшемъ тогд

[1] Замѣтимъ, что обѣтъ молчанія, добровольный отказъ отъ всякаг
безполезнаго разговора, всегда считался самымъ суровымъ способом
умерщвленія плоти, наиболѣе жестокимъ и чаще всего нарушаемы
правиломъ, какое только могло изобрѣсти воображеніе основателей м
настырскихъ орденовъ. Это доказываетъ до какой степени потребност
болтать является всеобщей и непреоборимой.

[2] Каждая *précieuse* имѣла свой салонъ подъ именемъ *пріюта*, *к
бинета*, *алькова*.

а весьма комфортабельный, былъ „кабинетъ отдохновенія“,
редназначенный для одиночества, а не для пріемовъ.

Во Франціи отель Рамбулье, открывшій свой салонъ почти
на зарѣ великаго вѣка, около 1600 г., былъ не первой ко
ыбелью, но первой школой искусства болтать. И именно бла
годаря 800 précieuses, которыя были воспитаны на этихъ уро
кахъ и имена которыхъ сохранились для потомства, распростра
нилась, употребляя выраженіе одного современника, „всеобщая
горячка разговора“; а изъ Франціи, бывшей въ тѣ времена
всемірнымъ образцомъ, эта страсть вскорѣ распространилась
и за границу. Она несомнѣнно имѣла глубокое вліяніе на об
разованіе и преобразованіе французскаго языка. Précieuses,
говоритъ намъ аббатъ де Пюръ [1], „даютъ торжественный обѣтъ
чистоты стиля, вѣчной войны съ педантами и провинціа
лами“. По словамъ Сомэза, „онѣ говорятъ иногда *новыя слова*,
не замѣчая этого, но вводятъ ихъ съ наивысшей осторож
ностью и деликатностью, какую только можно вообразить“.

По словамъ аббата де Пюръ, вопросы языка и грамматики
поднимаются въ ихъ разговорахъ ежеминутно, по каждому
случаю. Одна изъ нихъ не хочетъ, чтобы говорили: „я люблю
дыню“, такъ какъ это значитъ унижать слово „любовь“.
Каждая изъ нихъ имѣетъ *свой день*, когда назначается сви
даніе противникамъ на этихъ турнирахъ болтовни. Отсюда
появляется *Calendrier des ruelles*. Этотъ обычай приписывался
M-lle de Скюдери, и наши безчисленныя современницы, имѣю
щія также свой день, являются, сами не зная того, ея подра
жательницами.

Для précieuses и для всѣхъ дамъ высшаго общества, под
ражавшихъ имъ, разговоръ былъ такимъ всепоглощающимъ
искусствомъ, что онѣ остерегались на своихъ собраніяхъ
употреблять въ дѣло свои десять пальцевъ, несмотря на со
вершенно противоположный обычай у женщинъ ихъ эпохи.

[1] *Les mystères des ruelles*, романъ (1656 г.).

„Я напрасно искалъ,—говоритъ Редереръ[1],—въ произведеніяхъ того времени указанія на то занятіе, которое дамы высшаго общества примѣшивали къ разговору. Мнѣ хотѣлось бы видѣть въ ихъ рукахъ иголку, челнокъ, вязальный крючокъ, клубокъ; мнѣ хотѣлось бы видѣть этихъ женщинъ вышивающими, занимающимися изящными рукодѣліями". Это тѣмъ болѣе удивительно, что позднѣе мы видимъ еще M-me de Maintenonъ, остающуюся вѣрной прежнимъ обычаямъ, разматывающую мотки нитокъ и считающую свои клубки во время болтовни съ Людовикомъ XIV.

Въ обществѣ дѣйствительно цивилизованномъ недостаточно, чтобы мебель и самые незамѣтные предметы первой необходимости были произведеніями искусства, нужно еще, чтобы малѣйшія слова, малѣйшіе жесты придавали безъ малѣйшей аффкетаціи ихъ характеру полезности характеръ изящества и чистой красоты. Нужно, чтобы были „стильные" жесты, какъ и „стильная" мебель [2]. Въ этомъ смыслѣ выдѣляется нашъ аристократическій свѣтъ XVII и XVIII вѣковъ. Но не будемъ думать, что эта склонность его была исключительной. Подъ другими формами эта потребность чувствовалась во всякомъ утонченномъ обществѣ. Она чувствуется еще въ наше время въ эстетическихъ оазисахъ нашей демократіи. Не выходитъ ли, какъ говоритъ Тэнъ, что вкусъ къ утонченному разговору и къ салонной жизни былъ не только болѣе интенсивенъ въ высшихъ классахъ во времена стараго режима, но и являлся характеристической и единственной особенностью французскаго общества во время этой фазы его развитія?

Здѣсь этотъ столь проницательный умъ впадаетъ въ ошибку, и въ ошибку немаловажную. Напримѣръ, онъ приписываетъ

[1] *Memoires pour servir à l'histoire de la société polie en France.* (1835).

[2] Тюрго, говоритъ Морелле, въ своей юности пользовался нерасположеніемъ своей матери, „которая находила его противнымъ, потому что онъ не умѣлъ кланяться съ настоящей граціей".

салонной жизни склонность къ общимъ идеямъ въ старинной Франціи. Но Токвиль, найдя въ свое время любовь къ общимъ идеямъ гораздо болѣе развитой въ Соединенныхъ Штатахъ, нежели въ Англіи, несмотря на сходство расъ и нравовъ, объясняетъ это, мнѣ кажется, вѣрнѣе вліяніемъ режима равенства. Удовольствіе разговаривать объ общихъ идеяхъ или о моральныхъ обобщеніяхъ было любимо также и въ другихъ мѣстахъ, но оно не породило салонной жизни. Дѣйствительно, салонъ есть только признакъ, какъ мы уже говорили, одинъ изъ признаковъ, а не единственная рамка утонченнаго разговора, который и безъ него зародился въ Греціи во времена Перикла, въ Римѣ во времена Августа, въ средніе вѣка въ итальянскихъ городахъ. Эта потребность разговаривать развивала то жизнь гимназіи, то жизнь форума, то жизнь монастырей, особенно женскихъ монастырей, гдѣ разговоръ въ эпоху Людовика Святого долженъ былъ быть очень оживленнымъ и интереснымъ; епископъ Эдъ Риго, посѣтивъ ихъ, былъ скандализированъ. У насъ, въ теченіе этого столѣтія стремится особенно развиться жизнь кафэ и кружковъ, несмотря на умноженіе „салоновъ", порождаемыхъ подражаніемъ и тщеславіемъ.

Свѣтскость стараго режима была порождена сложными элементами; упомянемъ, кромѣ удовольствія разговаривать, удовольствіе копировать дворъ или копіи двора, т. е. іерархическую группировку мужчинъ и женщинъ подъ предсѣдательствомъ одного лица, къ которому всѣ относятся съ почтеніемъ и которое представляетъ собою монарха въ уменьшенномъ видѣ: хозяинъ или хозяйка дома. Способъ поведенія въ такой средѣ не состоитъ исключительно въ искусствѣ поддерживать разговоръ, онъ предполагаетъ прежде всего ловкое, увѣренное, деликатное распредѣленіе нюансовъ уваженія по различію достоинствъ и ранговъ; и удовольствіе отъ удовлетворенныхъ такимъ образомъ самолюбій въ подобномъ въ высшей степени іерархическомъ обществѣ цѣнится

по крайней мѣрѣ наравнѣ съ удовольствіемъ отъ обмѣна мыслей, отъ соглашенія идей. Наконецъ, родъ гегемоніи, цареніе въ разговорѣ, предоставленное дамамъ во французскомъ салонѣ не могло бы быть понятно безъ стариннаго рыцарскаго установленія, обломки котораго собрали монархическіе дворы.

Тѣ упреки, которые Тэнъ въ своей книгѣ о *старомъ порядкѣ* обращаетъ къ свѣтской жизни, не могутъ относиться ко всей жизни разговора. Не справедливо, что эта жизнь была обязательно „искусственной и сухой“. И даже по отношенію къ наиболѣе аристократической салонной жизни это справедливо только до извѣстной степени. Прежде всего, салонная жизнь можетъ сколько угодно выказывать уваженіе къ общественной іерархіи, какъ прежде всего она стремится къ общественной гармоніи путемъ взаимной деликатности въ обращеніи съ самолюбіями; въ силу необходимости должно произойти то, что даже соблюдая разстоянія ранговъ, она будетъ уменьшать ихъ. О ней, какъ о дружбѣ, можно сказать: *pares aut facit aut invenit*; она рождается только между равными или она уравниваетъ; она рождается только между подобными или она ассимилируетъ. Но она уравниваетъ и ассимилируетъ только постепенно. Не подлежитъ сомнѣнію, что равенство правъ и ранговъ является единственнымъ устойчивымъ и окончательномъ равновѣсіемъ самолюбій, находящихся въ продолжительномъ соприкосновеніи. Впрочемъ, она, какъ всѣмъ извѣстно, есть простая условная маска, прозрачная вуаль, прикрывающая глубокое неравенство талантовъ и индивидуальныхъ достоинствъ, и служитъ для приданія имъ большей цѣны. Эта фикція равенства есть окончательный расцвѣтъ общественности. При королевскомъ дворѣ, вопреки всѣмъ преградамъ этикета, привычка жить и разговаривать съ королемъ устанавливаетъ между нимъ и его подданными почти уравнивающую фамильярность. „Ваше Величество,— говорилъ Людовику XVI маршалъ Ришелье, свидѣтель двухъ предшествовавшихъ царствованій,—при Людовикѣ XIV не смѣли сказать ни слова, при Людовикѣ XV говорили потихоньку, при Вашемъ Величествѣ говорятъ громко“. Но уже гораздо раньше того, какъ уменьшилось разстояніе между придворными и царственнымъ хозяиномъ дома, разстояніе раздѣлявшее приглашенныхъ, сглаживалось мало-по-малу, и безконечныя ступени благородства начали сливаться въ почтеніяхъ Двора.

„Искусственная“? Правда ли, что салонная жизнь,—прибавимъ жизнь кружковъ, кафэ, и т. д.,—искусственна? Общительная натура человѣка не толкаетъ ли его всегда и вездѣ къ этимъ общимъ играмъ, къ этимъ собраніямъ ради удовольствія подъ самыми разнообразными формами? И не такъ ли же естественны для него эти формы, какъ *стадное чувство* естественно для барана?

Что касается той „сухости сердца“, которую обязательно порождаетъ салонная жизнь, то причину этого я вижу въ томъ чрезмѣрномъ неравенствѣ, которое создается между родителями и дѣтьми и даже между друзьями благодаря аристократическому почтенію, пока оно еще существуетъ вполнѣ. Но лишь только, благодаря самому дѣйствію салонной жизни, какъ мы сейчасъ сказали, это неравенство начинаетъ уменьшаться, появленіе естественныхъ чувствъ нѣжности и страсти охотно допускается; и выставленіе ихъ на показъ можетъ даже превратиться въ свѣтскую аффектацію, какъ это и было впродолженіе всей второй половины XVIII вѣка, благодаря „возвращенію къ природѣ“, ко всему, что лишено искусственности, къ далекимъ временамъ. Одинъ тотъ фактъ, что салонная жизнь во время одной изъ своихъ фазъ, при своей окончательной фазѣ и, такъ сказать, при своемъ паденіи, благопріятствовала распространенію чувствительности и нѣжнымъ изліяніямъ, этотъ фактъ показываетъ намъ ясно, что сухость сердца не является существеннымъ характернымъ свойствомъ свѣтскости.

Правда, что салонная жизнь во все продолженіе стараго

порядка вредила семейной жизни. Но то же самое можно сказать о всякомъ поглощающемъ занятіи, будь то занятіе профессіональное, эстетическое, политическое или религіозное. То, что мѣшаетъ семейной жизни теперь, это уже не салонная жизнь, но это жизнь кружка и кафэ, для рабочаго — жизнь мастерской, для адвоката—жизнь суда, для политическаго дѣятеля — жизнь избирательная и парламентская. Позднѣе, и еще съ большей силой, если бы мечта коллективистовъ была осуществима, это была бы жизнь фаланстеріи.

Мы не можемъ опять-таки считать однимъ изъ существенныхъ характерныхъ признаковъ свѣтскости то, на что Тэнъ указываетъ какъ на наиболѣе присущую ей и наиболѣе замѣтную черту, а именно отвращеніе къ сильнымъ новшествамъ, боязнь всего оригинальнаго. Дѣйствительно, слѣдствіемъ всякой интенсивной общественной жизни является такой стремительный потокъ нравовъ, мнѣній, обычаевъ, что трудно противиться ему и большинство среднихъ оригинальностей бываютъ поглощены имъ. Однѣ только сильныя и исключительныя оригинальности уцѣлѣваютъ въ немъ, и тогда онѣ становятся очагомъ новой заразы, который распространяетъ ихъ личную печать, замѣняя его, или накладывая ее на прежнее клеймо. Такова была проповѣдь одичанія Руссо, которая, прозвучавъ диссонансомъ среди необузданной свѣтской жизни того времени, передѣлала ее по своему вкусу. Можно ли также сказать, что люди, подобные Дидро [1], Вольтеру и многіе другіе не могли заставить принять свою личность, какъ только притупивъ ее?

[1] Морелле, среди другихъ современниковъ Дидро, восхищается его разговоромъ. „Въ немъ было много могущества и очарованія; его споръ былъ оживленъ полной искренностью, былъ тонокъ безъ неясности, разнообразенъ въ своихъ формахъ, блисталъ воображеніемъ, былъ обиленъ идеями и будилъ идеи у другихъ: впродолженіе цѣлыхъ часовъ можно было отдаваться ему, какъ теченію рѣки.“—Начиная со второй половины послѣдняго столѣтія, именно частные свѣтскіе разговоры были скрытыми источниками великаго потока революціи. Вотъ гдѣ самое страшное возраженіе предполагаемому мизонеизму салоновъ.

V.

Эволюція салонной жизни можетъ послужить намъ для того, чтобы разсмотрѣть съ другой и болѣе уловимой стороны эволюцію разговора.—Называютъ „обществомъ“—(превосходное выраженіе, такъ какъ оно напоминаетъ, что общественное отношеніе par excellence, единственное достойное этого названія, есть обмѣнъ идей) — группу людей, имѣющихъ обыкновеніе собираться гдѣ-нибудь для того, чтобы поболтать другъ съ другомъ. Въ самыхъ низшихъ народныхъ слояхъ существуютъ „общества“, но они настолько же малы, насколько многочисленны. Въ глубинѣ деревень, наиболѣе удаленныхъ, два или три крестьянина привыкнутъ встрѣчаться на посидѣлкахъ или въ кабакѣ, и пусть на посидѣлкахъ больше работаютъ, а въ кабакѣ больше пьютъ, нежели говорятъ, но тамъ все-таки говорятъ. Это уже есть зародышъ салона и кружка. По мѣрѣ того какъ мы поднимаемся вверхъ по общественной лѣстницѣ, мы видимъ, что количество обществъ уменьшается, но зато каждое изъ нихъ увеличивается. Кафэ рабочихъ раздѣляются уже на болѣе многочисленныя группы обычныхъ собесѣдниковъ и спорщиковъ. Мелкіе торговцы имѣютъ салонъ, очень тѣсный, гдѣ бываетъ въ уменьшенномъ видѣ копія собраній высшаго класса. Эти послѣднія въ большинствѣ среднихъ городовъ едва раздѣляются на два или три „общества“, и иногда даже,—были такіе факты,—и они стремятся стать общими, они образуютъ даже „*одно* общество“, нѣчто въ родѣ свѣтской корпораціи. Даже въ самыхъ большихъ городахъ замѣчается такое стремленіе, и въ Парижѣ, въ Вѣнѣ, въ Лондонѣ, вездѣ на зло прогрессу демократіи, классъ, считающійся еще за самый блестящій, если не самый высшій, изыскиваетъ случаи для того, чтобы фрагменты его, уже очень объемистые, могли встрѣчаться и объединяться.

Такимъ образомъ, хотя и за многими исключеніями, общее правило будетъ то, что объемъ *общества* находится въ об-

ратномъ отношеніи съ численнымъ значеніемъ того класса, къ которому оно принадлежитъ; оно будетъ тѣмъ объемистѣе, чѣмъ къ менѣе многочисленному классу будутъ принадлежать его члены. Отъ черни къ аристократіи соціальная пирамида идетъ все суживаясь, въ то время какъ общества расширяются. Это объясняется бо́льшимъ досугомъ, большимъ количествомъ знакомствъ, общихъ сюжетовъ разговора, по мѣрѣ того какъ мы взбираемся по соціальной лѣстницѣ, и въ то же самое время это показываетъ постоянное стремленіе соціальнаго прогресса расширить насколько возможно общеніе умовъ, ихъ взаимное посѣщеніе и проникновеніе, такъ какъ именно при разговорѣ умы посѣщаютъ другъ друга и взаимно проникаютъ другъ въ друга.

Сюжеты разговора различны въ различныхъ соціальныхъ слояхъ. О чемъ говорятъ въ маленькихъ крестьянскихъ кружкахъ, собравшихся на посидѣлки? Немного больше о дождѣ и о хорошей погодѣ, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, потому что эта тема, отнюдь здѣсь не праздная, связана съ надеждами или опасеніями за будущій урожай. Только во время выборныхъ періодовъ говорятъ о политикѣ. Тогда занимаются сосѣдями, высчитываютъ ихъ доходы, сплетничаютъ. Эта профессіональная и личная сторона преобладаетъ въ разговорахъ рабочихъ и мелкихъ коммерсантовъ; но политика, понимаемая сообразно взглядамъ ежедневной газеты, замѣняетъ дождь и хорошую погоду, какъ основной сюжетъ. Политическая метеорологія водворилась на мѣсто небесной метеорологіи, что является уже общественнымъ прогрессомъ. Даже юристы и врачи, хотя и любящіе иногда говорить о своей профессіи, часто стараются забыть о ней и отваживаются высказать нѣкоторыя соображенія философскаго или научнаго характера [1]. Наконецъ, дойдя до *обществъ* наиболѣе куль-

[1] Такъ дѣло было не всегда, и чѣмъ больше мы углубляемся въ прошлое, тѣмъ болѣе мы замѣчаемъ, что люди даже среднихъ классовъ запираютъ себя въ кругъ своихъ личныхъ занятій. Въ одномъ изъ писемъ

тивированныхъ, мы увидимъ, что разговоры, вызванные профессіей и текущей политикой, сводятся къ *minimum*'у, и разговоръ вращается вокругъ общихъ идей, взаимно возбуждаемыхъ чтеніемъ, путешествіями, первымъ прочнымъ и продолжительнымъ образованіемъ, личными размышленіями.

Что касается этихъ послѣднихъ группъ, то мы видимъ, что ежедневная пресса перестаетъ быть для нихъ метрономъ и обычнымъ руководителемъ разговора, или по крайней мѣрѣ ея возбуждающее дѣйствіе менѣе непосредственно, если не менѣе глубоко. Она служитъ для нихъ прямой пищей только тогда, когда какая-нибудь сенсаціонная новость

къ M-lle de Робинанъ (1644) M-lle Скюдери, ради шутки, описываетъ путешествіе, которое она совершила въ почтовомъ дилижансѣ, и тѣ разговоры, которые завязались между компаньонами путешествія, а именно однимъ молодымъ „partisan'омъ“ (финансистомъ), плохимъ музыкантомъ, горожанкой изъ Руана, только что проигравшей процессъ въ Парижѣ, бакалейщицей съ улицы Сентъ-Антуанъ и торговкой свѣчами съ улицы Мишель Лепонтъ, стремившейся увидѣть „море и страну“, молодымъ школьникомъ, возвращавшимся изъ Буржа къ своимъ занятіямъ, плутомъ буржуа, „остроумцемъ изъ нижней Нормандіи, который говорилъ остротъ больше, чѣмъ говорилъ ихъ аббатъ Франкето, когда онѣ были въ модѣ, и который, желая высмѣять всю компанію, самъ былъ смѣшнѣе всѣхъ другихъ“. И вотъ, когда всѣ эти люди принимаются болтать, то они говорятъ каждый о своихъ личныхъ или профессіональныхъ занятіяхъ. „Partisan“ „постоянно возвращается къ вопросу о су и ливрахъ“ Музыкантъ безпрестанно хочетъ пѣть. Торговка свѣчами думаетъ о своей лавкѣ. „Молодой школьникъ говоритъ только о законодательствѣ, объ обычаяхъ и о Кюжасѣ“ по каждому поводу. „Если разговоръ заходилъ о красивыхъ женщинахъ, онъ говорилъ, что у Кюжаса была красивая дочь“. Итакъ, мы видимъ ясно, что этотъ діалогъ представлялъ собою только чередующіеся монологи, и что здѣсь не было общихъ сюжетовъ, способныхъ заинтересовать сразу всѣхъ собесѣдниковъ, не было „общаго разговора“. Въ наше время, благодаря газетамъ, такіе общіе сюжеты всегда существуютъ между самыми различными по классу и по профессіи собесѣдниками. Иногда ихъ бываетъ даже слишкомъ много. Итакъ, M-lle de Скюдери называетъ это случайное общество путешественниковъ *плохой компаніей*. Дѣйствительно, въ эту эпоху, для того

или захватывающій вопросъ наполняетъ газеты. Внѣ такихъ случаевъ разговоръ эмансипируется, принимаетъ непредвидѣнное теченіе, выкапываетъ чуждые, экзотическіе сюжеты, и такимъ образомъ образуетъ изъ „общества“ *сверхкультурныхъ* людей, магическій кругъ, который безостановочно расширяется въ пространствѣ и во времени, объединяя между собой всѣ избранные элементы цивилизованныхъ націй и связывая ихъ вмѣстѣ съ „порядочными людьми“ прошлаго въ каждой изъ нихъ [1].

чтобы наслаждаться прелестью *общаго разговора*, прелестью интереса, общаго для всѣхъ разговаривающихъ, нужно было жить въ замкнутомъ и огражденномъ стѣнами обществѣ, состоящемъ изъ людей одного и того же класса и одинаковаго образованія, какъ отель Рамбулье. Этимъ объясняется притягательная прелесть этихъ убѣжищъ ума. Лафонтенъ въ письмахъ къ своей женѣ также говоритъ кое-что о разговорахъ своихъ компаньоновъ по путешествію въ почтовомъ дилижансѣ. Они были весьма безсодержательны, за исключеніемъ одного оживленнаго спора, возникшаго между католиками и протестантами изъ-за догматовъ.

[1] Дѣйствительно, весьма вѣроятно, что если бы *précieuses* XVIII в. могли возродиться и естественно начать разговаривать, то ихъ разговоръ былъ бы для насъ интересенъ. Навѣрное онъ представлялъ бы огромнѣйшій интересъ для нашихъ феминистовъ. Въ ихъ собраніяхъ, по словамъ аббата де Пюръ, „разбираютъ, какой изъ наукъ или какому роду поэзіи принадлежитъ преимущество“. Поднимается вопросъ о томъ, нужно ли исторію предпочитать романамъ, или романы исторіи Спрашиваютъ о томъ, какой свободой пользуются и имѣютъ право пользоваться женщины въ обществѣ и въ супружеской жизни. Свобода, восхваляемая по этому случаю, больше похожа на владычество чѣмъ на независимость. Мнѣ кажется, произноситъ говорящая, что подозрѣнія мужа даютъ женѣ право грѣшить. Одна précieuse хвалитъ Корнеля, другая предпочитаетъ ему Бансерада, какъ поэта, болѣе галантнаго, и придворнаго человѣка. Третья беретъ сторону Шапелэна. У Скюдери разсуждаютъ о Кино... Иногда случается, что одна изъ précieuse оплакиваетъ своего друга *и вдругъ начинаетъ разсуждать о печали*. Она думаетъ, что суть печали должна состоять въ томъ, чтобы вновь переживать то наслажденіе, которое доставлялъ покойный. Одна антагонистка возстаетъ противъ этой системы, въ которой она усматриваетъ нѣчто варварское.

Эти „порядочные люди“ всѣхъ временъ, образцовый типъ наивысшей общительности, узнаются по неистощимому богатству всегда новыхъ темъ для разговора, которыя доставляетъ имъ прежде всего общее и одинаковое со всѣми образованіе, блестяще увѣнчивающее спеціальное и техническое образованіе. Я не хочу разрѣшать по этому поводу въ двухъ словахъ такую важную и такую мучительную задачу, какова реформа классическаго образованія; но я позволю себѣ замѣтить, что если бы сознавали все огромное общественное значеніе разговора, то не замедлили бы почерпнуть изъ этого аргументъ достаточно солидный, аргументъ во всякомъ случаѣ достойный разсмотрѣнія, въ пользу сохраненія традиціонной культуры въ широкихъ размѣрахъ.

Тогда стало бы ясно, что главная польза изученія языковъ и древней литературы заключается не только въ томъ, чтобы поддерживать соціальное родство послѣдовательныхъ поколѣній, но и въ томъ, чтобы установить въ каждую эпоху тѣсную интеллектуальную и умственную связь между всѣми фракціями избранныхъ извѣстной націи, или даже между избранными всѣхъ націй и позволить всѣмъ этимъ избраннымъ разговаривать другъ съ другомъ съ интересомъ, съ удовольствіемъ, къ какой бы профессіи они ни принадлежали, и изъ какого бы класса, изъ какой страны они ни происходили.

Предположите, что изученіе латинскаго языка и латинскихъ авторовъ, точно такъ же, какъ изученіе философіи и исторіи философіи, было вдругъ уничтожено во французскихъ школахъ: вскорѣ произошелъ бы разрывъ частей въ основѣ французскаго ума, новыя поколѣнія перестали бы принадлежать къ тому же *обществу*, какъ и старшее поколѣніе; и различные французскіе профессіоналисты, доктора, инженеры, адвокаты, военные, промышленники, получившіе спеціальное образованіе, были бы *въ общественномъ смыслѣ* чуждыми другъ другу. У нихъ не было бы другого общаго инте-

реса, а слѣдовательно и другого разговора, какъ санитарны вопросы, дождь и хорошая погода или газетная политика И тогда вдругъ „*душа* Франціи“ была бы разбита не на два а на сто кусковъ.

Я знаю, что въ глазахъ экономистовъ прежней эпохи польз для культурныхъ людей отъ возможности эксплоатироват одинъ и тотъ же источникъ разговора должна представлять ся самымъ безплоднымъ пустякомъ. Разговаривать для нихъ— это значитъ терять свое время, и очевидно, что если вс соціальная жизнь должна сводиться къ утрированному про изводству, къ производству ради производства, то слово имѣ етъ право быть терпимо только какъ средство обмѣна. Н такое общество, которое осуществило бы этотъ идеалъ, гд люди говорили бы другъ съ другомъ только для того, чтобы сговориться о дѣлѣ, покупкѣ, одолженіи, соединеніи, могл ли бы такое общество назваться дѣйствительно обществомъ Не было бы тогда ни литературы, ни искусства, не было бы удовольствія поболтать между друзьями, даже за обѣдомъ Молчаливые обѣды, буфетъ между двумя скорыми поѣздами жизнь дѣловая и нѣмая: если мы оттолкнемъ эту перспекти ву, если мы подумаемъ о свойственной намъ всѣмъ суще ственной потребности все лучше и лучше понимать друг друга для того, чтобы все больше и больше любить извинять другъ друга, и если мы согласимся, что удовле твореніе этой глубокой потребности есть самый лучшій и са мый сладкій плодъ цивилизаціи, то мы должны будемъ при знать главной обязанностью правительствъ не дѣлать ничего что могло бы пресѣчь распространеніе интерспиритуальных отношеній, и дѣлать все, что могло бы ему благопріятство вать.

VI.

Послѣ того, какъ мы говорили о разновидностяхъ разго вора, о его видоизмѣненіяхъ и причинахъ, скажемъ нѣсколь

словъ о его послѣдствіяхъ, сюжетѣ, котораго мы едва коснулись. Будемъ классифицировать его послѣдствія, чтобы не пропустить какого-либо важнаго изъ нихъ, по различнымъ большимъ категоріямъ соціальныхъ отношеній. Съ точки зрѣнія лингвистической, онъ сохраняетъ и обогащаетъ языки, если не расширяетъ ихъ территоріальнаго владѣнія; онъ порождаетъ различнаго рода литературы и въ особенности драму. Съ точки зрѣнія религіозной, онъ является самымъ плодотворнымъ средствомъ проповѣди, онъ распространяетъ поочередно догматы и скептицизмъ. Религіи утверждаются и ослабляются не столько благодаря проповѣдямъ, сколько благодаря разговорамъ. Съ точки зрѣнія политической, разговоръ до прессы является единственной уздой для правительствъ, недоступное убѣжище свободы; онъ создаетъ репутаціи и обаяніе, онъ располагаетъ славой и при помощи ея властью. Онъ стремится уравнять собесѣдниковъ, уподобляя ихъ другъ другу, и разрушаетъ іерархію въ силу того, что выражаетъ ее. Съ точки зрѣнія экономической, онъ объединяетъ сужденія относительно пользы различныхъ богатствъ, создаетъ и точно опредѣляетъ идею стоимости, устанавливаетъ лѣстницу и систему стоимостей. Такимъ образомъ, эта ненужная болтовня, простая потеря времени въ глазахъ утилитарныхъ экономистовъ, есть въ дѣйствительности экономическій агентъ наиболѣе неизбѣжный, потому что безъ него не было бы мнѣнія, а безъ мнѣнія не было бы цѣнности, основного понятія политической экономіи и, по правдѣ сказать, многихъ другихъ спеціальныхъ наукъ.

Съ точки зрѣнія моральной, онъ борется безпрестанно и чаще всего съ успѣхомъ противъ эгоизма, противъ склонности преслѣдовать въ поступкахъ чисто индивидуальныя цѣли; онъ намѣчаетъ и разрабатываетъ телеологію вполнѣ соціальную, противопоставляя ее этой индивидуальной телеологіи; ради этой соціальной телеологіи онъ посредствомъ похвалъ и порицаній, которыя раздаются кстати и переда-

ются заразительно, распространяетъ спасительныя иллюзі
или условную ложь. Благодаря взаимному проникновенію умов
и душъ, онъ содѣйствуетъ зарожденію и развитію психологі
именно не индивидуальной, а прежде всего соціальной и мо
ральной. Съ точки зрѣнія эстетической, онъ порождает
вѣжливость при помощи любезности сперва односторонней
затѣмъ сдѣлавшейся взаимной; онъ стремится согласоват
между собой сужденія вкуса, въ концѣ концовъ достигает
этого и вырабатываетъ такимъ образомъ поэтическое искус
ство, эстетическій кодексъ, имѣющій верховное владычеств
въ каждую эпоху и въ каждой странѣ. Итакъ, онъ могуще
ственно содѣйствуетъ дѣлу цивилизаціи, первыми условіям
которой являются вѣжливость и искусство.

Гиддингсъ въ своихъ *Принципахъ соціологіи* дѣлаетъ замѣ
чаніе относительно разговора, и замѣчаніе важное. По его мнѣ
нію, когда два человѣка встрѣчаются, то разговоръ, которы
они ведутъ другъ съ другомъ, есть только дополненіе къ их
взаимнымъ взглядамъ, которыми они окидываютъ другъ друга
пытаются узнать, принадлежатъ ли они къ одному и тому ж
общественному виду, къ одной и той же общественной группѣ

„Мы лелѣемъ,—говоритъ онъ,—иллюзію, которая заставля
етъ насъ вѣрить, что мы болтаемъ, потому что интересуемс
тѣми вещами, о которыхъ говоримъ, точно такъ же какъ мы
лелѣемъ самую сладостную изъ всѣхъ иллюзій, а именно вѣ
ру въ искусство для искусства. На самомъ же дѣлѣ всяко
выраженіе вульгарное или художественное и всякое общеніе
начиная съ случайнаго разговора при первомъ вступленіи в
отношенія и кончая самыми глубокими интимными разгово
рами настоящей любви, все это вытекаетъ изъ источник
элементарной страсти взаимно познакомиться другъ съ дру
гомъ и установить сознаніе вида“. Что первый разговор
двухъ встрѣтившихся незнакомыхъ другъ другу людей *всегд*
имѣетъ характеръ, указанный Гиддингсомъ, это уже осно
римо, хотя и вѣрно во многихъ случаяхъ. Но вѣроятно, чт

дальнѣйшіе разговоры, происходящіе между ними послѣ того,
какъ состоялось ихъ взаимное знакомство, носятъ совершен
но другой характеръ. Они стремятся соединить ихъ въ одно
общество, или укрѣпить это соединеніе, если они уже при
надлежатъ къ одному и тому же обществу. Они стремятся,
слѣдовательно, породить и подчеркнуть, расширить и углу
бить *сознаніе вида*, а не просто только опредѣлить его. Дѣло
идетъ не о томъ, чтобы обнажить свои границы, но чтобы
безпрестанно расширять ихъ.

Возвратимся къ нѣкоторымъ изъ этихъ общихъ послѣд
ствій. Когда цивилизованный народъ, благодаря вторичной
утратѣ безопасности, поломкѣ мостовъ, негодности до
рогъ къ употребленію, отсутствію писемъ, общественныхъ
связей, впадаетъ въ варварство, онъ становится относитель
но молчаливымъ. Тамъ много говорили прозой и стихами,
словесно и письменно; тамъ теперь почти совсѣмъ не гово
рятъ. До какой степени любили разговаривать въ моментъ
передъ паденіемъ имперіи, можно составить себѣ понятіе по
различнымъ мѣстамъ у Макробія, современника Ѳеодосія
Младшаго. Въ его *Сатурналіяхъ* (какъ извѣстно, написан
ныхъ въ діалогахъ) одинъ изъ собесѣдниковъ говоритъ дру
гому: „Обращайся кротко съ твоимъ невольникомъ, допускай
его милостиво къ разговору“. Онъ порицаетъ, повидимому,
рѣдкій въ его эпоху обычай тѣхъ, которые не позволяютъ
своимъ невольникамъ разговаривать съ ними, прислуживая
имъ у стола. Въ другомъ мѣстѣ одно изъ его дѣйствую
щихъ лицъ говоритъ: „Въ теченіе всей моей жизни, Децій,
для меня не было ничего лучше, какъ употреблять досугъ,
оставшійся мнѣ отъ защиты, на разговоръ въ обществѣ
образованныхъ людей, въ родѣ тебя, напримѣръ. Хорошо на
правленный умъ не можетъ найти отдохновенія болѣе благо
роднаго и полезнаго, какъ бесѣда, гдѣ вѣжливость украшаетъ
какъ вопросъ, такъ и отвѣтъ“. Правда, эта послѣдняя фраза
напоминаетъ уже приближающееся варварское состояніе, если

только эта любовь къ разговору, немного торжественному
многорѣчивому, который былъ осмѣянъ Гораціемъ, не об
ясняется ораторскими привычками этого адвоката.

Изолированный крестьянинъ молчитъ; варваръ въ своем
крѣпкомъ жилищѣ, въ своемъ ущельи въ скалѣ не говорит
ни слова. Когда онъ случайно заговоритъ, то для того, чтоб
сказать рѣчь. Не этимъ ли столь простымъ фактомъ сл
дуетъ объяснить разложеніе латинскаго языка и появлен
неолатинскихъ языковъ? Если бы галло-романскія селен
продолжали существовать и сообщаться между собой посл
паденія императорскаго трона, такъ же, какъ и прежде, т
по всей вѣроятности никогда не перестали бы говорить по
латыни на всей территоріи имперіи. Но за недостаткомъ бе
престаннаго упражненія въ словѣ на огромномъ простра
ствѣ и въ самыхъ измѣнчивыхъ условіяхъ, упражненія ко
тораго требовало сохраненіе такого богатаго и сложнаг
языка, неизбѣжно должно был случиться, что большинств
словъ погибло, осталось безъ объекта, и что деликатно
чувство нюансовъ склоненія и спряженія утратилось и и
гладилось среди земледѣльцевъ, пастуховъ, варваровъ, обр
ченныхъ на одиночество за неимѣніемъ хорошо содержащих
дорогъ и хорошо урегулированныхъ отношеній. Что же тогд
случилось? Когда эти существа, обыкновенно молчаливы
чувствовали потребность сообщать другъ другу какую-ли
идею, всегда грубую, то ихъ заржавленный языкъ отказы
вался доставить имъ точное выраженіе, и смутное выражен
удовлетворяло ихъ вполнѣ; суженіе ихъ словаря влекло з
собой упрощеніе ихъ грамматики; латинскія слова, латинск
обороты и окончанія приходили имъ на память только в
искаженномъ и испорченномъ видѣ, и для того, чтобы бы
понятыми, они должны были усиливать свою изобрѣтател
ность и тѣмъ въ большей степени, чѣмъ больше они утр
тили привычку говорить правильно и легко. И человѣкъ ок
зался тогда почти въ томъ же состояніи, въ какомъ он

аходился въ доисторическія времена, когда, не владѣя еще
арюмъ слова, онъ долженъ былъ мало-по-малу изобрѣтать
лово также при помощи изобрѣтательныхъ попытокъ, сосре-
оточивая на удовлетвореніи насущной потребности словес-
аго общенія всѣ свои умственныя способности. И такимъ
бразомъ изъ цѣлой массы нововведеній, придуманныхъ людь-
ми съ VII до X вѣка для того, чтобы легче понять другъ дру-
га, произошли романскіе языки. За отсутствіемъ частыхъ и
разнообразныхъ разговоровъ латинскій языкъ разложился, и
начали образовываться зародышъ неолатинскихъ языковъ,
а позднѣе, благодаря возврату къ общественной жизни, къ
обычнымъ разговорамъ, неолатинскіе языки увеличились и
расцвѣли. Не такъ ли же точно было со всякимъ разложе-
ніемъ и зарожденіемъ языка?

Если прекращеніе разговоровъ разлагаетъ культивиро-
ванные языки или же ослабляетъ ихъ, то возвратъ къ обще-
ственнымъ отношеніямъ и необходимо сопровождающимъ ихъ
разговорамъ есть первая причина образованія новыхъ язы-
ковъ. Точно такъ же этотъ процессъ образованія будетъ мед-
леннѣе или быстрѣе, сообразно съ тѣмъ, будетъ ли онъ про-
исходить въ странѣ, гдѣ населеніе весьма рѣдко и раздроб-
ленно, или же въ области относительно густо заселенной и
централизованной. Именно такой контрастъ представляетъ
намъ Англія въ средніе вѣка по сравненію съ неолатински-
ми народами. И не можетъ ли этотъ контрастъ служить для
объясненія того, почему французскимъ діалектамъ понадоби-
лось столько вѣковъ для того, чтобы образоваться, и діалекту
Иль-де-Франса для того, чтобы утвердиться во всѣхъ фран-
цузскихъ провинціяхъ, въ то время какъ англійскій языкъ
создался и распространился съ быстротой, поражающей линг-
вистовъ? Это потому, что, какъ указалъ Бутми, вмѣстѣ съ
другими историками, централизація власти утвердилась въ
Великобританіи гораздо раньше, чѣмъ у насъ, и благодаря
заключенію жителей на островѣ могущественно содѣйствовала

ихъ болѣе быстрому объединенію. Ассимилирующее подражаніе дѣйствовало тамъ, переходя отъ группы къ группѣ, съ большей силой, нежели во Франціи, и уже начиная съ среднихъ вѣковъ. Представьте себѣ все, что предполагаетъ умноженіе разговоровъ между индивидуумами и между людьми различныхъ ранговъ, классовъ, разныхъ графствъ, постепенное исчезновеніе многочисленныхъ нарѣчій или только двухъ различныхъ языковъ, каковы англо-саксонскій и романскій, передъ однимъ языкомъ, который создается и развивается въ то время, какъ распространяется, который даже своимъ образованіемъ обязанъ своему распространенію. И дѣйствительно, характерная черта англійской жизни въ средніе вѣка та, что это — общая жизнь всѣхъ классовъ въ безпрерывномъ столкновеніи и обмѣнѣ примѣровъ. Прибавимъ мимоходомъ, что тамъ, какъ и вездѣ, подражаніе особенно распространялось отъ высшихъ къ низшимъ [1], начиная съ столь блестящихъ дворовъ, гдѣ разговоръ былъ уже такъ благороденъ и утонченъ; и нужно искать объясненія этой столь быстрой и глубокой ассимиляціи въ установленіи англійской іерархіи, въ сближеніи ея послѣдовательныхъ ступеней, достаточно различныхъ для того, чтобы существовалъ престижъ высшей ступени, и недостаточно раздѣленныхъ для того, чтобы отнять охоту къ соревнованію.

Политическая роль разговора не менѣе значительна, не-

[1] Можно видѣть примѣненіе этого закона даже у дикарей. Описывая нравы дикихъ акадійцевъ, Шарлевуа *(Histoire de la nouvelle France)* пишетъ: «Каждое мѣстечко имѣло своего *sagamo* (начальника), не зависящаго отъ другихъ; но всѣ они поддерживали между собой нѣкотораго рода сношенія, которыя тѣсно связывали всю націю. Они употребляли большую часть хорошаго времени года на то, чтобы посѣщать другъ друга и держать совѣты, на которыхъ говорилось объ общихъ дѣлахъ». Такимъ образомъ привычка разговаривать регулярно и періодически и спеціально посѣщать другъ друга родилась у начальниковъ племенъ и, распространяясь, содѣйствовала взаимной ассимиляціи сосѣднихъ народовъ.

жели лингвистическая. Существуетъ тѣсная связь между функціонированіемъ разговора и измѣненіями общественнаго мнѣнія, отъ чего зависитъ перемѣнчивость власти. Если гдѣ-нибудь общественное мнѣніе измѣняется мало, медленно, остается почти неподвижнымъ, это значитъ, что разговоры тамъ рѣдки, скромны, вращаются въ узкомъ кругѣ сплетенъ. Если же общественное мнѣніе подвижно, если оно переходитъ отъ одной крайности къ другой, это значитъ, что разговоры тамъ часты, смѣлы, свободны. Гдѣ мнѣніе слабо, тамъ, значитъ, говорятъ безъ одушевленія; гдѣ оно сильно, тамъ, значитъ, сильно спорятъ; гдѣ оно яростно, тамъ, значитъ, разгораются страсти во время спора; гдѣ оно бываетъ исключительнымъ, требовательнымъ, тираническимъ, это значитъ, что разговаривающіе находятся во власти коллективнаго безумія, въ родѣ пресловутаго „дѣла“; гдѣ оно носитъ либеральный характеръ, тамъ, значитъ, разговоры разнообразны, свободны, питаются общими идеями.

Эта связь между мнѣніемъ и разговоромъ такъ тѣсна, что позволяетъ намъ возстановить разговоръ въ извѣстныхъ случаяхъ, когда у насъ нѣтъ документовъ относительно послѣдняго, но намъ извѣстно первое. У насъ мало свѣдѣній относительно разговоровъ прошедшихъ лѣтъ; но у насъ есть нѣкоторыя свѣдѣнія касательно того, въ какой мѣрѣ мнѣніе имѣло рѣшающее вліяніе здѣсь или тамъ, въ той или другой націи, въ такомъ-то и такомъ-то классѣ на рѣшенія политической или судебной власти. Напримѣръ, мы знаемъ, что правительства Аѳинъ въ гораздо большей степени, нежели правительства Спарты, были созданы мнѣніемъ; отсюда мы были бы въ правѣ сдѣлать заключеніе, если бы не имѣли свѣдѣній изъ другихъ источниковъ, что аѳиняне были гораздо говорливѣе лакедемонянъ. Во время Людовика XIV мнѣніе двора имѣло большое вліяніе, гораздо большее, чѣмъ думаютъ, на рѣшеніе монарха, который безсознательно подчинялся ему; мнѣніе *города* не шло въ счетъ, а мнѣніе провинцій вовсе

игнорировалось. Это означаетъ, что при дворѣ разговоривали много объ общественныхъ дѣлахъ, въ городѣ говорили мало и еще меньше во всей остальной Франціи. Но въ моментъ революціи эти пропорціи были разрушены, потому что примѣръ политическаго разговора, данный высшими сферами, мало-помалу спустился до самой глубины деревень.

Итакъ, эволюція власти объясняется эволюціей мнѣнія, которое само объясняется эволюціей разговора, а этотъ въ свою очередь объясняется цѣлымъ рядомъ различныхъ источниковъ: воспитаніемъ въ семьѣ, школой, обученіемъ, проповѣдями, политическими рѣчами, книгами, газетами. И періодическая пресса питается свѣдѣніями изъ цѣлаго свѣта, которыя касаются всего, что происходитъ исключительнаго, геніальнаго, изобрѣтательнаго, новаго. Газеты бываютъ болѣе или менѣе интересны, оказываютъ вліяніе въ томъ или иномъ смыслѣ сообразно съ характеромъ и окраской новостей, которыя появляются и подчеркиваются газетами. И среди этихъ новшествъ, которыми питается пресса, нужно поставить на первомъ планѣ дѣйствія власти, рядъ фактовъ политическихъ.

Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ получается, что сами дѣйствія власти, размельченныя прессой и пережеванныя разговоромъ, въ широкой степени содѣйствуютъ преобразованію власти. Но власть могла бы дѣйствовать какъ угодно; она не претерпѣвала бы эволюціи, если бы ея дѣйствія не были разглашены прессой и не подверглись обсужденію при разговорѣ; она оставалась бы въ томъ же состояніи, несмотря на измѣненія, усиленія или ослабленія, которыя приходили бы отъ новшествъ другого рода, а именно религіозныхъ и экономическихъ, если бы они получили широкое и всеобщее распространеніе. Тамъ, гдѣ власть осталась очень устойчивой, мы можемъ вообще быть увѣрены, что разговоръ былъ очень скроменъ и замкнутъ [1]. Итакъ, для того, чтобы возвратить

[1] Во времена Бэкона въ Англіи зарождался разговоръ, и онъ посвящаетъ этому предмету нѣсколько словъ въ своихъ *Опытахъ морали*

власти ея прежнюю устойчивость, устойчивость первобытныхъ временъ, когда люди не разговаривали внѣ узкаго круга своей семьи, нужно было бы начать съ установленія *всеобщей гласности*. При такой гипотезѣ сама всеобщая подача голосовъ была бы безсильна, что-нибудь измѣнитъ.

Въ смыслѣ политическомъ нужно считаться не столько съ разговорами и спорами въ парламентѣ, сколько съ разговорами и спорами частными. Именно тамъ вырабатывается власть въ то время какъ въ палатахъ депутатовъ и въ кулуарахъ власть изнашивается и часто лишается значенія.

Когда рѣшенія парламентовъ остаются безъ отголоска, въ томъ случаѣ если пресса не разглашаетъ ихъ, они не имѣютъ почти никакого вліянія на политическую цѣнность представителя власти. То, что происходитъ въ этихъ закрытыхъ мѣстахъ, имѣетъ отношеніе только къ перемѣнѣ власти, но отнюдь не къ ея силѣ и къ ея настоящему авторитету. Кафе, клубы, салоны, лавки, какія-либо мѣста, гдѣ ведутся разговоры — вотъ настоящія фабрики власти. Не надо, однако, забывать, что эти фабрики не могли бы функціонировать, если бы не существовало перваго матеріала, который онѣ обрабатываютъ, а именно — привычки къ послушанію и довѣрію, созданной семейной жизнью, домашнимъ воспитаніемъ. Власть выходитъ оттуда, какъ богатство выходитъ изъ мануфактуръ и фабрикъ, какъ наука выходитъ изъ лабораторій, изъ музеевъ и библіотекъ, какъ вѣра выходитъ изъ изу-

политики, но онъ даетъ *не общія утвержденія*, которыя были бы для насъ очень интересны, а *общіе совѣты*, которые для насъ не такъ интересны. Если мы будемъ судить по этимъ совѣтамъ, то англійскіе разговоры въ то время должны были быть необыкновенно скромны, гораздо скромнѣе разговоровъ на континентѣ, возбужденныхъ религіозными войнами. «Что касается шутки, — говоритъ онъ, — то есть вещи, которыя никогда не были предметомъ ея: напр., *религія, государственные дѣла, великіе люди, лица, утвержденныя въ высокомъ званіи* (высшіе чиновники, въ родѣ него)», и проч.

ченія катехизиса и материнскихъ наставленій, какъ военная сила выходитъ изъ пушечныхъ заводовъ и казарменныхъ упражненій.

Вообразите французскихъ гражданъ, запертыхъ въ одиночныя тюрьмы и предоставленныхъ собственнымъ размышленіямъ безъ малѣйшаго взаимнаго вліянія, и послѣ этого идущихъ вотировать... Но они не могли бы вотировать! Дѣйствительно, они или, по крайней мѣрѣ, большинство изъ нихъ не могли бы отдать предпочтенія Петру или Павлу, той программѣ, или иной. Или же, если бы у каждаго изъ нихъ была своя собственная идея, то получилась бы настоящая выборная кутерьма.

Конечно, еслибы какой-нибудь государственный человѣкъ, въ родѣ Мирабо или Наполеона, могъ бы быть *лично* извѣстенъ всѣмъ французамъ, то не нужно было бы разговора для того, чтобы основать его авторитетъ, и французы могли бы быть нѣмыми, и все-таки они въ огромномъ большинствѣ были бы не меньше очарованы имъ. Но, такъ какъ это невозможно, то необходимо, какъ только протяженіе государства переходитъ границы маленькаго города, чтобы люди болтали между собой для того, чтобы создать надъ собой престижъ, который долженъ управлять ими. Въ сущности, на три четверти повинуются какому-нибудь человѣку потому, что видятъ какъ другіе повинуются ему. Первые, которые начали повиноваться этому человѣку, имѣли или полагали, что имѣютъ на это свои причины: они повѣрили въ его покровительственную и руководящую силу вслѣдствіе его преклоннаго возраста, или же его знатнаго происхожденія, или его тѣлесной силы, или его краснорѣчія, или его генія. Но эта вѣра, зародившаяся у нихъ самопроизвольно, была передана ими посредствомъ разговоровъ другимъ, которые послѣ нихъ въ свою очередь также стали вѣрить. Именно, разговаривая о дѣяніяхъ человѣка, дѣлаютъ его извѣстнымъ, знаменитымъ, славнымъ; и разъ онъ, благодаря славѣ, достигъ власти, то

именно благодаря разговорамъ относительно его плановъ кампаніи или его декретовъ его могущество или увеличивается, или уменьшается.

Особенно въ экономической жизни разговоръ имѣетъ большое значеніе, котораго экономисты, повидимому, не замѣтили. Разговоръ, обмѣнъ идей — или, скорѣе, взаимный или односторонній даръ идей — не является ли онъ вступленіемъ къ обмѣну услугъ? Именно при помощи слова сначала, во время разговора, люди одного общества сообщаютъ другъ другу свои нужды, свои желанія потребленія, или же производства. Чрезвычайно рѣдко случается, чтобы желаніе купить новый предметъ зарождалось при видѣ его безъ того, чтобы разговоръ заранѣе возбудилъ это желаніе. Такой случай происходитъ, напр., тогда, когда мореплаватель пристаетъ къ незнакомому острову; его окружаютъ дикари, которые, не говоря съ нимъ, такъ какъ ни они не знаютъ его языка, ни онъ ихъ, ослѣпляются стекляшками, привезенными имъ, и пріобрѣтаютъ ихъ, отдавая пищу и мѣха. За исключеніемъ такихъ случаевъ, разговоръ имѣетъ большое вліяніе на зарожденіе, а еще болѣе на распространеніе потребностей, и безъ него никогда не могло бы быть точной и одинаковой цѣны, перваго условія всякой немного развитой торговли, всякой немного успѣшной промышленности.

Отношеніе разговора къ психологіи соціальной и моральной очевидно въ XVII вѣкѣ во Франціи, но оно явно сказывается не только тамъ. Горацій въ одной изъ своихъ сатиръ хвалитъ ту жизнь, которую онъ ведетъ въ своемъ деревенскомъ домѣ. Тамъ онъ часто принимаетъ къ столу своихъ друзей. „Каждый гость, свободный отъ законовъ этикета, осушаетъ по своему выбору малыя или большія чаши. Тутъ завязывается разговоръ, но не о сосѣдяхъ съ цѣлью позлословить, ни о ихъ имѣніяхъ съ цѣлью позавидовать, ни о талантѣ Лепоса въ танцовальномъ искусствѣ; мы разговариваемъ о предметахъ, которые больше интересуютъ насъ, и которые стыдно игнори-

ровать: что дѣлаетъ человѣка счастливымъ, добродѣтель или богатства? Нужно ли въ своихъ связяхъ сообразоваться съ тѣмъ, что полезно, или съ тѣмъ, что честно? Какова природа добра? Въ чемъ состоитъ высшее благо? Между тѣмъ иногда кстати Сервій примѣшиваетъ къ этимъ серьезнымъ разговорамъ и старушечьи сказки". Изъ этого мы видимъ, что модные разговоры среди выдающихся людей временъ Августа походили одной важной чертой на разговоры „порядочныхъ людей" нашего вѣка: они также вращались около моральныхъ обобщеній, когда они не касались литературныхъ сужденій. Только мораль, обсуждаемая современниками Горація, эпикурейцами съ окраской стоицизма, это—мораль болѣе индивидуальная, нежели общественная, такъ какъ послѣдователи Зенона точно, такъ же какъ и послѣдователи Эпикура, ставили своей задачей укрѣплять, оздоровлять индивидуумъ, взятый въ отдѣльности, оторванный отъ своей группы. Наоборотъ, вопросы поднимаемые свѣтскими христіанами и моралистами временъ Людовика XIV имѣютъ прежде всего отношеніе къ общественной морали.

M-me de Лафайетъ пишетъ M-me de Севинье, что однажды послѣ обѣда весь разговоръ съ M-me Скарронъ, аббатомъ Тестю и другими собесѣдниками вращался вокругъ „личностей, вкусъ которыхъ стоитъ выше или ниже ихъ ума". „Мы пускались,—говоритъ она, въ такія тонкости, что не могли больше ничего понять". Въ наши дни спросятъ, какой интересъ можетъ заключаться въ трактованіи такихъ темныхъ сюжетовъ? Но не нужно забывать, что въ эту эпоху въ аристократическихъ сферахъ общественность достигала своей высшей точки развитія, и не было ничего болѣе кстати, какъ освѣтить, точно опредѣлить, разобраться насколько возможно въ *соціальной психологіи*, еще не получившей имени. XVII вѣкъ, въ разговорахъ между порядочными людьми, повидимому, никогда очень не занимался индивидуальной психологіей. Какой-нибудь романъ Бурже заставилъ бы зѣвать M-me de Лафайетъ

и Ларошфуко. То, что ихъ интересовало и должно было наиболѣе интересовать, это изученіе отношеній *интерспиритуальныхъ* и они безсознательно создавали *интерпсихологію*. Прочтите Лабрюйера, прочтите начерченные Бюсси-Робютеномъ портреты его современниковъ, или прочтите какого-либо другого писателя: они никогда не характеризуютъ человѣка съ точки зрѣнія его отношеній къ природѣ или къ себѣ самому, но исключительно съ точки зрѣнія его соціальныхъ отношеній къ другимъ людямъ, согласія или несогласія сго сужденій относительно прекраснаго съ ихъ сужденіями *(вкусъ)*, его способности нравиться имъ, при разсказываніи пикантнаго анекдота, или при написаніи остроумнаго письма *(умъ)* и т. д.

Естественно, что, люди, начиная заниматься психологіей, создавали общественную психологію, и точно такъ же понятно, что они дѣлали это безсознательно, потому что они не могли имѣть о ней точнаго представленія, какъ только противопоставляя ее психологіи индивидуальной.

Эта послѣдняя развила въ XVII вѣкѣ только одну свою сторону,—впрочемъ, важную и оригинальную,—а именно мистицизмъ. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что сладостныя или томительныя состоянія души, изображенныя такими живыми штрихами въ полныхъ одухотворенія письмахъ Фенелона и многихъ другихъ мистиковъ того времени, ощущаются ими какъ глухой и внутренній разговоръ съ божественнымъ собесѣдникомъ, съ невыразимымъ утѣшителемъ, скрытымъ въ душѣ. Говоря правду, мистическая жизнь при старомъ режимѣ отчасти создана по образцу „свѣта". Богъ дѣлаетъ тамъ *визиты* душѣ. Онъ говоритъ ей, она Ему отвѣчаетъ. *Милость*, не есть ли это радость и сила, которую даетъ вамъ любимый голосъ, говорящій внутри васъ и подкрѣпляющій васъ? Періоды злости и томленія, на которые жалуются „спиритуалы" это интервалы, иногда очень долгіе, между визитами и разговорами неизреченнаго гостя.

Другая вѣтвь, совершенно отдѣльная отъ соціальной пси-

хологія и тѣсно связанная съ индивидуальной, это психоло-
гія половая, которой спеціально посвятили себя драматурги
и романисты, и которая играетъ въ разговорахъ тѣмъ болѣе
захватывающую роль, чѣмъ они цивилизованнѣй. Она имѣетъ
также нѣкоторую связь съ мистической психологіей.

Разговоръ есть родоначальникъ вѣжливости. Это справед-
ливо даже тогда, когда вѣжливость заключается въ томъ,
чтобы не разговаривать. Провинціалу, только что пріѣхавшему
въ Парижъ, ничего не кажется болѣе страннымъ, болѣе про-
тиворѣчащимъ его натурѣ, какъ видъ омнибусовъ, наполнен-
ныхъ людьми, которые тщательно воздерживаются отъ раз-
говоровъ другъ съ другомъ. Молчаніе между незнакомыми,
которые встрѣчаются, естественно, кажется неприличіемъ,
какъ молчаніе между знакомыми есть признакъ раздора между
ними. Каждый хорошо воспитанный крестьянинъ считаетъ
своимъ долгомъ „составить компанію“ тѣмъ, съ кѣмъ онъ
совершаетъ путь. Въ дѣйствительности же это происходитъ
не потому, что потребность разговора въ маленькихъ горо-
дахъ или въ деревняхъ сильнѣе, нежели въ большихъ. На-
оборотъ, эта потребность, повидимому, возрастаетъ въ прямой
зависимости отъ большей густоты населенія и высшей степени
цивилизаціи. Но именно вслѣдствіе силы этой потребности въ
большихъ городахъ пришлось устроить плотины противъ опас-
ности быть потопленными подъ волнами нескромныхъ словъ.

Нужно достигнуть высокой степени сердечной близости
для того, чтобы позволить себѣ долго молчать, когда двое
друзей находятся вмѣстѣ. Между друзьями, которые не очень
близки, между людьми безразличными, встрѣчающимися въ
салонѣ, слово служитъ единственной соціальной связью, и
какъ только эта единственная связь порвалась, тотчасъ же
является большая опасность, опасность увидѣть проявленіе
лжи вѣжливости, полное отсутствіе глубокой привязан-
ности наперекоръ внѣшнимъ проявленіямъ дружбы. Это ле-
дяное молчаніе дѣйствуетъ подавляющимъ образомъ, оно

производитъ впечатлѣніе, будто разорвали цѣломудренные по-
кровы, и люди дѣлаютъ все, чтобы избѣжать его. Въ угасаю-
щее пламя разговора бросаютъ все, что только придетъ на
умъ, свои самыя дорогія тайны, не высказывать которыя
было прямымъ интересомъ, точно такъ же какъ въ моментъ
кораблекрушенія бросаютъ въ море свои самые драгоцѣнные
товары для того, чтобы задержать потопленіе. Молчаніе среди
салоннаго разговора—это потопленіе корабля среди океана.

Изъ разговора родились комплименты, точно такъ же, какъ
и злословіе. Разговаривая другъ съ другомъ, люди замѣтили,
что ихъ хорошее мнѣніе о нихъ самихъ не раздѣляется дру-
гими и обратно.

Тщеславную иллюзію другого, когда дѣло шло о равномъ,
можно было высмѣять, рѣзко напасть на нее, порицая про-
тивника; да и то опытъ научилъ избѣгать конфликтовъ, вы-
званныхъ такими порывами откровенности. Но когда дѣло
шло о высшемъ, о хозяинѣ, то осторожность подсказывала
поддерживать эту химеру. Отсюда получились комплименты,
которые, мало-по-малу ослабляясь и вмѣстѣ дѣлаясь взаим-
ными и подъ этой обоюдной формой становясь общимъ до-
стояніемъ, сдѣлались основаніемъ городской жизни. Вначалѣ
они всегда бываютъ корыстными и только постепенно дѣ-
лаются безкорыстными. Я спрашиваю себя, не объясняется
ли то, что индусы сказали относительно всемогущества мо-
литвы, опьяняющей властью похвалы надъ наивными душами.
Молитва, прежде всего, есть гиперболическая похвала.—
Характеръ комплиментовъ измѣняется. Въ Китаѣ, чтобы ска-
зать пріятное кому-нибудь, ему говорятъ, что онъ выглядитъ
старымъ; у насъ говорятъ, что онъ помолодѣлъ. Въ средніе
вѣка сказать молодому монаху, *позировавшему* при священ-
номъ умерщвленіи плоти, что онъ былъ худъ и истощенъ,
это значило сказать ему самую деликатную похвалу. Можно
ли уловить смыслъ какъ въ эволюціи комплиментовъ, такъ
и въ эволюціи оскорбленій? Сравнивая ругательства ге-

роевъ Гомера съ ругательствами диффаматорскихъ газет
мы сказали бы, что словарь бранныхъ словъ скор
обогатился, нежели видоизмѣнился. Ко всѣмъ физическим
недостаткамъ, болѣзнямъ, уродствамъ, которыя припис
вались нѣкогда врагамъ, прибавились просто пороки ц
вилизаціи, утонченная испорченность, интеллектуальны
аномаліи, которыя также щедро навязываются имъ. Но э
публичныя оскорбленія прессы, какъ и эти похвалы, пред
ставляютъ собою нѣчто отдѣльное, весьма отличное от
оскорбленій и похвалъ, употребляющихся въ частныхъ слу
чаяхъ, и они должны были сохранить отчасти свой перво
бытный гиперболизмъ, Все, что обращается къ публикѣ, этом
грубому персонажу, требуетъ также кричащихъ и грубых
красокъ: объявленій, расклеенныхъ на стѣнахъ, выборных
программъ, газетныхъ полемикъ. Не менѣе справедливо и то
что по сравненію съ полемиками между учеными XVI вѣка
полемики нашихъ самыхъ ярыхъ газетъ, хранилищъ всяче
ской брани, кажутся весьма подслащенными. Что же касается
частныхъ оскорбленій, то они приняли смягченный характер
еще значительно скорѣе, они перешли отъ гомерической гру
бости къ самой скромной ироніи, и вмѣсто того, чтобы осо
бенно упирать на физическіе недостатки, они все болѣе
болѣе упираютъ на интеллектуальные недостатки или на мо
ральную грубость. Этотъ двойной прогрессъ, конечно, без
поворотенъ.

Эти же самыя двѣ характерныя черты замѣчаются в
эволюціи похвалы и одинаково имѣютъ видъ безповоротности
Безъ сомнѣнія, ни одинъ монархъ, ни одинъ великій чело
вѣкъ въ наши дни не вынесъ бы чрезмѣрныхъ похвалъ,
подобныхъ тѣмъ, какія обращались жрецами къ фараонам
по ихъ приказанію, или какія Пиндаръ цѣлыми потокам
проливалъ на увѣнченныя головы атлетовъ. Тонъ посвящени
на книгахъ, написанныхъ всего два вѣка назадъ, возбуждает
у насъ улыбку. Если мы сравнимъ частные разговоры и спор

ъ разговорами и спорами прошлаго, XVIII-го, XVII-го, XVI-го
ѣковъ, отъ которыхъ намъ остались образцы, мы безъ труда
ожемъ констатировать, что доля какъ прямого комплимента
акъ и откровенной брани въ нихъ постепенно уменьшалась;
ти тяжелыя монеты раздѣлились и подраздѣлились на меньшія
чень тонкія монеты. Съ другой стороны сущность этихъ при-
рытыхъ комплиментовъ измѣнилась не менѣе, чѣмъ сущность
тихъ замаскированныхъ любезностей. Люди начали съ того,
то прежде всего хвалили физическую силу божества (см.
нигу Іова), потомъ его мудрость, наконецъ, его доброту.
Возврата назадъ не можетъ случиться. Такъ же точно вначалѣ
хвалили прежде всего могущество королей, затѣмъ ихъ лов-
кость, ихъ организаціонный геній, наконецъ, ихъ заботы о
народѣ. Къ кому обращался весь лиризмъ поэтовъ восхвалите-
ей въ самыя древнія времена въ Греціи? Больше къ атле-
амъ, нежели къ артистамъ. Въ наши дни бываетъ наоборотъ,
, несмотря на пристрастіе къ тріумфаторамъ велодромовъ
ли foot-ball'a, нечего бояться, что положеніе вещей вернется
ъ прежнему порядку. Между тѣмъ нужно отмѣтить, что по-
хвалы, обращенныя къ женщинамъ, претерпѣвали эволюцію
обратную предыдущимъ. Сперва хвалили добродѣтель жен-
щинъ, ихъ духъ порядка и экономіи, ихъ таланты какъ *тка-
ихъ*, затѣмъ какъ музыкантшъ, все это прежде, чѣмъ хвалить,
о крайней мѣрѣ публично, ихъ физическую красоту; теперь
же, когда ихъ хвалятъ, то скорѣе за красоту, чѣмъ за до-
родѣтель, или даже за умъ, но похвала ихъ красотѣ имѣла
свою особенную маленькую эволюцію, которая сводится къ
общей тенденціи; раньше хвалили ихъ формы больше, чѣмъ
ихъ грацію, теперь хвалятъ грацію больше формъ.

Посмотрите на двухъ людей, мужчинъ или женщинъ, ко-
торые дѣлаютъ другъ другу визиты вѣжливости и разговарива-
отъ между собой. Они тщательно избѣгаютъ такихъ сюжетовъ,
относительно которыхъ они рискуютъ имѣть различныя мнѣнія;
или если они не могутъ избѣжать необходимости коснуться

ихъ, они какъ можно тщательнѣе скрываютъ свое противорѣчіе; чаще всего они доходятъ даже до того, что жертвуютъ частью своихъ идей, для того чтобы имѣть видъ согласія. Вѣжливый разговоръ, такимъ образомъ, можетъ считаться за постоянное и универсальное упражненіе въ общественности, за единодушное и заразительное усиліе согласовать умы и сердца, изгладить или прикрыть ихъ дисгармонію. Собесѣдники одушевлены очевиднымъ желаніемъ во всемъ гармонировать другъ съ другомъ; и дѣйствительно, они безсознательно *внушаютъ* другъ другу, съ большой силой, согласныя чувства и идеи. Взаимный характеръ этого внушенія между тѣмъ никогда не бываетъ вполнѣ выдержанъ; обыкновенно дѣйствіе, оказываемое однимъ изъ собесѣдниковъ на другого или на другихъ, бываетъ преобладающимъ и сводится до незначительныхъ размѣровъ дѣйствіе этихъ послѣднихъ. Какъ бы то ни было, достовѣрно то, что обычаи вѣжливости, поддерживаемые разговорами во время визитовъ, воздѣлываютъ довольно глубоко ту почву, гдѣ должно расцвѣсти общественное единодушіе, и служатъ для него неизбѣжнымъ подготовленіемъ.

Разговоръ былъ колыбелью литературной критики [1]. Въ XVII вѣкѣ, какъ мы можемъ усмотрѣть изъ корреспонденціи Бюсси-Рабютэна со своей любезной кузиной, длиннаго разговора въ письмахъ, разговоры порядочнаго общества имѣли большею частью отношеніе къ сравнительному достоинству книгъ и авторовъ. Тамъ обмѣнивались сужденіями и спорили о послѣднихъ трагедіяхъ Расина, о сказкѣ Лафонтена, о посланіи Буало, о янсенистскомъ произведеніи; и если приглядѣться поближе ко всѣмъ этимъ разговорамъ, то можно увидѣть, что они всегда стремились послѣ спора согласоваться

[1] Послѣдствіе замѣчательное, если подумать о томъ важномъ значеніи, какое пріобрѣла въ нашу современную эпоху литературная критика, высказывая сужденія обо всемъ, даже въ области философской критики, политики, соціальныхъ идей.

на одной и той же точкѣ зрѣнія. Такъ было во всякое время независимо отъ того, каковъ былъ господствующій сюжетъ разговоровъ. Именно вездѣ, гдѣ въ извѣстной средѣ люди много говорили о литературѣ, они безсознательно содѣйствовали коллективной выработкѣ поэтической науки, литературнаго кодекса, принятаго всѣми и способнаго доставлять готовыя сужденія, всегда согласныя между собой, относительно всѣхъ родовъ умственнаго творчества. Также, когда мы видимъ гдѣнибудь автора, формулирующаго такого рода эстетическій законъ, будь то Аристотель, или Горацій, или Буало, мы можемъ быть увѣрены, что ему предшествовалъ длинный періодъ разговора, сильная общественная жизнь. Итакъ, мы можемъ быть увѣрены, что говорилось много о литературѣ до Аристотеля и въ его время, со временъ софистовъ какъ въ Аѳинахъ, такъ и въ остальной Греціи; что въ Римѣ много говорили о томъ же со временъ Сципіоновъ, и въ Парижѣ со времени Précieuses и до нихъ. Эпоха реставраціи также кончила тѣмъ, что выработала свою романтическую поэтику, не менѣе деспотическую для того, чтобы быть анонимной. Въ наши дни таковой еще не утвердилось, но элементы для нея уже приготовляются, и нужно замѣтить, что такъ какъ область разговора даже литературнаго, а не только политическаго и общественнаго, сильно расширилась благодаря увеличенію числа собесѣдниковъ, то выработка кодекса будетъ болѣе продолжительна, нежели въ прежнія эпохи на томъ основаніи, что чѣмъ больше чанъ, тѣмъ больше броженіе. Посредствомъ спора, какъ и посредствомъ обмѣна идей, посредствомъ конкуренціи и войны, какъ и посредствомъ работы, мы содѣйствуемъ всѣ и всегда созданію высшей гармоніи мыслей, словъ и дѣйствій, устойчиваго равновѣсія сужденій, формулированныхъ въ догмы литературныя, артистическія, научныя, философскія, религіозныя, или созданію устойчиваго равновѣсія дѣйствій подъ формой законовъ и нравственныхъ принциповъ. Дѣйствительно, соціаль-

ная логика дѣйствуетъ во всѣхъ рѣчахъ и во всѣхъ поступ
кахъ людей и неизбѣжно приводитъ къ своимъ конечным
выводамъ.

VII.

Далеко позади и значительно ниже разговора стоитъ пись
менная корреспонденція, какъ факторъ мнѣнія. Но этот
второй сюжетъ, связанный самыми тѣсными узами съ пер
вымъ, не задержитъ насъ долго. Обмѣнъ письмами—это бол
товня на разстояніи, болтовня, продолжающаяся несмотря н
отсутствіе. Слѣдовательно, тѣ причины, которыя благопр
ятствуютъ разговору—прибавленіе досуга, объединеніе язы
ка, распространеніе общихъ знаній, равенство ранговъ и т. д
содѣйствуютъ также большей активности корреспонденціи, н
подъ условіемъ, чтобы онѣ встрѣтились со спеціальными пр
чинами, отъ которыхъ зависитъ эта послѣдняя. Эти причины
легкость путешествій, благодаря которымъ случаи отсутстві
дѣлаются чаще, общераспространенность искусства писать
правильное функціонированіе почтоваго движенія.

На первый взглядъ могло бы показаться, что путешествія
умножая письма, должны уменьшать количество разговоров
Но извѣстная истина, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ мног
путешествуютъ, больше всего говорятъ и пишутъ другъ дру
гу. Такимъ же образомъ, развитіе желѣзныхъ дорогъ, вмѣст
того чтобы пресѣчь развитіе каретной торговли, поддержал
ее. Если кочевыя привычки нашихъ современниковъ слиш
комъ часто врываются между старыми друзьями, между со
гражданами одного и того же города, „эти тихія бесѣды в
сумерки“ *lenes sub noctem susurri*, которыя, какъ говорит
Горацій, „повторялись въ обычный часъ“, то онѣ позволя
ютъ все возрастающему числу чужестранцевъ видѣться
разговаривать другъ съ другомъ, и эти свиданія если и н
отличаются такимъ прелестнымъ характеромъ, зато болѣ

оучительны. Любознательность выиграла больше, чѣмъ по-
еряла интимность, и какъ бы чувствительна ни была для
еня эта потеря, я покоряюсь при мысли, что она можетъ
ыть только временной. Нельзя ли возвести въ принципъ —
есьма могущій освѣтить интересующій насъ сюжетъ — что
исьменныя корреспонденціи, разговоры и путешествія нахо-
ятся между собой въ тѣсной связи до такой степени, что
сли мы у извѣстнаго народа въ извѣстный моментъ откро-
мъ развитіе одного изъ этихъ трехъ, напр. путешествій, мы
удемъ въ правѣ сдѣлать заключеніе о развитіи и двухъ дру-
ихъ, и обратно? Тѣ времена, когда письменная корреспон-
енція наиболѣе процвѣтала (я разумѣю времена до появленія
урнализма, столь недавняго, который немного измѣнилъ
ъ этомъ отношеніи положеніе вещей, какъ мы это увидимъ),
ыли временами, когда больше всего путешествовали и бол-
али. Такова была эпоха Плинія Младшаго. Таковъ былъ
акже нашъ XVI вѣкъ. „XVI вѣкъ,—говоритъ одинъ исто-
икъ,—это прежде всего вѣкъ письменной корреспонденціи.
оличество политическихъ писемъ, отъ королей, министровъ,
апитановъ и посланниковъ, сохраненныхъ среди манускрип-
овъ національной библіотеки, неисчислимо. Тамъ фигурируу-
тъ также корреспонденціи религіозныя и интимныя“ [1]. Въ
спаніи, если сравнить эту страну съ другими націями За-
адной Европы, пишутъ мало. Огонь разговора всегда и
ездѣ вспыхивалъ въ слояхъ націи, наиболѣе любящихъ пу-

[1] Тогда появляется вся іерархія формулъ вѣжливости и письменный
еремоніалъ. Высшему говорятъ *Monseigneur*, равному *Monsieur*. На-
инаютъ: «поручаю себя вашей милости», обращаясь къ знатной особѣ.
ончаютъ: «Моля Бога послать вамъ долгую жизнь въ полномъ здо-
овьи». Ступени отмѣчены словами, предшествующими подписи: «вашъ
луга, вашъ покорный слуга, вашъ смиренный слуга». (Decrue de Stoutz).
рибавимъ, что письма въ XVI вѣкѣ, такъ же какъ и разговоры, вѣр-
ымъ отраженіемъ которыхъ они являются, лишены осторожности и
куса, нескромны, непристойны и неделикатны до послѣдней степени.
лѣдующій вѣкъ распространитъ чувство нюансовъ.

тешествовать, и тамъ ощущалась потребность писать другъ другу, напр., въ Греціи среди риторовъ и софистовъ, странствующихъ продавцовъ мудрости, притомъ въ нѣдрахъ народа приморскаго и подвижного; въ Римѣ среди аристократіи, такъ охотно кочующей и странствующей; въ средніе вѣка въ сферахъ университета и церкви, гдѣ монахи проповѣдники, епископы, легаты, аббаты и даже аббатиссы (эти послѣднія въ особенности) такъ легко перемѣщались и путешествовали такъ далеко, по сравненію съ остальнымъ населеніемъ. Первыя почты начали съ того, что были привилегіей университетской и экклезіастической, или, скорѣе, подымаясь еще выше, королевской.

Относительно этого важнаго учрежденія я скажу только нѣсколько словъ, чтобы показать, что его развитіе шло согласно съ закономъ распространенія примѣровъ *сверху внизъ*. Сначала короли и папы, затѣмъ князья и прелаты, имѣли своихъ частныхъ курьеровъ, раньше чѣмъ простые властители, затѣмъ ихъ вассалы, затѣмъ постепенно всѣ слои націи до самаго послѣдняго, также поддались искушенію писать другъ другу. Когда своимъ эдиктомъ 19 іюня 1494 года Людовикъ XI организовалъ почту, курьеры носили только письма монарха, но „изъ спеціально королевскаго,—говоритъ du Camp,—это учрежденіе не замедлило стать административнымъ съ точной оговоркой, чтобы письма прочитывались и не содержали въ себѣ ничего, что могло бы нанести ущербъ королевскому авторитету“. Людовикъ XI прекрасно сознавалъ то могущественное дѣйствіе, которое могла оказывать корреспонденція частныхъ лицъ на рождающееся мнѣніе. Въ первый разъ при Ришелье письма были подчинены правильному тарифу (1627), что ясно показываетъ ихъ непрерывное численное возрастаніе[1]. „Можно легко отдать себѣ отчетъ

[1] Между тѣмъ *частныя письма*—такъ какъ выше, по поводу XVI в., рѣчь шла о корреспонденціи политическаго характера—были повидимому весьма малочисленны до половины XVII в., если судить по вы-

держкѣ изъ мемуаровъ m-lle de Монпансье, цитированной Редереромъ. Она говоритъ о принцессѣ де Партени (m-me de Сабле): въ ея время писаніе вошло въ употребленіе. Обыкновенно писались только свадебные контракты; *что касается писемъ, то о нихъ никто даже не упоминалъ*.

[1] Во Франціи, наприм., отъ 1830 до 1892 г. число писемъ увеличивалось изъ года въ годъ *равномѣрно* (исключая 1848 и 1870), отъ 63 милліоновъ писемъ до 773 милліоновъ. Отъ 1858 до 1892 количество телеграфныхъ депешъ возвысилось отъ 32 до 463 милліоновъ, круглымъ числомъ.

[2] Если бы это было умѣстно, я показалъ бы, что существуетъ не меньше скрытой качественности въ физическихъ количествахъ, измѣряемыхъ научными прогрессами аналогичными по существу со статистикой и не менѣе правдоподобныхъ, чѣмъ она, хотя на видъ болѣе основательными.

въ необычайномъ ростѣ службы на фермахъ во Франціи въ продолженіе XVIII в., сравнивая цѣну послѣдовательныхъ наймовъ“. Она возросла съ двухъ съ половиной милліоновъ въ 1700 году до десяти милліоновъ въ 1777 году, она увеличилась такимъ образомъ вчетверо. Въ наши дни почтовая статистика позволяетъ вычислить быстрое и безпрерывное возрастаніе количества писемъ въ различныхъ государствахъ[1], и измѣрить такимъ образомъ неравное, но повсюду регулярное увеличеніе общей потребности, которую они удовлетворяютъ. Такимъ образомъ оно можетъ указать намъ на неравномѣрныя ступени и успѣхи общественности.

Но эта же самая статистика является хорошимъ образцомъ, подтверждающимъ, что всегда существуютъ скрытые *качественные* элементы подъ соціальными количествами, для которыхъ статистика вообще служитъ приблизительнымъ мѣриломъ[2]. Дѣйствительно, нѣтъ ничего болѣе схожаго по внѣшнему виду, какъ письмо въ одну и ту же эпоху, въ одной и той же странѣ, и кажется, что условіе однородности единицъ для вычисленій статистика выполнено какъ нельзя лучше. Письма имѣютъ приблизительно одинаковый форматъ, одинаковаго типа конвертъ, одинъ и тотъ же способъ запечаты-

ванія, одинаковаго рода надписи. Въ настоящее время они покрыты одинаковыми почтовыми марками. Уголовная и гражданская статистика, конечно, далека отъ того, чтобы считать единицы до такой степени сходныя. Но распечатайте письма: сколько характеристическихъ различій, глубокихъ и существенныхъ, несмотря на постоянство торжественныхъ формулъ начала и конца! Сложить вмѣстѣ эти столь разнородныя вещи, этого слишкомъ мало. Мы знаемъ ихъ количество, но мы не знаемъ даже ихъ длину. Между тѣмъ любопытно было бы узнать, не становились ли они, по мѣрѣ того какъ дѣлались все многочисленнѣе, болѣе короткими, что весьма вѣроятно, и болѣе сухими? И если бы существовала статистика разговоровъ [1], которая была бы также вполнѣ законной, то точно также интересно было бы знать ихъ длительность, которая въ нашъ дѣловой вѣкъ навѣрное была бы обратно пропорціональна ихъ количеству. Въ тѣхъ городахъ, гдѣ больше всего бываетъ дождя, гдѣ падаетъ съ неба наибольшее количество воды—простите мнѣ это сравненіе—тамъ въ большинствѣ случаевъ дожди идутъ очень рѣдко. Особенно интересно было бы знать внутреннія видоизмѣненія сущности писемъ, точно такъ же какъ и разговоровъ, но статистика здѣсь не можетъ намъ помочь.

Въ этомъ отношеніи нѣтъ сомнѣнія, что появленіе журнализма дало письменнымъ видоизмѣненіямъ рѣшительный толчокъ. Пресса, поддерживавшая и питавшая разговоръ столькими новыми возбуждающими и питательными средствами, наоборотъ, изсушила много источниковъ корреспонденціи. Очевидно, что если бы въ мартѣ 1658 г. во Франціи были ежедневныя газеты столь же освѣдомленныя, столь же аккуратно посылаемыя въ провинціи, какъ и въ наши дни, то

[1] Она была бы возможна, если бы каждый изъ насъ велъ правильный дневникъ, подобный дневнику Гонкуровъ. До сихъ поръ записывается только количество засѣданій конгресса или ученыхъ обществъ, и статистика въ этомъ отношеніи отмѣчаетъ постоянное возрастаніе.

Оливье Патрю, такой занятой человѣкъ, не сталъ бы трудиться писать своему другу Дабленкуру длинное письмо, гдѣ онъ даетъ столько подробностей (какія можно найти теперь въ первомъ попавшемся газетномъ листкѣ) относительно посѣщенія Христиной Шведской французской академіи. Большая, но незамѣтная услуга, которую газеты оказываютъ намъ, заключается въ томъ, что онѣ избавляютъ насъ отъ обязанности писать нашимъ друзьямъ цѣлую массу интересныхъ новостей [1] относительно событій дня, которыя наполняли письма прошлыхъ вѣковъ.

Можно ли сказать, что пресса, освободивъ и избавивъ частныя корреспонденціи отъ этого балласта хроникъ, сдѣлала услугу письменной литературѣ, наведя ее на настоящій путь, тѣсный, но глубокій, чисто психологическій и сердечный? Я боюсь, что думать такимъ образомъ было бы чистой иллюзіей. Все усиливающійся городской характеръ нашей цивилизаціи имѣетъ своимъ послѣдствіемъ то, что число нашихъ друзей и знакомыхъ не перестаетъ возрастать, въ то время какъ степень ихъ близости уменьшилась, и то, что мы имѣемъ сказать или написать, относится все меньше и меньше къ отдѣльнымъ личностямъ и все болѣе и болѣе къ цѣлымъ группамъ и къ группамъ все болѣе многочисленнымъ. Нашъ настоящій собесѣдникъ, нашъ настоящій корреспондентъ—это—и съ каждымъ днемъ все болѣе—публика [2]. По-

[1] Журналисты очень рано сознали этотъ родъ пользы. Ренадо въ началѣ обзора своей *Газеты* въ 1631 году говоритъ объ „облегченіи, приносимомъ ими (газетами) тѣмъ, кто пишетъ своимъ друзьямъ, которымъ раньше они были принуждены, для удовлетворенія ихъ любознательности, терпѣливо описывать новости, чаще всего выдуманныя ради удовольствія и основанныя на недостовѣрности простого слуха". Это *облегченіе* носило въ эту эпоху еще вполнѣ частный характеръ, какъ мы видимъ по письму Патрю, о которомъ мы только что упоминали.

[2] Потребность обращаться къ публикѣ довольно недавняго происхожденія. Даже короли прежняго режима не обращались никогда къ публикѣ: они обращались къ сословіямъ, къ парламенту, къ духовенству, но никогда ко всей націи, взятой вмѣстѣ, тѣмъ болѣе частныя лица.

этому не удивительно, что печатныя письма, имѣющія характеръ сообщеній [1], объявленія и рекламы путемъ газетъ прогрессируютъ гораздо быстрѣе, чѣмъ наши частныя письма. Можетъ-быть, мы имѣемъ право считать вѣроятнымъ, что среди этихъ послѣднихъ фамильярныя письма, письма-разговоры, которыя, естественно, нужно ставить отдѣльно отъ писемъ дѣловыхъ, все уменьшаются по количеству и еще болѣе по длинѣ, если судить по необыкновенной степени упрощенія и сокращенія, до которой дошли даже любовныя письма въ „личной корреспонденціи“ извѣстныхъ газетъ [2]. Утилитарный лаконизмъ телеграммъ и телефонныхъ разговоровъ, которые постепенно овладѣваютъ областью корреспонденціи, *отливалъ* на стилѣ самыхъ интимныхъ писемъ. И если поглощаемая прессой съ одной стороны, телеграфомъ и телефономъ съ другой, подтачиваемая съ разу съ этихъ двухъ концовъ, корреспонденція живетъ и даже, судя по почтовой статистикѣ, какъ будто и процвѣтаетъ, то это можно объяснить только умноженіемъ дѣловыхъ писемъ.

Письмо фамильярное, личное, подробное было убито газетой, и это понятно, потому, что она является его высшимъ эквивалентомъ, или скорѣе продолженіемъ и дополненіемъ, универсальнымъ отраженіемъ. Дѣйствительно, газета и книга

[1] Письма съ сообщеніями о рожденіи, о бракѣ, о смерти избавили частную корреспонденцію отъ одного изъ ея наиболѣе обильныхъ прежнихъ сюжетовъ. Напр., мы видимъ въ одномъ томѣ корреспонденціи Вольтера цѣлый рядъ писемъ, въ которомъ содержатся сообщенія друзьямъ г-жи дю Шатле, въ остроумныхъ и подробныхъ варіантахъ, о рожденіи ребенка, только что произведеннаго ею на свѣтъ.

[2] Но что безспорно все сокращается и упрощается въ письмахъ всякаго рода, это ихъ церемоніалъ. Сравните современное «преданный вамъ» съ формулами для окончанія письма въ XVI и въ XVII в. Преобразованіе заключительныхъ формулъ при разговорѣ въ томъ же смыслѣ не подлежитъ сомнѣнію, но такъ какъ онѣ не оставили по себѣ прочнаго слѣда, то изучать прогрессъ или регрессъ въ этомъ дѣлѣ удобнѣе по корреспонденціи прошлаго и настоящаго.

е одинаковаго происхожденія. Книга происходитъ отъ
ьчи, отъ монолога, и, прежде всего, отъ поэмы, отъ
ѣнія. Книга поэзіи предшествовала книгѣ прозы; священая книга книгѣ свѣтской. Но происхожденіе газеты свѣтское и фамильярное. Она происходитъ отъ частнаго письма, которое въ свою очередь происходитъ отъ разговора. И газеты начали съ того, что были частными письмами, обращенными къ отдѣльнымъ личностямъ, и переписанными въ извѣстномъ числѣ экземпляровъ. „За долго до печатнаго, публичнаго журнализма [1] болѣе или менѣе терпимаго, или даже болѣе или менѣе принимаемаго въ расчетъ правительствами, существовалъ писанный журнализмъ часто тайный“, который упорно держался или пережилъ самого себя до XVIII в. въ письмахъ Гримма или въ мемуарахъ Башомона.

Посланія апостола Павла, письма миссіонеровъ—все это настоящіе журналы. Если бы апостолъ Павелъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи какую-нибудь *Религіозную недѣлю*, то именно такія статьи онъ писалъ бы туда.

Словомъ, газета—это публичное письмо, публичный разговоръ, который происходя отъ частнаго письма, отъ частнаго разговора, становится для нихъ важнымъ регуляторомъ и наиболѣе обильной пищей, одинаковой для всѣхъ въ цѣломъ мірѣ, глубоко измѣняющейся для всѣхъ съ каждымъ днемъ. Газета начала съ того, что была только продолжающимся отголоскомъ разговоровъ и корреспонденцій, а кончила тѣмъ, что стала для нихъ почти единственнымъ источникомъ. Что до корреспонденціи, то она еще живетъ ими, она живетъ ими болѣе чѣмъ когда-либо, особенно въ той наиболѣе сжатой и наиболѣе современной формѣ, которую онѣ принимаютъ, въ формѣ телеграфической депеши. Изъ частной телеграммы, адресованной къ ея главарю, она дѣлаетъ сенсаціонную злободневную новость, которая моментально во всѣхъ боль-

[1] Eugène Dubiet, *Le Journalisme*. Hachette, 1892.

шихъ городахъ материка породитъ толпы; а всѣ эти разсѣянныя толпы, тѣсно соприкасающіяся другъ съ другомъ на разстояніи, благодаря сознанію ихъ одновременности, ихъ взаимнаго дѣйствія, рожденнаго ея дѣйствіемъ, она свяжетъ въ одну огромную толпу, отвлеченную и всемогущую, которую она назоветъ общественнымъ мнѣніемъ. Такимъ образомъ, она окончила долгую вѣковую работу, начатую разговоромъ, продолженную корреспонденціей, но остававшуюся всегда въ состояніи разсѣяннаго и несвязнаго наброска, работу сліянія личныхъ мнѣній въ мнѣнія мѣстныя, этихъ послѣднихъ — въ мнѣніе національное и мнѣніе *всемірное*, грандіозное объединеніемъ общественнаго ума. — Я говорю общественнаго ума, я не говорю національныхъ умовъ, *традиціонныхъ*, которые остаются въ основѣ различными подъ двойнымъ вторженіемъ *раціональнаго* болѣе серьезнаго интернаціонализма, по отношенію къ которому національный умъ является часто отзвукомъ и народнымъ резонаторомъ. — Власть огромная, несмотря ни на что, которая не можетъ иначе идти, какъ все увеличиваясь, такъ какъ потребность согласоваться съ публикой, часть которой составляетъ, думать и дѣйствовать въ смыслѣ мнѣнія, становится тѣмъ сильнѣе и непреоборимѣе, чѣмъ публика многочисленнѣй, чѣмъ сильнѣе мнѣніе, и чѣмъ чаще удовлетворялась эта самая потребность. Итакъ, не нужно удивляться, видя, какъ наши современники сгибаются подъ напоромъ налетающаго вихря общественнаго мнѣнія, и необходимо не дѣлать отсюда заключенія, что характеры ослабѣли. Если гроза повергаетъ на землю дубы и тополи, то это не значитъ, что они стали слабѣе, это значитъ, что вѣтеръ сдѣлался сильнѣе.

III.

ТОЛПЫ И ПРЕСТУПНЫЯ СЕКТЫ [1].

Въ теченіе всего послѣдняго столѣтія, когда во всемъ, — въ политикѣ и политической экономіи, въ морали, въ правѣ и даже въ религіи, длился этотъ кризисъ индивидуализма, вплоть до нашихъ дней преступленіе считалось актомъ, по существу своему самымъ индивидуалистическимъ въ мірѣ; и среди криминалистовъ понятіе о коллективномъ преступленіи было, такъ сказать, потеряно, какъ утратилась даже среди теологовъ идея о коллективномъ грѣхѣ, за исключеніемъ развѣ идеи о грѣхѣ наслѣдственномъ. Когда покушенія заговорщиковъ, преступленія разбойничьихъ шаекъ заставили признать фактъ существованія преступленій, совершаемыхъ коллективно, тогда поспѣшили разложить эти туманныя уго-

[1] Я думаю, что здѣсь необходимо перепечатать въ качествѣ полезнаго дополненія къ предыдущимъ этюдамъ этотъ этюдъ, напечатанный раньше (въ декабрѣ 1893 г.) въ *Revue des Deux-Mondes*, а затѣмъ въ моихъ *Essais et Mélanges* (Storck et Masson, 1895). Еще задолго до появленія этого этюда я занимался психологіей толпы. Читателя, интересующагося этимъ предметомъ, я позволяю себѣ отослать къ моей *Philosophie pénale* (Storck et Masson, 1890), къ главѣ *Le crime*, стр. 323 и сл., а также къ моему докладу о *преступленіяхъ толпы*, который былъ прочитанъ и обсуждался на брюссельскомъ Конгрессѣ криминальной антропологіи въ августѣ 1892. Все это было потомъ перепечатано въ моихъ *Essais et Mélanges*.

ловныя дѣянія на отдѣльныя индивидуальныя преступленія, считая первыя только суммой вторыхъ. Но въ настоящее время соціологическая или соціалистическая реакція противъ этой великой *эгоцентрической* иллюзіи должна естественно направить вниманіе на соціальную сторону актовъ, которые индивидуумъ несправедливо приписываетъ себѣ. Изслѣдователи съ большимъ интересомъ занялись преступностью сектъ — по этому вопросу ничто по глубинѣ и силѣ не можетъ сравниться съ работами Тэна по психологіи якобинцевъ — а въ самое послѣднее время преступностью толпъ. Это — два чрезвычайно различныхъ вида одного общаго рода, именно *группового* преступленія; и совмѣстное изученіе ихъ не будетъ безполезнымъ или несвоевременнымъ.

I.

Трудность вопроса заключается не въ томъ, чтобъ отыскать коллективныя преступленія, а въ томъ чтобъ открыть преступленія, которыя не являются таковыми, въ которыхъ среда не участвуетъ ни въ какой степени. Этотъ послѣдній вопросъ до того важенъ, что можно даже спросить себя, существуютъ ли вообще чисто индивидуальныя преступленія подобно тому, какъ ставился вопросъ о томъ, существуютъ ли произведенія генія, которыя не являются произведеніями коллективными. Проанализируйте состояніе преступника самаго жестокаго и самаго одинокаго въ моментъ преступленія или разберите душевное состояніе изобрѣтателя, самаго не людимаго въ тотъ моментъ, когда онъ совершаетъ свое открытіе. Отбросьте при образованіи этого лихорадочнаго состоянія все то, что слѣдуетъ отнести на долю вліяній воспитанія, товарищей, образованія, біографическихъ фактовъ — что останется? Очень немного, и тѣмъ не менѣе нѣчто и нѣчто существенное, нѣчто такое, чему вовсе не нужно изо-

лироваться, чтобы быть собою. Напротивъ того, это невѣдомое нѣчто, которое является вполнѣ индивидуальнымъ *я*, должно смѣшиваться съ внѣшнимъ міромъ для того чтобы сознать себя и укрѣпиться; оно питается тѣмъ, что измѣняетъ его. Только благодаря разнообразнымъ актамъ, вытекающимъ изъ соприкосновенія съ посторонними лицами, оно развивается, приспособляя ихъ къ себѣ, при чемъ степень этого приспособленія весьма различна въ зависимости отъ того, насколько индивидуальному *я* дана способность скорѣе приспособлять постороннихъ лицъ къ себѣ, чѣмъ самому ассимилироваться съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ. Впрочемъ, даже при подчиненіи оно остается всего чаще собою, и его подчиненіе имѣетъ свой собственный характеръ. Почему Руссо отвернулся отъ дѣйствительности, когда для осуществленія высшей возможной степени индивидуальной автономіи онъ находилъ необходимымъ режимъ продолжительнаго уединенія съ ранняго дѣтства, уединенія, впрочемъ, неполнаго, уединенія двоихъ, учителя и ученика, которое гипнотизировало второго изъ нихъ. Его *Эмиль* — это само олицетвореніе и въ то же время, путемъ абсурда, отверженіе индивидуализма, присущаго его эпохѣ. Если уединеніе — плодотворное и даже единственно плодотворное средство, то это потому, что оно чередуется съ интенсивной жизнью различныхъ отношеній, опытовъ и чтеній, давая возможность размыслить надъ ней.

Несмотря на все это, преступленія можно назвать индивидуальными, какъ и всѣ вообще дѣйствія, совершенныя одною личностью въ силу неясныхъ, отдаленныхъ, смутныхъ вліяній другихъ людей, невѣдомыхъ и неопредѣленныхъ; съ другой стороны, можно сохранить слово „коллективный“ для дѣйствій, совершенныхъ непосредственнымъ совмѣстнымъ трудомъ извѣстнаго опредѣленнаго количества соисполнителей.

Конечно, въ этомъ смыслѣ существуютъ и индивидуальныя творенія генія, или вѣрнѣе въ твореніяхъ генія все индивидуально. Въ самомъ дѣлѣ, замѣчательно, что въ то время,

какъ въ нравственномъ отношеніи группы способны къ двум
противоположнымъ крайностямъ, къ крайней преступности
порою къ высшему героизму,—въ смыслѣ интеллектуальном
мы не наблюдаемъ того же явленія. Масса можетъ опуститьс
до такой степени безумія или отупѣнія, какія невѣдомы ин
дивидууму, взятому въ отдѣльности; и въ то же время масс
лишена возможности подняться до высшаго развитія твор
ческаго ума и воображенія. Въ нравственномъ отношені
массы могутъ падать очень низко и подниматься очень вы
соко. Въ интеллектуальномъ отношеніи онѣ способны дохо
дить только до крайней степени паденія. Если намъ извѣстны
случаи коллективныхъ злодѣяній, на которые былъ бы не
способенъ индивидуумъ, случаи рѣзни и грабежей, совер
шаемыхъ вооруженными шайками, пожары во время револю
цій, сентябрскіе дни, Варѳоломеевская ночь, случаи массо
выхъ подкуповъ и т. д., то съ другой стороны мы знаем
и о проявленіяхъ коллективнаго героизма, въ которыхъ инди
видуумъ возвышается надъ самимъ собою, о битвахъ леген
дарныхъ рыцарей, о возстаніяхъ, вызванныхъ патріотиче
скимъ чувствомъ, о массовыхъ мученичествахъ, о ночи 4-го
августа и т. д. Но въ противовѣсъ коллективному проявле
нію безумія и тупости, примѣры котораго мы приведемъ,
можно ли указать коллективные акты генія?

Нѣтъ. Отвѣтить утвердительно можно только, принявъ безъ
доказательствъ банальную неосновательную гипотезу, по ко
торой языки и религіи, творенія безъ сомнѣнія геніальныя,
были самороднымъ и безсознательнымъ созданіемъ массъ, и
что особенно замѣчательно, не организованныхъ массъ, а
нестройныхъ скопищъ. Здѣсь не мѣсто обсуждать это слиш
комъ легкое рѣшеніе капитальнаго вопроса. Оставимъ въ сто
ронѣ то, что происходило въ доисторическія времена. Но
можно ли въ историческія времена указать изобрѣтеніе, откры
тіе, вѣрную иниціативу, которыми бы мы были обязаны этому
безличному существу, толпѣ? Нѣтъ. То, что въ революціяхъ

было чисто разрушительнаго, толпа можетъ приписать себѣ,
по крайней мѣрѣ отчасти, но что основали онѣ, что въ дѣй
ствительности открыли такого, что до или послѣ нихъ не
было постигнуто и предусмотрѣно людьми высшими, какъ
Лютеръ, Руссо, Вольтеръ, Наполеонъ? Пусть мнѣ укажутъ
армію, даже наилучшаго состава, которая сама собою соз
дала бы планъ кампаніи, замѣчательной или хотя бы посред
ственной; пусть мнѣ укажутъ военный совѣтъ, который при
задумываніи, я не говорю уже при обсужденіи какого-нибудь
маневра, могъ бы сравниться съ умомъ, самымъ посредствен
нымъ, главнокомандующаго. Встрѣчалъ ли кто-нибудь худо
жественный шедевръ въ живописи, скульптурѣ или архитек
турѣ, наконецъ даже эпопею, которые были бы задуманы и
исполнены коллективнымъ вдохновеніемъ десяти, ста поэтовъ
или художниковъ? Такъ фантазировали на счетъ *Иліады* въ
извѣстную эпоху дурной метафизики; теперь смѣются надъ
этимъ. Все геніальное индивидуально, даже въ дѣлѣ престу
пленій. Нѣтъ преступной толпы, нѣтъ такой ассоціаціи пре
ступниковъ, которые изобрѣли бы новый способъ убійства
или грабежа; геніальнымъ убійцамъ и ворамъ обязаны мы
тѣмъ, что искусство убивать и грабить ближняго поднялось,
достигло нынѣшняго совершенства.

Отъ чего зависитъ указанное несходство? Почему соціаль
нымъ группамъ несвойственно высокое умственное развитіе,
тогда какъ имъ доступно высокое и сильное развитіе воли
и даже добродѣтели? Причина этого несходства заключается
въ томъ, что поступокъ добродѣтельный, даже самый геро
ическій, самъ по себѣ есть нѣчто весьма простое и отли
чается отъ обыкновеннаго нравственнаго поступка только
степенью; въ самомъ дѣлѣ, сила единства, которое полу
чается въ собраніяхъ людей, гдѣ чувства и мнѣнія усилива
ются, благодаря многочисленнымъ точкамъ соприкосновенія,
есть сила по преимуществу количественная. Но произведеніе
генія или таланта имѣетъ всегда сложный характеръ и отли-

чается по самой природѣ, не только по степени, отъ обык
новеннаго умственнаго акта. Здѣсь дѣло заключается не в
томъ, чтобы воспринять и запомнить, что попало, приноро
вляясь къ извѣстному типу, а въ томъ, чтобы создать новы
комбинаціи изъ воспріятій и образовъ, уже извѣстныхъ. Н
первый взглядъ можетъ показаться, что десять, сто, тыся
ча умовъ, соединившихся вмѣстѣ, болѣе способны чѣмъ один
охватить всѣ стороны какого-нибудь сложнаго вопроса; и эт
иллюзія столь же непреоборима и обаятельна, сколько глу
бока. Во всѣ времена народы, наивно проникнутые этим
предразсудкомъ, въ тревожныя минуты своей жизни ждал
отъ религіозныхъ и политическихъ собраній исцѣленія от
золъ. Въ средніе вѣка это были соборы, въ новое время—
генеральные штаты, парламенты. Вотъ какой панацеи ищут
больныя массы. Изъ этой же ошибки вытекаетъ вѣра в
судъ присяжныхъ, постоянно обманывающая и постоянно вновь
возрождающаяся. Въ дѣйствительности это не просто *собра
нія* лицъ; это скорѣе *корпораціи*, въ родѣ большихъ рели
гіозныхъ орденовъ, или гражданскихъ или военныхъ ополче
ній, которыя иногда отвѣчали потребностямъ народовъ. Слѣ
дуетъ при этомъ замѣтить, что даже въ формѣ корпораціи
коллективныя группы безсильны создать что-нибудь новое
Такъ бываетъ независимо отъ того, насколько дѣеспособен
соціальный механизмъ, въ который вовлечены индивидуумы

Въ самомъ дѣлѣ, возможно ли, чтобъ одновременно по
сложности и эластичности своей структуры онъ равнялся
мозговому организму, этой несравненной арміи нервныхъ клѣ
точекъ, которую каждый изъ насъ носитъ въ своей головѣ

Пока хорошо сотворенный умъ стоитъ выше парламента
даже наилучшимъ образомъ устроеннаго, въ отношеніи быстро
ты и вѣрности функціонированія, быстраго впитыванія и вы
работки многообразныхъ элементовъ, тѣсной солидарности
безчисленныхъ дѣйствующихъ силъ, до тѣхъ поръ будетъ
чистымъ ребячествомъ, хотя правдоподобно *a priori* и изви

нительно, разсчитывать, что мятежи и совѣщательные орга
ны могутъ скорѣе вывести страну изъ затруднительнаго по
ложенія, чѣмъ одинъ человѣкъ. Въ самомъ дѣлѣ, всякій
разъ, когда страна переживаетъ одинъ изъ тѣхъ періодовъ,
въ которые она чувствуетъ настоятельную потребность не
только въ великой отзывчивости сердца, но и въ великихъ
способностяхъ ума, всякій разъ является необходимость въ
единоличномъ управленіи, въ формѣ ли республиканской, или
монархической, или съ парламентской окраской. Не разъ
раздавались протесты противъ этой необходимости, которая
казалась *переживаніемъ*, и причины которой тщетно доиски
вались. Можетъ-быть намекъ на ея скрытую причину заклю
чается въ выше приведенныхъ соображеніяхъ.

Они могутъ также помочь точно опредѣлить, въ чемъ со
стоитъ отвѣтственность вождей въ дѣйствіяхъ, совершенныхъ
группами, которыми руководятъ эти вожди. Собраніе, ассо
ціація, толпа или секта имѣютъ лишь ту *идею*, которая имъ
внушена; эта болѣе или менѣе разумная идея, указаніе на
то, какую преслѣдовать цѣль, какія употреблять средства,
можетъ сколько угодно распространяться изъ ума одного че
ловѣка по умамъ всѣхъ, и она все-таки останется одной и
той же. Тотъ, кто внушалъ ее, отвѣчаетъ за ея непосред
ственныя слѣдствія. Но возбужденіе, которое соединяется съ
этой идеей и которое распространяется вмѣстѣ съ ней, не
остается одинаковымъ при своемъ распространеніи; интен
сивность этого возбужденія растетъ на подобіе математиче
ской прогрессіи, и то, что было умѣреннымъ желаніемъ или
нерѣшительнымъ мнѣніемъ у виновника этой пропаганды, у
того, напр., кто первый внушилъ рискованное подозрѣніе
противъ извѣстной категоріи гражданъ, то быстро превра
щается въ страсть и убѣжденіе, ненависть и фанатизмъ въ
массѣ, склонной къ броженію, куда попало зерно. Сила воз
бужденія, двигающая толпой и доводящая ее до послѣдней
крайности въ отношеніи какъ добра, такъ и зла, является

въ значительной долѣ ея собственнымъ дѣломъ; она—резуль
татъ взаимнаго разгоряченія этихъ людей, которые собира
ются вмѣстѣ, видя каждый въ другомъ свое отраженіе. Воз
лагать на вождя толпы отвѣтственность за всѣ преступленія
къ которымъ влечетъ ее это крайнее возбужденіе, было бы
столь же несправедливо, какъ приписывать этому вождю вс
заслугу великихъ дѣлъ патріотическаго самопожертвованія
великихъ подвиговъ самоотверженія, порожденныхъ тѣмъ ж
лихорадочнымъ возбужденіемъ. Отъ вождей толпы или мятеж
всегда можно требовать отвѣта за то коварство и искусство
которыя проявила толпа при совершеніи своихъ убійствъ
грабежей и пожаровъ, но не всегда они отвѣтственны з
ярость и количество бѣдъ, причиненныхъ преступной зараз
ностью толпы. Генералу одному слѣдуетъ воздать почетъ з
его планъ кампаніи, но не ему принадлежитъ почетъ за храб
рость его солдатъ. Я не говорю, что этого различія доста
точно для рѣшенія всѣхъ возникающихъ при этомъ вопро
совъ объ отвѣтственности; я хочу сказать, что его нужно
имѣть въ виду при разрѣшеніи ихъ.

II.

Какъ съ интеллектуальной, такъ и съ другихъ точек
зрѣнія, необходимо установить замѣтные отличительные при
знаки между разными формами соціальныхъ группировокъ
Не станемъ останавливаться на тѣхъ, которыя заключаются
просто въ матеріальномъ сближеніи. Прохожіе на многолюд
ной улицѣ, путешественники, сошедшіеся, даже густо на
бившіеся на пакеботѣ, въ вагонѣ, за табльдотомъ, молчащіе
или несвязанные общимъ разговоромъ, группируются физи
чески, а не въ общественномъ смыслѣ слова. То же сказал
бы я о крестьянахъ, скопившихся на ярмаркѣ, пока они
ограничиваются только заключеніемъ торговыхъ сдѣлокъ ме

жду собою, преслѣдуютъ каждый въ отдѣльности свои раз
личныя, хотя исходныя цѣли, не устраиваютъ кооперацій для
одного общаго дѣла. Все, что можно сказать о нихъ, это
то, что они носятъ въ себѣ способность къ соціальному груп
пированію въ той мѣрѣ, въ какой ихъ предрасполагаетъ къ
болѣе или менѣе тѣсному въ случаѣ надобности соединенію
сходство языка, національности, религіи, класса, воспитанія,
всякое сходство соціальнаго происхожденія, т. е. всякое сход
ство, обусловленное распространеніемъ чрезъ подражаніе
какого-нибудь элемента, исходящаго отъ перваго изобрѣта
теля, анонимнаго или извѣстнаго. Стоитъ, чтобы произо
шелъ на улицѣ динамитный взрывъ, стоитъ, чтобы возникла
опасность крушенія судна или поѣзда, чтобы вспыхнулъ по
жаръ въ отелѣ, распространилась на ярмаркѣ какая-нибудь
клевета противъ заподозрѣннаго барышника,—и тотчасъ же
эти способные къ ассоціированію индивидуумы соединяются
для стремленія къ общей цѣли подъ давленіемъ общаго воз
бужденія.

Тогда сама собою рождается первая ступень ассоціаціи,
которую мы называемъ толпой. Чрезъ рядъ посредствую
щихъ ступеней отъ этого примитивнаго аггрегата, летучаго
и аморфнаго мы поднимаемся къ толпѣ организованной, имѣю
щей іерархическое раздѣленіе, продолжительную и регуляр
ную жизнь, словомъ, къ той толпѣ, которую мы называемъ
корпораціей въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Самое
широкое выраженіе той и другой — церковь и государство.
Замѣтимъ даже, что церкви и государства, религіи и націи
въ періоды своего сильнаго роста всегда имѣютъ тенденцію
осуществить корпоративный типъ, монастырскій или полко
вой, къ счастью никогда не достигая его вполнѣ. Ихъ исто
рическая жизнь проходитъ въ томъ, что они раскачиваются
между тѣмъ и другимъ типомъ, даютъ поперемѣнно то идею
огромной толпы, какъ варварскія государства, то идею ве
ликой корпораціи, какъ Франція эпохи Людовика Святого.

Это же происходило съ тѣмъ, что называлось корпораціями при старомъ режимѣ; въ обычное время онѣ были корпорациями въ гораздо меньшей степени, чѣмъ рабочія федераціи эти дѣйствительныя маленькія корпораціи, властно управляемыя, каждая въ отдѣльности, своимъ главою. Но когда общая опасность собираетъ вмѣстѣ всѣхъ рабочихъ одной промышленной отрасли для общей цѣли, такой, напр., какъ выигрышъ процесса, тогда, въ родѣ того, какъ это бываетъ съ гражданами одной націи во время войны, федеративная связь немедленно скрѣпляется, и впередъ пробивается одно правящее лицо. Въ промежуткѣ между моментомъ этой совмѣстной единодушной работы, дѣятельность ассоціаціи среди соединенныхъ рабочихъ ограничивается преслѣдованіемъ какого-нибудь экономическаго или эстетическаго идеала точно такъ же, какъ въ промежуткѣ между войнами вся національная жизнь гражданъ сводится къ заботѣ объ извѣстномъ патріотическомъ идеалѣ. Современная нація, благодаря продолжительному вліянію эгалитарныхъ идей, имѣетъ тенденцію снова стать большой сложной толпой, которую направляютъ въ бо́льшей или меньшей степени національные или мѣстные вожаки.

Но потребность въ іерархическомъ строѣ среди разросшихся обществъ стала до того сильна, что по мѣрѣ ихъ демократизаціи, какъ это ни странно, имъ порою все болѣе и болѣе приходится принимать военную организацію, укрѣплять, усовершенствовать и расширять ту по преимуществу іерархическую и аристократическую организацію, которая называется арміей, не говоря уже объ администраціи, этой второй огромной арміи; и этимъ путемъ, они, быть-можетъ, готовятся по минованіи воинственнаго періода, подъ эгидой мира, промышленности, науки и искусства, облачиться въ корпоративную оболочку, чтобы стать огромной мастерской.

Между двумя указанными крайними полюсами можно помѣстить нѣкоторыя группы, имѣющія временный характеръ;

но ихъ составъ набирается по установленнымъ правиламъ, или онѣ подчинены извѣстному краткому уставу. Сюда относятся: судъ присяжныхъ, нѣкоторыя обычныя собранія, преслѣдующія цѣли удовольствія, литературные салоны XVIII вѣка, версальскій дворъ, театральная аудиторія, которая, несмотря на несеріозный характеръ своей цѣли и своего общаго интереса, связана строгимъ этикетомъ, имѣетъ опредѣленный іерархическій строй съ различіемъ мѣстъ; сюда относятся, наконецъ, литературныя и ученыя общества, академіи, которыя являются скорѣе собраніями взаимно обмѣнивающихся талантовъ, чѣмъ группами вмѣстѣ занимающихся работниковъ. Къ разновидностямъ корпораціи мы причисляемъ членовъ заговора и такъ часто встрѣчающіяся преступныя секты. Парламентскія собранія занимаютъ особое мѣсто; это скорѣе сложныя и противорѣчивыя толпы, толпы, такъ сказать двойственныя—двуглавыя, какъ говорятъ, чудовища—гдѣ съ безпорядочнымъ большинствомъ борются одна или нѣсколько составившихъ коалицію группъ меньшинства, и гдѣ, вслѣдствіе этого, по счастью нейтрализуется до извѣстной степени зло единодушія, эта великая опасность, присущая толпамъ.

Но въ формѣ ли толпы или корпораціи, всякая настоящая ассоціація въ одномъ отношеніи всегда сохраняетъ одинаковый характеръ: ее всегда въ большей или меньшей степени создаетъ и ведетъ вождь, явный или сокрытый; онъ довольно часто скрытъ отъ насъ, когда дѣло идетъ о толпахъ; онъ всегда замѣтенъ и бросается въ глаза, когда мы имѣемъ дѣло съ корпораціями. Съ момента, когда масса людей начинаетъ трепетать общимъ трепетомъ, одушевляется и идетъ къ своей цѣли, можно утверждать, что какой-нибудь вдохновитель или вожакъ, или группа такихъ вдохновителей, вожаковъ, среди которыхъ одинъ является активнымъ ферментомъ, вдохнули въ эту толпу свою душу, вдругъ ставшую грандіозной, искаженной, чудовищной; и самъ вдохновитель нерѣдко первый бываетъ пораженъ и охваченъ

ужасомъ. Подобно тому, какъ всякая мастерская имѣетъ своего руководителя, всякій монастырь—своего настоятеля, всякій полкъ — своего командира, всякое собраніе — своего предсѣдателя, или, вѣрнѣе, всякая фракція собранія—своего *лидера*, точно такъ же всякій оживленный салонъ имѣетъ своего корифея въ разговорѣ, всякій мятежъ — своего вождя, всякій дворъ—своего короля, или князя, или князька, всякая клака — начальника клаки. Если театральная аудиторія имѣетъ до извѣстной степени право считаться чѣмъ-то въ родѣ ассоціаціи, то это именно тогда, когда она аплодируетъ, потому что она подчиняется толчку, который данъ первымъ хлопкомъ, являясь отраженіемъ этого импульса, а также тогда, когда она слушаетъ, потому что она подчиняется внушенію автора, выраженному устами говорящаго актера. Такимъ образомъ, вездѣ, явное или скрытое, царитъ различіе между *вожакомъ* и *ведомыми*, различіе, столь важное въ вопросѣ объ отвѣтственности. Это не значитъ, что воля всѣхъ исчезла предъ волей одного; эта послѣдняя, — она впрочемъ также внушена, она эхо внѣшнихъ и внутреннихъ голосовъ, по отношенію къ которымъ она служитъ только сгущеннымъ и первымъ выраженіемъ,—для того, чтобъ импонировать другимъ, должна дѣлать имъ уступки и льстить имъ для того, чтобы вести ихъ. Такъ бываетъ съ ораторомъ, который не упуститъ случая принять мѣры ораторскаго искусства, съ драматическимъ авторомъ, который долженъ всегда уступать предубѣжденіямъ и мѣняющимся вкусамъ своихъ слушателей, съ лидеромъ, который долженъ ладить съ своей партіей, даже съ тѣмъ же Людовикомъ XIV, который поневолѣ сообразуется съ своими придворными.

Впрочемъ, мысль эту слѣдуетъ понимать различно, смотря потому, идетъ ли дѣло о собраніяхъ, образовавшихся самопроизвольно, или объ организованныхъ собраніяхъ. Въ послѣднемъ случаѣ одна воля, чтобы занять господствующее положеніе, должна, при своемъ появленіи, согласоваться, до извѣстной степени, со склонностями и традиціями тѣхъ, чья воля подчиняется. Но разъ появившись, эта воля одного выполняется тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ искуснѣе организація данной корпораціи. Когда же дѣло касается толпы повелѣвающей, волѣ нѣтъ необходимости согласоваться съ традиціями, которыя не существуютъ. Она даже можетъ заставить себѣ повиноваться, хотя бы между нею и склонностями большинства было только слабое согласіе; но, сообразуясь, или нѣтъ, она всегда выполняется плохо и искажается въ то время, какъ оказываетъ давленіе. Можно сказать, что признаками, по которымъ различаются всѣ формы ассоціаціи, служатъ: 1) способъ, которымъ одна мысль или одна воля среди тысячи другихъ становится руководящей, условія соревнованія мыслей и воль, изъ которыхъ она выходитъ побѣдительницей; 2) бо́льшая или меньшая возможность, которая открывается распространенію руководящей мысли, руководящей воли. Такъ называемая демократическая эмансипація стремится всѣмъ открыть доступъ къ интересующему насъ соревнованію, которое сначала ограничивается извѣстными категоріями лицъ, постепенно затѣмъ расширяющимися. Но всякое усовершенствованіе соціальной организаціи, въ демократической или аристократической формѣ, даетъ въ результатѣ возможность индивидуальному намѣренію, обдуманному и связно построенному, входить въ умы всѣхъ членовъ ассоціаціи въ болѣе чистомъ видѣ, съ меньшими искаженіями, болѣе глубоко, путями, болѣе надежными и краткими. Глава бунта никогда не располагаетъ вполнѣ своими людьми, генералъ почти всегда располагаетъ своими; руководство перваго идетъ медленными и окольными путями, благодаря тысячамъ уклоненій, второй дѣйствуетъ прямо и быстро.

III.

Несмотря на приведенныя выше соображенія, мысль о томъ, что роль вожаковъ, по крайней мѣрѣ по отношенію къ толпѣ, является универсальной и весьма важной, оспаривалась и оспаривалась энергично [1]. Въ самомъ дѣлѣ есть толпы, не имѣющія явнаго вождя. Въ странѣ свирѣпствуетъ голодъ, со всѣхъ сторонъ подымаются истомленныя голодомъ массы, требуя хлѣба; повидимому, вожака нѣтъ; единодушіе рождается само собою. Вглядитесь однако попристальнѣй. Всѣ эти волненія вспыхнули не сразу; подобно пороховому приводу, они начались отъ первой искры. Первая вспышка началась гдѣ-нибудь въ мѣстности, болѣе другихъ пострадавшей и склонной къ взрыву, въ мѣстности, гдѣ больше работали агитаторы, явные или скрытые, давшіе сигналъ къ мятежу. Далѣе, взрывъ послѣдовалъ въ сосѣднихъ мѣстностяхъ, и новымъ агитаторамъ предстояло уже меньше дѣла, благодаря ихъ предшественникамъ, и такъ отъ одного мѣста къ другому распространяется ихъ дѣятельность, чрезъ подражаніе одной толпы другой толпѣ, распространяется съ постоянно растущей силой, которая вмѣстѣ съ тѣмъ ослабляетъ значеніе мѣстныхъ вожаковъ, до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, дѣятельность руководителей не скроется совершенно отъ глаза, въ особенности когда народный циклонъ перешелъ далеко за предѣлы, въ которыхъ онъ имѣлъ raison d'être,

[1] На брюссельскомъ Конгрессѣ уголовной антропологіи, въ августѣ 1892 года, одинъ русскій ученый дѣлалъ намъ подобныя возраженія, ссылаясь на аграрныя волненія во время недорода. Затѣмъ одинъ итальянскій ученый докторъ Біанки, на котораго мы скоро сошлемся, приводилъ въ возраженіе намъ аналогичные факты. Въ отвѣтъ на это я могу указать, что положеніе, развиваемое здѣсь мною, уже раньше въ 1882 году доказывалъ замѣчательный русскій писатель Михайловскій въ журналѣ *„Отечественныя Записки“*.

за предѣлы области недорода. Странно, по крайней мѣрѣ для того, кто не признаетъ могущества за силой подражанія, что самопроизвольность въ мятежахъ тѣмъ полнѣе, чѣмъ менѣе она мотивирована. Именно это упускаетъ изъ виду итальянскій писатель, который въ возраженіе намъ ссылается на агитацію въ верхней части Миланской области въ 1889 году. Во время ряда этихъ мелкихъ сельскихъ бунтовъ онъ замѣтилъ, что нѣкоторые изъ нихъ зародились почти сами собою; что, однако, удивляетъ его, такъ какъ онъ признаетъ, что причина, выставленная агитаціей, была недостаточна для ея оправданія. Жалобы на собственниковъ по поводу контрактовъ не заключали въ себѣ ничего серіознаго, и если годъ былъ плохимъ, то ввозъ произведеній новой промышленности отчасти вознаградилъ за недородъ. Какъ же при подобныхъ условіяхъ можно думать, что эти итальянскіе крестьяне возстали сами собою безъ всякихъ побужденій извнѣ или изнутри или, вѣрнѣе, извнѣ и изнутри одновременно? Онъ долженъ былъ дойти до первой изъ этой вспышекъ, чтобъ убѣдиться, что народное недовольство, бывшее мѣстнымъ и частнымъ, прежде чѣмъ распространиться и стать общимъ, не родилось единымъ, что здѣсь, какъ это бываетъ во время пожаровъ, были свои зажигатели, изъ фермы на ферму, изъ корчмы въ корчму разносившіе клевету, злобу и ненависть. Именно они дали глухому броженію, вызванному ими, эту точную формулировку: „Собственники не хотятъ смягчить арендныхъ контрактовъ; чтобы принудить ихъ къ этому, необходимо внушить имъ страхъ“. Всѣ средства были указаны: скопленіе толпами, крики, пѣніе угрожающихъ пѣсенъ, битье стеколъ, грабежи и пожары. Для агитатора, разъ дѣйствуетъ сила зараженія, требуется немного труда, чтобы толпу въ двѣ-три сотни крестьянъ или крестьянокъ, по окончаніи обѣдни или вечерни, склонить къ подобнаго рода манифестаціямъ. Ему нужно только швырнуть камнемъ, испустить крикъ или за-

тянуть пѣсню,—немедленно всѣ послѣдуютъ за нимъ; а намъ скажутъ потомъ, что волненіе началось само собою. Между тѣмъ, иниціатива этого человѣка была безусловно необходима.

При бѣгломъ взглядѣ всѣ безпорядочныя сборища вытекающія изъ одной первой вспышки и тѣсно примыкающія одно къ другому, это обычное явленіе революціонныхъ кризисовъ,—можно считать одной общей толпой. Такимъ образомъ, существуютъ сложныя толпы, какъ въ физикѣ сложныя волны, рядъ волнистыхъ группъ. Если стать на эту точку зрѣнія, мы увидимъ, что не бываетъ толпы безъ вожака; мы увидимъ, кромѣ того, что, если, идя отъ первой изъ этихъ *составныхъ* толпъ къ послѣдней, значеніе *второстепенныхъ* вожаковъ уменьшается, то значеніе *первоначальныхъ* вожаковъ все возрастаетъ, увеличиваясь съ каждой новой сумятицей, которая порождается предшествующей, путемъ зараженія на разстояніи. Эпидеміи стачекъ служатъ тому доказательствомъ. Первая стачка несомнѣнно та, въ которой недовольство имѣло наиболѣе серіозный характеръ, и которая вслѣдствіе этого болѣе всѣхъ другихъ должна бы возникать сама по себѣ; эта первая стачка всегда вырисовываетъ предъ нами личность агитаторовъ; слѣдующія за нею стачки, хотя порою лишены всякаго смысла и толку—какъ это обозначилось среди рабочихъ, двигающихъ жернова въ Перигорѣ, которые просто хотѣли стать модными—эти слѣдующія стачки производятъ впечатлѣніе взрывовъ, происшедшихъ безъ помощи фитиля; можно было бы сказать, что онѣ производятъ выстрѣлъ сами, однѣ, подобно плохимъ ружьямъ. Впрочемъ, я признаю, что мало подходитъ имя *вожаковъ* сюда, въ примѣненіи къ простымъ смутьянамъ, которые безъ опредѣленнаго желанія, полубезсознательно нажали курокъ ружья. Я беру примѣръ изъ недавняго времени у доктора Біанки: Въ одной деревнѣ въ исходѣ марта мѣсяца народъ, который какъ намъ извѣстно, былъ уже чрезмѣрно возбужденъ, замѣтилъ полицейскихъ агентовъ, явившихся для надзора за нимъ; видъ этихъ агентовъ привелъ народъ въ крайнее раздраженіе; послышались свистки, затѣмъ крики, потомъ революціонныя пѣсни, и вотъ эти бѣдные люди, дѣти и старцы, воспламеняютъ другъ друга. Толпа ринулась, принимается, конечно, бить стекла и разрушать все, что можетъ. Слѣдуетъ кстати отмѣтить эту необыкновенную склонность толпъ къ разбитымъ стекламъ, къ шуму, къ ребяческому разрушенію; это одна изъ многочисленныхъ сходныхъ чертъ между толпою и пьяницей, для котораго величайшее удовольствіе, опорожнивъ бутылку, разбить ее. Въ нашемъ примѣрѣ первый, издавшій свистъ или крикъ, не давалъ себѣ, вѣроятно, отчета въ томъ возбужденіи, которое онъ вызоветъ. Но не слѣдуетъ забывать, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ волненіемъ, которому предшествовали многія другія, имѣвшія своихъ агитаторовъ, дѣйствовавшихъ болѣе сознательно, добровольно.

Случается также часто, что толпа, приведенная въ движеніе кучкой воспламененныхъ людей, образующихъ ядро, обгоняетъ ихъ и всасываетъ въ себя, и, ставши безголовой не имѣетъ, какъ можетъ показаться, вожака но въ дѣйствительности она не имѣетъ его въ томъ смыслѣ, въ какомъ тѣсто, поднявшись, не имѣетъ больше дрожжей.

Наконецъ—существенное замѣчаніе—роль этихъ вожаковъ тѣмъ значительнѣе и замѣтнѣе, чѣмъ съ большимъ единодушіемъ, послѣдовательностью и разумомъ дѣйствуетъ толпа, чѣмъ болѣе приближается она къ нравственной личности, къ организованной ассоціаціи.

И такъ мы видимъ, что, несмотря на важное значеніе, которое имѣетъ характеръ ея членовъ, ассоціація въ концѣ концовъ будетъ хотѣть того, чего захочетъ ея глава. И первостепенное значеніе имѣетъ характеръ этого послѣдняго; нѣсколько менѣе справедливо это можетъ быть по отношенію къ толпѣ. Но, если здѣсь неудачный выборъ вождя можетъ не произвести такихъ гибельныхъ послѣдствій, какъ въ корпора-

тивной ассоціаціи, зато здѣсь меньше шансовъ, что этотъ выборъ будетъ удаченъ. Толпы, а также собранія, даже парламентскія, готовы ухватиться за хорошаго говоруна, за перваго встрѣчнаго, неизвѣстнаго имъ. Но корпораціи купцовъ, *collegia* древняго Рима, церкви и первые христіане, словомъ всѣ корпораціи, выбирая *пріора*, *епископа*, синдика, подвергали его сперва продолжительному испытанію, или если они брали своего главу вполнѣ готовымъ, какъ напр. армія, то онъ выходилъ изъ рукъ разумной и хорошо освѣдомленной власти. Ассоціаціи менѣе подвержены „закупориванію", потому что онѣ не пребываютъ всегда въ *состояніи собранія*, а чаще пребываютъ въ *состояніи разсѣянія*, которое предоставляетъ ихъ членовъ, освобожденныхъ отъ тисковъ соприкосновенія, влеченію ихъ собственнаго разума.—Далѣе, если глава извѣстной корпораціи признанъ превосходнымъ, онъ можетъ умереть, и его дѣло переживетъ его [1]; основатель религіознаго ордена, причисленный послѣ смерти къ лику святыхъ, живетъ и дѣйствуетъ въ сердцахъ своихъ учениковъ; къ его ученію присоединяется ученіе всѣхъ аббатовъ и реформаторовъ, которые слѣдуютъ за нимъ, и престижъ которыхъ такъ же, какъ и его престижъ, растетъ и очищается по мѣрѣ того, какъ увеличивается время, отдѣляющее ихъ; между тѣмъ, добрые вожаки толпы [2] — встрѣчаются и такіе—перестаютъ дѣйствовать, какъ только они исчезли; ихъ забываютъ прежде, чѣмъ успѣютъ замѣнить. Толпа повинуется только живымъ и присутствующимъ вожакамъ, которые имѣютъ престижъ такъ сказать тѣлесный, физическій, она

[1] Къ сожалѣнію, это бываетъ по временамъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда глава не заслуживаетъ такой чести послѣ смерти: политическія партіи служатъ тому доказательствомъ. Во Франціи буланжисты пережили Буланже въ Чили бальмаседисты—Бальмаседу.

[2] Въ конференціи по вопросу о *Промышленномъ примиреніи и роли вожаковъ* (Брюссель 1892) одинъ весьма компетентный бельгійскій инженеръ, Вейлеръ, указываетъ, какую полезную роль въ спорахъ между патронами и рабочими могутъ играть *добрые вожаки*, именно, какъ онъ

никогда не повинуется призракамъ идеальнаго совершенства, воспоминаній, ставшихъ безсмертными. Какъ я мимоходомъ замѣтилъ, корпораціи въ своемъ продолжительномъ существованіи, которое иногда тянется цѣлыя столѣтія, выставляютъ *рядъ* безпрерывно слѣдующихъ другъ за другомъ руководителей, которые какъ бы прививаются одни надъ другими и очищаютъ другъ друга; еще одно отличіе отъ толпы, гдѣ въ лучшемъ случаѣ существуетъ *группа* вожаковъ временныхъ, дѣйствующихъ одновременно, которые отражаясь другъ въ другѣ, пріобрѣтаютъ увеличенный характеръ. Таковы отличительные признаки, таковы причины, почему толпа стоитъ ниже.

Существуютъ и другіе. Не только ниже всѣхъ стоятъ самые вожаки, которые рѣшаются быть избранниками толпы или терпѣть ее надъ собою; самаго низкаго качества бываютъ и тѣ внушенія, которыя исходятъ отъ нихъ. Почему? Во-первыхъ, потому, что чувства и идеи, наиболѣе заразительныя, естественно обладаютъ наибольшей силой, какъ среди колоколовъ, наибольшей силой обладаютъ не тѣ, которые лучше или правильнѣе звучатъ, а самые большіе, которыхъ звукъ разносится какъ можно дальше; во-вторыхъ потому, что наибольшей силой обладаютъ идеи самыя узкія или самыя ложныя, идеи, которыя поражаютъ не умъ, а чувство, точно такъ же самыми интенсивными чувствами бываютъ наиболѣе эгоистическія; вотъ почему въ толпѣ легче распространить пустой образъ, чѣмъ абстрактную истину, легче склонить ее къ сравненію, чѣмъ къ разумному соображенію, легче внушить ей вѣру въ человѣка, чѣмъ заставить отказаться

ихъ называетъ, „вожаки профессіи", а не вожаки по профессіи. Онъ указываетъ также на то, что рабочіе не обнаруживаютъ въ эти критическіе моменты особенной охоты имѣть дѣло съ политиканами. Почему? Потому что имъ хорошо извѣстно, что, разъ явившись, эти послѣдніе заставятъ ихъ волей-неволей покориться. Это—оковы, которыхъ они боятся, но которыя они тѣмъ не менѣе носятъ.

отъ предразсудка; и вотъ почему,—въ виду того, что въ толпѣ удовольствіе отъ поношенія кого-нибудь всегда живѣе, чѣмъ удовольствіе поклоненія, и чувство самосохраненія всегда сильнѣе чувства долга,—свистки скорѣе раздаются въ толпѣ, чѣмъ крики „браво“, и порывы паники чаще охватываютъ ее, чѣмъ порывы храбрости.

IV.

Не безъ основанія высказывалась относительно толпы мысль, [1] что она въ умственномъ и нравственномъ отношеніи стоитъ въ общемъ ниже средняго уровня своихъ членовъ. Соціальный составъ въ данномъ случаѣ, какъ всегда, не только не похожъ на свои элементы, по отношенію къ которымъ онъ скорѣе является *произведеніемъ* или *комбинаціей*, чѣмъ суммой, но онъ по обыкновенію имѣетъ и меньше цѣнности, чѣмъ они. Но это справедливо только по отношенію къ толпѣ или къ сборищамъ, которыя приближаются къ понятію толпы. Напротивъ, тамъ, гдѣ царитъ больше *духъ корпорацій*, чѣмъ *духъ толпы*, часто случается, что составное цѣлое, въ которомъ упрочивается геній великаго организатора, выше своихъ отдѣльныхъ элементовъ. Смотря потому, является ли труппа актеровъ корпораціей или толпой, т. е. смотря потому, насколько она обучена и организована, актеры эти играютъ вмѣстѣ лучше или хуже, чѣмъ въ отдѣльности, когда они читаютъ монологи. Въ корпораціи, прекрасно дисциплинированной, какъ напр. въ жандармеріи, превосходно разработанныя правила для розысканія преступниковъ, для допроса свидѣтелей, составленія протоколовъ—всегда хорошо составленныхъ вплоть до стиля—передаются по традиціи и поддерживаютъ духъ индивидуума, опиравшагося на высшій

[1] См. по этому вопросу интересную статью Sighele о *folla delinquente*.

разумъ. Если латинская поговорка утверждала, что *сенаторы хорошіе люди, а сенатъ—дурное животное*, то я имѣлъ сотни случаевъ замѣтить, что жандармы, хотя они очень часто бываютъ умными людьми, все-таки ниже въ этомъ отношеніи, чѣмъ жандармерія. Одинъ генералъ говорилъ мнѣ, что вынесъ такое же убѣжденіе во время смотра своихъ рекрутовъ. Когда онъ распрашивалъ ихъ въ отдѣльности о военныхъ маневрахъ, онъ нашелъ ихъ отвѣты довольно слабыми; но разъ они собрались вмѣстѣ, они поражали его стройнымъ и бодрымъ исполненіемъ маневровъ; они проявляли коллективную разумность, гораздо высшую, чѣмъ та, которую они обнаруживали каждый въ отдѣльности. Точно такъ же полкъ часто храбрѣе, отважнѣе и нравственнѣе солдата. Корпораціи—полки, религіозные ордена, секты,—заходятъ гораздо дальше и въ добрѣ и злѣ, чѣмъ толпы; самыя благодѣтельныя толпы менѣе далеки отъ самыхъ преступныхъ, чѣмъ величайшіе подвиги нашихъ армій отъ яростнѣйшихъ проявленій якобинства, или чѣмъ сестры конгрегаціи св. Винсента де Поля отъ членовъ камморы и анархистовъ. Тэнъ, изобразившій съ такой силой одновременно и преступныя толпы и преступныя секты, жакерію и насилія якобинцевъ во время революціи, показалъ, насколько эти послѣднія гибельнѣе первыхъ. Но въ то время какъ толпы чаще дѣлаютъ зло, чѣмъ добро, корпораціи дѣлаютъ чаще добро, чѣмъ зло. Далѣе, среди корпорацій мы не находимъ тенденціи, по которой заразительность впечатлѣній и чувствъ соотвѣтствуетъ ихъ интенсивности; эта тенденція парализуется здѣсь спеціальнымъ подборомъ и воспитаніемъ, искусомъ, который длится цѣлые годы.

Если порою толпа во время дѣйствія кажется лучшей, даже болѣе героической и великодушной, чѣмъ въ среднемъ люди, входящіе въ ея составъ, то это бываетъ или при чрезвычайныхъ обстоятельствахъ (напр., благородный энтузіазмъ національнаго собранія *въ ночь на 4-е августа)* или (какъ

въ этомъ же, пожалуй, случаѣ) такое великодушіе бываетъ только наружнымъ, и оно даже въ глазахъ самихъ заинтересованныхъ лицъ прикрываетъ могучую власть тайнаго ужаса. У толпы часто является героизмъ страха. Въ иныхъ случаяхъ благодѣтельное дѣйствіе толпы есть только послѣдній слѣдъ бывшей корпораціи. Развѣ мы не видимъ иногда случаевъ безсознательнаго самопожертвованія среди толпы небольшихъ городовъ, сбѣжавшейся для тушенія большого пожара? Я говорю *иногда* по отношенію къ толпѣ, а не къ пожарнымъ командамъ, гдѣ черты удивительнаго героизма представляютъ обычное повседневное явленіе. Окружающая ихъ толпа, быть-можетъ, по ихъ примѣру, охваченная чувствомъ соревнованія, изрѣдка тоже готова жертвовать собою и пренебрегать опасностью для спасенія чьей-нибудь жизни. Но если замѣтить, что эти собранія представляютъ собою явленіе традиціонное, что они имѣютъ свои правила и обычаи, что они раздѣляютъ работу, что по правой сторонѣ передаются полныя, а по лѣвой—пустыя ведра, что дѣйствія здѣсь комбинируются съ искусствомъ, которое скорѣе *основано на привычкѣ*, чѣмъ непроизвольно—тогда мы убѣдимся, что проявленія состраданія и братской помощи являются пережиткомъ корпоративной жизни, присущей средневѣковымъ „общинамъ“.

Нужно ли въ настоящее время приводить доказательства въ пользу того, что люди въ *массѣ*, въ видѣ толпы, имѣютъ меньшую цѣнность, чѣмъ каждый въ *отдѣльности?* Нужно, потому что противъ этой мысли спорили. Но я буду кратокъ. Безъ сомнѣнія, ни одинъ изъ готфейскихъ крестьянъ, сжегшихъ на медленномъ огнѣ Монэ, ни одинъ изъ парижскихъ мятежниковъ, утопившихъ агента Виченцини, не былъ виноватъ, я не говорю, въ томъ, что совершилъ, а въ томъ, что желалъ этого отвратительнаго злодѣянія. Большинство участниковъ сентябрьскихъ убійствъ были далеко не злодѣями. Бросающаяся толпа, даже состоящая въ

большинствѣ изъ лицъ интеллигентныхъ, всегда заключаетъ въ себѣ что-то ребяческое и звѣрское одновременно: ребяческое — вслѣдствіе своей капризной измѣнчивости, вслѣдствіе неожиданныхъ переходовъ отъ гнѣва къ взрывамъ смѣха, звѣрское — вслѣдствіе своей свирѣпости. Она труслива даже тогда, когда составлена изъ людей довольно смѣлыхъ. Если противникъ, не уступающій ей, напр., инженеръ, сбитъ съ ногъ, его судьба рѣшена. Затоптать ногами своего врага—въ этомъ удовольствіи толпа никогда себѣ не отказываетъ. Вотъ образчикъ ея капризовъ. У Тэна есть разсказъ объ одной революціонной шайкѣ, которая готовилась умертвить предполагаемаго барышника, но вдругъ растрогалась, проникается восхищеніемъ передъ нимъ и „заставляетъ его пить и танцовать вмѣстѣ съ собою вокругъ дерева Свободы, на которомъ за минуту передъ тѣмъ она собиралась его повѣсить“. Подобныя вещи наблюдались въ періодъ коммуны. Во время послѣдней недѣли заключенныхъ отвели въ Версаль, гдѣ ихъ окружила толпа. Среди нихъ, разсказываетъ Людовикъ Галеви, находилась „молодая женщина, довольно красивая, со связанными за спиною руками, въ офицерскомъ плащѣ съ подкладкой изъ краснаго сукна и съ распущенными волосами. „Полковница, полковница!“ кричитъ толпа. Съ поднятой высоко головой молодая женщина посмотрѣла на крикуновъ съ вызывающей улыбкой. Тогда отовсюду послышались крики: „Смерть!... смерть ей!..“ Но одинъ старикъ воскликнулъ: „Не надо крови, вѣдь она женщина наконецъ!“ Гнѣвъ толпы мгновенно обращается на старика. Его окружаютъ съ криками: „Онъ—коммунаръ! Онъ—поджигатель! Старику грозила сильная опасность, но въ это время послышался пронзительный голосъ, веселый и смѣшной голосъ уличнаго парижскаго мальчугана: „Не троньте его, это его дамочка!“ Вокругъ старика раздался дружный взрывъ хохота; онъ спасенъ... Толпа, почти моментально, отъ яростной злобы перешла къ неподдѣльному веселью“.

Въ этой исторіи достойно вниманія все отъ начала до конца. Можно быть увѣреннымъ, разъ рѣчь идетъ о французахъ, что при видѣ этой прекрасной амазонки, бравирующей передъ убійцами, каждый изъ нихъ въ отдѣльности пришелъ бы только въ восхищеніе отъ нея. Собравшись, они обнаружили только ярость по отношенію къ ней; они обнаружили чувствительность только къ своему задѣтому коллективному самолюбію; это было крайнее увеличеніе ихъ частныхъ самолюбій, достигшихъ очень высокой силы вслѣдствіе ея смѣлаго вызова „задѣтое самолюбіе народа, говоритъ г-жа Сталь въ своей *Considérations sur la Révolution française* не похоже на наши мимолетные переходы: это—потребность причинить смерть". Вполнѣ вѣрно. Но у изолированныхъ лицъ изъ народа раны самолюбія или его уколы не достигаютъ до такой раздражающей и убійственной остроты; это бываетъ только съ народными массами. И это бываетъ не только съ ними, но и со всякимъ собраніемъ людей, даже образованныхъ и хорошо воспитанныхъ. Собраніе, даже самое парламентски-дисциплированное, задѣтое ораторомъ, нерѣдко представляетъ собою зрѣлище такой убійственной чувствительности.

Трудно себѣ представить, до какой степени толпа или вообще всякое собраніе, не организованное, не дисциплинированное, превосходитъ входящіе въ ея составъ элементы непостоянствомъ, забывчивостью, легковѣріемъ и жестокостью. Но доказательства слишкомъ многочисленны. Обращено ли вниманіе хотя, напр., на слѣдующее. Въ октябрѣ 1892 года Парижъ былъ терроризированъ благодаря динамитнымъ взрывамъ. Казалось бы, что самой настоятельной необходимостью было защищать себя противъ этой постоянной угрозы, и, въ самомъ дѣлѣ, какъ велика была опасность! Но когда по этому случаю было свергнуто министерство, и былъ вотированъ новый законъ о печати, — смѣшное средство противъ этого бича,— вспыхиваетъ панамское дѣло. Съ этого момента

я хочу сказать, съ перваго дня, когда еще никто не могъ предвидѣть важнаго характера предстоящихъ разоблаченій, вчерашняя тревога была забыта, хотя опасность оставалась такой же, и общественное любопытство, злоба, достигнувъ чрезвычайныхъ размѣровъ и, прежде всего, общественное негодованіе, совершенно разсѣяли страхъ. Таковъ *коллективный умъ:* образы слѣдуютъ другъ за другомъ отрывочно, набѣгая одинъ на другой, наростая безъ связи, какъ въ мозгу уснувшаго или загипнотизированнаго человѣка, и каждый изъ этихъ образовъ захватываетъ все поле вниманія. И тѣмъ не менѣе большинство индивидуальныхъ умовъ, составляющихъ этотъ коллективный умъ, стекающихся для того, чтобъ образовать эту великую массу, называемую общественнымъ мнѣніемъ, способны къ послѣдовательности и порядку при группировкѣ своихъ идей.

Другой примѣръ. „Въ маѣ 1892 года[1],—разсказываетъ Дельбефъ,—какой-то несчастный нѣмецъ, только что высадившійся въ Люттихѣ, послѣдовалъ за толпой къ мѣсту, гдѣ произведенъ былъ динамитный взрывъ. Вдругъ кто-то изъ толпы, видя, что онъ бѣжитъ скорѣе другихъ, принимаетъ его за виновника взрыва, сообщаетъ объ этомъ своимъ сосѣдямъ, и эта же самая толпа почитаетъ своимъ долгомъ убить его. Между тѣмъ, изъ какихъ элементовъ состояла она? Въ общемъ—изъ избраннаго общества, явившагося на концертъ. И можно было услышать голоса господъ, требующихъ револьверъ для того, чтобъ убить наугадъ несчастнаго, ни національности, ни имени, ни преступленія котораго они не знали! Въ дѣлѣ Куртрэ, когда будущій депутатъ учился разыгрывать роль, аналогичную роли Бали и товарищей въ стачкахъ, посмотрите, какъ глупа толпа: она пытается убить экспертовъ". Возьмемъ примѣры менѣе трагическаго харак-

[1] Journal de Liège, 12 октября 1892. Статья Дельбефа по поводу моего доклада о преступленіяхъ толпы на брюссельскомъ конгрессѣ уголовной антропологіи.

тера, напр., аудиторію кафэ-концертовъ; туда собираются парижане и парижанки съ утонченнымъ вкусомъ. Взятые въ отдѣльности, они обнаруживаютъ вкусъ къ утонченной музыкѣ, къ литературѣ пикантной, но пріятной. Собравшись вмѣстѣ, они наслаждаются исключительно безсмысленными пѣснями. Ивета Гильберъ пыталась заставить ихъ воспринять произведенія, достойныя ея спеціальнаго таланта; она потерпѣла фіаско. Разъ уже мы коснулись панамскаго вопроса, можно отмѣтить, что и въ этомъ дѣлѣ и въ массѣ другихъ тотъ коллективный слѣдственный органъ, который называется слѣдственной комиссіей, производилъ свои дѣйствія съ необычайной медленностью и неподвижностью; весьма вѣроятно, что каждый изъ его членовъ, облеченный тѣми же полномочіями, дѣйствуя отдѣльно, лучше исполнилъ бы дѣло. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что судъ присяжныхъ менѣе разсудителенъ, чѣмъ присяжные[1].

Возьмемъ еще одинъ примѣръ, который я заимствую изъ мемуаровъ Жиске, полицейскаго префекта при Луи-Филиппѣ. Въ апрѣлѣ 1832 года въ Парижѣ въ разгаръ холерной эпидеміи „молва, *распространившаяся по Парижу съ быстротой молніи*, приписывала *отравѣ* дѣйствіе эпидеміи и увѣрила массы, обыкновенно чрезвычайно воспріимчивыя въ такіе моменты, что какія-то лица отравляли пищу, воду въ источникахъ, вино и другіе напитки. Въ одно мгновеніе огромныя сборища заполонили набережныя, Гревскую площадь и т. д. и, можетъ-быть, никогда въ Парижѣ не бывало такого скоп-

[1] Вогюэ сказалъ однажды относительно нашихъ министровъ: «Я съ удовольствіемъ могъ констатировать крупныя индивидуальныя достоинства этихъ министровъ, проявляющихъ въ своихъ департаментахъ по бо̀льшей части качества выдающихся администраторовъ; но точно мгновенный параличъ поражаетъ ихъ, когда они за министерскимъ столомъ или у подножія трибуны должны постановить какое-нибудь коллективное рѣшеніе». И сколько есть министерствъ, парламентовъ и конгрессовъ, къ которымъ съ полнымъ правомъ можно примѣнить это замѣчаніе!

денія индивидуумовъ, которые были *до крайности возбуждены этой идеей объ отравленіи и искали виновниковъ этихъ воображаемыхъ преступленій*". Это была какая-то коллективная манія преслѣдованія. „Всякій, у кого находились въ рукахъ бутылка, флаконъ или небольшой пакетъ, возбуждалъ *подозрѣніе; простой флаконъ могъ превратиться въ обвинительный документъ* въ глазахъ этой обезумѣвшей толпы". Жиске самъ обошелъ „эти чудовищныя массы людей, покрытыхъ лахмотьями, и нѣтъ никакой возможности, говоритъ онъ, изобразить, какой отвратительный видъ представляли онѣ, нельзя передать впечатлѣніе ужаса, который вызывалъ разстававшійся кругомъ глухой ропотъ". Эти обезумѣвшіе люди легко становились убійцами. „Одинъ молодой человѣкъ, чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ, былъ убитъ на улицѣ Сенъ-Дени по одному только подозрѣнію въ томъ, что онъ хотѣлъ бросить ядъ въ кувшины одного виноторговца..." При этомъ были совершены четыре убійства... Подобныя же сцены происходили въ Вожирарѣ и предмѣстьѣ Сентъ-Антуанъ. Здѣсь „двое неосторожныхъ бѣжали, преслѣдуемые тысячами разъяренныхъ людей, *которые обвиняли ихъ въ томъ, что они дали дѣтямъ отравленную тартинку*". Бѣглецы укрылись въ кордегардіи; но толпа мгновенно окружила послѣднюю; посыпались угрозы, и ничто не могло бы спасти несчастныхъ отъ смерти, еслибы полицейскому комиссару и одному отставному чиновнику не пришла въ голову счастливая мысль—раздѣлить между собою тартинку на глазахъ у всей толпы. „Благодаря *этой находчивости тотчасъ же ярость смѣнилась веселью*мъ". Такого рода безумства свойственны всѣмъ временамъ; толпы всѣхъ народовъ и всѣхъ климатовъ, римская толпа, обвиняющая христіанъ въ римскихъ пожарахъ, въ пораженіяхъ легіоновъ и бросающая ихъ въ добычу звѣрямъ, средневѣковая толпа, проникнутая самыми нелѣпыми подозрѣніями противъ альбигойцевъ, евреевъ, всякаго рода еретиковъ, подозрѣніями, которыхъ распро-

страненность замѣняетъ доказательства, мюнцеровскія толпы въ Германіи въ эпоху реформаціи, толпы Журдана во время террора во Франціи,—всѣ онѣ представляютъ собою одинаковое зрѣлище. Всѣ онѣ „terroristes par peur", какъ выразилась г-жа Роланъ о Робеспьерѣ.

По поводу непослѣдовательности толпы мнѣ вспоминается то, что происходитъ на востокѣ въ нѣкоторыхъ странахъ, постигнутыхъ проказой. Тамъ, разсказываетъ докторъ Цамбако-Паша, „въ большинствѣ деревень, какъ только явится подозрѣніе въ появленіи проказы или кого-нибудь обвинятъ несправедливо въ заболѣваніи ею, населеніе, не обращаясь къ властямъ и даже къ врачу, немедленно учреждаетъ судъ и казнитъ по закону Линча того, кого считаетъ прокаженнымъ, повѣсивъ его на ближайшемъ деревѣ или избивъ камнями [1] но это же населеніе посѣщаетъ часовни при больницахъ для прокаженныхъ „прикладывается къ образамъ въ тѣхъ мѣстахъ, къ которымъ прикасались уста прокаженныхъ и причащается изъ однѣхъ съ ними чашъ".

Но какъ ни велика подвижность, непослѣдовательность толпы, ея свобода отъ традиціи, въ собственномъ смыслѣ этого слова, тѣмъ не менѣе толпа всегда склонна къ рутинѣ, и въ этомъ отношеніи она также противоположна корпораціямъ, которыя, въ теченіе всего періода своего роста, являются одновременно и традиціоналистическими и прогрессивными, именно потому, что онѣ держатся традиціи. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я видѣлъ довольно рѣдкій образецъ такой характерной рутины случайно собравшихся людей. Это происходило въ залахъ монтдорской теплицы, въ старомъ зданіи. Здѣсь триста — четыреста человѣкъ скопляются на небольшомъ пространствѣ, посреди водяныхъ паровъ температуры въ 40 градусовъ. Всѣ скучаютъ и для развлеченія

[1] *Voyage chez les lépreux*, par le d-r Zambaco-Pacha (Paris, Masson, 1891).

вмѣсто того, чтобы болтать, какъ въ дамской комнатѣ, стараются двигаться, и вотъ всѣ принимаются двигаться въ видѣ процессій въ фланелевыхъ жилетахъ вокругъ находящагося въ центрѣ бассейна. И, замѣчательная вещь, всегда всѣ движутся въ одномъ и томъ же направленіи, въ направленіи, если мнѣ не измѣняетъ память, часовой стрѣлки, но никогда въ противоположномъ. По крайней мѣрѣ, такъ было въ теченіе того мѣсяца, когда я подвергался этому странному лѣченію. Нѣсколько разъ при началѣ сеанса я пытался устроить водоворотъ, повернуть въ обратную сторону это вращательное движеніе; я терпѣлъ фіаско. Гулявшіе или большинство изъ нихъ помнили, какъ они повернули наканунѣ; и безсознательно, повинуясь повсюду сопровождающему насъ инстинкту подражанія, который съ инстинктомъ симпатіи и общественности находится во взаимныхъ отношеніяхъ причины и слѣдствія,—каждый стремился вѣрно слѣдовать полученному импульсу. Этимъ, замѣтимъ кстати, можно измѣрить соціальную силу потребности подражанія. Если столь незначительное мало способное подѣйствовать на умъ и сердце дѣйствіе какъ пѣйствіе перваго изъ купавшихся, которому пришла мысль повернуть въ извѣстномъ направленіи, если столь незначительное дѣйствіе достигло такой силы внушенія развило коллективное стремленіе столь глубокое, то какова должна быть заразительная сила страстей, возбужденныхъ въ массахъ вождемъ, который вселяетъ въ нихъ идеи убійства, грабежей и поджоговъ, или обѣщаетъ имъ золотыя горы! Докторъ Обри, превосходно изслѣдовавшій въ своемъ интересномъ сочиненіи *Contagion du meurtre* явленія этого рода, сообщилъ мнѣ о небольшомъ наблюденіи, сдѣланномъ имъ во время этихъ изслѣдованій,—оно подкрѣпляетъ предыдущее соображеніе. „Въ анатомическихъ театрахъ, пишетъ онъ, работаютъ много, но работа эта имѣетъ такой характеръ, что она не мѣшаетъ болтать и пѣть. Однажды я и товарищи были поражены психологическимъ явленіемъ, которое мы окрестили

терминомъ *réflexe musical*. Оно заключалось въ слѣдующемъ. Если въ моментъ возможно болѣе полнаго молчанія кто-нибудь изъ насъ пропоетъ нѣсколько тактовъ какой-нибудь извѣстной аріи и затѣмъ сразу остановится, почти немедленно вслѣдъ за этимъ въ другомъ концѣ залы, кто-нибудь изъ студентовъ станетъ, работая, продолжать начатую арію. Мы часто повторяли этотъ опытъ и всегда съ успѣхомъ. Не разъ мы спрашивали того или другого товарища, продолжавшаго арію, и изъ ихъ отвѣтовъ узнавали, что они, продолжая начатую арію, не замѣчали, что слѣдуютъ извѣстному толчку. Развѣ это, часто безсознательное, внушеніе не проливаетъ нѣкотораго свѣта на идеи, которыя неизвѣстно почему и какимъ путемъ появляются въ толпѣ, которыя, явившись неизвѣстно откуда, распространяются съ головокружительной быстротой“? [1].

Но вернемся назадъ. Театральная публика представляетъ аналогичные случаи. Если она капризнѣе всякой другой публики, то она и въ наибольшей степени обладаетъ стаднымъ чувствомъ; столь же трудно предусмотрѣть ея капризы, какъ и передѣлать ея привычки. Прежде всего, ея способы выражать свое одобреніе и порицаніе всегда одинаковы въ одной и той же странѣ; у насъ, во Франціи, это — аплодисменты и свистки. Затѣмъ ей необходимо всегда показывать на сценѣ то, что она привыкла видѣть, какъ бы искусственно это ни было; съ другой стороны опасно показывать то, чего она не привыкла дѣть. Кромѣ того, слѣдуетъ замѣтить, что театральная пу-

[1] Докторъ Баженовъ, русскій психіатръ, сообщаетъ фактъ, который превосходно подтверждаетъ и дополняетъ наблюденіе доктора Обри. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ на одной изъ московскихъ сценъ Сара Бернаръ играла *Даму съ камеліями*. Въ пятомъ дѣйствіи, въ самый драматическій моментъ, когда вниманіе всей публики было приковано къ ея устамъ и можно было услышать, какъ летитъ муха, въ этотъ моментъ Маргарита Готье, умирающая отъ чахотки, закашлялась. Тотчасъ вся аудиторія была заражена, и въ теченіе нѣсколькихъ минутъ нельзя было разслышать словъ великой артистки.

блика—сидячая толпа, т. е., полутолпа. Настоящая толпа, т. е. такая, въ которой электрическій токъ вслѣдствіе соприкосновенія достигаетъ высшей степени быстроты и энергіи, состоитъ изъ людей стоящихъ и, прибавимъ, находящихся въ движеніи. Но это различіе не всегда существовало. Еще въ 1780 году—свидѣтельство объ этомъ есть въ статьѣ, помѣщенной въ *Mercure de France* отъ 10 іюня 1780 года—партеръ стоялъ въ главныхъ театрахъ, и едва только начинали говорить о томъ, чтобы публика партера садилась. Можно подумать, что, садясь, партеръ сталъ умнѣе; то же случилось съ политической и судебной аудиторіей у народовъ, которые начали съ парламентовъ на площадяхъ, составленныхъ изъ воиновъ или старцевъ, стоящихъ подъ оружіемъ, а кончили собраніями, заключенными въ дворцахъ и сидящими въ курульныхъ креслахъ и на стульяхъ. Такъ же вѣроятно, что эта перемѣна положенія дала каждому слушателю большую силу, чтобы противиться вліянію сосѣдей, и нѣсколько больше индивидуальной свободы. Садиться—значитъ начать изолироваться. Партеръ сталъ въ меньшей степени *мизонеистомъ* съ тѣхъ поръ, какъ онъ усѣлся; только съ этого момента французская сцена начинаетъ эмансипироваться. Впрочемъ, среди сидящихъ зрителей также существуютъ самые дѣйствительные проводники взаимнаго внушенія, особенно зрѣніе. Если-бы зрители не видѣли другъ друга, если-бъ они присутствовали на представленіи такъ, какъ арестанты одиночныхъ камеръ присутствуютъ на богослуженіи, т. е. въ небольшихъ рѣшетчатыхъ клѣткахъ, откуда невозможно видѣть другъ друга, тогда, несомнѣнно, каждый изъ нихъ, подвергаясь дѣйствію пьесы и актеровъ, свободному отъ всякой примѣси вліянія публики, отдавался бы гораздо полнѣе свободной склонности собственнаго вкуса, и въ этихъ странныхъ залахъ проявлялось бы гораздо меньшее единодушіе и въ аплодисментахъ и въ свисткахъ. Въ театрѣ, на банкетѣ, въ любой народной манифестаціи рѣдко случается, чтобы

кто-нибудь, даже не одобряя *in petto* аплодисментовъ, тостовъ, виватовъ, рѣшился не аплодировать, не поднять своего бокала, хранить упрямое молчаніе среди восторженныхъ криковъ. Въ Лурдѣ, въ толпѣ вѣрующихъ, идущей въ видѣ процессіи и молящейся, есть скептики, которые, вспомнивъ завтра видѣнное сегодня—эти сложенныя крестомъ руки, эти крики вѣры, которые издаетъ одинъ голосъ, и мгновенно подхватываютъ уста всѣхъ, это цѣлованіе земли, и эти паденія на землю всей массы по приказанію монаха,—разсмѣются надъ всѣмъ этимъ. Но сегодня они не смѣются, не протестуютъ; они сами цѣлуютъ землю или дѣлаютъ видъ, что цѣлуютъ, и если не складываютъ руки крестомъ, то дѣлаютъ жестъ для этой цѣли... Есть ли это страхъ? Нѣтъ. Этимъ благочестивымъ толпамъ чужда ярость. Но невѣрующіе не хотятъ ихъ *шокировать*. И что же представляетъ собою эта боязнь скандала? Она показываетъ, что въ глубинѣ самый невѣрующій, самый независимый изъ людей приписываетъ чрезвычайно важное значеніе коллективному неодобренію публики, состоящей изъ индивидуумовъ, сужденіе которыхъ каждаго въ отдѣльности не играетъ въ его глазахъ никакой роли. Впрочемъ, этого недостаточно для того, чтобы объяснить обычное замѣчательное угожденіе невѣрующаго восторженной толпѣ, въ которую онъ замѣшался. По моему, слѣдуетъ признать, что въ моментъ, когда трепетъ мистическаго восторга пробѣгаетъ по толпѣ, невѣрующій воспринимаетъ частицу его, и сердце его проникается мимолетной вѣрой. Признавъ и доказавъ этотъ фактъ по отношенію къ религіозной толпѣ, мы должны воспользоваться имъ такъ же для объясненія того, что происходитъ въ толпѣ преступной, гдѣ часто потокъ мимолетной свирѣпости проникаетъ и искажаетъ нормальное сердце.

Восхваленіе „гражданскаго мужества“ въ противовѣсъ военному, которое слыветъ менѣе рѣдкостнымъ, представляется чѣмъ-то банальнымъ и преувеличеннымъ. Но доля

истины, заключающаяся въ этой банальной идеѣ, объясняется вышеприведеннымъ соображеніемъ. Въ самомъ дѣлѣ гражданское мужество заключается въ томъ, чтобы вступить въ борьбу съ народнымъ увлеченіемъ, противостать потоку, выступить предъ собраніемъ, въ совѣтѣ съ особымъ, изолированнымъ мнѣніемъ, противоположнымъ мнѣнію большинства; военное же мужество состоитъ, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы отличиться въ сраженіи, подвергаясь въ болѣе сильной степени импульсу окружающихъ, идя больше другихъ въ томъ же направленіи, въ которомъ они дали толчокъ. Когда же въ видѣ исключенія, военное мужество требуетъ противодѣйствія увлеченію, когда дѣло заключается въ томъ, что полковникъ долженъ бороться съ паникой, охватившей солдатъ или, наоборотъ, сдерживать необдуманный порывъ, тогда мужество появляется рѣже и представляется, надо признаться, болѣе удивительнымъ, чѣмъ оппозиціонная рѣчь въ палатѣ депутатовъ.

Вообще, по своимъ обычнымъ капризамъ, по своей необузданной воспріимчивости, по своему легковѣрію, нервозности, по своимъ рѣзкимъ переходамъ отъ ярости къ мягкости, отъ отчаянья къ взрывамъ веселости, толпа походитъ на женщину даже тогда, когда она состоитъ, какъ это почти всегда бываетъ, изъ мужскихъ элементовъ. Къ счастью для женщинъ, ихъ образъ жизни, заставляющій ихъ запираться въ домахъ, осуждаетъ ихъ на сравнительное уединеніе. Во всѣхъ странахъ, во всѣ времена, собранія мужчинъ бываютъ болѣе частыми, обычными и многолюдными чѣмъ собранія женщинъ. Отъ этого, быть-можетъ, зависитъ отчасти большая разница, раздѣляющая оба пола въ смыслѣ преступности въ пользу болѣе слабаго пола. Меньшая преступность деревень по сравненію съ городами—явленіе, которое можно объяснить той же причиной. Селянинъ живетъ въ состояніи постояннаго разъединенія съ своими сосѣдями. Если женщинамъ приходится вести жизнь, при которой онѣ ежедневно соби-

раются вмѣстѣ — я не говорю о корпоративной жизни въ формѣ монастырской или другой—ихъ испорченность достигаетъ одного уровня съ испорченностью мужчинъ или даже опережаетъ ее. Равнымъ образомъ, когда крестьянинъ въ годы сильнаго удешевленія жизни усердно посѣщаетъ трактиры, какъ рабочій — кафэ,— онъ становится болѣе безнравственнымъ и болѣе опаснымъ, чѣмъ рабочій. Карлъ Марксъ въ своемъ „Капиталѣ“ (гл. XXV) рисуетъ яркую картину рабочихъ-земледѣльцевъ, которые, будучи набраны „странствующимъ, кутящимъ пьяницей-хозяиномъ, предпріимчивымъ и изворотливымъ“, гуляютъ по различнымъ графствамъ Англіи. „Вредъ этой системы, говоритъ онъ, заключается въ чрезмѣрности труда, налагаемаго на дѣтей и молодыхъ людей... и въ деморализаціи этихъ странствующихъ труппъ. Уплата производится въ трактирѣ среди обильныхъ возліяній. Шатаясь, поддерживаемый справа и слѣва крѣпкими руками какой-нибудь здоровенной дѣвки, достойный хозяинъ идетъ во главѣ колонны, а позади молодая труппа играетъ и поетъ игривыя и непристойныя пѣсни. Встрѣчающіяся деревни, разсадники и притоны этихъ шаекъ, обращаются въ Содомъ и Гоморру“.

V.

До сихъ поръ мы занимались больше толпами; остановимся теперь дольше на корпораціяхъ. Но сперва выяснимъ отношеніе, которое первыя имѣютъ съ этими послѣдними, и ту причину, по которой мы соединили ихъ въ одинъ и тотъ же этюдъ. Эта причина весьма проста: съ одной стороны толпа стремится снова возродиться при первомъ же случаѣ, стремиться возрождаться черезъ промежутки времени все менѣе и менѣе неправильные и, совершенствуясь каждый разъ, организоваться корпоративно въ нѣчто въ родѣ секты или

партіи; клубъ начинаетъ съ того, что бываетъ открытымъ и публичнымъ; потомъ мало-по-малу онъ закрывается и суживается; съ другой стороны, вожаками толпы чаще всего являются не изолированные индивидуумы, но *приверженцы секты*. Секты—это дрожжи толпы. Все, что совершается толпой серьезнаго, важнаго, какъ въ хорошемъ такъ и въ дурномъ, внушено ей какой-нибудь корпораціей. Когда толпа, прибѣжавшая тушить пожаръ, проявляетъ разумную дѣятельность, это значитъ, что ею управляетъ отрядъ корпораціи пожарныхъ. Когда толпа стачечниковъ нападаетъ какъ разъ на то, на что нужно нападать, разрушаетъ то, что нужно разрушить для достиженія своей цѣли, наприм., орудія рабочихъ, оставшихся на фабрикѣ, это значитъ, что позади ея, подъ ней, есть какой-нибудь синдикатъ, союзъ, ассоціація [1]. Толпы манифестантовъ, процессіи, тріумфальныя похоронныя шествія вызываются братствами или поли-

[1] Иногда это оспаривается, но несправедливо, потому что такой фактъ не всегда можетъ быть доказанъ юридически. Въ своей книгѣ, впрочемъ, основанной на точныхъ документахъ и очень интересной, о *Профессіональныхъ ассоціаціяхъ въ Бельгіи* (Брюссель, 1891) Вандервельде, великій трибунъ бельгійскаго соціализма, порицаетъ приговоръ ассизнаго суда въ Геннегау, въ іюлѣ 1886 г., который осудилъ нѣсколькихъ членовъ союза рабочихъ на стеклянныхъ заводахъ въ Шарлеруа за подстрекательство къ возмущеніямъ, произведеннымъ стачкой рабочихъ на стеклянныхъ заводахъ въ мартѣ того же года. Противъ нихъ были только — говоритъ онъ намъ—„недостаточныя презумпціи“. Но нѣсколькими строками выше онъ говоритъ намъ, что задолго до стачки „союзъ рабочихъ стекляннаго производства приготовлялся къ борьбѣ: къ борьбѣ ужасной, къ борьбѣ на жизнь и смерть, какъ писалъ глава союза обществамъ Англіи и Соединенныхъ Штатовъ“. А *тѣмъ временемъ* вспыхиваютъ мартовскія возмущенія 1886; 25-го числа тысячи рабочихъ являются къ своимъ орудіямъ; на слѣдующій день эта огромная масса распространяется по странѣ, останавливаетъ машины, грабитъ стеклянные заводы... разрушаетъ заводъ Боду, словомъ, выполняетъ цѣликомъ программу союза. Это—презумпціи, если недостаточныя, то все-таки очень важныя.

тическими кружками. Крестовые походы, эти огромныя воинственныя толпы, произошли изъ монашескихъ орденовъ по голосу какого-нибудь Петра Пустынника или св. Бернарда. Массовыя возстанія 1792 года были вызваны клубами, которые были сформированы и дисциплинированы остатками старинныхъ военныхъ корпусовъ. Сентябрьскіе ужасы, эти жакеріи революціи, эти поджигающія или кровожадныя толпы—все это не что иное, какъ уродливыя послѣдствія якобинизма; вездѣ во главѣ ихъ видѣнъ делегатъ отъ сосѣдней *секціи*. Вотъ въ чемъ опасность сектъ: предоставленныя своимъ собственнымъ силамъ, онѣ почти никогда не были бы слишкомъ вредными; но достаточно слабой закваски злости для того, чтобы поднялось огромное тѣсто глупости. Часто случается, что секта и толпа, удаленныя одна отъ другой, были бы неспособны на преступленіе, но комбинація ихъ легко становится преступной.

Секты, впрочемъ, могутъ обходиться и безъ толпы для того, чтобы дѣйствовать; это въ тѣхъ случаяхъ, когда преступленіе является у нихъ главной цѣлью или обычнымъ средствомъ, напр., сицилійская маффія и неаполитанская каморра. Какъ было сказано выше, корпораціи идутъ дальше, нежели толпы, какъ въ дурномъ, такъ и въ хорошемъ. Ничего нѣтъ благодѣтельнѣе средневѣковой Ганзы; ничего нѣтъ вреднѣе въ наши дни анархистской секты [1]. Здѣсь и тамъ та же сила расширенія благодѣтельнаго или ужаснаго. Родившись въ 1241 году, Ганза въ нѣсколько лѣтъ съ неслыханной въ эту эпоху быстротой распространенія сдѣлалась „высшимъ выраженіемъ коллективной жизни, концентраціей всѣхъ купеческихъ гильдій Европы“ [2]. Въ XIV вѣкѣ

[1] Я разумѣю анархизмъ, который производитъ или скорѣе производилъ *пропаганду дѣйствіемъ*. Что же касается чистыхъ приверженцевъ свободы, то они играютъ полезную роль, какъ противовѣсъ общественной дисциплинировкѣ.

[2] Я заимствую эти строки у Прэна, извѣстнаго бельгійскаго криминалиста, который въ своей очень поучительной книгѣ о *Демократіи и парламентскомъ режимѣ* (2-е изданіе) пространно говоритъ о корпоративномъ режимѣ, такъ процвѣтавшемъ нѣкогда и существующемъ еще въ нѣкоторыхъ провинціяхъ его страны.

она образуетъ федерацію, распространяющую свои факторіи отъ Лондона до Новгорода. А, между тѣмъ, она основана „только на вольномъ соглашеніи гильдій и городовъ; она не знаетъ другихъ средствъ дисциплины кромѣ исключенія, и корпоративная сила такъ велика, что Ганза, несмотря на это, имѣетъ вліяніе на всю Европу“, къ вящшему интересу европейской торговли. Анархизмъ также распространился очень быстро. Около 1880 г., его изобрѣтатель, основалъ въ Женевѣ Prevoltè; затѣмъ, въ 1881 году, въ Ліонѣ Droit social, листки почти не имѣвшіе читателей. „Въ 1882 г., говоритъ генеральный адвокатъ Бераръ [1], существовало нѣсколько адептовъ въ Лозаннѣ, или въ Женевѣ, два или три отдѣльныхъ индивидуума въ Парижѣ, одна или двѣ группы въ Ліонѣ съ развѣтвленіями въ Сентъ-Этьенъ, въ Вильфраншъ-на-Сенѣ и въ Вѣнѣ—въ общемъ шесть-десятъ, много сто человѣкъ; вотъ и весь тогдашній анархическій легіонъ“. Десять лѣтъ спустя, 28-го марта 1892 г., въ Парижѣ составился чисто-анархическій союзъ, одобряющій Равашоля и его сообщниковъ. Тамъ было 3,000 человѣкъ, и многочисленныя телеграммы были посланы изъ Франціи, и изъ-за границы для того, чтобы соединиться сердцемъ въ собраніи. „Анархисты многочисленны, очень многочисленны въ рабочемъ классѣ“, говоритъ химикъ Жираръ, который часто имѣетъ дѣло съ ними. По словамъ Жана Преваль [2], анархизмъ не есть простое скопище разбойниковъ, но „партія на пути организаціи, съ очень опредѣленной цѣлью и съ надеждой, безусловно основательной, увлечь за собой, по мѣрѣ достиженія *успѣ-*

[1] *Les Hommes et les Théories de l'anarchie*, Берара (Archives de l'antropologie criminelle, № 42).

[2] *Anarchie et Nihilisme*, Жана Преваль (2-е изданіе, 1892 г.).

ховъ, огромную массу городского пролетаріата". Тотъ же писатель называетъ анархистовъ „легкой конницей соціализма". Распространеніе нигилизма въ Россіи шло съ неменьшей быстротой. Большіе процессы, разразившіеся надъ нимъ въ 1876 и 1877 г. могутъ служить доказательствомъ этого.

Между самыми лучшими и самыми преступными корпораціями существуетъ другое сходство: какъ тѣ, такъ и другія суть не что иное, какъ формы этой знаменитой „борьбы за существованіе", которой такъ злоупотребляли; формула весьма удобная, которая тремя четвертями своего успѣха обязана, подобно многимъ людямъ, единственно своей гибкости. Дѣйствительно, разсмотримъ самыя плодотворныя корпораціи среднихъ вѣковъ: „Возьмите,—говоритъ Прэнъ,—самыя древнія и самыя простыя гильдіи въ Абботсбургѣ, или въ Кембриджѣ, основанныя въ XI в. въ Англіи; гильдіи въ Монсѣ или Камбрэ, основанныя въ 1070 и 1076 г.; гильдію Amicitia въ городѣ Эръ во Фландріи, уставы которыхъ были утверждены Филиппомъ въ 1188 г.; изучите самыя могущественныя корпораціи во времена ихъ наивысшаго блеска: гентскихъ валяльщиковъ суконъ, лондонскихъ бакалейщиковъ, аугсбургскихъ скорняковъ въ XIV вѣкѣ; вездѣ вы увидите приложеніе одного и того же принципа: люди, не увѣренные въ будущемъ и страшащіеся за свои интересы, ищутъ точку опоры въ солидарности. Впрочемъ, исторія ихъ очень проста: это борьба маленькихъ противъ большихъ". То же можно было бы сказать и о прежнихъ университетахъ, этихъ большихъ интеллектуальныхъ корпораціяхъ и даже артистическихъ корпораціяхъ той же самой эпохи, напр., о корпораціи художниковъ, основанной въ Гентѣ въ 1337 году подъ покровительствомъ св. Луки. Но и банда разбойниковъ есть тоже не что иное, какъ борьба противъ высшаго общества. Только нужно признаться, что ея способъ борьбы совершенно другой. Почему же это? Почему одна и та же причина, горячее желаніе лучшей участи однихъ заставляетъ объединяться

въ работѣ, а другихъ соглашаться другъ съ другомъ для убійства?

Этотъ вопросъ — проблема „факторовъ преступленія", такъ волнующая умы современныхъ криминалистовъ; но это проблема, перенесенная съ отдѣльныхъ индивидуумовъ нагрупны и поставленная относительно коллективныхъ злодѣйствъ. Перемѣщаясь такимъ образомъ, она освѣщается и расширяется и даетъ средство контролировать нѣкоторыя слишкомъ поспѣшныя рѣшенія, поводомъ для которыхъ послужили индивидуальныя преступленія. Здѣсь не мѣсто распространяться относительно этого контроля. При помощи этого сравненія мы легко замѣтили бы, что вліяніе климата, времени года, расы, физіологическихъ причинъ здѣсь несомнѣнно, но что оно было сильно преувеличено. Мы увидали бы, что участіе физическихъ силъ идетъ все уменьшаясь въ группахъ, по мѣрѣ того, какъ онѣ, организуясь, дѣлаются все болѣе похожими на индивидуальную личность; что, слѣдовательно, это вліяніе больше сказывается на толпѣ въ ея образованіи, въ ея направленіи, честномъ или преступномъ, нежели на дисциплинированныхъ ассоціаціяхъ. Лѣтомъ, на югѣ, днемъ въ хорошую погоду, безконечно легче вызвать безпорядки на улицѣ, нежели зимой, на сѣверѣ, ночью и подъ проливнымъ дождемъ, между тѣмъ какъ въ періоды политическаго кризиса почти одинаково легко составить заговоръ какъ зимой такъ и лѣтомъ, какъ на югѣ, такъ и на сѣверѣ, ночью или днемъ, въ проливной дождь, или при сіяніи солнца. Мы увидали бы, наоборотъ, что „антропологическій факторъ", или, попросту говоря, составъ группы имѣетъ бо́льшее значеніе въ ассоціаціяхъ, нежели въ скопищахъ, образовавшихся подъ вліяніемъ непосредственнаго и скоропреходящаго чувства. Толпа, состоящая въ большинствѣ изъ честныхъ людей, можетъ легко быть вовлечена въ преступленія, вызванныя страстями; проявить вспышки моментальнаго преступнаго умоизступленія, въ то время какъ секта, одушевленная сильнымъ и стойкимъ

чувствомъ, совершаетъ преступленія только обдуманныя
разсчитанныя, всегда соотвѣтствующія ея коллективному ха
рактеру и съ сильнымъ отпечаткомъ ея расы.

Но все это только второстепенныя условія. Вопросъ в
томъ, каковы тѣ причины, которыя придаютъ имъ тотъ ил
иной характеръ и заставляютъ ихъ дѣйствовать. Не только
не существуетъ климата или времени года, предрасполагаю
щихъ къ пороку или къ добродѣтели, потому что подъ одной
широтой и въ одинъ и тотъ же мѣсяцъ случаются всякаго
рода злодѣйства на ряду съ высокими и деликатными моральными
ными поступками, но даже не существуетъ такой расы, ко
торая была бы порочна или добродѣтельна по своему суще
ству. Каждая раса производитъ заразъ индивидуумовъ, ко
торые *кажутся* обреченными чѣмъ-то въ родѣ органическаго
предназначенія, одни на различнаго рода преступленія, други
на различныя проявленія мужества и доброты. Только про
порція тѣхъ и другихъ въ одинъ данный моментъ разнится
въ различныхъ расахъ или скорѣе въ различныхъ народахъ
Но это различіе не постоянно: оно измѣняется до полно
противоположности, когда превратности исторіи измѣняютъ
религію, законы, національныя установленія, и понижаютъ ил
повышаютъ уровень благосостоянія и цивилизаціи. Шотланді
на протяженіи цѣлыхъ вѣковъ была въ Европѣ страной нан
болѣе богатой убійствами, по статистикѣ же нашего времен
это страна съ *наименьшимъ* количествомъ убійствъ изъ всѣх
европейскихъ странъ съ одинаковымъ количествомъ населе
нія. Пропорціональное количество шотландцевъ, которыхъ м
могли бы имѣть право считать прирожденными убійцами
уменьшилось на девять десятыхъ приблизительно, меньш
чѣмъ въ одно столѣтіе. И если настолько численно измѣнчив
такъ называемая прирожденная преступность, то насколь
измѣнчивѣе должна быть преступность пріобрѣтенная? Как
объясняются эти измѣненія? Почему преступленія въ болѣ
или менѣе значительномъ количествѣ *зарождаются*, или *дъ*

ются таковыми, и почему въ томъ или въ иномъ родѣ?
Вотъ гдѣ узелъ проблемы.

VI.

Между преступными ассоціаціями мы также можемъ раз-
личать, какъ намъ кажется, такія, которыя рождены пре-
ступными, и это выраженіе, примѣненное здѣсь, встрѣтитъ
безъ сомнѣнія меньше возраженій, нежели употребленное въ
своемъ обычномъ смыслѣ, такъ какъ безъ сомнѣнія мы ви-
димъ секты, рождающіяся нарочно для разбоя, грабежа и убій-
ства и сильно отличающіяся въ этомъ отъ многихъ другихъ,
которыя, преслѣдуя вначалѣ самыя благородныя цѣли, впо-
слѣдствіи извратились; маффія и каморра, напр., вначалѣ
представляли собою патріотическіе заговоры противъ чуже-
земнаго правительства. Но это различіе, казавшееся такимъ
капитальнымъ и возбудившее такую полемику относительно
индивидуальной преступности, не имѣетъ ни малѣйшаго зна-
ченія въ приложеніи къ преступности коллективной. Секта,
будь она преступной по рожденію или при развитіи, секта,
дѣлающая зло, одинаково отвратительна, и часто наиболѣе
опасными являются тѣ, которыя, возрастая, уклонились отъ
своего первоначальнаго принципа. Если мы попытаемся до-
браться до причинъ, заставляющихъ рождаться для престу-
пленія однѣ секты, и впадать въ преступленіе другія, то мы
увидимъ, что эти причины однѣ и тѣ же, а именно, причины
психологическаго и соціальнаго порядка. Онѣ дѣйствуютъ
въ обоихъ случаяхъ двумя различными и дополняющими другъ
друга способами: 1) внушая кому-нибудь идею преступленія,
которое нужно совершить; 2) пропагандируя эту идею, точно
такъ же, какъ и замыселъ и способъ выполнить ее. Когда
дѣло идетъ объ индивидуальномъ преступленіи, то концепція
и резолюція, идея и выполненіе всегда разграничены и идутъ
послѣдовательно другъ за другомъ, но воспроизводятся въ

одномъ и томъ же индивидуумѣ; въ этомъ состоитъ главное различіе съ преступленіемъ коллективнымъ, гдѣ различные индивидуумы дѣлятъ между собой задачи, гдѣ настоящіе вожаки и подстрекатели никогда не бываютъ исполнителями,—различіе аналогичное съ тѣмъ, которое раздѣляетъ маленькую индустрію отъ большой: въ первой ремесленникъ является въ одно и то же время и предпринимателемъ и рабочимъ, онъ самъ свой собственный патронъ; во второй патронъ и рабочій—это два разныя лица, что слишкомъ хорошо всѣмъ извѣстно.

Итакъ, что же внушаетъ идею преступленія? и я могъ бы также сказать, идею генія? Принципы и потребности, положенія, признанныя или непризнанныя, и страсти, культивируемыя болѣе или менѣе открыто, которыя царятъ въ окружающемъ обществѣ, я не говорю всегда въ большомъ обществѣ, но въ обществѣ тѣсномъ и тѣмъ болѣе плотномъ, куда человѣка заброситъ судьба. Идея преступленія, точно такъ же, какъ и геніальное изобрѣтеніе не выростаетъ изъ почвы самопроизвольнымъ зарожденіемъ. Преступленіе — и это особенно вѣрно по отношенію къ коллективнымъ преступленіямъ—представляется всегда какъ смѣлый выводъ, но не менѣе послѣдовательный, чѣмъ смѣлый, изъ первыхъ посылокъ, поставленныхъ традиціонными пороками или новой безнравственностью, окружающими предразсудками или скептицизмомъ, подобно наросту нѣкоторымъ образомъ логическому,— а не только психологическому,—образовавшемуся на почвѣ нѣкотораго попустительства въ поведеніи, извѣстныхъ привычныхъ уклоненій слова и пера, извѣстныхъ трусливыхъ заискиваній изъ-за успѣха, золота, власти, извѣстныхъ скептическихъ и непродуманныхъ отрицаній, благодаря системамъ или вкусамъ, находящимся въ обращеніи даже среди самыхъ честныхъ людей какой-нибудь эпохи и страны. Въ феодальной средѣ, управляемой чувствомъ чести, совершается убійство изъ мести; въ болѣе современной средѣ, поглощенной ненасытной жадностью, воровство, мошенничество, корыстное убійство—вотъ преобладающія преступленія. Прибавимъ, что форма и характерные признаки преступленія отмѣчены состояніемъ теоретическихъ или техническихъ познаній, распространенныхъ въ этой средѣ. Тотъ, кто задумалъ бы, раньше послѣднихъ успѣховъ химіи, отравленіе при помощи минеральнаго яда, будетъ думать теперь объ отравленіи при помощи яда растительнаго; тотъ, кто вчера усердно старался бы выдумать адскую машину въ родѣ Фіески, будетъ пытаться сегодня сфабриковать новый динамитный снарядъ, болѣе удобный и практичный, карманный снарядъ. И это усовершенствованіе способовъ дѣйствія далеко отъ того, чтобы быть безразличнымъ, такъ какъ, пріумножая орудія преступленія такъ же, какъ и орудія промышленности, развитіе наукъ даетъ преступленію чудовищно возрастающую силу разрушенія и дѣлаетъ идею и планъ преступленія доступными для сердецъ болѣе робкихъ, болѣе многочисленныхъ, для все расширяющагося круга, такъ сказать, чувствительныхъ совѣстей, которыхъ устрашило бы весьма опасное управленіе адской машиной Фіески или Кадудаля, и которые не задрожатъ при мысли поставить подъ лѣстницей котелъ со взрывчатымъ веществомъ.

Изобрѣтеніе вообще,—такъ какъ первая идея преступленія есть только относительно очень легкая форма изобрѣтенія,—это есть работа прежде всего логическая; и вотъ почему часто говорилось въ преувеличенной формѣ, но не безъ нѣкоторой доли правды, что заслуга изобрѣтателя ограничивается срываніемъ плода, готоваго упасть. Формула Ньютона логически выведена изъ трехъ законовъ Кеплера, а эти послѣдніе въ видѣ намека заключались въ результатѣ астрономическихъ наблюденій, накопившихся со времени Тихо-Браге и халдейскихъ астрономовъ. Локомотивъ вытекаетъ изъ паровой машины Уатта, изъ старой повозки и изъ нашей возросшей потребности въ перемѣнѣ мѣста; электрическій телеграфъ вытекалъ изъ открытія Ампера и изъ нашихъ

сложныхъ потребностей въ сношеніяхъ другъ съ другомъ. Изобрѣтатель научный, военный, промышленный, преступный—это представитель логики, сдѣлавшій послѣдній выводъ. Это не значитъ, что всѣмъ дано дѣлать такіе выводы, и что начатки, выработанные всѣми, концентрируются сами по себѣ въ одномъ мозгу безъ всякаго активнаго участія этого послѣдняго; онъ былъ, такъ сказать, ихъ перекрестkомъ, благодаря какой-нибудь своей характерной страсти; онъ обладалъ алчностью или любознательностью, эгоизмомъ или преданностью истинѣ; эта страсть искала и нашла средства для достиженія своихъ цѣлей. И для того, чтобы оперировать съ этими сконцентрировавшимися данными, для того, чтобы формулировать этотъ выводъ, перепрыгнуть черезъ страхи ума и моральное отвращеніе, которые другихъ людей удерживаютъ въ обычномъ состояніи безсознательной непослѣдовательности, либо гибельной, либо спасительной,—для всего этого нужна исключительная организація, нуженъ организмъ, образованный такой направляющей монадой, которая принадлежала бы къ числу наиболѣе закаленныхъ, замкнутыхъ въ себѣ—и стойкихъ въ своемъ бытіи. Что же намъ до того, что безъ спеціальнаго обсѣмененія эта благопріятная почва индивидуальнаго характера не пустила бы ни одного ростка?

И не только геніальные люди того или другого общества принадлежатъ этому обществу; ему принадлежатъ и преступники. Если оно по праву гордится одними, то оно съ такимъ же основаніемъ должно относить на свой счетъ и другихъ, хотя имѣетъ право приписывать имъ самимъ ихъ дѣйствія. Этотъ убійца убиваетъ съ цѣлью грабежа, потому что повсюду раздаются панегирики въ честь денегъ; тотъ сатиръ слышитъ, какъ удовольствіе провозглашается цѣлью жизни; этотъ динамитчикъ исполняетъ только ежедневно повторяемые совѣты анархистскихъ газетъ, а эти послѣднія развѣ не заняты только тѣмъ, что выводятъ строго логическія заключенія изъ слѣдующихъ аксіомъ: собственность есть грабежъ, капиталъ есть врагъ. Всякій слышитъ, какъ смѣются надъ нравственностью люди безнравственные для того, чтобы не быть непослѣдовательными. Высшіе классы, которыхъ постигаетъ преступленіе, не замѣчаютъ того, что именно они пустили въ обращеніе принципъ преступленія, если не сами даже показали примѣръ его.

До событій довольно недавняго времени можно было со всей строгостью отстаивать тотъ парадоксъ, что, если обиліе преступленій, засвидѣтельствованное статистикой въ послѣднія три четверти вѣка, само по себѣ является реальнымъ зломъ, то оно отнюдь не имѣетъ значенія симптома, что испорченность преступниковъ можетъ повышаться и распространяться безпрерывно, и все-таки это не докажетъ никому въ мірѣ, что честность честныхъ людей понижается. Напротивъ того, повышеніе нравственности культурныхъ и некультурныхъ массъ реально прогрессируетъ, въ то время какъ преступность прегрессируетъ въ свою очередь. Эти вещи говорились и печатались оптимистами самымъ искреннимъ образомъ, ярко отмѣченныя тѣмъ коллективнымъ пристрастіемъ, которое свойственно нашему времени. Но со времени динамитныхъ взрывовъ и панамскаго дѣла я не думаю, чтобы продолжали говорить такимъ языкомъ. Въ совпаденіи этихъ ужасовъ и этого скандала есть что-то знаменательное; первые говорятъ объ отчаяніи и ненависти внизу, второй о деморализаціи и эгоизмѣ наверху. И все это превосходно совпадаетъ съ восходящими кривыми уголовной статистики[1]. Въ виду такого зрѣлища нашъ соціальный строй можно было бы сравнить съ кораблемъ, потерпѣвшимъ крушеніе, на которомъ вотъ-вотъ произойдетъ взрывъ пороха, еслибы не мѣшала мысль о части европейскихъ народовъ, сохраняющей вопреки всему силу и здоровье, именно объ ихъ арміяхъ. И мы почти

[1] Уже послѣ того какъ были написаны эти строки, наступило нѣкоторое улучшеніе съ уголовной точки зрѣнія.

утѣшились бы въ необходимости всеобщаго вооруженія, если бы она не таила въ себѣ столь великихъ опасностей, изъ которыхъ наименьшей, несомнѣнно, является та опасность, что эта необходимость имѣетъ свою небольшую долю участія въ соціальныхъ условіяхъ, изъ которыхъ родилась или, вѣрнѣе, воскресла „идея“ анархизма. Нельзя безнаказанно, какъ это дѣлалось болѣе тридцати лѣтъ, обращать изобрѣтательную способность на изобрѣтеніе новыхъ военныхъ взрывчатыхъ снарядовъ, такихъ ужасныхъ орудій, какъ торпеда или мелинитовыя бомбы. Внося въ качествѣ истинныхъ благодѣтелей человѣчества изобрѣтателей этихъ чудовищныхъ орудій, мы пріучили человѣческое воображеніе къ ужасамъ ихъ дѣйствія. Когда эти орудія изобрѣтены противъ внѣшнихъ враговъ, то нѣтъ ничего естественнѣе, какъ воспользоваться ими противъ внутренняго врага или соперника, противъ внутренняго иноземца.

VII.

Перейдемъ ко второму вопросу: разъ возникла преступная идея, почему и какъ она распространяется и осуществляется? Почему и какъ въ данную минуту она могла воплотиться въ видѣ секты, болѣе или менѣе обширной, болѣе или менѣе сильной и ужасной, реализирующей эту идею, тогда какъ въ другое время она не могла завербовать даже десятка адептовъ? Здѣсь всѣ соціальныя вліянія особенно преобладаютъ надъ естественными предрасположеніями. Эти послѣднія несомнѣнно требуются въ извѣстной неопредѣленной мѣрѣ; напримѣръ, склонность къ злобному неистовству, къ легковѣрной подозрительности. Но эти склонности сводятся къ нулю, если къ нимъ не присоединится, что̀ чрезвычайно важно, подготовка умовъ посредствомъ разговоровъ или чтенія, частаго посѣщенія клубовъ, кафэ, которые при помощи продолжительнаго зараженія, вызваннаго медленнымъ подражаніемъ бросаютъ сѣмена старыхъ идей, которыя подготовляютъ быстрое воспринятіе вновь явившейся идеи. Идея избираетъ себѣ такимъ образомъ людей среди тѣхъ, которыхъ другія идеи къ ней подготовили. Въ самомъ дѣлѣ, идея не только выбираетъ, но она всегда создаетъ для себя людей, какъ душа—или, если хотите, оплодотворенный зародышъ—создаетъ себѣ тѣло. И вотъ что еще дѣлаетъ она: она погружаетъ и постепенно расширяетъ корни въ почвѣ, которая была для нея приготовлена. Отъ перваго, кто постигъ ее, она, благодаря воспріимчивости, еще подражательной, переходитъ сначала къ одному новообращенному, затѣмъ къ двумъ, тремъ, десяти, ста, тысячѣ.

Первая фаза этого развитія зародыша есть ассоціація, состоящая изъ двухъ лицъ. Это—элементарный фактъ, который слѣдуетъ хорошо изучить, потому что всѣ послѣдующія фазы представляютъ собою не что иное, какъ повтореніе. Итальянскій ученый Сигеле посвятилъ цѣлую книгу доказательству той мысли, что во всякой ассоціаціи, состоящей изъ двухъ лицъ, супружеской, любовной, дружеской или преступной, всегда одинъ изъ членовъ ея дѣйствуетъ внушающимъ образомъ на другого и накладываетъ на него свою печать. И хорошо, что доказательства этой истины даны, хотя они и могутъ показаться излишними. Это слишкомъ вѣрно; берегитесь семьи, гдѣ нѣтъ ни вожака, ни ведомаго; въ ней не далеко до развода. Во всѣхъ парахъ, каковы бы онѣ ни были, всегда болѣе или менѣе явное или замаскированное, существуетъ различіе между тѣмъ, кто *внушаетъ*, и тѣмъ, кто *подвергается внушенію*,—различіе, которымъ, впрочемъ, нерѣдко злоупотребляли. Но по мѣрѣ того какъ растетъ ассоціація, благодаря присоединенію слѣдующихъ неофитовъ, это различіе не перестаетъ дѣйствовать. Эта множественность по существу всегда остается великой двойственностью, и какъ бы ни была велика корпорація или толпа, она представляетъ собою также извѣстный видъ пары, гдѣ-

либо каждый подвергается внушенію со стороны всѣхъ остальныхъ, этого, такъ сказать, коллективнаго внушителя, включая сюда и господствующаго вожака, либо группа слѣдуетъ внушенію этого послѣдняго. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ внушеніе остается одностороннимъ; въ первомъ случаѣ оно становится въ значительной степени взаимнымъ; но фактъ самъ по себѣ не измѣнился. Замѣчательно, что одинъ изъ самыхъ поразительныхъ примѣровъ такой власти авторитета нѣкоторыхъ людей, являющихся образцами, даетъ намъ анархистская секта, въ основѣ которой заключается полное отрицаніе принципа авторитета. Если существуетъ общество, которое должно бы было обойтись безъ начальника, безъ вожака, то это именно анархистская секта. А между тѣмъ оказывается, что никогда роль вождей не была разыграна такъ блестяще, такъ необъяснимо хорошо, какъ главарями этой секты. Что, наконецъ, представляетъ собою *фактическая пропаганда*, превознесенная ею такъ успѣшно, если не завлеченіе при помощи примѣра.

Есть нѣсколько способовъ быть вожакомъ, производить внушеніе, *впечатлѣніе*. Во-первыхъ, можно производить ихъ вокругъ себя, но можно и на разстояніи — различіе немаловажное. На разстояніи дѣйствуетъ такой образецъ, который вблизи не произвелъ бы никакого дѣйствія или произвелъ бы иное дѣйствіе, чего никогда не бываетъ въ случаяхъ настоящей гипнотизаціи... изъ чего, кстати, вытекаетъ, что не слѣдуетъ заходить слишкомъ далеко въ уподобленіи занимающаго насъ явленія явленіямъ гипнотическимъ; Руссо, напримѣръ, читаемый и перечитываемый, завладѣлъ Робеспьеромъ. Къ Руссо Сигеле охотно примѣнилъ бы слово *incube*, къ Робеспьеру—*succube*. Но несомнѣнно, что если бы они были лично знакомы, взаимное очарованіе существовало бы не долго и между ними произошелъ бы разрывъ. Такія же отношенія устанавливаются между журналистами и ихъ читателями, между поэтомъ, художникомъ и ихъ поклонниками, которые ихъ не знаютъ, между Карломъ Марксомъ, этимъ вѣщуномъ, и тысячами соціалистовъ и анархистовъ, которые разобрали каждую букву его. Твореніе нерѣдко обаятельнѣе творца.—Во-вторыхъ, вдали или вблизи одинъ человѣкъ получаетъ власть надъ другими либо благодаря исключительному развитію воли, хотя при этомъ умъ остается посредственнымъ, либо благодаря исключительному развитію ума или только убѣжденія, хотя бы характеръ оставался относительно слабымъ; либо эту власть даетъ непреклонная гордость или сильная вѣра въ себя, при которой человѣкъ превращаетъ себя въ апостола, либо творческое воображеніе. Нельзя смѣшивать эти различные способы вести за собою; смотря потому, который изъ нихъ преобладаетъ, вліяніе, оказываемое однимъ и тѣмъ же человѣкомъ, можетъ быть прекраснымъ или пагубнымъ. Эти четыре главныхъ вида вліянія—желѣзная воля, орлиная острота взора и сильная вѣра, могучее воображеніе, неукротимая гордость—очень часто соединяются вмѣстѣ у первобытныхъ народовъ; отсюда происходитъ глубокая сила поклоненія извѣстнымъ вождямъ. Но съ развитіемъ цивилизаціи эти свойства раздѣляются и кромѣ нѣкоторыхъ исключеній, напр., Наполеона, начинаютъ постепенно отличаться другъ отъ друга. Такъ умъ изощряется на счетъ характера, который смягчается, или на счетъ вѣры, которая слабѣетъ. Преимущество заключается въ тенденціи придать характеръ взаимности дѣйствію внушенія, которое вначалѣ было одностороннимъ. Кромѣ того власть при дѣйствіи вблизи и при дѣйствіи на разстояніи пріобрѣтается превосходствомъ не однихъ и тѣхъ же качествъ. При дѣйствіи на разстояніи главную роль играетъ превосходство ума и воображенія; при дѣйствіи вблизи особенно заразительно дѣйствуетъ сила рѣшимости, даже звѣрская, сила убѣжденія, даже фанатическая, сила гордости, даже безумная. Цивилизація къ счастью ведетъ безпрестанно къ возрастанію пропорціональнаго отношенія дѣйствій на разстояніи къ другимъ

дѣйствіямъ, постоянно расширяя и районъ дѣйствія и число людей, завоевавшихъ извѣстность, благодаря распространенію книгъ и газетъ. И это далеко не послѣдняя услуга, которую она намъ оказываетъ и которая является ея долгомъ намъ въ награду за столько бѣдствій. Но когда рѣчь идетъ о толпѣ, то именно дѣйствіе вблизи распространяется со всей своей интенсивностью, безпорядочностью и непристойностью; когда мы имѣемъ дѣло съ корпораціями, оно сказывается въ меньшей степени и лучше, если только это не преступныя ассоціаціи безъ прошедшаго и будущаго, которыя двигаетъ зловредное вліяніе одного человѣка и которыя умираютъ послѣ него.

VIII.

Возвращаясь къ *практической* анархической сектѣ, слѣдуетъ замѣтить, что если она нова и не имѣетъ прошлаго, то только въ своей современной формѣ; въ самомъ дѣлѣ, даже при поверхностномъ взглядѣ, брошенномъ на ея прежнія формы, мы увидимъ, что она очень древняго происхожденія. Апокалиптическая греза о всемірномъ разрушеніи для вящаго блага вселенной не нова подъ солнцемъ. Всѣмъ еврейскимъ пророкамъ являлось это видѣніе. Послѣ взятія Іерусалима и разрушенія храма, въ 70 году нашей эры, въ римской имперіи возникло не мало разныхъ апокалиптическихъ сказаній еврейскихъ и христіанскихъ, которыя всѣ сходились въ предсказаніи полнаго и внезапнаго разрушенія установленнаго порядка на землѣ и на небѣ; они видѣли въ этомъ необходимую прелюдію къ торжественному воскресенію. Въ эпохи разрушеній—изверженія Везувія или великаго землетрясенія—самая обычная вещь встрѣтить эту мысль о концѣ міра и послѣднемъ судѣ, какъ ни противорѣчитъ она *мизонеизму* древнихъ народовъ. Такимъ образомъ нынѣшніе динамитчики

только возрождаютъ кошмаръ тысячелѣтій. Разница лишь въ томъ, что іерусалимскіе фанатики желали всеобщаго разрушенія вслѣдствіе грѣховъ человѣчества и несоблюденія законовъ; они были убѣждены на основаніи непогрѣшимыхъ книгъ, что за этимъ разрушеніемъ настанетъ эра благоденствія, обѣщанная самимъ Богомъ. Они точно указывали подробности этого царства Мессіи. А наши анархисты, когда ихъ спрашиваютъ о томъ, что они установятъ на мѣсто разрушеннаго до основанія общества, или совсѣмъ ничего не отвѣчаютъ или неопредѣленно говорятъ о возрожденіи „добраго естественнаго закона“. Они не указываютъ намъ священныхъ книгъ, гдѣ можно было бы прочесть возвѣщеніе, сдѣланное имъ ихъ Мессіей, возвѣщеніе объ его же неподдающемся выраженію царствѣ. Далѣе не нравственное зло, а исключительно зло экономическое и матеріальное, отъ котораго страдаютъ люди, побудило ихъ къ ихъ ужасному отрицанію.

Болѣе непосредственныя родственныя узы соединяютъ анархистовъ съ цареубійцами нынѣшняго столѣтія и прошлыхъ вѣковъ, несмотря на внѣшнее различіе побудительныхъ мотивовъ, которые во второмъ случаѣ имѣютъ политическій, а въ первомъ — соціальный характеръ. Если бы изобрѣтатели адскихъ машинъ, направленныхъ противъ перваго консула Луи-Филиппа, Наполеона III, знали динамитъ, то, несомнѣнно, это вещество выбрали бы они для своихъ покушеній, какъ это сдѣлали политическіе противники президента Венецуэлы, которые 2 апрѣля 1872 года во время междоусобной войны пытались взорвать динамитомъ его дворецъ, но благодаря какому-то чуду не осуществили этого. Впрочемъ, благодаря всеобщей подачѣ голосовъ, цареубійство въ настоящее время является только пережиткомъ прошлаго.

Таковы преступленія сектъ. Существуютъ и преступленія толпъ, имѣющія съ ними не одну общую черту. Таковы массовыя сожженія монастырей въ эпоху реформаціи, замковъ въ эпоху революціи. Благодаря этимъ толпамъ поджигателей,

среди бѣлаго дня срывавшимся съ цѣпи, такъ же какъ бла-
годаря нашимъ динамитчикамъ, разсѣяннымъ во мракѣ, вспых-
нула ненависть къ правящимъ классамъ, а затѣмъ, благо-
даря привычкѣ, безумная и тщеславная ярость разрушенія.
За этими шайками также стояли софисты, которые должны
были догматизировать ихъ преступленія, какъ за всякимъ
деспотомъ стоитъ, по словамъ Мишле, юристъ для оправданія
его насилій. Пожары, какъ и взрывы, будучи собственно
преступленіями, не грязнили пальцевъ, освобождали убійцу
отъ необходимости видѣть кровь своихъ жертвъ, слышать ихъ
раздирающіе душу крики. И ничто такъ хорошо не прими-
ряетъ съ самой дикой жестокостью самую утонченную чув-
ствительность нервовъ.

Это сравненіе показываетъ, до какой степени преступная
секта можетъ быть еще ужаснѣе, чѣмъ преступная толпа.
Но съ другой стороны очевидно также, что репрессія имѣетъ
гораздо больше силы надъ первой, чѣмъ надъ второй. Опас-
ность секты, составляющая въ то же время ея силу, заклю-
чается въ безпрерывномъ прогрессѣ ея путей. Системы фи-
тилей и зажиганія вначалѣ были неудовлетворительны;
ихъ не замедлили замѣнить новыми, болѣе совершенными.
Явилась разрывная бомба, которая была адскимъ изобрѣте-
ніемъ генія.

Другая опасность сектъ заключается въ томъ, что ихъ
составъ не вербуется, какъ это бываетъ съ толпами, исклю-
чительно изъ людей болѣе или менѣе сходныхъ между собою
по своимъ природнымъ инстинктамъ или по воспитанію; онѣ
собираютъ и даютъ работу разнымъ категоріямъ самыхъ не-
сходныхъ между собою лицъ. Люди сходные образуютъ со-
браніе, но люди, дополняющіе другъ друга, образуютъ това-
рищескій союзъ; а для того, чтобы пополнять другъ друга,
необходимо различаться. Qui se ressemble s'assemble — эта
истина особенно вѣрна по отношенію къ сектамъ. Суще-
ствуетъ не одинъ, а много типовъ якобинца, нигилиста,

анархиста. Ліонскіе анархисты 1882 года поразили Берара
разнообразіемъ своего состава. „Мистики, мечтатели, наив-
ные невѣжды, преступники противъ естественнаго права...
на одной скамьѣ; рабочіе, прочитавшіе много, не понимавшіе
прочитаннаго, составившіе самую странную амальгаму изъ
всѣхъ доктринъ; настоящіе дикіе звѣри, прекраснѣйшимъ
образцомъ которыхъ является Равашоль; наконецъ, царящій
надъ всѣми ими честный отпрыскъ самой чистой аристокра-
тіи...“ Мы уже не говоримъ о настоящихъ безумцахъ, вхо-
дившихъ въ составъ этой группы. — Таковы практики сек-
тантскихъ преступленій; теоретики ихъ, рѣзко отличающіеся
отъ практиковъ и нерѣдко искренно отвергающіе ихъ, не
менѣе многочисленны и разнообразны. Велико разстояніе
между угрюмымъ возвышеннымъ геніемъ, который куетъ про-
тивъ капитала правдоподобныя теоремы, трибуномъ, кото-
рый, подобно Лассалю, бросаетъ ихъ какъ зажигательныя
бомбы, и журналистомъ, который пускаетъ ихъ въ обращеніе,
примѣняетъ ихъ и чеканитъ изъ нихъ мелкую фальшивую
монету. И тѣмъ не менѣе стеченіе всѣхъ этихъ несходныхъ
талантовъ, ихъ соприкосновеніе съ мистиками, наивными
людьми и преступниками, о которыхъ только что говорилось,
и которые сами сошлись вмѣстѣ, — это двойное стеченіе и
это соприкосновеніе необходимы для того, чтобы раздался
взрывъ динамитной бомбы [1].

Въ физическомъ отношеніи они такъ же разнородны, какъ
и въ нравственномъ. Нѣкоторые представляютъ собою, такъ
сказать, вырожденцевъ въ физіологическомъ и анатомическомъ

[1] Отношеніе существующее между вдохновителями прессы и испол-
нителями ясно обнаружилось въ Ліонѣ. Въ октябрѣ 1882 г. въ Ліонѣ
имѣли мѣсто два покушенія; одно, въ кафе, было за нѣсколько дней до
своего осуществленія *предсказано* въ анархистской газетѣ; при этомъ
одинъ человѣкъ былъ убитъ и нѣсколько ранены; другое было произ-
ведено передъ зданіемъ присутствія по воинской повинности; это поку-
шеніе было предсказано въ той же газетѣ.

смыслѣ; таково, повидимому, было значительное число анархистовъ въ Ліонѣ. Въ этомъ отношеніи они не походили на своихъ люттихскихъ собратьевъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что многочисленныя покушенія, совершенныя этими послѣдними въ Люттихѣ, съ марта до мая 1892 года, привели въ результатѣ только къ матэріальному разрушенію (именно въ церкви Saint-Martin были разбиты дивныя окна); есть даже основаніе думать, что они никогда и не хотѣли убивать или ранить кого бы то ни было. По крайней мѣрѣ два замѣчательныхъ криминалиста, долгое время наблюдавшіе и изучавшіе въ тюрьмѣ шестнадцать люттихскихъ анархистовъ, именно Тири, профессоръ уголовнаго права въ Люттихѣ, и Пренсъ, главный тюремный инспекторъ Бельгіи, увѣряли меня съ изумительнымъ единодушіемъ, что не замѣтили у заключенныхъ никакой физической аномаліи. Оба были поражены „ихъ вполнѣ порядочнымъ видомъ". Всѣ эти люди казались Тири безупречными „съ точки зрѣнія трудовой, семейной или нравственной". Одинъ изъ нихъ былъ проникнутъ глубочайшимъ мистицизмомъ. „Многіе, даже большинство, были вполнѣ интеллигентными людьми". Но это не мѣшало, говоритъ Пренсъ, имъ быть чрезвычайно наивными. „Они, по ихъ словамъ, хотѣли своими взрывами обратить вниманіе на несчастное положеніе народа. Парижская коммуна обратила вниманіе на положеніе рабочихъ; слѣдуетъ продолжать ея дѣло". Всѣ они, за исключеніемъ ихъ вождя Муано, раскаивались въ своемъ безуміи. Одинъ этотъ фактъ показываетъ, какую власть онъ имѣлъ надъ ними. Впрочемъ „нѣтъ сомнѣнія,—писалъ мнѣ Пренсъ,—что они взаимно настраивали другъ друга при совмѣстныхъ бесѣдахъ"; это служитъ объясненіемъ переворота, совершившагося въ нихъ, когда они были размѣщены по одиночнымъ камерамъ. „Я,—пишетъ дальше тотъ же наблюдатель,—былъ пораженъ пріятнымъ, открытымъ, интеллигентнымъ и симпатичнымъ лицомъ одного молодого человѣка, рабочаго оружейной фабрики.

Онъ разсказалъ мнѣ, что все время, свободное отъ работы, онъ проводилъ за чтеніемъ. Онъ читалъ Монтескье, Прудона и т. д. У Монтескье онъ нашелъ оправданіе права мятежей. У Прудона онъ прочелъ мысль, что собственность есть воровство. „La conquête de Paris" привело его въ волненіе. „Вы не можете представить,—сказалъ онъ мнѣ,—какъ хорошо это сочиненіе!" Сколько умовъ должны обладать способностью подвергаться такому же внушенію!

Помѣщенное Гюгомъ Леру въ „Matin" описаніе парижскихъ анархистовъ, у которыхъ онъ завтракалъ, вполнѣ согласуется съ наблюденіями Пренса и Тири. „Я смотрѣлъ говоритъ онъ, съ любопытствомъ на своихъ хозяевъ. Въ ихъ фигурахъ не было того ужаснаго отсутствія симметріи, той алкоголической лютости, которыя придаютъ такой печальный характеръ фотографіямъ Бертильона. То были люди по образованію ниже средняго, все—рабочіе". Они излагаютъ свои теоріи, сильно напоминающія тѣ теоріи, которыя два другихъ „сотоварища", явившись въ редакцію „Matin" (11-го ноября 1892 года), развивали тамъ. Эти послѣдніе приходили собирать подписи для *soupes-conférences*. Пища тѣлесная и пища духовная одновременно. Требованіе *panem et circenses* представляло, быть-можетъ, меньше опасности.

Всѣ эти идеи, распространять которыя лежитъ на попеченіи этихъ „conférences", намъ извѣстны; мы знаемъ ихъ происхожденіе. Ложными идеями, напыщенными рѣчами, теоріями, нерѣдко темными, создаются секты. Производя впечатлѣніе, часто ложное впечатлѣніе, обманывая глазъ, а не умъ, поднимаютъ толпу. Когда, при погребеніи Цезаря, Антоній хотѣлъ поднять римскую чернь, какъ онъ поступилъ? [1]. Послѣ патетической рѣчи, онъ приказываетъ поднять лежавшій трупъ и снять съ него покрывало; трупъ, обнаженный и покрытый двадцатью тремя ранами. „Народу кажется,

[1] См. Duruy, *Histoire des Romains*, т. III, стр. 430 и сл.

будто самъ Цезарь поднимается съ смертнаго ложа, взывая о мести. Они бѣгутъ въ курію, гдѣ онъ былъ убитъ, и поджигаютъ ее. Они ищутъ убійцъ и, обманутые тождествомъ имени, разрываютъ въ клочки трибуна Цинну, принявъ его за претора Цинну“ [2]. На мѣсто этихъ обманчивыхъ впечатлѣній чувства поставьте софизмы теологическіе, метафизическіе, экономическіе, смотря по мѣсту и времени, и явится секта—гусситовъ, анабаптистовъ, якобинцевъ, нигилистовъ, анархистовъ—еще болѣе зажигательная, смертоносная, страшная и притомъ гораздо болѣе прочная, чѣмъ римскіе мятежники, повинующіеся трупу Цезаря.

Отъ Карла Маркса до Крапоткина и отъ Крапоткина до Равашоля разстояніе велико, но всѣ трое являются звеньями одной цѣпи,—я сожалѣю о томъ, что входитъ въ нее и первый изъ нихъ, онъ — превосходный экономистъ. Отъ негодованія, часто имѣющаго основаніе, противъ соціальнаго строя, который кажется несправедливымъ и дурнымъ, фатально совершается переходъ къ гнѣву, который заставляетъ клясть счастливцевъ этого несправедливаго порядка, и къ ненависти, которая побуждаетъ убивать ихъ. Развѣ нѣтъ людей, которые рождаются съ неодолимой потребностью ненавидѣть что-нибудь или кого нибудь? Ихъ ненависть рано или поздно находитъ свой объектъ, который она немедленно изливаетъ на какую-нибудь личность, поражая ее посредствомъ пера или желѣза, клеветы или убійства. Проповѣдники насилія въ печати указываютъ эту личность уличнымъ убійцамъ. Равашоль представляетъ собою типъ анархиста-исполнителя, безкорыстнаго убійцы. Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ рецидивистовъ, преступающихъ естественное право, которыхъ всякая преступная секта насчитываетъ въ своихъ рядахъ. „Многіе анархисты, говоритъ Бераръ, были осуждены за воровство:

[2] Въ началѣ революціи 1848 года трупъ одного мятежника, который провели ночью по парижскимъ улицамъ, послужилъ однимъ изъ главныхъ толчковъ къ народному возстанію.

Борда, Равашоль, Франсуа, виновникъ взрыва въ Вери“. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что даже при обыкновенномъ воровствѣ и убійствѣ, которое совершаютъ анархисты, проявляется рѣдкое свойство воли или особый своеобразный стимулъ. Какая печальная энергія обнаружена Равашолемъ при оскорбленіи могилы! Если при убійствѣ отшельника онъ убилъ для того, чтобы красть, то правильнѣе, можетъ-быть, было бы сказать, что онъ воровалъ для того, чтобы убивать, съ цѣлью доставить своимъ сотоварищамъ деньги, необходимыя для существованія ихъ кровавыхъ плановъ. Равашолемъ въ данномъ случаѣ руководила пагубная логика: этотъ старый отшельникъ-капиталистъ, всякій капиталистъ—воръ, доводящій до голода и убивающій трудящагося человѣка; будемъ убивать капиталистовъ, отнимемъ у нихъ свое имущество [1]; возьмемъ ихъ золото, употребимъ его на то, чтобы уничтожить палачей народа и разрушить всѣ ихъ сооруженія: соборы, музеи, библіотеки, рудники, заводы, желѣзныя дороги, эти многообразныя формы, въ которыя воплотился или нарядился гнусный капиталъ.

Чудовищная логика такого рода еще сильнѣе обнаруживается у Равашоля, чѣмъ у Фіески, съ которымъ, впрочемъ, онъ имѣетъ не мало общаго; и въ этомъ отношеніи, такъ же какъ и въ отношеніи пущенныхъ въ дѣло средствъ совершался прогрессъ отъ перваго ко второму. Та же театральная рисовка, безразсудная у обоихъ [2]; та же сила духа. Фіески также былъ рецидивистомъ: онъ еще на родинѣ своей, Корсикѣ, воровалъ животныхъ и поддѣлалъ печати мэріи—впрочемъ, у этихъ островитянъ это были небольшіе грѣхи.

[1] Такую рѣчь произнесъ анархистъ Зевако предъ парижскимъ судомъ присяжныхъ въ 1891 году: „Буржуа убиваютъ насъ посредствомъ голода; будемъ воровать, убивать, производить динамитные взрывы; всѣ средства хороши, чтобы избавить насъ отъ этой гнили“.

[2] „Если бы я разсказалъ, что я совершилъ,—говорилъ Равашоль Комартену,—мой портретъ появился бы во всѣхъ газетахъ“.

Но если въ этомъ корсиканскомъ ткачѣ было очень мало логики, если въ этой грубой натурѣ не было все съ такой ужасной послѣдовательностью направлено къ опредѣленной цѣли, то взамѣнъ этого въ немъ было больше той мрачной и жестокой красоты, которая является лучомъ à la Рембрандтъ этихъ великихъ преступниковъ. Онъ сознался во всемъ „для того, чтобы его не сочли лжецомъ“ [1]. Онъ стыдился лгать, этотъ бывшій поддѣлыватель! Смѣлость и кровожадность являются обыкновенно лицевой и обратной сторонами одной и той же древней медали; подобно столькимъ древнимъ римлянамъ, онъ былъ храбръ и жестокъ своей храбростью. Это презрѣніе къ чужой жизни, которое заставляетъ приносить въ жертву десятки постороннихъ людей ради того, чтобы добраться до одного, если не искупается, то становится нѣсколько болѣе понятнымъ благодаря тому, что оно соединяется съ презрѣніемъ къ смерти.

Онъ оставилъ намъ изображеніе своего душевнаго состоянія въ моментъ своего покушенія. Это изображеніе слишкомъ ярко для того, чтобы быть лживымъ; впрочемъ, культъ правды былъ для него, благодаря его гордости, такъ же обязателенъ, какъ и культъ благодарности. Вотъ онъ въ палатѣ позади двадцати четырехъ орудій, приспособленныхъ къ моменту слѣдованія короля. Онъ поклялся исполнить свое роковое рѣшеніе; онъ обѣщалъ это — Пепину и Морею, и онъ сдѣлаетъ это, во что бы то ни стало... Но онъ замѣчаетъ въ толпѣ Ладвоката „своего благодѣтеля“. При видѣ его, онъ измѣняетъ направленіе своихъ ружей, потому что онъ не можетъ покуситься на эту священную для него жизнь. Но Ладвокатъ исчезаетъ. Появляется король въ сопровожденіи полка солдатъ. Снова сомнѣнія: убить столько генераловъ, офицеровъ, „заслужившихъ свои чины на поляхъ сраженій, въ битвахъ за родину, подъ командой великаго Наполеона“,

[1] См. *Mémoires* de Gisquet, т. IV.

великаго корсиканца! У него не хватаетъ рѣшимости; но вотъ онъ вспоминаетъ, что далъ слово Пепину и Морею, и онъ говоритъ себѣ: „Лучше умереть — и даже убить — чѣмъ пережить подобный позоръ: давъ обѣщаніе, оказаться затѣмъ трусомъ [4]...“ И онъ нажимаетъ курокъ. Можно ли утверждать, что люди такого рода—даже сами Фіески и Равашоль—были неизбѣжно предназначены для преступленія? Покушеніе перваго также не было простымъ дѣломъ. Для того, чтобы совершить его, нужно было, чтобы хитрость, Морея, холодная и безмолвная, финансовыя и интеллектуальныя средства, нѣсколько болѣе крупныя, чѣмъ у Пепина, соединились съ непреклонной энергіей Фіески; кромѣ того было необходимо, чтобы фанатизмъ всѣхъ троихъ ежедневно возбуждали и подогрѣвали мятежныя статьи нѣсколькихъ журналистовъ, которыхъ въ свою очередь подбодряли тысячи читателей, озлобленныхъ или развѣсившихъ уши. Уничтожьте одинъ изъ этихъ пяти „факторовъ“ — публику, газеты, мысль, деньги, смѣлость — ужаснаго взрыва не было бы. По поводу каждаго взрыва бомбы— и каждаго скандала, финансоваго или парламентскаго или другого, волнующаго общественное мнѣніе— мы всѣ въ большей или меньшей степени можетъ сказать *mea culpa*; мы всѣ болѣе или менѣе повинны въ самыхъ причинахъ нашего смятенія. Это наша общая вина, если эти могущественныя оргазизаціи получаютъ дурное направленіе. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что нужно оправдывать этихъ преступниковъ. Зараженіе, которому мы подвергаемся, еще больше открываетъ насъ другимъ и часто намъ самимъ, чѣмъ овладѣваетъ нами; это зараженіе не освобождаетъ насъ отъ отвѣтственности. Когда кровожадная толпа съ остерве-

[3] Онъ сильно заботился о томъ, что говорилось о немъ на Корсикѣ. Это господствующее вниманіе къ маленькому обществу и это пренебреженіе къ большому характерны. Равашоль также заботился только о томъ впечатлѣніи, которое его преступленія производили на группу его „сотоварищей“.

нѣніемъ набрасывается на мученика, нѣкоторыхъ зрителей увлекаетъ она, другихъ — онъ. Скажемъ ли мы, что эти послѣдніе, герои изъ подраженія, не заслуживаютъ, благодаря дѣйствію этого увлеченія, никакой похвалы? Это было бы столь же справедливо, какъ еслибы мы освободили отъ поношенія первыхъ только за то, что ихъ кровожадность является отраженной. Но оставимъ теперь эти тонкіе вопросы объ отвѣтственности. Приведенныя выше разсужденія и документы имѣли цѣлью изслѣдованіе сравнительной психологіи и патологіи толпъ и преступныхъ ассоціацій, а не изученіе ихъ карательной терапевтики.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе.

Публика и толпа 1
Мнѣніе 56
Разговоръ 73
Толпы и преступныя секты 141

ДЖОНЪ РЕСКИНЪ—Апостолъ религіи красоты. Этюдъ В. Богдановича, М. 1900 г. Ц. 20. к.

Т. КАРЛЕЙЛЬ.—Новалисъ. Перев. съ англійскаго В. Лазурскаго. М. 1901 г. Ц. 50 к.

ЭМ. ФАГЕ. Членъ Парижской Академіи. **Девятнадцатый вѣкъ.** Литературные этюды (Шатобріанъ.—Ламартинъ.—Альфредъ де Виньи.—Викторъ Гюго.—А. Де Мюссе.—Теофиль Готье.—П. Мериме.—Мишле.—Жоржъ Зандъ.—Бальзакъ). Переводъ съ 19 французскаго изданія подъ редакціей. П. Канчаловскаго. Съ 10 портретами. М. 1901 г. Ц. 2 рубля.

ГЕОГРАФИЧЕСКІЯ ЧТЕНІЯ.—Европа. (The regina geographical Reader). Переводъ съ англійскаго, съ 50 рисунками и 30 географическими картами въ текстѣ. Изящное изданіе. М. 1901 г. ц. 50 к. Допущена М. Н. П. въ ученическія библіот. низшихъ и ср. учеб. зав. и народныхъ читаленъ.

Э. ЛАВИССЪ. Всеобщая исторія. Краткія понятія о древней исторіи среднихъ вѣкахъ и новой исторіи, 10 картъ, 6 рисунковъ. Переводъ съ 12 французскаго изданія **Е. П. Канчаловской**. М. 1900 года. Ц. **35** коп. Уч. Ком. М. Н. Пр. одобрена для фундаментальныхъ и ученическихъ, средняго и старшаго возраста библіотекъ сред. уч. заведеній.

ЭД. БЕРНШТЕЙНЪ. Соціальныя проблемы. Переводъ съ нѣмецкаго П. С. Когана. М. 1901 г. Ц. 80 к.

Ф. О. ГЕРТЦЪ. Аграрный вопросъ. Переводъ съ нѣмецк. подъ редакціей и съ предисловіемъ профессора моск. унив. **А. А. Мануилова**. М. 1900 г. Ц. 80 коп.

О. и Ф. ПЕЛЛУТЬЕ. Жизнь рабочихъ во Франціи. Переводъ съ французскаго подъ редакціею проф. Моск. унив. А. А. Мануилова. Спб. 1901 г. Ц. 1 руб. 20 коп.

В. КЕННИНГЕМЪ. Западная цивилизація съ экономической точки зрѣнія. Переводъ съ англійскаго П. С. Когана. М. 1902 г. Т. I. Ц. 1 р. 20 к. **Второй томъ печатается и въ концѣ мая поступитъ въ продажу.**

Ш. СЕНЬОБОСЪ. Историческій методъ въ примѣненіи къ соціальнымъ наукамъ. Переводъ съ французскаго подъ редакціею П. С. Когана. М. 1902 г. Ц. 1 р.

ВУНДТЪ. Введеніе въ философію. Переводъ съ нѣмецк. подъ редакц. проф. Московскаго университета кн. С. Н. Трубецкого. (Печатается и въ маѣ поступитъ въ продажу).

Цѣна одинъ рубль.

СКЛАДЪ у Петра Петровича Канчаловскаго, Москва, Остоженка, Чудовская улица, домъ Троицкой.